

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УДМУРТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

БЕХТЕРЕВ СЕРГЕЙ ЛЬВОВИЧ

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
(РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)**

Специальность: 07.00.02. – отечественная история

**Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

Научный консультант:

Мерзлякова Г. В.
профессор, доктор исторических наук

Ижевск – 2004

ВВЕДЕНИЕ

Одной из фундаментальных проблем существования социума является характер взаимодействия общественных и государственных структур, определяющий вектор социального развития.

Жизнедеятельность общества протекает в диалектическом единстве с государством. Двойственность их отношений обусловлена двумя факторами. С одной стороны, общество не может существовать без власти, и в этом плане власть есть «слуга общества». С другой стороны, всякая власть стремится к абсолютизации. И если этой тенденции ничего не противостоит, тогда общество становится «службой власти». В демократических социальных системах коррекция нарушения процессов частично осуществляется за счет саморегуляции, благодаря наличию обратной связи их институтов (в том числе государственных) с различными слоями общества, укрепляющейся с повышением зрелости гражданского общества¹. И действительно, если оно берет на себя решение части проблем, делает это гораздо эффективнее, чем власть, то неизбежно стабилизируется политическая система в целом². Это один из способов защиты от социальных потрясений. Когда через структуры гражданского общества люди могут решать свои вопросы, ни у кого не возникнет желания действовать методами всеобщего разрушения. Как свидетельствует мировой опыт, тотальное огосударствление общественных отношений, сводящее на нет возможность относительно независимого развития гражданского общества, ведет к застою в экономике, идеологическому конформизму и свертыванию демократии. Тоталитаризм в основе своей есть ни что иное, как поглощение гражданского общества государством.

Актуальность научного анализа подобной проблемы определяется возрастающей глобализацией отношений, характерных для современного этапа развития мирового сообщества. Их детерминантами являются, в том числе, предпринимаемые с середины 1980-х гг. попытки реформирования

политической, экономической и социальной систем государств бывшего СССР, в первую очередь Российской Федерации (РФ) и ее регионов. В свою очередь, начальным периодом современной российской истории, по признанию большинства как отечественных, так и зарубежных исследователей, выступает завершающий этап существования советского общества (1985–1993 гг.). Именно в годы осуществления политики перестройки³ (апрель 1985 г. – декабрь 1991 г.), конечным результатом которой стал распад Советского Союза и образование суверенных государств в составе России, а также с началом либеральных преобразований (1992 – 1993 гг.), закончившихся исчезновением однопартийно-советской системы организации власти, были заложены предпосылки для становления новых социально-политических отношений.

Одним из результатов преобразований стала новая модель политической системы, которая влияет на характер отношений России с зарубежными партнерами, определяет ее место и роль в международном разделении труда. В связи с вышесказанным научной проблемой является становление и функционирование современной российской политической системы, ее потенциальные возможности регуляции общественных процессов, внутригосударственных отношений, способность реагировать на глобальные вызовы, в частности, решать вопросы обеспечения национальной и международной безопасности, защиты прав человека, коллективных прав малочисленных коренных народов и т.п.

В России общество всегда находилось под патронажем государства. Более того, доминантой российской политической культуры представляется отождествление общества и государства. В начале XX столетия в стране начало складываться гражданское общество, одним из признаков которого, как известно, является наличие политических партий, свободных средств массовой информации (СМИ) и т.д. Однако этот процесс был искусственно прерван в ходе социалистической революции. С ликвидацией моногосподства

КПСС, с изменением в 1993 г. конституционных основ государства появились предпосылки для возобновления этого процесса.

Между тем, существует мнение, что российское общество еще не готово к самоуправлению. Его судьбу вершат слабо связанные с обществом органы государства, которые обращаются к гражданам за пониманием и поддержкой только перед выборами и в моменты общенациональных кризисов. Особенно мощное препятствие на пути развития в России гражданского общества – отсутствие демократической традиции в национальной политической культуре. Ей просто неоткуда было взяться: господствующие общественно-политические порядки исключали любую самостоятельную общественную активность. Законными признавались только индивидуальные и коллективные действия по команде сверху или, по меньшей мере, с одобрения власти⁴.

Особенность современного развития страны состоит в том, что становление гражданского общества и построение «демократического федеративного правового государства»⁵ идут одновременно. Поэтому оба процесса тесно переплетаются, а их субъекты нуждаются во взаимной поддержке. С одной стороны, общество, освободившись от жесткого государственного контроля, испытывает потребность в самоорганизации, в выражении своих интересов через неполитические гражданские институты, которые должны быть признаны государством и защищены правом. С другой стороны, создающееся демократическое государство выступает в роли реформатора, стремится преобразовать общественные отношения, что можно осуществить лишь опираясь на общественную поддержку, в сотрудничестве с гражданским обществом, когда его институты и структуры выступают заинтересованными партнерами государства в решении социальных задач. Вместе с тем, восприятие российской политической элитой либеральной модели преобразований и неоднозначное отношение к ней населения создают значительные трудности для использования огромного национального потенциала в интересах всего общества. Эти обстоятельства придают

поставленной проблеме как научную актуальность, так и практическую значимость.

Задачу осмысления первых результатов преобразований невозможно решить вне регионального аспекта, ибо способность российской периферии к восприятию тех или иных новаций, предлагаемых центром, выступала и выступает критерием их жизнеспособности, с одной стороны, и показателем политической устойчивости самого центра – с другой. Примером тому может служить опыт политического реформирования Удмуртской Республики (УР) как государства в составе России. Удмуртия, входящая в зону средневожских республик, представляет оптимальный объект исследования. По справедливому замечанию ряда авторов, этот регион, особенно с точки зрения межнационального сосуществования, являет типичную территорию РФ. Ибо российская цивилизация сочетает, как минимум, славяно-православную, тюрко-мусульманскую и финно-угорскую традиции. Кроме того, уровень диверсификации региональных политических режимов Среднего Поволжья оказался достаточно высок: от самого «мягкого» в России – удмуртского до самого «твердого» – татарстанского⁶. Это обстоятельство позволяет, с известным допущением, экстраполировать оценки политических процессов на Россию в целом.

В современной научной литературе отсутствует единство взглядов на **методологию** описания и объяснения трансформационных процессов, происходивших в политической системе СССР, РФ и ее субъектов во второй половине 1980-х – 1990-х гг. В большинстве случаев теоретические обобщения укладываются в рамки двух основных теорий – модернизации и цивилизации; менее востребованы марксистский и мир-системный подход И. Валлерстайна. Теория модернизации разделяет все общества на традиционные и современные, а трансформация первых во вторые рассматривается как основа общественно-исторического прогресса. При этом традиционные общества основываются на устойчивых нормах и традициях, господстве государства над обществом, а коллектива и группы – над личностью. Они

слабовосприимчивы к переменам. Современные общества, напротив, инновационные, динамично обновляющиеся. Для анализа развития России, особенно в советскую эпоху, применение одной только этой теории весьма затруднительно, так как, например, советская «супериндустриализация» ставила целью догнать и перегнать Запад экономически, развиваясь на антизападной общественно-политической основе⁷. Помимо этого, ограниченное использование модернизационного подхода обусловлено «деевропеизацией» современной мировой системы, ставшей характерной для послевоенного развития мирового сообщества.

Другой методологический подход оперирует таким фундаментальным понятием, как «цивилизация», под которой понимается совокупность однотипных обществ (или отдельное общество), обнаруживающих на протяжении своей истории устойчивые экономические, социокультурные, политические характеристики. Россия удовлетворяет этому критерию, и большинство обществоведов признают ее самостоятельной цивилизацией⁸. Вместе с тем, ряд исследователей отмечают неправомерность «тотального увлечения» цивилизационной теорией, ее автоматического перенесения в российскую среду, в силу «нетождественности реальных, исторически вызревших в нашей стране процессов»⁹.

Возникает вполне закономерный вопрос – каково соотношение этих двух основных теорий для описания российской действительности? На наш взгляд, первичной является «цивилизация». Ведь «перестройка», например, английского общества на манер американского или французского на манер германского лишена всякого здравого смысла. Каждое национальное суверенное государство развивается на своей «почве». Реальное знакомство с жизнью граждан стран «рыночной демократии» показывает, что последние в некоторых случаях оказываются более «традиционными», нежели развивающиеся страны. И только в современной России до сих пор не утихают споры – что лучше для россиянина: американские, немецкие или какие-либо иные ценности? Вместе с тем, исторический опыт показывает, что

со времен воцарения Дома Романовых Россия стремилась преодолеть азиатское начало и стать преимущественно европейской державой. Объяснить этот феномен вне модернизационного подхода не представляется возможным.

Поэтому методологическим основанием данного исследования, имеющего строгие временные и историко-культурные рамки, является сочетание цивилизационного и модернизационного подходов, характерное для большинства научных работ. Важнейшим методологическим принципом выступает историзм, предполагающий рассмотрение фактов, событий и их участников в контексте конкретно-исторических возможностей и реалий общественного развития¹⁰. Помимо этого, необходимо принимать во внимание исторический характер политической системы, определяемый взаимообусловленностью законодательной деятельности государства и уровнем развития гражданских институтов.

Учитывая особое место темы трансформационных процессов российской политической системы в историографической традиции, ее комплексный, междисциплинарный характер, следует принимать во внимание методологию иных, смежных с исторической наукой дисциплин. Наиболее близкой по отношению к ней является социология. Поскольку политическое развитие России и ее регионов во второй половине 1980-х – 1990-е гг. проходило в рамках общих процессов, характерных для мирового сообщества рубежа XIX – XX вв., то описание этого исторического явления, его интерпретация невозможны без обращения к методологическому наследию исследователей того времени.

Авторами цельной философской концепции русского исторического процесса стали авторитетные представители «юридической школы» Б. Н. Чичерин, К. Д. Кавелин, А. Д. Градовский. Их вклад в научные разработки состоял в постановке проблемы соотношения общества и государства, создании теоретических основ русского конституционализма.

Конец XIX – начало XX вв. явил качественно новый этап в развитии общества и гуманитарной науки в частности. Его отличительными чертами

стали: резко возросшее участие граждан в политической жизни, обусловившее преобразования властного механизма; небывалые коммуникационные средства, создавшие совершенно иную ситуацию во взаимоотношениях масс и власти. Возникла необходимость новых способов легитимации власти, которая теперь апеллировала не только к божественному или идеологическому освящению, наследственным или партийно-номенклатурным привилегиям, но и к волеизъявлению масс. Во-вторых, появились специфические приемы завоевания и удержания политической власти, одним из которых стало создание массовых партий, борющихся за влияние на избирателей. В-третьих, возникли условия чрезвычайно эффективного воздействия власти на общественное сознание¹¹. Уже в конце XIX в. многие мыслители констатировали неэффективность существующих теорий для объяснения возникшей политической реальности. К началу XXI в. очевидной оказалась их дальновидность в самой постановке проблемы отношения демократии и тирании.

Выход на политическую арену широких слоев населения поставил общество перед кризисом традиционных воззрений. Возникло противоречие между огромным влиянием масс на политический процесс, с одной стороны, и низким уровнем их общей и в особенности политической культуры, с другой. Ученые, осмысливая перспективы развития гражданского общества в России, также отмечали характерную для него низкую политическую культуру. Б. Н. Чичерин разделял право и нравственность. В. С. Соловьев стремился к их единству через рассмотрение права как реализованной нравственности. Л. Н. Толстой подменял право нравственностью. Интересна в данном отношении концепция Л. И. Петражицкого, чьи научные взгляды были тесно связаны с политическими (он являлся членом ЦК партии кадетов). Исходя из того, что право регулирует не интересы людей, а их поступки, Петражицкий считал возможным воздействие на общество с помощью права. Такие взгляды были направлены против правового нигилизма, характерного для многих политических деятелей того времени¹².

Кредо одного из теоретиков российского либерализма Б. А. Кистяковского, начинавшего как радикал социалистической направленности, явился поиск синтеза демократии и социалистического идеала, марксизма и кантианства. Рассматривая право как общественный идеал, он выступал за рационализацию социальных отношений путем постепенных преобразований в рамках законности. В этом смысле он разделял веберовский подход к проблеме модернизации и европеизации России.

Одним из важнейших открытий М. Вебера стала теория рационализации. Можно констатировать известное сходство воззрений Вебера и русских славянофилов на западную цивилизацию, проявляющееся в тезисе о дегуманизирующем значении всякого рода формальных отношений.

Первым ученым, избравшим предметом изучения политические партии, явился М. Я. Острогорский. Будучи депутатом Государственной Думы от кадетов, исследователь непосредственно изучал политические институты Западной Европы и США, что позволило ему собрать сравнительно-исторический материал о функционировании западной демократии вообще и роли политических партий и их лидеров в частности. Его фундаментальный труд «Демократия и политические партии», изданный в 1898 г. во Франции, имел успех благодаря тому, что Острогорский увидел проблему там, где другие считали всё решенным. Представлению о демократии как статическом общественном образовании, характеризующимся рядом устойчивых признаков, ученый противопоставил ее динамичную модель, интерпретировать которую можно лишь путем анализа социального поведения масс и индивидов, представляющих их формальных политических институтов, находящихся за пределами правительственной сферы, прежде всего партий, борющихся за власть¹³.

Разработки исследователей конца XIX – начала XX вв. были реализованы в научных трудах более позднего времени. Среди фундаментальных монографий по теоретическим аспектам политических систем выделяется работа Чарльза Эндрейна, профессора политологии

Университета Сан-Диего (США) «Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования»¹⁴. Предметом анализа автора выступают политические системы как стран Востока (Китай, Южная Корея), так и Западной и Восточной Европы (Великобритания, Швеция, Россия). При этом механизм их функционирования рассматривается в строго временных и историко-культурных границах. В результате компаративного анализа Ч. Эндрейн выделил четыре типа политических систем: бюрократический, авторитарный, согласительный и мобилизационный и описал параметры каждого из них.

Современные общественные науки оперируют различными методологическими подходами при описании политических и иных социальных процессов. В частности, активно обсуждается проблема механизмов социальной саморегуляции. Считается, что человечество находится на том этапе развития, когда возможности государственных институтов в организации жизни общества утрачивают перспективу в ряде ее сфер. Эффективность деятельности государственных институтов снижается по причине усиления самодовлеющей роли их своекорыстных интересов, оторванных от их непосредственных функций ввиду тенденций бюрократизации и шаблонизации, а также присущих государственным институтам ограничений для развития встречной инициативы со стороны общества, личности. Для обоснования этой позиции основными концепциями, наиболее активно используемыми учеными, являются концепции «упадка» государства, «замещения» выполняемых государством функций интернациональными институтами, городами–регионами и «самоуправляющимися структурами». Вместе с тем, представляется наиболее перспективной конвергенция государственно-центристской и социо-центристской школ.

Для изучения механизмов осуществления политики, функционирования политической системы в Удмуртии эффективной представляется методология трех уровней анализа (индивидуальный, государственный, системный),

разработанная Кеннетом Волтцем¹⁵. Индивидуальный уровень анализа использован для решения вопроса политического лидерства в Удмуртии и его влияния на трансформационные процессы. На государственном уровне анализа исследованы исторические, политические, экономические и идеологические аспекты формирования республиканской модели политической системы. На системном уровне анализа рассмотрены отношения центр – регион, оказавшие влияние на характер, темпы, методы политических преобразований.

При подготовке диссертации, представляющей собой преимущественно историческое исследование, использованы социологические методы, в частности, контент-анализ материалов печати, метод включенного наблюдения, связанный с участием автора в общественно-политической жизни республики, опытом работы в Аппарате Государственного Совета (ГС) УР, обсуждением социально-политических проблем в процессе преподавания в вузах и научного обмена.

Говоря о **разработанности темы**, стоит обратить внимание на неравномерность исследуемых периодов. Следует согласиться с признанием ряда авторов, что истории перестройки в отечественной историографии не повезло. А. С. Барсенков, например, объясняет это «методологическим шоком» у ученых-гуманитариев, вызванным в 1985–1991 гг. стремительным изменением общественно-политической ситуации, резкой сменой идеологием, нарастанием конфликтного потенциала общества как следствия борьбы за власть между различными составляющими политической элиты. Значительное количество изданий отражало различное толкование политики «перестройки» и ее этапов. Собственно научных исследований было немного¹⁶.

Сложной оставалась историографическая ситуация после 1991 г. Значительное сокращение финансирования науки привело к ослаблению интенсивности исследований, в том числе по современной отечественной истории. Внедрение нового идеологического монизма взамен марксистского сохранило в общественных науках такие негативные черты, как внутренняя

политическая цензура и конъюнктура. В то же время возникшие «независимые» исследовательские структуры, стимулируя научный интерес, одновременно вели к упрощенной и иногда непрофессиональной трактовке действительности тех лет¹⁷.

Тем не менее, учеными накоплен значительный историографический опыт в освоении темы формирования российской политической системы. Среди обширного круга исторических публикаций выделяются обобщающие труды В. В. Согрина и А. С. Барсенкова¹⁸. Они провели подробный анализ методологии и историографии проблемы, предложили периодизацию начального периода современной российской истории, системно изложили основные события рассматриваемой эпохи, показали место и роль основных политических акторов*.

Так, В. В. Согрин делит современный период российской истории на четыре этапа: три завершенных и один незавершенный, начавшийся с приходом к власти В. В. Путина. Главным критерием такого членения выступили результаты модернизации российского общества, которые могли позволить России ликвидировать отставание от экономически развитых стран. Первый из них (1985–1986 гг.), т. н. «ускорение», не затронув основ советского строя, усугубил и без того сложное социально-экономическое положение страны. Второй этап (1987–1991 гг.), новая стратегия реформ, предусматривал политическую демократизацию и введение товарно-рыночного (хозрасчетного) социализма. Результатом ее осуществления стал провал экономических реформ и укоренение политической демократизации (плюрализм, многопартийность, департизация Советов). Третий этап, начавшийся с крахом СССР и коммунистического режима в России, совпавший с президентством Б. Н. Ельцина, означал для России проведение радикальных либерально-рыночных экономических реформ, имевших неоднозначные и драматические последствия. Острые противоречия третьего

* В данном случае от лат. *actor* (исполнитель) – физическое или юридическое лицо, совершающее политическое действие.

этапа модернизации реанимировали «почвенническое» начало российской цивилизации, идею сильного государства, воплощенную в «феномене Путина»¹⁹.

Научный интерес представляет книга «Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация», подготовленная докторами исторических наук С. В. Кулешовым, О. В. Волобуевым, В. В. Журавлевым и В. В. Шелохаяевым²⁰. Второй том охватил политическую историю страны с 1917 г. до середины 1995 г. На основе документального материала показаны становление, функционирование и крах тоталитарной системы. Две заключительные главы рассматривают пределы внутрисистемной реформации, проводимой М. С. Горбачевым, и радикальную модернизацию времен Б. Н. Ельцина.

Необычной по жанру явилась книга «Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал»²¹ под общей редакцией Ю. Н. Афанасьева, в которой ученые и общественные деятели совместно с зарубежными попытались осмыслить историческое прошлое России на основе новейших данных и архивных источников. Второй том охватил время с середины 1940-х гг. до начала 1990-х гг., период от превращения СССР во вторую сверхдержаву мира до распада социалистического лагеря, самоликвидации КПСС, развала Советского Союза, завершения холодной войны. Комплексно показана взаимосвязь событий, характеризующих процессы гипертрофированного развития во всех союзных республиках ВПК, местной номенклатуры, теневой экономики, усиления центробежных сил. Значительное внимание уделено возрождению рабочего движения, вызреванию социального протеста в широких слоях населения. В целом книга характеризуется резкой критикой и неприятием политики перестройки.

Заслуживает внимания позиция историка И. Я. Фроянова²² в его оценках политики М. С. Горбачева, в которых он следует концепции «сдачи позиций» Р. А. Медведева. Согласно мнению первого, практика реформирования политических отношений и экономики имела целью развал СССР и крушение

социалистической системы. Б. Н. Ельцин продолжил курс на строительство капитализма, способствуя созданию условий для разграбления страны Западом. Авторитаризм Горбачева явился подготовительным этапом установления диктаторских методов властвования, характерных для Ельцина.

Эволюция общественно-политических отношений в Удмуртии второй половины 1980-х – 1990-х гг. стала объектом исследований в меньшей степени. Лишь на рубеже XX–XXI вв. появились работы, обобщающие становление новой политической системы в контексте реформирования России 1990-х гг.

Одним из первых обратился к региональным проблемам трансформации кандидат философских наук Б. П. Басов²³. На основе обширного фактического материала он предпринял попытку проанализировать исторический фон реформ, приведших общество к глубокому системному кризису, рассмотреть некоторые аспекты формирования новой власти, проследить динамику этнических процессов, определить место республики в социально-экономическом и политическом развитии РФ. Вместе с тем, региональный аспект требовал более развернутого описания и глубокого осмысления.

Особое место в среде исследователей, изучающих современную политическую историю Удмуртии, занимает доктор исторических наук К. И. Куликов. Он актуализировал задачу осмысления первых результатов трансформационных процессов и попытался решить ее в содружестве с этнологами²⁴. Его обобщающий труд «Удмуртия – субъект России (1990-е годы)»²⁵ посвящен, главным образом, постсоветскому этапу развития. В центре внимания автора – этнополитические процессы, межнациональные отношения и государственное обустройство России и Удмуртии; в меньшей степени освещены социально-экономические и культурные проблемы. Введение в научный оборот оперативных документов государственных и общественных органов РФ и УР позволило К. И. Куликову обобщить результаты процессов демократизации и перестройки, их влияние на развитие общественно-политических и национальных движений, показать пагубность

либеральных реформ для исторических судеб не только удмуртского, но и других народов республики.

Историографическая ситуация изменилась с выходом в рамках международного исследовательского проекта «Этничность, конфликт и согласие» программы ЮНЕСКО MOST (Management of Social Transformations) первого монографического издания «Удмуртская Республика. Модель этнологического мониторинга»²⁶. В ней, ставшей своего рода паспортом региона, отражено состояние географических факторов, демографии и миграции, охарактеризованы в исторической динамике власть, государство и политика, экономика и социальная сфера, культуру, образование, информация, контакты и стереотипы населения, внешняя среда жизнедеятельности УР как государства в составе РФ. К достоинствам книги следует отнести карты, таблицы, интерактивную матрицу, фиксирующую позитивную и негативную динамику развития общественных процессов и позволяющую обеспечить сбалансированные решения в области преодоления конфликтов.

Актуальной для гуманитарной науки стала совместная работа И. В. Егорова и Кимитаки Мацузато, профессора Центра славянских исследований при университете Хоккайдо «Удмуртская Республика. Хроника политического процесса (1988–1999 гг.)»²⁷. Исследование выполнено в рамках проекта «Сравнительный анализ элиты шести средневожских национальных республик РФ» под эгидой Министерства образования, науки, спорта и культуры Японии. В ней анализируется установление и функционирование в Удмуртии парламентской системы как результат горбачевской «десантной политики», ослабившей позиции обкома КПСС и облегчившей переход власти от партии к Верховному Совету (ВС) УР. Другой спецификой республики, в отличие, например, от таких прогрессивных регионов, как Москва и Свердловская область, стало длительное отсутствие нового ядра власти, заместившей роль партийной вертикали под эгидой губернатора (президента)²⁸.

Философское осмысление этапов модернизации восточных финнов (коми, марийцы, мордва и удмурты) отчасти реализовано в монографии И. К. Калинина²⁹, чья теоретико-методологическая позиция противостоит как марксизму, так и методологическому индивидуализму западной школы общественнознания (К. Поппер, Ф. Хайек), которой придерживается ряд отечественных ученых (например, В. А. Тишков). Процесс модернизации восточных финнов И. К. Калинин разделил на три этапа: первый начался с середины XIX в. (появление коми интеллигенции), а для марийцев, мордвы и удмуртов – с конца XIX в.; второй – с февраля 1917 г. и создания национально-территориальных автономий. Характерной чертой третьего, современного этапа («возрождение»), начавшегося в конце 1980-х гг., стала конфронтация индивидуализма и национализма, что способствовало распаду СССР и суверенизации республик. Либеральные реформы дискредитировали идеи демократии и существенно подорвали социальную базу демократических организаций, а также национального движения. Их итоги, по мнению И. К. Калинина, оказались удручающими: индивидуализм, поощренный новой государственной властью, стал для восточно-финских народов таким же «врагом», как и социалистический тоталитаризм³⁰.

Очередную попытку системного анализа перемен, произошедших в политической, экономической и культурной жизни УР в 1990–2000 гг. предпринял авторский коллектив (работники государственных и муниципальных органов УР, историки и этнологи) учебно-методического пособия «Удмуртия в годы реформ»³¹. Наряду с очевидными достоинствами (междисциплинарный подход к изучаемому периоду, комплексный характер документов) издание может вызвать неоднозначное отношение к ряду положений. Так, по оценке авторов, опыт переосмысления страной и республикой своего исторического развития имел положительным результатом возвращение в русло общечеловеческого развития³², что достаточно спорно. Анализ современной истории начинается лишь с 1990 г., когда со всей очевидностью выявились пределы внутрисистемной

реформации. При этом конечный этап советской истории рассматривается в рамках первого пятилетия 1990-х гг., что существенно затрудняет анализ перехода страны к рыночным базовым ценностным ориентациям. Видимо, поэтому не получили освещения причины и предпосылки реформ.

Политические отношения в Удмуртии в 1990-е гг. стали самостоятельным объектом исследования С. Н. Уварова. В ряде работ³³ он раскрыл свое видение исторических предпосылок политических реформ, проанализировал основные их этапы, рассмотрел влияние процессов политического реформирования на социально-экономическое развитие республики. На региональном материале нашла подтверждение гипотеза о том, что одной из определяющих причин реформ стала бюрократизация всех звеньев советской политической системы. Переход власти от партии к государственным органам (первый этап политических реформ, 1988–1991 гг.) облегчался вытеснением в результате выборов партийных чиновников. Второй этап (1991–1994 гг.) характеризовался противостоянием законодательной и исполнительной власти, закончившимся принятием Конституции Удмуртии как парламентской республики, отразившей компромисс между основными элитными группами. Третий период (1995–2000 гг.) определен как построение «вертикали власти», завершивший эволюцию властных полномочий исполнительной власти. Проследивая взаимосвязь социально-экономического развития Удмуртии и изменений в политической системе, С. Н. Уваров сделал обоснованный вывод о том, что реформы создали предпосылки для разгосударствления экономики и прихода к власти радикальных «рыночников», слияния, в конечном итоге власти и бизнеса, и образования властной элиты, проводящей охранительную политику. Позитивно оценивая результаты исследования, следует отметить определенный субъективизм оценки характера, методов, результатов реформ, данной через призму политических симпатий.

К обобщающим работам исследовательского характера следует отнести издание «Удмуртия в зеркале двадцатого столетия»³⁴. Статьи,

представляющие собой хронику событий прошлого века политического, социально-экономического и культурного характера, подготовлены сотрудниками Центрального государственного архива УР (ЦГА УР) и Центра документации новейшей истории УР (ЦДНИ УР). Особую ценность труда вызывает то обстоятельство, что он составлен на основе архивных документов с привлечением материалов республиканских периодических изданий. При этом основные факты истории России и СССР даны в контексте их отражения в Удмуртии.

В следующей группе исследований как центрального, так и регионального уровня, рассмотрены институты советской политической системы периода перестройки. Здесь также выделяются как обобщающие труды, так и посвященные отдельным проблемам. Л. Н. Пономарев и В. В. Шинкаренко, в историко-социологических очерках³⁵ анализируют изменения, произошедшие в Советах, КПСС, общественных организациях, трудовых коллективах с апреля 1985 г. в свете решений партийных съездов. В работах правоведов освещены изменения конституционного строя СССР и РСФСР, показаны некоторые аспекты деятельности съездов народных депутатов, союзного и российского Верховных Советов³⁶. Неоднозначна оценка места и роли КПСС в реформах 1985–1991 гг.³⁷

Разноплановой по характеру, содержанию и оценкам является историография «неформального движения». Если А. В. Громов и О. С. Кузин, опираясь на программные документы объединений, оценивали самодеятельные движения через призму «актива перестройки»³⁸, то В. Н. Березовский ставил задачей своих исследований³⁹ изучение формирования правового механизма включения политических партий в систему принятия важнейших государственных решений, процесса их институционализации и связанного с этим участия в репродуцировании ими корпуса политиков и государственных деятелей. В 1990-е гг. появились работы, анализирующие возникновение, организационное становления партий и движений, эволюцию их идеологических позиций и собственно политическую деятельность⁴⁰.

История современной политической системы получила отражение в научном творчестве доктора исторических наук, директора Института социальных коммуникаций (ИСК) Удмуртского госуниверситета Г. В. Мерзляковой. В центре ее исследовательского внимания оказались, прежде всего, проблемы женского движения в России и Удмуртии⁴¹, изучаемые, в том числе, в рамках федеральной целевой программы «Женщины России: проблемы адаптации и развития в новых социально-экономических условиях». Научно значимыми представляются выводы, подтверждающие мнение лидеров женского движения о снижении социального статуса женщин в эпоху рыночных отношений, что объективно заставляет их формулировать собственные интересы и реализовывать их через политические институты. Особо продуктивна роль Г. В. Мерзляковой как организатора фундаментальных и прикладных исследований по современной политической истории и политологии, получивших отражение в материалах международных, всероссийских теоретических и научно-практических конференций⁴².

Исследовательское внимание привлекли изменения в партийно-политической деятельности Удмуртского обкома КПСС в перестроечный период⁴³, динамика общественного движения⁴⁴, осуществление конституционной реформы в республике⁴⁵. В меньшей степени на региональном уровне оказались освоены вопросы эволюции советского государственного управления⁴⁶, перестройки производственной сферы⁴⁷, становления органов местного самоуправления⁴⁸, социальные аспекты новых общественно-государственных отношений⁴⁹.

Обширную группу публикаций составили исследования российской элиты. В работах представлены современные теории элит⁵⁰, проанализированы некоторые аспекты формирования и взаимоотношения властных элит центра и периферии, характерные для России 1990-х гг.⁵¹

Существует ряд моделей описания формирования новой российской элиты. Первая – «революционная» смена элит, осуществленная в процессе

перехода от тоталитаризма к демократии. Наибольшее распространение подобные воззрения получили на начальном этапе реформ, в период демократического романтизма (начало 1990-х гг.). Представители другого направления считают, что принципиальной смены элит не произошло, сменились лишь декорации с коммунистических на псевдодемократические. В 1991 г. на смену отстраненному от власти первому эшелону номенклатуры пришли руководители более низких рангов. Третье направление отмечает, что произошла трансформация бывшей партийно-советской элиты в новую постсоветскую (политическую и экономическую элиты)⁵². Как заметил В. Я. Гельман, подобная трактовка трансформации элит восходит к интерпретации элит советского периода как «номенклатуры» в духе М. Джиласа и М. Восленского, ставшей наиболее распространенной в науке и публицистике⁵³.

Научную актуальность и практическую значимость приобрело изучение региональной составляющей элитообразования⁵⁴. Особый интерес вызывает формирование новой политической элиты в регионах Поволжья и Урала, усилившийся после образования в 2000 г. Приволжского федерального округа с включением в него ряда субъектов, ранее тяготевших к «Большому Уралу» (например, Удмуртии, Пермской области)⁵⁵.

В научных трудах А. Б. Бучкина и Л. Д. Фирулевой⁵⁶ нашли отражение результаты политической реформы конца 1980-х гг., одним из которых стало преобладание в современной административной системе тех управленцев, которые наряду с признанием необходимости перемен сохранили номенклатурные «правила игры». Напротив, контрэлита, родившаяся из демократического вызова масс, оказалась способной заменить традиционалиста-управленца лишь отчасти. Региональный аспект формирования политической элиты рассмотрен в исследованиях Л. Н. Ерохиной⁵⁷, осуществленных при поддержке Института «Открытое общество». Ценным наблюдением данного автора является оценка тяготения республиканской элиты к закрытому, авторитетному, хроно- и логоцентричному типу власти, детерминированное тем, что региональные

политики за время своей карьеры, начатой еще в советские времена, чаще назначались, нежели избирались на свои должности⁵⁸.

Значительные результаты в изучении трансформационных процессов 1985–2000 гг. связаны с этноисторией. Наиболее ценным для рассматриваемой темы представляется опыт исторического финноугроведения, накопленный научными сообществами Удмуртии, республик Коми, Мордовия и Марий Эл. В статьях и обобщающих монографических изданиях детально и всесторонне рассмотрены проблемы адаптации финноугорских народов к условиям реформ, осуществлен анализ современной политической, социально-экономической ситуации, этнополитических процессов, межнациональных отношений⁵⁹.

Объектом исследования М. Н. Губогло и С. К. Смирновой стало этнополитическое развитие УР в последнем десятилетии XX в. в трех измерениях: во времени, в пространстве и через призму мобилизованной этничности и формирующейся идентичности⁶⁰. Анализируемые процессы, по мнению авторов, укладываются в три этапа, выделенные на основе функционирования институтов государственной власти и укрепления статуса республики как полноценного участника федеративных отношений. Первый из них (1990 – 1995 гг.) включает суверенизацию Удмуртии, формирование новых органов государственной власти и местного самоуправления парламентской республики. Несмотря на негативные последствия социально-экономических преобразований (спад объемов промышленного и сельскохозяйственного производства, кризис социальной сферы) этому периоду присущи рост национального самосознания этнических групп, новые формы национального движения, создание системы государственного регулирования вопросов национального развития и межнационального сотрудничества. Второй этап (1995 – 2000 гг.) определен как поиск оптимальных форм системы государственного управления. Третий, современный этап начался с 2000 г., когда Удмуртия стала президентской республикой. В политической сфере данный период характеризуется

приведением Конституции УР и других законодательных актов в соответствие с законодательством РФ, проведением выборов высшего должностного лица республики. Включение института президентства в систему органов государственной власти, как считает С. К. Смирнова, стимулировало положительные тенденции в социально-экономическом и этнокультурном развитии.

На высоком уровне С. К. Смирновой проанализирована специфика политической организации регионального сообщества. Вместе с тем, дискуссионным остается вопрос обозначения 1990-х гг. как первого постсоветского десятилетия, ибо переход страны к рыночным реформам осуществлялся прежней партийно-хозяйственной номенклатурой в политико-правовых границах социалистических отношений.

Силами научных сотрудников Удмуртского института истории языка и литературы УрО РАН (прежде всего, Г. К. Шкляев, Л. С. Христюбова) и Удмуртского государственного университета (главным образом, доктор исторических наук В. Е. Владыкин, кандидаты исторических наук В. С. Воронцов и Т. Н. Ефремова) подготовлены и опубликованы материалы этносоциологических исследований⁶¹. С большей регулярностью этнологические мониторинги⁶² в Удмуртии стали проводиться с принятием в 1998 г. Государственным Советом УР Концепции государственной национальной политики.

Особую группу научных работ по выделенной проблематике формируют диссертационные исследования, динамика, количественные и качественные характеристики которых детально анализируются в материалах Высшей аттестационной комиссии Министерства образования РФ⁶³. Особенно активно различные аспекты современной российской политической системы стали отражаться в диссертациях по историческим специальностям со второй половины 1990-х гг. В центре внимания исследователей оказались узловые проблемы переходного периода: общественно-политическое развитие страны в условиях кризиса советской и российской экономической систем

(диссертация Т. В. Ужвы), вопросы становления российского федерализма с позиций анализа его исторических истоков (диссертация Д. Ф. Аяцкова), опыт решения социальных проблем при переходе к рыночной экономике (диссертация М. А. Таранцова), история становления и идеология политических партий и движений в России в 1985–1995 гг. (диссертация А. М. Попова), формирование государственной национальной политики в конце 1980-х – 1990-е гг. (диссертация Н. А. Нестеровой). Особый интерес вызывает диссертация Л. Н. Доброхотова «Власть и общество в России в условиях системной трансформации (1985–1998)», где осуществлен комплексный анализ общественно-государственных отношений, позволивший вычлнить этапы политического развития и в рамках каждого из них выявить общее и особенное во взаимодействии власти и общества⁶⁴.

Особенность диссертаций по истории современной России заключается в том, что большинство из них строится на междисциплинарной основе с сильно выраженными политологическими, социологическими и иными аспектами⁶⁵, что не случайно. Как отмечает, в частности, Я. А. Пляйс, доктор исторических наук, профессор, заместитель Председателя экспертного Совета по политологии ВАК МО РФ, основные темы общей и прикладной политологии находятся в поле зрения не только политологов, но и ученых других гуманитарных наук, в том числе истории⁶⁶.

В ряде диссертаций по политическим наукам получил отражение феномен политики. В данном плане характерна работа Ю. С. Коноплина «Политическое в теории и истории политической науки» (1997 г.), в которой предложена оригинальная периодизация истории политической науки с учетом антропологической парадигмы. Обосновав своеобразие проявления политической составляющей в полюсной организации жизни древних греков, исследователь пришел к выводу о наличии в истоках политической науки двух тенденций в объяснении природы политики: политики, ограниченной рамками преимущественно государственного управления (идея Платона) и политики как естественной среды бытия, в которой свободные граждане

решают вопросы своего жизнеустройства на основе выбора (идея Аристотеля).

В освоении теории политических и партийных систем выделяется докторская диссертация М. Г. Анохина «Динамика политической системы в условиях переходного периода» (1996 г.). Она посвящена проблеме приближения теории изменяющихся систем к рассмотрению эволюции политических систем в условиях слома «старого» и формирования «нового» качества российского общества. Принципиальное значение для изучения регионального аспекта политической системы современной России имеют такие выявленные Анохиным факторы достижения устойчивости политической системы, как совокупная деятельность политических институтов, формирование демократических политических отношений, становление и развитие гражданского общества, изменение политического сознания, культуры и менталитета граждан, утверждение реального политического плюрализма в лице функционирующей многопартийной системы, применение эффективных современных политических технологий⁶⁷.

Такие темы, как «политическая власть» и «политические режимы» оказались в центре внимания диссертационных исследований Д. В. Гончарова («Демократия и участие: опыт политологического анализа (на материалах англо-американской действительности», 1998 г.)), В. В. Крамника («Технология власти: политико-психологические механизмы», 1996 г.), В. П. Макаренко («Теория бюрократии, политическая оппозиция и проблема легитимности», 1996 г.), Н. А. Сахарова («Институт президентства в современном мире», 1994 г.). Наибольший интерес в рамках исследуемой нами темы представляет диссертация Р. Т. Мухаева «Содержание и возможности политического реформаторства» (1992 г.), посвященная решению одной из фундаментальных проблем современности – модернизации посттоталитарных обществ. Формулируя тенденции модернизации политической системы, он отдал приоритет следующим из них: опережению становления новой структуры власти по сравнению с изменением ценностных

ориентаций и стандартов политической деятельности; появлению новой политической элиты на основе защиты идеи национального государства, свободы предпринимательства; паллиативности конкретных моделей как синтезу новых и традиционных форм участия в политике; отсутствию явного доминирования одной политической силы и, как следствие, образованию коалиций для решения конкретных проблем. Особо актуальны выводы Мухаева для описания трансформационных процессов в Удмуртии, чья политическая история длительное время протекала в условиях парламентской республики.

Среди региональных работ по историческим дисциплинам выделяется диссертация О. В. Красильниковой, посвященная историко-политическому анализу избирательных кампаний в Республике Татарстан в 1990-е гг.⁶⁸ Исследовательское внимание политологов Татарстана привлекли такие темы, как типология политических режимов⁶⁹, региональные элиты в российском политическом процессе⁷⁰, трансформация местного самоуправления⁷¹. Научные обобщения и выводы исследователей этого региона позволяют провести компаративный анализ эволюции политических систем национально-государственных образований на постсоветском пространстве.

В целом изучение общественной (системной) трансформации в России и ее регионах, одним из результатов которой стала новая модель политической системы, отличается методологическим плюрализмом, комплексным характером, междисциплинарным подходом и разноплановыми оценками исторического развития страны и республики (от положительных до отрицательных), обусловленными, очевидно, различными ценностными ориентациями исследователей, использованием разнохарактерных источников. В любом случае, односторонне-восторженное либо однозначно-негативное отношение к результатам реформ противоречит диалектическому подходу. Все это вкупе с неравномерностью в изучении составляющих политического процесса оставляет значительное пространство для научного осмысления результатов модернизации.

В свете вышеизложенного **целью диссертации** является историческая интерпретация становления региональной модели политической системы современной России под влиянием макросоциальных процессов, происходивших в результате ликвидации моногосподства КПСС и изменения основ конституционного строя СССР, РСФСР (РФ) и УАССР (УР) во второй половине 1980-х – 1990-х гг.

В круг **исследовательских задач** вошли: определение предпосылок, характера, основного содержания этапов становления и развития политической системы УР в сравнении с ситуацией в РФ и ее регионах; анализ правового обеспечения политической реформы; определение соотношения различных составляющих политической системы, их места и роли в эволюции властных отношений; научное прогнозирование возможных путей, направлений, методов эволюции российской политической системы и ее региональной модели.

Объектом исследования является процесс преимущественно политических преобразований транзитного общества*, одним из результатов которых явилась новая политическая система.

Хронологические рамки работы определяются как период становления политической системы современной России (1985–2000 гг.), в границах которого произошли кардинальная перестройка конституционных основ общества, перераспределение полномочий субъектов политической системы, сформировались новые ценностные ориентации. При этом рубежным выделяется 2000 г., когда с приходом к власти В. В. Путина были созданы предпосылки для унификации системы органов государственной власти в субъектах РФ. В 2000 г. завершился парламентский период в развитии системы республиканской власти, и окончательная победа политического окружения высшего должностного лица УР привела к заметным внутриэлитным перестановкам. 2000 г. оказал существенное влияние и на

* В данном случае термин, употребляемый для стран бывшей системы социализма по классификации Организации объединенных наций.

политическую организацию российского общества, когда в принципе был решен вопрос о разграничении статуса общественного объединения и политической партии.

Региональные границы диссертации составляют преимущественно современную территорию Удмуртской Республики как государства в составе РФ. В исследовательском плане Удмуртию, как представляется, можно рассматривать в качестве микромоделей России в целом в смысле характера и результатов не только советской модернизации, но и современных процессов трансформации. Поэтому эволюция политической системы УР анализируется в общем контексте событий, происходивших в изучаемый период в СССР, РСФСР (РФ) и ряде российских регионов.

Предметом исследования стали составляющие региональной модели политической системы современной России. В диссертации они рассматриваются в соотношении категорий гражданского общества и правового государства как основных элементов политической системы.

Достаточно цельным представляется определение гражданского общества, данное доктором философских наук Э. В. Тадевосяном. Он трактует его как «общество развитых социально-экономических, политических и духовно-нравственных отношений, высокой общей и социально-политической культуры, социальной и политической активности граждан, отделенное и независимое от государства, строящее свои отношения с ним на основе признания приоритета общества и необходимости служения ему государства»⁷². В свою очередь, правовое государство определяется им как «вид демократического государства, политический режим которого опирается на строгое соблюдение законности, правовых норм, закрепляющих естественные, неотъемлемые, всеобщие права и свободы человека и народов»⁷³. Исходя из данных определений, в диссертационном исследовании под политической системой понимается «одна из подсистем общества (наряду с экономической, социальной, духовно-идеологической и др.), представляющая собой сложную, и в то же время упорядоченную,

интегрированную и целостную совокупность политических субъектов, их статусов и ролей, институтов и организаций, политической культуры и политических отношений, осуществляющих политическую власть»⁷⁴.

Говоря о субъектах общественно-политических отношений, следует особо подчеркнуть, что под терминами «политический», «политика» понимается не только избирательный процесс как легитимная процедура формирования выборных государственных и муниципальных либо общественных органов. В данном случае политика – это механизм взаимодействия власти и общества с целью проведения, с одной стороны, государственной политики в тех или иных сферах общества, таких как социальная, национальная, молодежная и т.п., а с другой, – реализация законных интересов и прав граждан и их объединений, в том числе и на участие в осуществлении государственной политики.

Субъектами отношений в рамках политической системы выступают общественные и государственные органы. Общественность может пониматься в самом широком смысле как совокупность субъектов негосударственного сектора. Негосударственные объединения граждан в свою очередь подразделяются на коммерческие (т.н. «второй сектор» или бизнес), некоммерческие (т.н. «третий сектор»), в том числе общественные объединения и религиозные организации.

Среди структур гражданского общества последние занимают особое место. Общественные объединения характеризуют как объединения людей на основе добровольного выбора, а не принуждения и с опорой на авторитет морали, а не власти. Они защищают права и свободы социальных субъектов от диктата государства, но одновременно являются своеобразным «охранительным барьером», защищающим как весь социум, так и политические институты от эгоистических устремлений и воздействий самих социальных субъектов. С помощью общественных объединений можно реализовать разнообразные формы давления (естественно, мирные, ненасильственные) на властные структуры.

Общественные объединения – важнейшая составная часть политической системы. Их роль и масштабы деятельности в 1990-е гг. постоянно возрастали, что обуславливалось формированием демократических основ российского правового государства и Удмуртии. Так, по состоянию на 1 января 1997 г. в РФ официальное признание получили 2 701 партия (в том числе 88 – российских партий), 2 262 массовых общественных движения (в том числе 88 – федерального значения). Всего же за 6 лет (1991–1996 гг.) Министерством юстиции РФ зарегистрированы 3 214 общественных объединений, а местными органами юстиции субъектов РФ – 54 861.

По состоянию на 1 января 2001 г. Управлением Министерства юстиции РФ по УР зарегистрировано 930 общественных объединений. Большинство из них созданы в девяностые годы XX века. В своем развитии общественно-партийное строительство в Удмуртии прошло в основном те же этапы и формы, что и в России в целом. Однако политический процесс в республике имеет свои особенности. Главная из них – особый менталитет значительного большинства граждан Удмуртии, характеризующийся относительным консерватизмом мышления, свойственного населению оборонно-промышленного края с его постоянной зависимостью от центральных органов власти и управления. Отсюда – неадекватность восприятия периферией новаций, предлагаемых центром, и запаздывание политических процессов.

В диссертации общественное объединение рассматривается в том правовом определении, какое дано в Федеральном Законе (ФЗ) РФ «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 г., где под общественным объединением понимается добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения⁷⁵. Кроме термина «общественное объединение» используется термин «общественная организация», который употребляется в данном случае как синоним. Хотя в правовом смысле в соответствии с упомянутым выше законом правильней было бы называть общественной

организацией одну из организационно-правовых форм общественного объединения, т.к. это понятие более узкое. Но с учетом того, что в работе отдельные организационно-правовые формы общественных объединений детально не рассматриваются, можно считать такое допущение оправданным.

К государственным органам, расположенным на территории субъекта РФ, в данном случае Удмуртской Республики, относятся региональные представительства органов государственной власти РФ, законодательные (представительные), исполнительные и судебные органы государственной власти субъекта РФ. К государственным органам собственно субъекта РФ тесно примыкают органы местного самоуправления, хотя их природа, сущность, характер, полномочия и предметы ведения до сих пор не определены окончательно.

Важное место в иерархии общественно-государственных отношений занимают средства массовой информации, чья роль в политической жизни определяется учредителем того или иного СМИ.

Источниковые возможности изучения современной политической системы России и ее регионов определяются, прежде всего, открытым, формально демократическим характером функционирования основных политических институтов общества. Поэтому констатируется преобладание опубликованных источников. Их можно ранжировать следующим образом.

К *первой группе* источников следует отнести официальные документы. Их, в свою очередь, можно разделить на три подгруппы. К первой относятся материалы «государственного сектора» политической системы – государственных органов СССР, РСФСР (РФ) и УАССР (УР). Прежде всего, это – законодательные и иные нормативные акты, определившие направления демократизации общественно-политической жизни на завершающем этапе советской истории, заложившие новые политико-правовые основы функционирования политической системы в эпоху рыночных преобразований. Таковые представлены, во-первых, союзной, союзно-республиканской и автономно-республиканскими конституциями, а также декларациями и

основными законами вновь созданных в результате распада Советского Союза суверенных республик, отразившими статус институтов политической системы, их иерархию и соподчиненность⁷⁶.

Использованы документы и материалы Президиума Верховного Совета УАССР периода до 1990 г. (ф. Р-620, ЦГА УР) и Ведомственного архива Государственного Совета УР (ВАГС УР).

Во-вторых, в данную подгруппу включаются советские, федеральные и региональные законодательные акты, отражающие правоотношения отдельных видов политических субъектов (Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об утверждении положения о добровольных обществах и союзах» от 10 июля 1932 г., Закон СССР «Об общественных объединениях» от 9 октября 1995 г., Федеральный Закон «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 г. и др.)⁷⁷, регулирующие общественно-государственные отношения, возникающие при осуществлении избирательного процесса⁷⁸ или проведении социальной политики (федеральные законы «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» от 26 июня 1995 г.⁷⁹; «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» от 11 августа 1995 г.⁸⁰; «О профсоюзах, их правах и гарантиях деятельности» от 12 января 1996 г.⁸¹; «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г.⁸²; «О свободе совести и религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г.⁸³; Законы УР «О культуре»⁸⁴, «О народном образовании»⁸⁵, «О государственной молодежной политике в Удмуртской Республике»⁸⁶, «О постоянных комиссиях Государственного Совета Удмуртской Республики»⁸⁷, Постановление Государственного Совета УР «О Концепции государственной национальной политики Удмуртской Республики»⁸⁸ и другие правовые акты).

Сюда же следует отнести указы и распоряжения Президента РФ, постановления Совета Министров (Правительства) УР, органов местного самоуправления, касающиеся конституирования гражданского общества, а также постановления избирательных комиссий разного уровня о результатах

выборов в государственные и муниципальные органы, опросов и референдумов.

Подавляющее большинство документов этой подгруппы опубликовано. В отдельных случаях привлечены материалы Текущего архива Аппарата Государственного Совета УР.

К данной подгруппе примыкают выступления представителей политической элиты страны и республики, отражающие взгляды руководителей государства на политические процессы, направления и результаты эволюции властных отношений, в том числе: ежегодные послания Президента РФ Федеральному Собранию, доклады высшего должностного лица УР о положении в УР и др. Большой исследовательский интерес могут вызвать выступления кандидатов на замещение должностей Председателя Государственного Совета УР и постоянных комиссий Государственного Совета УР. В последнем случае тексты выступлений публиковались и публикуются ограниченным тиражом и малоизвестны историкам.

Вторую подгруппу составляют документы КПСС – материалы съездов, конференций и пленумов⁸⁹, иных рабочих органов, статьи, речи, интервью официальных представителей партийных учреждений. Выделение данного типа источников определяется особым местом партийной номенклатуры в структурных преобразованиях.

Важную роль в изучении эволюции политической системы играют материалы XXVII и XXVIII съездов КПСС, XIX Всесоюзной партийной конференции (28 июня – 1 июля 1988 г.), определившей основные направления политической реформы, текст последней редакции Программы КПСС.

На региональном уровне этот тип источников представлен материалами Удмуртского обкома (рескома) КПСС (КПРФ), раскрывающими осуществление перестройки на местах, изменения в партийно-политической деятельности коммунистов республики. Значительный интерес представляют информационные, как правило, ежеквартальные материалы о работе бюро и

секретариата Удмуртского обкома КПСС в период с конца 1980-х гг. до начала 1991 г.⁹⁰

Большой пласт партийных источников отложился в ЦДНИ УР (бывший Партийный архив Удмуртского рескома Компартии РСФСР). Они сосредоточены, главным образом, в Ф. 16 «Удмуртский республиканский комитет КП РСФСР, г. Ижевск». Протоколы конференций, пленумов, собраний актива республиканской партийной организации, заседаний бюро и секретариата Удмуртского рескома КП РСФСР, иные виды документов отражают деятельность коммунистов республики в сферах организационно-партийной, агитационно-пропагандистской, идеологической работы, в отраслях народного хозяйства, образования и науки, здравоохранения и социального обеспечения, в сфере национальной политики и межнациональных отношений. Особого внимания заслуживают материалы, раскрывающие взаимоотношения коммунистов республики и деятелей неформальных организаций.

Третью подгруппу формируют документы и материалы общественных и политических объединений и их лидеров⁹¹, которые отражают динамику общественного движения. Как правило, материалы данной подгруппы опубликованы и в силу этого доступны исследователям. Однако для выяснения полной картины общественного движения необходимо привлечение документов, отложившихся в архивохранилищах. Так, в списке источников комплектования ЦДНИ УР числятся около ста различных организаций. Это – политические партии и массовые движения, общественные объединения национальной, экологической, патриотической, благотворительной направленности, детские и молодежные организации, редакции ряда газет и журналов, учрежденных объединениями граждан. К сожалению, большая часть из них находится на особом режиме хранения, обусловленном спецификой российского законодательства по архивному делу.

В диссертационном исследовании использованы следующие фонды ЦДНИ УР: Ф. 26 «Удмуртская общественная республиканская организация ветеранов (пенсионеров) войны и труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов, г. Ижевск», Ф. 34 «Всеудмуртская ассоциация «Удмурт кенеш» и Всероссийская ассоциация финно-угорских народов, г. Ижевск», Ф. 42 «Татарский общественный центр Удмуртии, г. Ижевск», Ф. 47 «Союз женщин Удмуртской Республики, г. Ижевск», Ф. 70 «Удмуртская молодежная общественно-политическая организация «Шунды» («Солнце») и Молодежная ассоциация финно-угорских народов, г. Ижевск», Ф. 92 «Удмуртский республиканский комитет ВЛКСМ и Удмуртская Федерация молодежных организаций Российского Союза Молодежи, г. Ижевск», Ф. 134 «Общественная организация «Общество русской культуры Удмуртской Республики».

Четвертую подгруппу образуют документы, отложившиеся в результате официальных контактов представителей политической элиты федерального центра и республики. Наибольшее внимание уделено переписке по поводу осуществления административной реформы на местах, в частности, в период конституционного кризиса 1996–1999 гг. в Удмуртии, результаты которого имели огромное значение для государственного строительства в России в целом⁹². Выделяется ряд материалов, отразивших процесс становления в регионах общественно-государственных систем во второй половине 1990-х гг.⁹³ Документы данной подгруппы содержатся в фондах Текущего архива Аппарата Государственного Совета УР.

Пятую подгруппу составляют документы, содержащие переписку общественных формирований с представителями государственных и муниципальных органов по вопросам совершенствования механизма управления в республике (преобразование структур исполнительной власти, рекомендации тех или иных лиц на замещение высоких государственных должностей и т.п.)⁹⁴. Они также находятся в текущих архивах аппаратов Государственного Совета и Правительства УР.

Незаменимым источником изучения формирования новой политической системы являются коллекции материалов, иллюстрирующих проведение избирательных кампаний. В данном случае, в диссертации использована подобная коллекция ЦДНИ УР. Это Ф. 74 «Агитационно-пропагандистские документы кампаний по выборам Президента Российской Федерации, депутатов федеральных и республиканских органов государственной власти и местного самоуправления, о проведении всенародных референдумов».

Ко *второй группе* источников следует отнести мемуары. Если на общероссийском уровне этот тип источников представлен довольно широко, то на региональном уровне его составляют, главным образом, единичные воспоминания политических и общественных деятелей того времени⁹⁵.

Большинство исследователей выделяют *в третью самостоятельную группу* такой вид источников, как материалы прессы. Признавая их бесспорную важность для раскрытия новых тенденций в государственной и общественной жизни, заметим, что, как правило, печатные издания отражают позицию субъектов политических отношений. Поэтому их можно рассматривать и в рамках первой группы источников.

Во-первых, это печатные издания, главным образом, газеты, учрежденные государственными и муниципальными органами или с их участием. В них публикуются официальные документы (законы и иные нормативные акты, выступления руководителей страны, республики, муниципальных образований). Для РФ таким официальным изданиями стала газета «Российская газета», для УР – «Удмуртская правда» и «Известия Удмуртской Республики».

Во-вторых, это печатные органы общественных объединений, в том числе политических партий, например, «Вестник обкома КПСС» – орган Удмуртского обкома КПСС, на страницах которого публиковали свои официальные документы и общественные формирования ветеранов, женщин, национально-культурные организации⁹⁶. Демократические силы республики имели свой печатный орган – газету «Демократическая Удмуртия»⁹⁷.

В третьих, это печатные издания, которые можно лишь условно назвать «независимыми». На их страницах также публиковались официальные позиции представителей различных групп республиканской властной элиты, не обязательно только политической, но их хозяйственной (бизнес-элиты), культурной, научной. Однако основную массу публикаций составляют опять же условно «аналитические» статьи, в которых политические процессы предстают в искаженном свете, ибо их авторы принадлежали к различным группам, боровшимся за власть. Так, например, позицию «государственников» традиционно отражали такие газеты, как «Инфо-Панорама», «Неделя Удмуртии», «Московский комсомолец в Ижевске», позицию «самоуправленцев» – «АиФ Удмуртии», «Ижевск-экспресс» и др. Вместе с тем, стоит отметить, что по мере изменения соотношения сил в высших эшелонах власти, позиции изданий могли меняться. Поэтому такой вид источника, как газетная публикация, требует весьма критического отношения и обязательного сопоставления с другими источниками. Кроме того, такая публикация является наименее насыщенным достоверной информацией источником.

Четвертую группу источников формируют материалы социологических исследований, проводившихся в рассматриваемый период различными структурами (научными, общественными, государственными). В них отражено отношение определенных слоев населения, представителей элиты (политической, культурной, бизнес-элиты и т.д.) к реформам. Для подтверждения репрезентативности полученных данных этот вид источников также требует обязательного сопоставления со всем комплексом иных материалов.

Научная новизна. В диссертации осуществляется авторская интерпретация на основе междисциплинарного подхода региональной модели политической системы постсоветской России как конкретно-исторического результата политико-экономических преобразований социалистического

общества. При этом автор полагает первичной концепцию «цивилизации», а в оценках реформ следует диалектическому подходу.

Впервые в региональной историографии подробно рассматривается совокупность нормативно-правовых актов советской эпохи, послужившая одной из исходных ступеней демократизации политической системы. В работе предпринимается одна из первых попыток всестороннего анализа на примере Удмуртии истоков формирования современной политической системы России, начальным этапом которого выступило осуществление политики перестройки различных сфер общественной и государственной жизни. При этом значительное внимание уделяется раскрытию особенностей конституирования общественного движения⁹⁸.

В диссертации и предыдущих исследованиях автора характеризуются основные политические процессы, происходившие в Удмуртии в контексте общероссийской ситуации, прослеживается влияние на них особенностей менталитета населения республики. Детально освещается проведение конституционной реформы в Удмуртской Республике, показывается место политических акторов в суверенизации субъекта РФ, выявляется общее и особенное в реформировании системы органов государственной власти, раскрывается роль толерантности как механизма взаимодействия политических элит, влиявшего на сохранение и (или) изменение властных отношений⁹⁹. Продолжается традиция научного анализа взаимоотношений институтов политической системы при осуществлении избирательного процесса как легитимной процедуры формирования выборных государственных и муниципальных органов. Оригинальной представляется методика анализа «политического рынка» не только по формально идеологическому признаку, но и по степени близости (удаленности) того или иного актора к реальной власти. При этом выдвигается авторская гипотеза об относительно автономном развитии государственного и общественного секторов политической системы, что нашло выражение в несовпадении периодизации их становления.

Подробное освещение получили политико-правовые основы взаимодействия субъектов политической системы постсоветской России на республиканском уровне. Впервые в региональной историографии нашли комплексное отражение механизмы и результаты общественно-государственных отношений, в том числе в социальной сфере¹⁰⁰.

Проведенное на основе современных методов и введения в научный оборот нового массива источников исследование позволяет создать цельное представление о региональной модели политической системы транзитного общества, обозначить основные возможные тенденции ее дальнейшей эволюции, определить место и роль различных сегментов политического рынка в осуществлении социальных преобразований.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Политическая система современной России, как явление общественной жизни, имеет свои, строго ограниченные историко-культурные и временные рамки, поэтому становится предметом исторического исследования.

2. Исторический характер политической системы определяется в немалой степени взаимообусловленностью законодательной деятельности государства и уровнем развития гражданских институтов. При этом составные элементы социума (прежде всего объединения граждан), как правило, стимулируют правотворчество государства, формируя вектор общественно-государственного взаимодействия, которое должно строиться строго на правовой основе.

3. Политическая система современной России является результатом эволюции советской системы организации жизнедеятельности социума и в силу данного обстоятельства носит транзитный характер, неся на себе отпечаток «старой системы».

4. По причине неразвитости элементов гражданского общества, невысокой дееспособности общественных объединений ведущую роль во взаимоотношении политических субъектов продолжает играть т.н.

«государственный сектор» и представители новой властной элиты, немалую долю которой составляют выходцы из прежней партийно-советской номенклатуры. Это положение представляется особо важным при определении содержания, основных направлений, методов и исполнителей социальной политики.

5. Современный облик политической системы России в значительной степени обуславливается единым федеральным правовым пространством, в рамках которого на местах формируется основа для общественно-государственного взаимодействия, статусным положением самих субъектов РФ и уровнем развития региональных политических институтов.

6. Эволюция политической системы постсоветской России возможна в двух основных направлениях. Первое из них – это стимулирование государством демократических тенденций, выражающихся в повышении степени «доверия» общественным структурам при осуществлении внутренней, прежде всего, политики, повышении их статуса, ролевых функций и профессиональной управленческой деятельности. Второе направление – это стимулирование государством авторитарных тенденций, повышение профессионального статуса государственных и муниципальных служащих в сфере социальной деятельности, что в конечном счете может быть сведено к политике «просвещенного абсолютизма».

7. По причине невысокой дееспособности общественных структур, воспроизводства многих типичных для советской системы организации жизнедеятельности социума характеристик (номенклатурно-распределительные отношения, особая роль бывшей принадлежности того или иного государственного или муниципального служащего к бывшей советской, хозяйственной, партийной, комсомольской и др. номенклатуре при замещении какой-либо должности), «вымывания» демократических элементов из управленческой сферы, особой политической культуры основной массы населения, а также весьма высокзатратной проблемы обучения общественных работников более реальным направлением развития

политической системы современной России в ближайшее время является ее движение к авторитарному типу.

Научная обоснованность и достоверность полученных результатов обеспечивается теоретико-методологической проработанностью проблемы, использованием комплекса методов исследования, введением в научный оборот нового массива источников и результатов работы автора в научных, государственных и общественных органах и организациях.

Практическая значимость. Материалы и выводы, изложенные в диссертационном исследовании, имеют как фундаментальное, так и прикладное значение. Полезными и значимыми для отечественных и зарубежных ученых могут оказаться характеристики региональной модели политической системы современной Удмуртии, чья внутренняя политика в рассматриваемый период не выходила за рамки общефедеральных принципов. Применение в качестве методологического основания ценностного и модернизационного подходов позволяет соотнести и апробировать различные концепции и методики, определить границы их использования при анализе российской действительности. Результативным может стать использование материалов диссертации при написании обобщающих трудов по отечественной и региональной истории, подготовке энциклопедий и иного рода справочных изданий. Материалы диссертационного исследования могут быть востребованы при разработке общих и специальных курсов для учащихся различного уровня образовательных учреждений и организаций, при реализации национально-регионального компонента государственного стандарта образования.

Многие положения работы предполагают освоение их в сфере государственного и муниципального управления для определения характера, основного содержания, методов проведения внутренней политики России, взаимодействия УР с другими субъектами РФ. Особую значимость представляет использование выводов в деле сохранения гражданского согласия и осуществления добросовестного партнерства. Материалы

диссертации могут быть использованы представителями различных сегментов гражданского общества, экспертами, политтехнологами для совершенствования своих управленческих навыков, а также предотвращения или уменьшения политического риска.

Апробация результатов исследования. Диссертационное исследование является результатом более чем десятилетней работы автора по проблемам современной политической истории России и Удмуртии. Главные его положения отражены в 32 научных публикациях, в том числе в двух монографиях, методических материалах учебных курсов по программе «Международная политэкономия и политические науки»¹⁰¹.

Основные выводы и материалы диссертации изложены в выступлениях на международных, всероссийских, зональных и республиканских теоретических и научно-практических конференциях, в том числе: на Международной теоретической конференции «Историческое познание: традиции и новации» (г. Ижевск, 1993 г.); Международной научно-практической конференции «Международная политэкономия и политические науки в аспекте глобализации (российский и американский подходы)» (г. Ижевск, 2003 г.); Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы политического и социально-экономического развития страны» (г. Казань, 1993 г.); Всероссийской научно-практической конференции по проблемам анализа современной этнополитической ситуации (г. Нижний Новгород, 2000 г.); Всероссийской научно-практической конференции «Российская государственность: уровни власти. Теория и практика современного государственного строительства» (г. Ижевск, 2001 г.); VI Российской университетско-академической научно-практической конференции (г. Ижевск, 2004 г.); VII региональной научно-практической конференции «Современные социально-политические технологии в сфере формирования толерантного общественного сознания» (г. Ижевск, 2002 г.); III научной конференции «Российское государство: прошлое, настоящее, будущее» (г. Ижевск, 1998 г.); VI научной конференции «Российское

государство: прошлое, настоящее, будущее» (г. Ижевск, 2001 г.); региональном научно-практическом семинаре «Проблемы становления многопартийности в республиках Поволжья и Приуралья» (г. Чебоксары, 1993 г.); VIII–IX Сафаргалиевских научных чтениях «Гражданское общество и государственные институты в России: взгляд из провинции» (г. Саранск, 2004 г.).

Основные идеи, выводы и предложения по совершенствованию общественно-государственных отношений были использованы при анализе этнополитической ситуации в России в целом и Приволжском федеральном округе, в частности, в рамках Центра по изучению и урегулированию конфликтов Института этнологии и антропологии РАН и его регионального отделения, в работе государственных, муниципальных и общественных органов, круглых столов, конгрессов общественных объединений УР. Они получили апробацию при стажировке диссертанта в Университете Центральной Флориды (США, 2002 г.), осуществлявшейся в рамках гранта Государственного департамента США, в ходе которой проводились научно-образовательные и деловые консультации с преподавателями, студентами, государственными и муниципальными служащими штата Флорида.

Значительная часть диссертационного материала реализована в 5 авторских учебных курсах: «Философия власти», «Политический анализ. Методология и международные отношения», «Мировое политическое сообщество», «Государственные и общественные отношения в Удмуртской Республике» и «Технология избирательной кампании», которые преподаются на ряде факультетов Удмуртского государственного университета.

Структура диссертации отражает поставленные исследовательские задачи и строится на основе проблемно-хронологического принципа. В первой главе рассматриваются изменения, произошедшие в основных элементах политической системы на завершающем этапе советской истории (1985–1993 гг.): Советах народных депутатов как политической основы СССР, КПСС как ядра политической системы советского общества, общественных

объединениях и трудовых коллективах. Во второй главе анализируется взаимодействие институтов политической системы в процессе проведения конституционной реформы, завершившейся включением института президентства в систему органов государственной власти УР. Третья глава посвящена выявлению места и роли политических субъектов в становлении новой власти на постсоветском пространстве. В четвертой, завершающей главе анализируется социальный аспект взаимодействия институтов политической системы и в значительной степени обобщаются результаты работы автора в общественных и государственных органах. В заключении представлены основные выводы относительно сущности, характера, облика современной политической системы РФ и ее региональной модели, обозначены пути продолжения исследуемой темы. В текст диссертации включены библиографический список использованной литературы и приложение «Итоги выборов в Государственную думу ФС РФ (1993–1999 гг.)», отражающее движение «политического капитала».

¹ Лапина Г. П. О роли общественных организаций в процессах саморазвития и саморегулирования социальных систем современного мира // Российский социально-политический вестник. 1998. № 3. С. 27.

² Сатаров Г. Гражданское общество – универсальный стабилизатор // Россия. 1997. № 5. С. 8–9.

³ Очередное использование термина «перестройка» началось с 1987 г., а в отношении совершенствования производственных отношений с весны 1985 г. применялось понятие «ускорение».

⁴ Дилигенский Г. Г. Что мы знаем о демократии и гражданском обществе? // Pro et Contra. Осень 1997. С. 7.

⁵ Конституция Российской Федерации. М., 2000. С. 4.

⁶ Мацузато К. Введение. Некоторые критерии для сравнения политических режимов Татарстана, Удмуртии и Мордовии // Регионы России. Хроника и руководители. Т. 7. Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Республика Мордовия. Саппоро, 2000. С. 3–4.

⁷ Согрин В. В. Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачева до Путина. М., 2001. С. 4–5.

⁸ Там же. С. 7.

⁹ См., напр.: Смирнова С. К. Этнополитическое развитие Удмуртии в контексте современных трансформационных процессов в Российской Федерации: Дис. ... д-ра полит. наук. М., 2003. С. 30.

¹⁰ Согрин В. В. Указ. соч. С. 9.

¹¹ Медушевский А. Н. Обзор «Становление политической социологии в России» // Общественные науки в России. Реферативный журнал. «История». Серия 5. № 2. М., 1993. С. 8.

¹² Там же. С. 10–11.

¹³ Там же. С. 18.

¹⁴ Эндрейн Чарльз Ф. Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования. Пер. с англ. М., 2000.

¹⁵ Waltz Kenneth, Man, the State, and War, New York: Colombia University Press, 1959.

¹⁶ См., напр.: На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе. М., 1990.

¹⁷ Барсенков А. С. Введение в современную российскую историю 1985–1991 гг. М., 2002. С. 12–13.

¹⁸ Согрин В. В. Указ. соч.; Барсенков А. С. Указ. соч.

¹⁹ Согрин В. В. Указ. соч. С. 251–254.

²⁰ Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация: В 2 т. Т. 2. М., 1996. 720 с.

²¹ Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: В 2 т. Т. 2. Апогей и крах сталинизма // Под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М.: Российск. Гос. Ун-т. 1997. 761 с.

- ²² Фроянов И. Я. Погружение в бездну. Россия на исходе XX века. СПб., 1999.
- ²³ Басов Б. П. Трудное время перемен (Россия в 1991 – 1994 гг.). Ижевск, 1995.
- ²⁴ См., напр.: Куликов К. И., Христоробова Л. С. Этнополитическая ситуация в Удмуртской Республике в 1993 г. // Российская академия наук. Институт этнологии и антропологии. Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» с 1990 г. Документ № 73. М., 1994.
- ²⁵ Куликов К. И. Удмуртия – субъект России (1990-е годы). Ижевск, 1999.
- ²⁶ Крылова А., Бехтерев С., Бехтерева Л. Удмуртская Республика. Модель этнологического мониторинга. М., 2000.
- ²⁷ Егоров И., Мацузато К. Удмуртская Республика. Хроника политического процесса (1988–1999 гг.) // Регионы России. Хроника и руководители. Т. 7. Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Республика Мордовия. Саппоро, 2000. С. 267–471.
- ²⁸ Там же. С. 372.
- ²⁹ Калинин И. К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. М., 2000.
- ³⁰ Там же. С. 94.
- ³¹ Удмуртия в годы реформ: 1990–2001 / Учебно-методическое пособие. Екатеринбург, 2002.
- ³² Там же. С. 6.
- ³³ Уваров С. Н. Основные причины уменьшения численности Удмуртской партийной организации в конце 80-х – начале 90-х гг. XX века // Аграрная наука – состояние и проблемы: Труды региональной научно-практической конференции. Т. II. Ижевск, 2002. С. 264–269; его же. Результаты политических реформ 90-х гг. XX века в Удмуртии // Перспективы развития регионов России в XXI веке: Материалы межрегиональной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов / ИжГСХА. Т. I. Ижевск, 2002. С. 281–294; его же. Направления углубления демократизации российского общества // Там же. С. 294–296; его же. Нарастание негативных явлений в Удмуртской областной организации КПСС накануне радикальных политических реформ // Там же. С. 403–407; его же. Исторический опыт политического реформирования в Удмуртии в 90-е гг. XX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2003.
- ³⁴ Удмуртия в зеркале двадцатого столетия. 1901–2000 гг. Историческая хроника. Ижевск, 2002.
- ³⁵ Пономарев Л. Н., Шинкаренко В. В. В чьих руках колесо истории?: Историко-социологические очерки. М., 1989.
- ³⁶ Румянцев О. Г. Основы конституционного строя России. М., 1994; Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 1997; Лукьянова Е. А. Российская государственность и конституционное законодательство в России (1917–1993). М., 2000; Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М., 2002.
- ³⁷ Оников Л. А. КПСС: анатомия распада. Взгляд изнутри аппарата ЦК. М., 1996; КПСС: взлет и крушение. Компартия России: начало биографии. Современный этап коммунистического движения в России. М., 1999.
- ³⁸ Громов А. В., Кузин О. С. Неформалы: кто есть кто? М., 1990.
- ³⁹ См., напр.: Неформальная Россия: О «неформальных» политизированных движениях и группах в РСФСР (опыт справочника) / Сост., авт. вступ. ст. и науч. Ред. В. Березовский, Н. Кротов. М., 1990; Березовский В. Н. Российская многопартийность в конце 20 века: процесс возникновения (1987–1991 гг.). Автореф. дис. (научного доклада)... канд. ист. наук. М., 1993.
- ⁴⁰ См., напр.: Партийная система в 1989–1993 годах: опыт становления. М., 1994; Краснов В. Н. Система многопартийности в современной России. М., 1995; Коргунюк Ю. Г., Заславский С. Е. Российская многопартийность (становление, функционирование, развитие). М., 1996. Попов А. М. Становление многопартийности: история и идеология. Ярославль, 1997; Общероссийские избирательные объединения накануне выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации третьего созыва: Справочник. М., 1999.
- ⁴¹ См., напр.: Мерзлякова Г. В. Женские советы: опыт их работы, проблемы // Пропагандист и агитатор. 1986. № 10; ее же. Женские общественные движения: история и опыт // Социально-политическое развитие России: проблемы, поиски, решения. Ижевск, 1999. С. 123–131; ее же. Состояние женского вопроса на современном этапе // Современные социально-политические технологии: сущность, многообразие форм и внедрение. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции 4–5 февраля 1999 года. Ижевск, 1999. С. 82–85.
- ⁴² Под руководством Г. В. Мерзляковой с 1996 г. начало выходить сериальное издание «Социально-политическое развитие России: проблемы, поиски, решения». Со второй половины 1990-х гг. стали проводиться ежегодные научно-практические конференции под общим названием «Современные социально-политические технологии». В 2000 г. в рамках полученного ИСК гранта Государственного департамента США «Международная политэкономика и политология» были разработаны 6 курсов, в том числе «Политический анализ и методология» и «Государственное и местное управление», что дало возможность соотнести методологические основания отечественных и зарубежных исследований по заявленной проблематике.
- ⁴³ Лушикова С. Л. Удмуртский обком КПСС в 1987–1990 гг. // Актуальные проблемы современной России. Ижевск, 2003. С. 3–8.

⁴⁴ Бехтерев С. Л. Особенности менталитета населения Удмуртской Республики и его влияние на развитие современных политических процессов // Актуальные проблемы политического и социально-экономического развития страны. Казань, 1993. С.25–26; его же. К вопросу о формировании политической системы современной России (региональный аспект) // Международная политэкономия и политические науки в аспекте глобализации (Российский и американский подходы). Ижевск, 2003. С. 143–145; его же. Современные политические процессы в Удмуртской Республике // Политические партии: теория и практика. Чебоксары. 1993. Вып. 3. С.80–89; его же. Становление гражданского общества в Удмуртской Республике // Российское государство: прошлое, настоящее, будущее. Ижевск, 1998. С. 42–43; Лущикова С. Л. Основные особенности становления региональной многопартийной системы (на примере Урало-Поволжского региона) // Современные социально-политические технологии: сущность, многообразие форм и внедрение. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции 4–5 февраля 1999 года. Ижевск, 1999. С. 101–103; ее же. Особенности становления многопартийной системы в Удмуртии // Тезисы докладов 5-й Российской университетско-академической научно-практической конференции. Ч. 2. Ижевск, 2001. С. 144–145; ее же. Из истории становления многопартийности в Удмуртии // Современные социально-политические технологии в сфере развития межрегиональных связей: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции 2 февраля 2001 года. Ижевск, 2002. С. 89–90.

⁴⁵ См., напр.: Бехтерев С. Л. Конституционная реформа в Удмуртской Республике (1990–2000 гг.) // Российское государство: прошлое, настоящее, будущее. Ижевск, 2001. С.34–45; его же. Институты политической системы в процессе суверенизации субъектов Российской Федерации (на примере Удмуртской Республики) // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 6. С. 36–51; его же. Становление института президентства в Удмуртской Республике // Регионология. 2003. № 4. – 2004. № 1. С. 26–33; Бехтерев С. Л., Крылова А. С. На пути к президентству // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. М., 2000. Май-июнь. С.53–62; их же. Итоги президентских выборов // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. М., 2000. Сентябрь-октябрь. С. 40; Бехтерев С. Л., Овчинников Г. П. Выборы первого Президента Удмуртской Республики // ЧиновникЪ. 2001. № 5(11). С. 8–19; Войтович В. Ю. Государственность Удмуртии. История и современность. Ижевск, 2003; его же. Развитие правового статуса Удмуртии в составе России. 1920–2000. Ижевск, 2003; Куликов К. И. Объективная и субъективная обусловленность конституционной реформы в России // Российское государство: прошлое, настоящее, будущее. Ижевск, 2001. С. 6–34. Пономарев К. А. Трансформация Удмуртии из парламентской республики в президентскую // Российское государство: прошлое, настоящее, будущее. Ижевск, 2001. С. 46–50.

⁴⁶ См., напр.: Ахметов Г. Дальнейшее совершенствование советской избирательной системы // Пропагандист и агитатор. 1987. № 8, апрель; его же. На основе широкой демократии // Пропагандист и агитатор. 1989. № 2, январь; Войтович В. В семье советских республик // Пропагандист и агитатор. 1986. № 23; его же. Выражая волю народа. Об изменениях в Конституции СССР и Законе о выборах народных депутатов // Пропагандист и агитатор. 1989. № 1, январь.

⁴⁷ См., напр.: Воронцов Н. Трудовой коллектив. Что он может // Пропагандист и агитатор. 1986. № 1, январь; Колеватова В. Основа перестройки в экономике // Пропагандист и агитатор. 1987. № 15, август.

⁴⁸ Ефремова Т. Н., Замостьянова Т. В. Некоторые аспекты теорий местного самоуправления // Тезисы докладов 5-й Российской университетско-академической научно-практической конференции. Ч. 2. Ижевск, 2001. С. 57–59.

⁴⁹ Королев С. В. Социальная помощь и поддержка населения в России в 90-х годах // Тезисы докладов 5-й Российской университетско-академической научно-практической конференции. Ч. 2. Ижевск, 2001. С. 63–65; Лещинский А. С. Правовые основы реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации и Удмуртской Республике // Актуальные проблемы современной России. Ижевск, 2003. С. 198–206; его же. Некоторые аспекты деятельности Госкомитета Удмуртской Республики по делам молодежи по реализации международного молодежного сотрудничества // Международная политэкономия и политические науки в аспекте глобализации (Российский и американский подходы). Ижевск, 2003. С. 183–190.

⁵⁰ Самсонова Т. Н. Концепция правящего класса Г. Моски // Социс. 1994. № 10. С. 186.

⁵¹ Афанасьев М. Н. Клиентализм и российская государственность. М., 1997; его же. Правящая элита России: образ деятельности // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 4. С. 28–38; Ашин Г. К. Правящая элита и общество // Свободная мысль. 1993. № 7. С. 58–69; его же. Смена элит // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 40–51; Буртин Ю. Новый строй: о номенклатурном капитализме. Статьи, диалоги, интервью. Харьков, 1995; Гаман О. В. Региональные элиты современной России как субъекты политического процесса // Вестник МГУ. Серия 18. 1995. № 4. Гельман В. Я. Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция. М., 1999; Дискант И. Е. Россия: трансформационные элиты. М., 1995; Крыштановская О. В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 51–65; ее же. Формирование региональной элиты: принципы и механизмы // Социс. 2003. № 11. С. 3–13; Куколев И. Трансформация политических элит в России // Общественные науки и современность. 1997. № 4. С. 82–91; Магомедов А. К. Политические элиты российской провинции // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 4. С. 72–79; Малютин М. «Новая» элита в новой России // Общественные науки и современность. 1992. № 2. С.

36–45; Охотский Г. Политическая элита. М., 1993; Понедельков А. Элита. Ростов-на-Дону, 1995; Пугачев В. Субъекты политики: личность, элита, лидерство. М., 1993; Работаев Н. К вопросу о генезисе и сущности номенклатурного капитализма в России // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 2. С. 38–51; Рывкина Р. В. Влияние новой правящей элиты на ход и результаты экономических реформ // Социс. 1995. № 11. С. 35–42; Чешков М. А. «Вечно живая» номенклатура? // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 6. С. 32–43.

⁵² Крыштановская О. В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту...

⁵³ Гельман В. Я. Указ. соч. С. 67.

⁵⁴ Александров В. Краснодарский край: экономика, партии, лидеры // Власть. 1993. № 7. С. 39–47; Бадковский Д. В. Политический процесс в Орловской области (Набросок с натуры) // Кентавр. 1995. № 2. С. 65–71; Бородулина Н. Белгородская область: экономика, партии, лидеры // Власть. 1995. № 12. С. 37–42; Журавлев А. Н. Псковская область: экономика, партии, лидеры // Власть. 1996. № 4. С. 46–51; Колосов В. А., Стрелецкий В. Н. Калмыкия – Халымг Тангч: экономика, партии, лидеры // Власть. 1996. № 1. С. 24–33; Кошкин А. Приморский край: экономика, партии, лидеры // Власть. 1996. № 7. С. 28–35; Тарасов Ю. С. Правящая элита Якутии: штрихи к портрету // Полис. 1993. № 2. С. 171–173.

⁵⁵ Колосов В. А. Курганская область: экономика, партии, лидеры // Власть. 1996. № 2. С. 79–84; Петров Н. В. Нижегородская область: экономика, партии, лидеры // Власть. 1996. № 3. С. 41–47; Туровский Р. Республика Коми: экономика, партии, лидеры // Власть. 1995. № 10. С. 56–62; Фарушкин М. Х. Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации // Полис. 1994. № 6. С. 67–79.

⁵⁶ См., напр.: Фирулева Л. Д., Бучкин А. Б. Постсоветская политическая элита (формирование, облик, эволюция) // Социально-политическое развитие России: проблемы, поиски, решения. Ижевск, 1999. С. 50–65; Фирулева Л. Д. Некоторые показательные тенденции развития региональных политических элит // Международная политэкономия и политические науки в аспекте глобализации (Российский и американский подходы). Ижевск, 2003. С. 200–204.

⁵⁷ Ерохина Л. Н. Политическое лидерство и региональная пресса в Удмуртии. 1991–1999 гг. // Актуальные проблемы современной России. Ижевск, 2003. С. 83.

⁵⁸ Ерохина Л. Н. Формирование облика государственной власти в Удмуртской Республике в 1995–пер. пол. 1998 г. (По материалам местной печати) // Российская государственность: уровни власти. Теория и практика современного государственного строительства. Ижевск. 2001. С. 118.

⁵⁹ См., напр.: Власть и общество: XX век // Научные труды НИИГН при Правительстве РМ. Т. 1 (112) / Отв. ред., сост. В. А. Юрченков. Саранск, 2002; Дерябин В. С. Коми-пермяки сегодня: особенности этнокультурного развития // исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 102. М., 1997; История Коми с древнейших времен до конца XX века. Т. 2. Сыктывкар, 2004; Марийский мир: Проблемы национального, социально-экономического и культурного развития марийского народа. Йошкар-Ола, 2000; Марийцы: проблемы социального и национально-культурного развития / отв. ред. Н. С. Попов. Йошкар-Ола, 2000; Напалков А. Д. От Верховного Совета к Государственному Совету Республики Коми. Сыктывкар, 2001; его же. Представительные органы государственной власти Республики Коми: опыт конкретно-исторического анализа. Сыктывкар, 1998; Попов А. А., Нестерова Н. А. Национальный вопрос в Республике Коми в конце XX века (историческое исследование). Сыктывкар, 2000; Юрченков В. А. Мордовский народ: прошлое и настоящее. Саранск, 1999; Таскаев М. Коми национальные политические объединения в XX веке // Congressus ponus internationalis Fenno-Ugristarum 7. – 13.8 2000 Tartu. Pars III. Tartu, 2000. S. 208–209.

⁶⁰ Губогло М. Н., Смирнова С. К. Феномен Удмуртии. Парадоксы этнополитической трансформации на исходе XX века. М., 2001; Смирнова С. К. Феномен Удмуртии. Этнополитическое развитие в контексте постсоветских трансформаций. М.–Ижевск, 2002; ее же. Этнополитическое развитие Удмуртии в контексте современных трансформационных процессов в Российской Федерации: Дис. ... д-ра полит. наук. М., 2003.

⁶¹ См., напр.: Этнополитическая и этносоциальная ситуация в Удмуртской Республике (сборник информационно-аналитических материалов). Ижевск, 2000.

⁶² См., напр.: Бехтерев С. Л., Крылова А. С. Этнополитическая ситуация // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 5. Приволжское отделение. М., 2001. 16–31 января. С. 24–27; их же. От выживания – к развитию // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 6. Приволжское отделение. М., 2001. 1–15 февраля. С. 23–25; их же. Этнополитическая ситуация // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 7. Приволжское отделение. М., 2001. 16–28 февраля. С. 29–31; их же. Этнополитическая ситуация // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 8. Приволжское отделение. М., 2001. 1–15 марта. С. 44–48.

⁶³ См., напр.: Бюллетень Государственного Высшего Аттестационного Комитета РФ. М., 1998. № 2. С. 22; 1999. № 2; 2000. № 1. С. 16; 2001. № 1. С. 17; Бюллетень Высшей Аттестационной Комиссии Министерства образования РФ. М., 2001. № 5. С. 20–21; 2003. № 4. С. 8.

⁶⁴ Бюллетень Высшей Аттестационной Комиссии Министерства образования РФ. М., 2001. № 5. С. 20–21.

⁶⁵ Бюллетень Государственного Высшего Аттестационного Комитета РФ. М., 2001. № 1. С. 17.

⁶⁶ Пляйс Я. А. Основные направления исследований политической науки в современной России // Бюллетень Государственного Высшего Аттестационного Комитета РФ. М., 2001. № 1. С. 31–44.

⁶⁷ Там же. С. 34.

⁶⁸ Красильникова О. В. Избирательные кампании в Республике Татарстан (1990–2000 гг.): историко-политический анализ. Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2002.

⁶⁹ Зазнаев О. И. Типология политических режимов. Дис. канд. полит. наук. Казань, 1993.

⁷⁰ Магомедов А. К. Региональные элиты и региональная идеология в современной России: сравнительный анализ (на примере республик и областей Поволжья): Дис. ... д-ра полит. наук. Казань, 1999; Спирин И. А. Место и роль региональных элит в российском политическом процессе: Дис. ... канд. полит. наук. Казань, 1999.

⁷¹ Носаненко Г. Ю. Трансформация местного самоуправления в российском обществе. Дис. ... канд. полит. наук. Казань, 2001.

⁷² Словарь-справочник по социологии и политологии. М., 1996.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Об общественных объединениях: Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ, Ст.5 // Российская газета. 1995. 25 мая.

⁷⁶ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977; Конституция (Основной Закон) Удмуртской Автономной Советской Социалистической Республики. Ижевск, 1990. Конституция Российской Федерации. М., 2000; Декларация о государственном суверенитете Удмуртской Республики. Постановление ВС УАССР от 20 сентября 1990 г. № 83-ХП // Вестник обкома КПСС. 1990. № 19; Конституция Удмуртской Республики. Ижевск, 1995; Конституция Удмуртской Республики (текст по состоянию на 1 июля 2000 года). Ижевск, 2000;

⁷⁷ Об общественных объединениях: Закон СССР от 9 октября 1990 г. № 1708-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР от 17 октября 1990 г., № 42, ст. 839. Об общественных объединениях: Федеральный Закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ, ст.5 // Российская газета. 1995. 25 мая.

⁷⁸ Закон Удмуртской Автономной Советской Социалистической Республики о выборах народных депутатов Верховного Совета Удмуртской АССР. Ижевск, 1989; Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный Закон. М., 1999; О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Федеральный Закон. М., 1999.

⁷⁹ СЗ РФ. 1995. № 27. Ст. 2503.

⁸⁰ СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3340.

⁸¹ СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 148.

⁸² СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.

⁸³ СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

⁸⁴ О культуре: Закон УР от 29 октября 1996 г. № 310-1 // Известия Удмуртской Республики. 1996. 19 декабря.

⁸⁵ О народном образовании: Закон УР от 19 декабря 1995 г. № 130-1 // Удмуртская правда. 1996. 31 января.

⁸⁶ О государственной молодежной политике в Удмуртской Республике: Закон УР от 22 октября 1997 г. № 493-1 // Удмуртская правда. 1997. 26 ноября.

⁸⁷ О постоянных комиссиях Государственного Совета Удмуртской Республики: Закон УР от 30 мая 1995 г. № 50-1.

⁸⁸ О Концепции государственной национальной политики Удмуртской Республики: Постановление Государственного Совета УР от 6 февраля 1998 г. № 584-1 // Известия Удмуртской Республики. 1998. 21 апреля.

⁸⁹ См., напр.: XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза: Стеногр. отчет. М., 1986. Т. 1–3; XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стеногр. отчет. М., 1991. Т. 1, 2; Программа Коммунистической партии Советского Союза: Новая редакция. М., 1986; XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня – 1 июля 1988 г.: Стеногр. отчет. В 2 т. М., 1988.

⁹⁰ См., напр.: О работе бюро и секретариата обкома КПСС в июле–сентябре 1990 г. // Вестник обкома КПСС. 1990. № 21.

⁹¹ Даешь... полмиллиона? (интервью с О. Ю. Поповым, первым секретарем Удмуртского республиканского комитета ВЛКСМ) // Огни Прикамья. 1991. № 3, июль; Климантова Г. Союз женщин Удмуртии // Вестник. 1991. № 4, февраль; Устав Союза женщин Удмуртской АССР // Вестник. 1991. № 4, февраль; Независимость профсоюзов – в консолидации. Интервью с председателем облсовпрофа А. М. Фоминовым // Вестник обкома КПСС. 1990. № 9; Материалы Первого Всесоюзного съезда удмуртов. 22–23 ноября 1991 г. Ижевск, 1992; Татарский Общественный Центр Удмуртии: этапы становления (из дневника президиума ТОЦ-Удм.). Ижевск, 1998.

⁹² См., напр.: Ответ Н. И. Морозовой, старшего советника юстиции, начальника отдела по надзору за законностью правовых актов Генеральной прокуратуры РФ А. И. Салтыкову, Мэру г. Ижевска от 14 мая 1996 г. № 7/5-1-803-96 // Текущий архив Аппарата Государственного Совета УР; Ответ В. М. Походина, государственного советника юстиции 2 класса, Прокурора УР А. И. Салтыкову, Главе администрации г. Ижевска от 17 мая 1996 г. № 7-14-96 // Текущий архив Аппарата Государственного Совета УР; Решение Совета Ассоциации экономического взаимодействия областей и республик Уральского региона «О внесении

изменений и дополнений в законодательство Российской Федерации по вопросам местного самоуправления» от 16 октября 1996 г. // Текущий архив Аппарата Государственного Совета УР.

⁹³ См., напр.: Обращение Председателя Политического консультативного Совета при Президенте Российской Федерации И. П. Рыбкина к Председателю Государственного Совета Удмуртской Республики А. А. Волкову от 23 сентября 1996 А7-2-50/03 // Текущий архив Аппарата Государственного Совета УР, вх. № 4814, 26.09.96.

⁹⁴ См., напр.: Ответ М. А. Григорьева, Руководителя Аппарата Правительства Удмуртской Республики на письмо б/н от 20.01.1999 Председателя заседания Секретариата Общественной Палаты Удмуртской Республики Кудрина А. С. от 4 февраля 1999 г. № 7-154-242 // Текущий архив Аппарата Правительства Удмуртской Республики.

⁹⁵ См., напр.: Ветераны Удмуртии (Выпуск второй). Сборник материалов, посвященных истории и опыту работы ветеранских организаций республики. Ижевск, 1997; Шишкин М. И. Два года в «Кенеше». Ижевск, 1995; Шукин С. Власть в законе. Б.м., б. г.

⁹⁶ Возвращаясь к истокам. Интервью с председателем Общества удмуртской культуры К. А. Пономаревым. Программа и устав Общества // Вестник обкома КПСС. 1990. № 10, май; Заявление о задачах советов ветеранов Удмуртской Республики в связи с переходом экономики на рыночные отношения // Вестник. 1991. № 3, февраль.

⁹⁷ Заявление о намерениях руководителей политических партий и общественно-политических организаций Удмуртской Республики // Демократическая Удмуртия, еженедельная газета демократических сил Удмуртии. 1991. 14 ноября.

⁹⁸ См., напр.: Бехтерев С. Л. Политическое развитие Удмуртии на завершающем этапе советской истории. Монография. Ижевск, 2004. 199 с.

⁹⁹ Бехтерев С. Л. Избирательные кампании как механизм толерантности политических элит // Современные социально-политические технологии в сфере формирования толерантного общественного сознания. Ижевск, 2002. С. 49–51; его же. Толерантность как механизм взаимодействия политических элит // Социальная толерантность и межкультурные коммуникации. Ижевск, 2003. С. 65–106.

¹⁰⁰ Бехтерев С. Л. Общественно-государственные структуры как институт политической системы РФ // Актуальные проблемы современной России. Ижевск, 2003. С. 67–80; его же. Общество и государство: теория и практика взаимодействия в субъектах Российской Федерации // Гражданское общество и государственные институты в России: взгляд из провинции. Саранск, 2004. С. 53–63.

¹⁰¹ Методические материалы учебных курсов по программе «Международная политэкономия и политические науки». Ижевск, 2003.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. Советская политическая система и региональные особенности ее эволюции в 1985–1993 гг.....	51
1.1. Конституционные основы политической системы СССР и главные направления ее демократизации.....	51
1.2. Институты политической системы в процессе ее эволюции.....	64
1.2.1. Советы народных депутатов – политическая основа СССР.....	64
1.2.2. КПСС – ядро политической системы советского общества.....	94
1.2.3. Общественные объединения.....	130
1.2.4. Трудовые коллективы.....	162
ГЛАВА 2. Институты политической системы и конституционная реформа в Удмуртской Республике.....	181
2.1. Провозглашение государственного суверенитета Удмуртской Республики и начальный этап конституционной реформы.....	182
2.2. Реформирование органов государственной власти парламентской республики на постсоветском этапе истории.....	198
2.3. Процесс перехода к президентской модели республики.....	224
ГЛАВА 3. Субъекты политической системы в процессе формирования новой власти на постсоветском пространстве.....	248
3.1. Историко-политическая интерпретация избирательных кампаний федерального уровня.....	249
3.2. Сравнительный анализ выборов в органы государственной власти Удмуртии в 1995–1999 гг.....	278

3.3.	Субъекты политической системы в процессе формирования органов местного самоуправления.....	299
------	--	-----

ГЛАВА 4. Социальный аспект взаимодействия институтов

	политической системы.....	314
4.1.	Конституционные гарантии общественно-государственных отношений.....	314
4.2.	Социальная политика государства и основные направления ее реализации.....	329
4.3.	Общественно-государственные структуры как институт политической системы РФ.....	361

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	375
------------------------	------------

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	391
---------------------------------------	------------

ПРИЛОЖЕНИЕ.....	411
------------------------	------------

ГЛАВА 1

СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ЭВОЛЮЦИИ В 1985–1993 ГГ.

1.1. Конституционные основы политической системы СССР и главные направления ее демократизации

Особое место в жизнедеятельности социума занимает его правовая база, оказывающая влияние на состояние политической культуры и формирующая уровень правосознания государственных и общественных институтов. Она получила комплексное освещение в трудах обществоведов, в том числе на региональном уровне. Однако поскольку политико-правовые основы, зафиксировавшие определенный этап в развитии советского общества, стали одной из исходных ступеней перестройки, вполне оправданной представляется краткая характеристика ведущих направлений социалистической реформации.

Политическая система СССР сформировалась под влиянием модернизации, очередной этап которой начался в стране в первой четверти XX в. В силу сложности и многообразия противоречий того времени, конкретной расстановки общественных сил, специфики общей культуры населения политические процессы приобрели революционный, «взрывной» характер. В годы гражданской войны определяющей тенденцией политического развития стало противоборство «белой» и «красной» диктатур, в ходе которого была существенно подорвана, а в период системного кризиса первой половины 1920-х гг. насильственно ликвидирована многопартийная система. В результате в теории и на практике реализовалась модель государственного социализма и установилось моногосподство коммунистической партии. Еще в октябре 1921 г., спустя всего несколько месяцев после X съезда РКП(б), принявшего решение о переходе к новой экономической политике, ответственный партийный работник, впоследствии видный советский историк Н. Н. Попов следующим образом

охарактеризовал сложившуюся к тому времени ситуацию: «Вся история политической борьбы партий за последние годы сводилась к тому, что мы, коммунистическая партия, в жестокой борьбе подавляли другие партии, втягивая, однако, известные их элементы в себя. И не только борьбой на фронте, не только тем аппаратом, который находился в нашем распоряжении, но еще всей силой нашей экономической мощи... пролетарского государства коммунистическая партия делала невозможным существование других партий. Там, где государство сосредоточило в своих руках все средства, там, где государство определяет собой экономическую, политическую, идейную и культурную жизнь и у власти стоит определенная партия – там для других партий нет места»¹.

Спецификой большевистского варианта советской политической системы стало восхождение на вершину властной пирамиды не профессиональных чиновников, а представителей общественной организации – РКП(б) – ВКП(б). Самодержавие Романовых сменилось самодержавием одной политической партии. Однако ее статус определялся лишь частичной легитимностью. Так, в статье 130 Конституции РСФСР было зафиксировано, что «наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса, трудящихся крестьян и трудовой интеллигенции добровольно объединяются в КПСС, являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за построение коммунистического общества и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных»².

На всем протяжении своего существования коммунистическая партия, не будучи никогда зарегистрированной в советский период, вынуждена была постоянно апеллировать, с одной стороны к народу, государственным и общественным органам, а с другой, совершенствовать правовой статус политической системы. Подобный вид политической системы, имеющей строго временные и историко-культурные рамки, считается элитистским

мобилизационным³. Он был типичен в основном для сталинской эпохи. Сталинизм означал культ личности и контролируемое участие масс в политической жизни, которое значительно активизировалось по сравнению с царской Россией. Вместе с тем, централизованная государственная бюрократия принимала решения посредством элитарных репрессивных структур.

После второй мировой войны усилились бюрократические авторитарные черты, присущие советской системе в целом. Элитистские мобилизационные кампании по индустриализации, разгрому фашистской Германии и послевоенному восстановлению страны политически изматывали не только рядовых граждан, но и правящую верхушку КПСС. За годы правления И. В. Сталина репрессии породили падение легитимности и деинституционализацию. Поэтому после его кончины ведущая роль в политическом процессе закрепилась за руководителями, инженерами, техниками, экономистами, агрономами, службой безопасности и профессиональной военной администрацией, которые оказали существенное давление на идеологов⁴. В политико-правовых актах обнаружилось стремление к большей системности. Новые черты постсталинской модели общества были отражены в Основном законе. В Конституции Союза ССР, принятой 7 октября 1977 г., СССР объявлялся социалистическим общенародным государством, выражающим волю и интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся всех наций и народностей страны⁵.

Конституция и советские законы формально гарантировали гражданам СССР социально-экономические, политические и личные права и свободы. Во-первых, советские граждане имели право участвовать в управлении государственными и общественными делами, обсуждении и принятии законов и решений общегосударственного и местного значения. Это право обеспечивалось возможностью избирать и быть избранными в Советы народных депутатов и другие выборные государственные органы, принимать участие во всенародных обсуждениях и голосованиях, народном контроле, работе общественных

организаций, государственных органов и органов общественной самодеятельности, в собраниях трудовых коллективов и по месту жительства.

Во-вторых, граждане СССР обладали правом объединяться в общественные организации, способствующие развитию политической активности и самодеятельности, удовлетворению их многообразных интересов⁶. Вместе с тем, основные политические свободы: слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций, а также свобода научного, технического и художественного творчества гарантировались только в соответствии с классовыми интересами и в целях укрепления и развития социалистического строя.

Организация и деятельность Советского государства строились в соответствии с принципом демократического централизма (выборность всех органов государственной власти снизу доверху, подотчетность их народу, обязательность решений вышестоящих органов для нижестоящих).

Политическую основу СССР составили Советы народных депутатов, через которые народ осуществлял государственную власть. Советы образовывали единую государственную систему сверху донизу. В нее входили: Верховный Совет СССР, Советы союзных и автономных республик, краев и областей, автономных областей и округов, районные, городские, районные в городах, поселковые и сельские Советы⁷. Все иные государственные органы были подконтрольны и подотчетны Советам. Выборы депутатов Советов производились на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Гражданам СССР и общественным организациям гарантировались свободное и всестороннее обсуждение политических, деловых и личных качеств кандидатов, право агитации на собраниях, в печати, по телевидению и радио. Проведение выборов обеспечивали избирательные комиссии, образовывавшиеся из представителей общественных организаций, трудовых коллективов и собраний военнослужащих⁸. Право выдвижения

кандидатов принадлежало КПСС, профсоюзам, Всесоюзному Ленинскому Коммунистическому Союзу Молодежи (ВЛКСМ), кооперативным и другим общественным организациям, трудовым коллективам, собраниям военнослужащих по воинским частям.

Статья 6 Конституции СССР определяла особое место в политической системе коммунистической партии. КПСС провозглашалась руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций. Наряду с Советами народных депутатов и КПСС в советскую политическую систему входили профессиональные союзы, ВЛКСМ, кооперативные и другие общественные организации, которые в соответствии со своими уставными задачами участвовали в управлении государственными и общественными делами, в решении политических, хозяйственных и социально-культурных вопросов.

Помимо Конституции СССР правовой статус общественных объединений как элемента политической системы регламентировался иными нормативными актами, разработанными еще в сталинскую эпоху. Вплоть до принятия 9 октября 1990 г. Закона СССР «Об общественных объединениях» все прежние и вновь возникавшие организации действовали согласно Постановлению ВЦИК и СНК РСФСР «Об утверждении положения о добровольных обществах и союзах» от 10 июля 1932 г., принятого, как отмечалось в документе, «в целях дальнейшего развертывания деятельности добровольных обществ и союзов и усиления их участия в социалистическом строительстве на основе широкого вовлечения в эти общества и союзы трудящихся масс»⁹.

Данное Положение унифицировало работу общественных объединений и подчиняло их интересы интересам ВКП(б)–КПСС. Добровольные общества и их союзы не были свободны в выборе целей своей работы. Они обязывались ставить своей задачей только активное участие в социалистическом строительстве СССР и содействие укреплению обороны страны. В то же время добровольные

общества не могли защищать правовые и экономические интересы своих членов. Объединения должны были проводить свою деятельность в соответствии с планом народного хозяйства и социально-культурного строительства, практически участвуя в осуществлении очередных задач советской власти по соответствующим отраслям. Научно-исследовательская работа добровольных обществ проводилась только «на основе марксистско-ленинского метода».

Положение о добровольных обществах и союзах имело так называемый «разрешительный» характер. Соответствующий орган решал вопрос о целесообразности организации того или иного общества, рассматривал персональный состав учредителей, пользуясь правом отвода отдельных лиц из их числа, согласовывал вопрос о создании общества с ведомствами и общественными организациями. Уставы добровольных обществ в зависимости от сферы территориальной деятельности утверждались президиумами ЦИКов, исполкомами или городскими советами. Добровольное общество считалось организованным и пользовалось правом юридического лица только со дня утверждения устава.

Наблюдение и контроль за деятельностью обществ возлагались на орган, утвердивший устав. Государственные органы имели право давать объединениям обязательные для них указания. В случае нарушения законодательства или «общей политики советской власти», уклонения от уставных целей и задач, регистрирующий орган мог отводить как отдельных членов общества, так и членов их органов управления, досрочно распускать выборные органы вплоть до ликвидации общества. Связь добровольных обществ и их союзов с массами, контроль трудящихся над деятельностью обществ и союзов осуществлялись путем заслушивания их отчетных докладов секциями исполкомов советов, на собраниях рабочих и колхозников, а также путем установления шефства фабрик и заводов над обществами и союзами.

Объединения прекращали свою деятельность по двум основаниям: по постановлению общего собрания (собрания уполномоченных) и по распоряжению органа, утвердившего устав. Все имущество передавалось государственным учреждениям или общественным организациям.

В целом, несмотря на определенные декларируемые демократические процедуры, советская правовая система охраняла главенствующее положение в обществе единственной в СССР политической организации – ВКП(б)–КПСС. В тоталитарном государстве были невозможны открытое выражение гражданской инициативы и свободное развитие общественных организаций. По верному замечанию исследователей¹⁰, в перечне общественных формирований отсутствовали такие, которые преследовали бы политические цели. Формулировка «общественные организации», закрепленная в Конституции СССР 1977 г., означала, что какие-либо новые элементы политической системы, не подпадающие под данное определение (типа «народный фронт», «общественное движение»), автоматически оценивались как неконституционные. Любое объединение, по отношению к которому появлялись подозрения в нелояльности властям, могло быть тотчас ими распущено безо всяких законных на то оснований. Так, Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, существовавшее с 1921 г. и имевшее свыше 50 филиалов по всей России, в 1935 г. было ликвидировано по постановлению ЦИК СССР, а многие члены Общества позднее репрессированы по сфабрикованным обвинениям.

Вместе с тем, советская законодательная система, регулировавшая общественные отношения, не была лишена ряда положительных моментов. В частности, Положение о добровольных обществах и союзах предусматривало определенную гарантированную помощь государства общественным объединениям в случае их регистрации.

Существенным элементом советской политической системы являлись трудовые коллективы. Они могли участвовать в обсуждении и решении государственных и общественных дел, планировании производства и социального развития, подготовке и расстановке кадров, обсуждении и решении вопросов управления предприятиями и учреждениями, улучшения условий труда и быта, использования средств, предназначенных для развития производства, а также на социально-культурные мероприятия и материальное поощрение. Именно трудовые коллективы должны были развивать социалистическое соревнование, способствовать распространению передовых методов работы, укреплению трудовой дисциплины, воспитывать своих членов в духе коммунистической нравственности, заботиться о повышении их политической сознательности, культуры и профессиональной квалификации. Однако реально, наряду с остальными элементами системы они рассматривались партийно-политическим руководством, главным образом, как «приводные ремни» от коммунистической партии к массам. Первоначально предполагалось, что через общественные органы партия будет знать об интересах различных социальных групп. Но с 1930-х гг. различные формы общественности стали пониматься лишь как инструменты по выполнению заданий партии¹¹.

Важное место в политической системе занимали кооперативные организации, прежде всего колхозы. Но поскольку основное внимание диссертации уделено политическим процессам, детальное рассмотрение кооперативов не является самостоятельной задачей исследования.

К середине 1970-х гг. некоторые архаичные формы общественно-государственной жизни, не соответствовавшие интересам новой советской номенклатуры, подверглись пересмотру. Конституция 1977 г. определила основным направлением эволюции политической системы советского общества дальнейшее развертывание социалистической демократии: все более широкое участие граждан в управлении делами государства и общества,

совершенствование государственного аппарата, повышение активности общественных организаций, усиление народного контроля, укрепление правовой основы государственной и общественной жизни, расширение гласности, постоянный учет общественного мнения¹². Аналогичные нормы содержала и последняя Конституция Удмуртской Автономной Советской Социалистической Республики (УАССР), принятая в 1978 г.

Ликвидация моногосподства КПСС, переход от однопартийной системы к многопартийной потребовали учреждения правовой базы, позволяющей гражданам в законном порядке реализовывать свое право защищать интересы через участие в общественном объединении. Новые изменения, произошедшие в советской политической системе, нашли отражение в Законе СССР «Об общественных объединениях» от 9 октября 1990 г.¹³ Он базировался на Всеобщей декларации прав человека (ВДПЧ), признававшей право на объединение неотъемлемым правом человека и гражданина. ВДПЧ, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. (СССР и другие социалистические страны при голосовании воздержались), стала наиболее известным документом в международной гуманитарной сфере, впервые закрепившим приоритет интересов и прав человека и гражданина над интересами государства¹⁴. Хотя она носит лишь рекомендательный характер, но обладает значительным морально-политическим эффектом. На подобного рода декларации и резолюции ООН и ряда других международных организаций опираются политические движения. Они служат предметом и источником научных дискуссий и концепций и нередко ложатся в основу договорных актов, закрепляющих соответствующие положения уже в качестве норм, обязательных для соблюдения государствами.

Советское государство, хотя и декларировано заинтересованное в развитии творческой инициативы, социальной и политической активности граждан, их участии в управлении государством и обществом, гарантировало гражданам

СССР свободу создания общественных объединений. В советской правоприменительной практике под общественным объединением стало пониматься добровольное формирование, возникшее в результате свободного волеизъявления граждан, объединившихся на основе общности интересов. Общественными объединениями признавались: политические партии, массовые движения, профсоюзы, женские, ветеранские организации, организации инвалидов, молодежные и детские организации, научные, технические, культурно-просветительские, физкультурно-спортивные и иные добровольные общества, творческие союзы, землячества, фонды, ассоциации и другие объединения граждан. Между тем действие закона не распространялось на кооперативные и иные организации, преследующие коммерческие цели, на религиозные организации, органы территориального общественного самоуправления, органы общественной самодеятельности (народные дружины, товарищеские суды и т.п.).

Существенным достижением Закона являлось то обстоятельство, что общественные объединения создавались в целях реализации и защиты гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав и свобод. Статус целей носил открытый характер.

Гарантом выполнения уставных задач объединений выступало государство. Особое внимание уделялось молодежным и детским организациям. Им оказывалась материальная и финансовая поддержка. Государство обеспечивало проведение по отношению к ним льготной налоговой политики, предоставляло детским организациям право пользоваться помещениями школ, внешкольных учреждений, клубами, дворцами и домами культуры, спортивными и иными сооружениями бесплатно или на льготных условиях. Устанавливались принципы взаимного невмешательства государственных и общественных органов в дела друг друга и согласования интересов.

Общественные объединения могли действовать без государственной регистрации. Они наделялись следующими правами: участия в формировании органов государственной власти и управления, осуществления законодательной инициативы, участия в выработке решений органов государственной власти и управления, представления и защиты законных интересов своих членов (участников) в государственных и общественных органах, учреждения собственных средств массовой информации, осуществления иных полномочий, предусмотренных действующим законодательством. Однако осуществлять свою деятельность они могли только во внерабочее время своих членов (участников) и за счет средств самих объединений.

Оговаривался новый порядок регистрации объединений. Отныне регистрация уставов должна была осуществляться органами юстиции СССР.

До 1990 г. в российской правоприменительной практике не существовало понятий «политическая партия», «политическое общественное объединение» или понятий, родственных им. Возникновение первых политических партий, массовых движений, изменение места и роли профсоюзов потребовало законодательного оформления их статуса. Согласно Закону, под политической партией стало пониматься общественное объединение, выражающее политическую волю своих членов, ставящее основными задачами участие в формировании органов государственной власти и управления, а также в осуществлении власти через своих представителей, избранных в Советы народных депутатов. Партии должны были иметь программные документы, публикуемые для всеобщего сведения. Все партии становились равными перед законом. Они имели право выдвигать кандидатов в народные депутаты, в том числе единым списком, вести предвыборную агитацию, оформлять группы своих сторонников – депутатов в соответствующих Советах.

Массовыми общественными движениями признавались общественные объединения, преследующие политические цели и не имеющие фиксированного членства.

Профсоюзами являлись общественные объединения, представляющие и защищающие интересы своих членов в области производства, социально-экономической и культурной областях во взаимоотношениях с государственными органами, хозяйственными организациями, кооперативными и иными общественными объединениями. Признавался принцип их равенства перед законом.

Государству запрещалось финансировать деятельность политических партий и массовых общественных движений, преследующих политические цели, за исключением случаев финансирования избирательных кампаний в соответствии с законодательством о выборах народных депутатов.

Устанавливалась минимальная численность общесоюзной политической партии и профессионального союза. Они должны были иметь в своем составе не менее пяти тысяч граждан СССР. Политическая партия и профсоюз не могли образовываться другими общественными объединениями. В уставах политических партий не предусматривалось членство в них иностранных граждан и лиц без гражданства. Допускалось создание молодежных организаций при партиях. Их членами могли быть граждане, достигшие 18-летнего возраста.

Политические партии и профсоюзы могли иметь только фиксированное индивидуальное членство. Особо оговаривалось, что в деятельности политических партий и профсоюзов, в отличие от иных общественных объединений, не могли принимать участие коллективные члены: трудовые коллективы предприятий, учреждений, организаций, объединения граждан.

Политические партии и массовые общественные движения, преследующие политические цели, были не вправе получать финансовую и иную материальную помощь от иностранных государств, организаций и граждан. Кроме того,

политические партии обязывались ежегодно публиковать свои бюджеты для всеобщего сведения.

Принятие Закона СССР «Об общественных объединениях», несмотря на его известную ограниченность, стимулировало развитие общественного движения в постперестроечный период. Политико-правовые основы российской политической системы были заложены Конституцией РФ и Федеральным Законом «Об общественных объединениях», а также иными нормативными актами, принятыми уже в постсоветскую эпоху.

¹ Попов Н.Н. О мелкобуржуазных партиях. Доклад, прочитанный секретарем Харьковского губкома РКП(б) тов. Н. Н. Поповым 19 октября 1921 г. на собрании ответственных работников Харьковской организации. Харьков, 1921. С. 4.

² Цит. по: Систематическое собрание законов РСФСР, указов Президиума Верховного Совета РСФСР и решений правительства РСФСР. Т.12. М., 1969. С. 667.

³ Чарльз Ф. Эндрейн. Сравнительный анализ политических систем. М., 2000. С. 117.

⁴ Там же. С. 120–121.

⁵ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977. С. 7.

⁶ Там же. С. 22–23.

⁷ Там же. С. 34.

⁸ Там же. С. 36–37.

⁹ Систематическое собрание законов РСФСР, указов Президиума Верховного Совета РСФСР и решений Правительства РСФСР... С. 667.

¹⁰ См., напр.: Уваров С. Н. Исторический опыт политического реформирования в Удмуртии в 90-е гг. XX века: Дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2003. С. 28.

¹¹ Там же. С. 28–29.

¹² Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик... С. 9.

¹³ Об общественных объединениях: Закон СССР от 9 октября 1990 г. № 1708-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР от 17 октября 1990 г., № 42, ст. 839.

¹⁴ Резолюция 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН «Всеобщая Декларация прав человека» 10 декабря 1948 г. // СССР и международное сотрудничество в области прав человека. Документы и материалы. С.413–419.

1.2. Институты политической системы в процессе ее эволюции

1.2.1. Советы народных депутатов – политическая основа СССР

Советы как органы государственной власти выполняли, прежде всего, представительские функции и отражали социальную и политическую структуры. Так, в составе Верховного Совета СССР (ВС СССР), избранного в марте 1984 г., насчитывалось 35,2 % рабочих, 16,1 % колхозников, 32,8 % женщин, 22 % лиц в возрасте до 30 лет, депутатов 63 национальностей, 71,5 % членов и кандидатов в члены КПСС¹. Удмуртию в ВС СССР представляли 16 депутатов. В составе ВС УАССР, высшего органа государственной власти автономной республики, избранного 24 февраля 1985 г. в количестве 200 депутатов, рабочие составили 39,5 %, колхозники – 11,5 %, женщины – 39,5%, депутаты в возрасте до 30 лет – 26,5 %, беспартийные – 31 %². В 1986 г. в республике насчитывалось 12 580 депутатов Советов всех уровней. При исполкомах Советов было организовано 80 внештатных отделов, в которых в качестве инструкторов на общественных началах работали 1 569 человек. В деятельности постоянных комиссий участвовали 176 199 активистов³. Определенные возможности для участия населения в работе Советов были заложены в использовании различных форм непосредственной демократии, в частности, всенародных обсуждений важнейших вопросов государственной жизни и проектов общесоюзных законов. Кроме того, трудящиеся, как правило, активно участвовали в подготовке решений местных Советов и в их предварительном обсуждении.

Специфика Удмуртии внесла определенный национальный колорит в систему местных советов. Еще в глубокой древности у удмуртов возникло собрание старейшин или глав родов, которое было названо «кенешем» («советом»). Этот орган деревенской общины подвергался серьезным изменениям и как институт сохранился в перестроечные времена. Так, по материалам Президиума ВС УАССР, в 1985 г. было проведено 5 276 сходов. В

1987 г. в одном только Балезинском районе состоялось 240 сельских сходов; обсуждены вопросы и приняты по ним решения: о благоустройстве деревень – 131, о соблюдении социалистической законности и правопорядка – 28, о воспитательной работе среди молодежи – 45, о строительстве индивидуальных домов, подсобном хозяйстве, отчеты депутатов сельсоветов и т.д.⁴ По рекомендации Президиума ВС УАССР в каждом селении следовало проводить сходы ежеквартально.

Характерным направлением советской работы являлось выполнение наказов избирателей. Так, в июне 1986 г. на заседании Президиума ВС УАССР был рассмотрен ход их реализации; отмечалось, что на 1 июня 1986 г. выполнены 16 из 90 наказов, данных депутатам ВС СССР, два из 59 – ВС РСФСР и 19 из 190 – УАССР. Не реализованы в срок 13 наказов депутатам ВС СССР и по два – ВС РСФСР и УАССР, в том числе 10 – предприятиями и организациями Госагропрома, по два – Министерством культуры, объединением «Сельхозхимия», трестом «Западуралспецстрой». Наказы вскрыли много недостатков в обслуживании населения. Об этом свидетельствовали также десятки жалоб и заявлений граждан, поступавших в местные, республиканские и центральные органы. Не уменьшался поток писем, в которых критиковалась работа магазинов и предприятий бытового обслуживания. Поэтому одной из важнейших задач в деятельности Советов становилось повышение уровня культуры всех сторон жизнедеятельности людей: производственной, социальной, семейно-бытовой. В связи с этим 3 сессия ВС УАССР объявила о начале «похода» за большую культуру. Это движение должно было стать главным в деятельности всех Советов народных депутатов в годы 12-й пятилетки.

Обращая внимание на провозглашенный демократический принцип формирования советов, стоит отметить, что реально он носил декларативный характер. Начиная с 1930-х гг. политическое руководство пошло по пути организации выборов в Советы всех уровней по принципу: один кандидат – один

депутат. Поскольку выдвижение кандидатов оказалось монополизировано в руках партийных комитетов, выборы фактически оборачивались назначением депутатов⁵. Данное обстоятельство существенно ограничивало возможность демократического обсуждения и решения проблем.

Основные направления развития советской системы традиционно определялись, в первую очередь, партийными документами. 25 июля 1986 г. ЦК КПСС, Президиум ВС СССР и СМ СССР приняли Постановление «О мерах по дальнейшему повышению роли и усилению ответственности Советов народных депутатов за ускорение социально-экономического развития в свете решений XXVII съезда КПСС». В этом документе четко прослеживались две основные линии. Комплекс мер был направлен, с одной стороны, на обеспечение каждым Советом развития экономики и социально-культурной сферы на своей территории. С другой стороны, органы власти на местах призывались активно и последовательно проводить курс на дальнейшее развитие демократических начал в своей деятельности, совершенствовать методы и стиль работы, углублять социалистическое самоуправление народа.

Однако в большинстве случаев подобные решения фактически являлись декларацией. Самостоятельная реализация народнохозяйственных задач в значительной степени затруднялась тем, что большое количество предприятий Удмуртии, особенно оборонных, находились в союзном и союзно-республиканском подчинении. Из 1 млрд. 200 млн. рублей, ежегодно осваиваемых 140 организациями, по линии местных Советов выделялось только 94 млн. рублей. Значительные средства расписывались по отраслям Госпланом, а расходная часть бюджета республики – Министерством финансов РСФСР⁶.

На январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС основой стратегии реформ объявлялась демократизация всех сфер советского общества. Еще в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии (февраль 1986 г.) было отмечено: «Настало время внести необходимые коррективы и в нашу

избирательную практику. Здесь накопилось немало вопросов, требующих своего решения». М. С. Горбачев назвал совершенствование избирательной системы принципиальным направлением демократизации общественной жизни. В соответствии с провозглашенным лозунгом «Больше демократии!» предлагалось ввести альтернативные, на основе соперничества нескольких претендентов, выборы депутатов всех уровней.

Президиум ВС РСФСР 26 февраля 1987 г. принял Постановление «О проведении в порядке эксперимента выборов в местные Советы народных депутатов РСФСР по многомандатным избирательным округам». Число выдвинутых кандидатов в таких округах должно было превысить число мандатов по избирательному округу. При выдвижении кандидатов проводились окружные предвыборные совещания. Представители на них избирались одновременно с выдвижением кандидата. Окружное совещание обсуждало выдвинутые кандидатуры, принимало решение об их поддержке, либо по согласованию с выдвинувшими кандидатов организациями вносило изменения в список кандидатов. Затем данный список одобрялся и представлялся в окружную избирательную комиссию.

Кандидаты заносятся в единый избирательный бюллетень. Избранными по многомандатному округу считались кандидаты, получившие больше половины голосов избирателей округа. Если число избранных депутатов оказывалось больше, чем число мандатов по округу, то депутаты, получившие меньшее число голосов, считались избранными резервными депутатами, и им выдавалось соответствующее удостоверение. Последние участвовали в работе Советов с правом совещательного голоса, пользовались правом депутатской неприкосновенности и другими правами.

В целом по РСФСР было образовано 9 393 многомандатных округа, 92 % из них – трех- и пятимандатные⁷. Аналогичные решения приняли другие союзные (без областного деления), автономные республики, края, области. В

УАССР выборы в Советы по многомандатным округам проводились в Можгинском районе. Выборы в местные Советы УАССР прошли 21 июня 1987 г. Из более чем 24 000 обсуждавшихся кандидатур было выдвинуто 12 726. В частности, в Можгинском районе на 495 мандатов был включен в бюллетени 621 кандидат⁸. Избранными депутатами местных Советов оказались 12 598 человек, из них 60,8 % – впервые; 62,8 % являлись представителями рабочих и крестьян. Удельный вес женщин повысился до 44,8 %, молодежи – до 34,7 %⁹. За кандидатов в депутаты отдали свои голоса более 99 % избирателей.

Несмотря на попытки демократизации советской избирательной системы, во второй половине 1980-х гг. наблюдается усиление власти исполнительных органов в ущерб представительным. Исполком и его председатель руководили работой Совета, подготовкой перечня вопросов, выносимых на обсуждение сессий Советов и проекты решений. Так как исполком руководил деятельностью депутатов, в общественной науке под местным органом Советской власти понималась совокупность собственно Совета, состоящего из избранных народом депутатов, и исполкома. Помимо всего прочего, среди депутатов Советов значительный процент составляли работники исполкомов. Так, в Верховном Совете УАССР (1985 г.) 15,5 % депутатов одновременно являлись руководящими партийными работниками, 19,5 % – работниками исполкомов, 9% руководили министерствами и ведомствами, 5 % – предприятиями и организациями¹⁰.

Июньский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС отметил, что перестройка переходит в этап практических действий. Его важнейшим мероприятием стала XIX партконференция (июнь–июль 1988 г.), объявившая политической целью перестройки передачу власти от партийных органов Советам. Первым практическим шагом в этом направлении стало выдвижение на конференции идеи построения правового государства – единственно возможного ненасильственного способа перехода от тоталитарной формы правления к

демократической. Первоочередной задачей политической реформы становилось разграничение функций партийных и советских органов, проведение демократических выборов народных депутатов, формирование новых органов власти¹¹.

Вместе с тем конференция не смогла придать процессам перестройки необратимый характер. Не нашли поддержки у большинства делегатов предложения Б. Н. Ельцина избирать высшее государственное и партийное руководство путем всеобщих, прямых и тайных выборов. Данное требование было преждевременным в условиях сохранения особого статуса КПСС, ибо влекло за собой возможность «светской», президентской власти. Поэтому конференция предложила новую структуру высших органов государственной власти – Съезд народных депутатов и Верховный Совет СССР. Стремление сохранить контроль партаппарата за государственным строительством было выражено в изложенном в докладе М. С. Горбачева предложении избирать на съезд треть народных депутатов от общественных организаций, включая КПСС, комсомол, профсоюзы, минуя народное голосование, а также совместить посты первых секретарей партийных комитетов всех уровней, начиная с Генерального секретаря, с учреждаемыми постами председателей Советов¹².

Первым мероприятием по осуществлению политической реформы, определенной XIX партконференцией, стало принятие внеочередной 12 сессией ВС СССР 1 декабря 1988 г. законов об изменениях и дополнениях Конституции и о выборах народных депутатов. Согласно законодательным актам, во-первых, менялась структура органов государственной власти. Создавались совершенно новые образования – Съезд народных депутатов СССР, съезды народных депутатов союзных и автономных республик. Именно Съезд народных депутатов СССР становился высшим органом государственной власти.

Во-вторых, менялись функции ВС СССР, который избирался из состава Съезда народных депутатов СССР. Он превращался в постоянно действующий

законодательный, распорядительный и контрольный орган государственной власти СССР. Часть депутатов работала на постоянной основе. В законах были созданы предпосылки для повышения активности и самостоятельности двух палат ВС СССР, сделаны шаги к преодолению их дублирования. Совет Союза СССР представлял территориальное самоуправление, а Совет Национальностей отражал федеративную природу СССР. Изменилась правовая природа президиумов ВС СССР, ССР, АССР: они становились рабочими органами верховных Советов, не избирались, а образовывались по должностному признаку. Президиумы формировались и в местных Советах. В-третьих, более четко проводились разграничения между законодательной и исполнительной властью. Лица, входящие в состав органов управления СМ СССР, ССР, АССР, исполнительных комитетов местных Советов, за исключением председателей этих органов, а также руководители ведомств, отделов и управлений исполкомов местных Советов не могли быть депутатами Совета, которому они подчинены. Судьи и государственные арбитры не имели права быть депутатами Совета, на территории которого они осуществляли свои функции. Важной гарантией демократизма стало ограничение срока полномочий должностных лиц, назначаемых Советами. Они не могли занимать свои должности более двух сроков подряд¹³.

В-четвертых, Законом предусматривалось избрание депутатов не только от территориальных и национально-территориальных округов, но и от различных общественных организаций. Исключались разнарядки сверху, командно-административные методы подбора кандидатов. Право их выдвижения предоставлялось трудовым коллективам, общественным организациям, трудящимся по месту жительства. Впервые кандидату вменялось в обязанность выступить с изложением своей программы, не противоречащей Конституции СССР, советским законам.

Вводились следующие нормы представительства в Съезд народных депутатов СССР от общественных организаций: от КПСС, профсоюзов и кооперативных организаций – по 100 депутатов; от ВЛКСМ, женских советов, ветеранов войны и труда, объединений научных работников, творческих союзов – по 75 и еще 75 – от других общественных организаций, созданных в установленном порядке и имеющих общесоюзные органы.

Законом предусматривалось проведение окружных предвыборных собраний (прежние совещания). Принципиально новым здесь явилось то, что участники собраний делегировались трудовыми коллективами, органами общественных объединений, собраниями избирателей по месту жительства и военнослужащих, выдвинувшими кандидатов в депутаты СССР, по нормам окружной избирательной комиссией. Не менее половины участников собрания должны были составить избиратели данного округа. Если по округу выдвигалось не более двух кандидатов, окружное собрание не проводилось. Также новым избирательным законом были предусмотрены выборы в одномандатных избирательных округах, где выдвигалось несколько кандидатов. Избранным считался кандидат, получивший больше половины голосов избирателей, принявших участие в голосовании (ранее было записано – «всех избирателей округа»).

Согласно Закону об изменениях и дополнениях Конституции СССР, состав народных депутатов СССР определялся в количестве 2 250 человек, из которых 750 избирались по территориальным и 750 – по национально-территориальным округам. Еще 750 депутатов избирались от общественных организаций на съездах, конференциях или пленумах их руководящих органов.

Особо подчеркивалась необходимость обеспечения гласности при проведении выборов. На заседаниях избирательных комиссий, в том числе при регистрации кандидатов в депутаты, подсчете голосов на участке, определении результатов выборов по округу могли участвовать наряду с представителями

общественности доверенные лица кандидата, чего раньше не было предусмотрено. Средствам массовой информации гарантировался беспрепятственный доступ на все собрания и заседания, связанные с выборами. Вводились новшества и в сроки агитации. Согласно союзному закону, агитация в день выборов не допускалась (в ранее действовавшем законе была другая редакция – «проведение агитации в день выборов в помещении для голосования не допускается»).

ВС СССР постановлением от 1 декабря 1988 г. назначил выборы народных депутатов СССР на 26 марта 1989 г. Образовывалось 750 территориальных округов из расчета 257,3 тыс. избирателей на один округ. Как и прежде, в УАССР были сформированы четыре округа (раньше они назывались избирательными округами по выборам в Совет Союза). Национально-территориальные округа образовывались из расчета: 32 от каждой союзной республики, 11 – автономной, 5 – от автономной области и 1 – от автономного округа (раньше они назывались округами по выборам в Совет Национальностей). УАССР наряду с Кировской и Костромской областями вошла в Кировский национально-территориальный округ РСФСР. Каждый избиратель Удмуртии получил три бюллетеня: по выборам народных депутатов СССР по территориальному округу, по национально-территориальному округу РСФСР и по национально-территориальному округу УАССР. Президиум ВС УАССР образовал окружные избирательные комиссии по 15 избирательным округам (по 4 территориальным и 11 национально-территориальным)¹⁴.

Выборы в высший орган власти страны в 1989 г. породили раскол в рядах сторонников перестройки. Очень быстро выделилось радикальное направление, начавшее оспаривать власть у высшего руководства страны и лично М. С. Горбачева. В большинстве союзных республик образовались Народные фронты, требовавшие большей самостоятельности регионов и реформирования советской федерации. Одновременно другая часть радикалов настаивала на решительном

углублении и расширении экономических и политических реформ, проводимых центральным правительством. Общей платформой двух течений в радикальном движении стало признание идей частной собственности, политического плюрализма и многопартийности. Уже в ходе избирательной кампании радикалы широко обсуждали вопросы дальнейшего экономического и политического развития. В прошедших 26 марта 1989 г. выборах народных депутатов СССР приняло участие 172 млн. человек, или 89,6 % всех избирателей, включенных в списки. В РСФСР в голосовании участвовало 87 %, в УАССР – 87,9 % избирателей (934 260 человек). Выборы проходили в условиях, когда впервые не было погони за процентами явки, а агитаторы не ходили по квартирам.

Избирательная кампания вызвала беспрецедентную гражданскую активность. В России благодаря общественной поддержке в числе народных депутатов оказались многие демократические лидеры, в том числе А. Д. Сахаров, Ю. Н. Афанасьев, Д. С. Лихачев. Впервые народными депутатами были избраны семь религиозных деятелей. Депутатский корпус представляли практически все группы и слои населения. Увеличилось представительство более молодых и радикально настроенных депутатов. Так, Б. Н. Ельцин получил 85 % голосов избирателей Москвы, в то время как многие высокопоставленные партийные и государственные чиновники Москвы, Ленинграда, Свердловска и др. потерпели неожиданное для них поражение.

Выбирая народных депутатов СССР от 105 тыс. первичных партийных организаций КПСС, предварительно было предложено 31,5 тыс. кандидатур, окончательно представлено в ЦК КПСС 207. Январский (1989 г.) Пленум ЦК КПСС рекомендовал из них 100 человек, которые и были зарегистрированы избирательной комиссией по выборам народных депутатов СССР от КПСС, а мартовский (1989 г.) Пленум ЦК КПСС избрал их народными депутатами СССР¹⁵.

В прежнем ВС СССР депутаты-коммунисты составляли 71,4 % всех депутатов, а в 1989 г. – 87,6 %. В Удмуртии из 27 зарегистрированных кандидатов в народные депутаты СССР 78 % являлись коммунистами¹⁶. В целом, в Удмуртии на окружных предвыборных собраниях присутствовала реальная состязательность кандидатов. Среди 16 народных депутатов СССР от УАССР каждый второй был рабочим или колхозником, 14 человек – членами КПСС. 3 человека были удмуртами, 11 русскими, один – латышом и один – евреем. Высшее образование имели 9 депутатов, остальные – среднее или среднее специальное. Два народных депутата СССР – представители Удмуртии – были избраны от общественных организаций: от профсоюзов – В. Л. Телегин, от ВЛКСМ – В. К. Булатов.

Как отмечают И. В. Егоров и К. Мацузато, несмотря на кризис, назревший в руководстве республики, оно могло перенести выборы без серьезного для себя ущерба. Об этом свидетельствовала безальтернативная победа первого секретаря обкома КПСС П. С. Грищенко в Игринском избирательном округе № 664. Главным неожиданным событием выборов народных депутатов СССР стало избрание по Индустриальному национально-территориальному округу № 658 Н. Н. Энгвера, ведущего научного сотрудника Физико-технического института Уральского отделения АН СССР (г. Ижевск). В своей предвыборной кампании он активно и резко полемизировал с П. С. Грищенко, выступал с яркой антиобкомовской критикой¹⁷.

В ходе организации выборов выявилось несовершенство законодательства. Многие избиратели и сами депутаты, прошедшие через окружные собрания, высказались за их отмену, а сами выборы предложили проводить в два тура (в первом голосовать за всех выдвинутых кандидатов, а в следующем – только за двух, набравших наибольшее количество голосов). Всего при проведении выборов народных депутатов СССР от граждан республики поступили замечания и предложения по 23 статьям закона о выборах, которые направлялись

на рассмотрение в Президиум ВС РСФСР и впоследствии были учтены в российском законодательстве¹⁸.

Съездом народных депутатов СССР в ВС СССР от Удмуртии были избраны: в Совет Союза – Н. М. Копысов, регулировщик Ижевского радиозавода (работал в постоянной Комиссии по вопросам транспорта, связи, информатики); в Совет национальностей – С. Н. Данилов, животновод-арендатор совхоза «Шафеевский» Юкаменского района, В. В. Коробкин, начальник отдела Ижевского мотозавода (работал в постоянной Комиссии по товарам народного потребления, торговле, коммунально-бытовым и другим услугам населению), В. К. Мурашов, бригадир колхоза им. Ленина Селтинского района и Н. Н. Энгвер (работал в постоянной Комиссии социального и экономического развития союзных и автономных республик)¹⁹. Депутат от УАССР С. Д. Сунцов работал в постоянной комиссии развития промышленности, энергетики, техники и технологии. Кроме того, В. Л. Телегин был избран в состав Комитета по вопросам работы Советов народных депутатов, развития управления и самоуправления, а А. З. Ястребов – экологии и рационального использования природных ресурсов.

I Съезд народных депутатов СССР (май – июнь 1989 г.) сформировал двухпалатный ВС СССР, избрал М. С. Горбачева Председателем ВС СССР и принял решение о необходимости разработки новой Конституции. Относительно свободные выборы 1989 г. привели к переходу инициативы политического реформирования от КПСС к депутатам. Принципиально новым шагом в развитии советского парламентаризма стало создание демократическими депутатами независимой Межрегиональной депутатской группы (МДГ), призванной выполнять роль конструктивной оппозиции. На съезде завершился первый этап реформирования представительных органов государственной власти.

Предстояло формирование новых высших органов власти союзных и автономных республик. Внеочередная 12 сессия ВС УАССР 11-го созыва 30–31

октября 1989 г. приняла Законы УАССР «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Удмуртской АССР», «О выборах народных депутатов Верховного Совета Удмуртской АССР» и «О выборах народных депутатов местных Советов народных депутатов Удмуртской АССР».

Принятию законов предшествовала значительная организационная работа. Соответствующие законопроекты были опубликованы в печати, проведено свыше 3100 собраний, на которых присутствовало около 190 тыс. граждан. Проекты законов обсуждались на сессиях местных Советов, заседаниях клубов избирателей, общественными объединениями. В республике был проведен единый политдень, организовано более 50 публикаций и выступлений по радио и телевидению. Всего поступило более одной тысячи предложений и замечаний по всем трем законопроектам, уточнения и дополнения коснулись большинства их статей²⁰.

Одним из принципиальных изменений и дополнений, внесенных в Конституцию, стал отказ от формирования Съезда народных депутатов республики. Вместо него избирался ВС УАССР, состоявший, как и ранее, из 200 депутатов и являвшийся представительным органом. Менялся порядок формирования Президиума ВС УАССР. С него снималась законодательная функция и возлагалась организация работы ВС, подготовки и проведения его сессий, координация деятельности постоянных комиссий, содействие народным депутатам в осуществлении их функций.

В законопроектах предусматривалось проведение окружных предвыборных собраний. Однако многие граждане высказались за их отмену. Законодателями это было учтено. Отклонялось предложение избирать депутатов от общественных объединений. Тем не менее, им предоставлялось право выдвигать своих кандидатов, а избираться они должны были на альтернативной основе по территориальным округам. Такое же право, согласно ст. 32 Закона о выборах депутатов ВС республики, закреплялось за трудовыми коллективами,

коллективами средних специальных и высших учебных заведений. Для проведения собраний по месту жительства, органов общественной самодеятельности требовалась поддержка не менее 100 избирателей данного округа (для местных Советов – не менее 30 избирателей). Собрание считалось правомочным, если на нем присутствовали не менее 200 избирателей.

Учитывая многочисленные пожелания, в законах было заложено принципиальное новшество – возможность проведения выборов без образования избирательных округов по единому списку на всей территории сельского или поселкового Совета, если избиралось не более 20 депутатов в соответствующий Совет. В Конституции УАССР закреплялся принцип участия кандидатов в предвыборной кампании на равных основаниях. Расходы, связанные с подготовкой и проведением выборов, производились за счет государственных средств.

Некоторые избиратели в ходе обсуждения законопроектов высказывали озабоченность тем, что в условиях альтернативных выборов в ВС УАССР численный состав лиц коренной (в данном случае – титульной) национальности мог уменьшиться. Предлагалось создание национальных округов и двухпалатного ВС. Однако эти предложения сессией ВС приняты не были. Дело в том, что создание механизма, гарантировавшего национальное представительство в органах власти, закреплялось в Платформе КПСС по национальному вопросу. Конституционной комиссии, образованной на I съезде народных депутатов СССР, давалось поручение выработать такой механизм, который бы не противоречил другим статьям Конституции.

Создание национальных округов, где баллотировались только представители коренной национальности, могло привести к ограничению прав других национальностей. Это противоречило бы статье 2 Закона о выборах народных депутатов УАССР («Какие-либо прямые или косвенные ограничения избирательных прав граждан Удмуртской АССР в зависимости от

происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, отношения к религии... запрещаются»), статье 3 (о равных условиях выборов), статье 6 (о предоставлении равных прав гражданам РСФСР и других союзных республик пользоваться на территории УАССР правом избирать и быть избранным наравне с гражданами УАССР), а также статье 81 Конституции УАССР (о предоставлении равных прав всем гражданам)²¹. Что касается двухпалатной системы, то ни в Конституции СССР, ни в Конституции РСФСР не закреплялось положение, согласно которому по национально-территориальным округам могли выдвигаться и избираться только представители тех или иных национальностей. На сессии ВС РСФСР депутаты пытались найти механизм представительства, но разумные, юридически грамотные подходы, сохраняющие равноправие избирателей, так и не были представлены.

Выборы 1990 г. охватили все звенья Советов. В УАССР ожидалась выборы в 11 округах по выборам в ВС РСФСР, 200 – в ВС УАССР, 12 600 – в местные Советы²².

Народными депутатами РСФСР от УАССР были избраны 13 человек. Из них 12 (92,3 %) являлись членами КПСС, один – беспартийным. 3 члена КПСС (А. М. Голишников, председатель Увинского районного суда; И. Ю. Еремин, корреспондент газеты «Удмуртская правда» и В. Н. Подопригора, первый заместитель председателя исполкома Можгинского горсовета) придерживались демократической ориентации. 4 депутата от УАССР представляли интересы советского руководства республики и районов, 3 – сельскохозяйственных предприятий (совхозов и колхозов), по 2 – директорского корпуса, интеллигенции (врачей и учителей), по 1 – рабочих государственных предприятий и журналистского корпуса²³. Представители партийного аппарата КПСС не смогли стать народными депутатами РСФСР. Показательным можно считать поражение в Устиновском территориальном округе первого секретаря

Ижевского горкома КПСС Н. И. Сапожникова, в Камском национально-территориальном – второго секретаря обкома КПСС Л. Н. Булгакова.

Выборы в ВС УАССР проходили в несколько туров. После голосования 4 и 18 марта 1990 г. было избрано 175 из 200 депутатов. По данным мандатной комиссии, приводимым в исследовании И. Егорова и К. Мацузато, 106 человек представляли русских, 49 – удмуртов, 7 – татар, 4 – белорусов, 3 – украинцев, по одному – евреев, башкир, марийцев, армян, чувашей и удинов. В составе избранных депутатов на момент первой сессии были 11 женщин (девять в возрасте до 30 лет, 3 из них – комсомолки); 149 человек – члены и кандидаты в члены КПСС, 23 депутата – беспартийные. Высшее и незаконченное высшее образование имели 158 депутатов, среднее и среднее специальное образование – 17 человек.

Состав вновь избранного ВС УР по роду занятий выглядел следующим образом: работники Советов – 50 человек, руководители предприятий и объединений – 34, инженерно-технические работники и служащие – 30, работники социально-культурной сферы – 28, руководители колхозов и совхозов – 17, работники общественных организаций – 11, научные работники – 8, рабочие – 7, работники правоохранительных органов и военнослужащие – 7, работники средств информации – 4, колхозники и рабочие совхозов – 2, студенты – 1, пенсионеры – 1 человек²⁴.

Данная характеристика показала общесоюзную тенденцию на первых свободных, демократических выборах: увеличение доли коммунистов и людей с высшим образованием, с одной стороны, а с другой – катастрофическое уменьшение доли женщин, рабочих и крестьян.

На организационной сессии ВС УАССР 14 апреля 1990 г. состоялись выборы его Председателя. П. С. Грищенко не выставил свою кандидатуру. Поэтому в республике возможность осуществления горбачевской политики совмещения должностей первого секретаря и главы представительного органа

изначально исключалась. В бюллетень для тайного голосования были внесены кандидатуры Г. Н. Дмитриева, Председателя Совета Министров УАССР, Ю. Н. Русских, заведующего отделом по вопросам работы Советов секретариата ВС УАССР, В. К. Тубылова, директора Асановского совхоза-техникума, В. Ф. Шишкина, начальника цеха № 364 ПО «Ижмаш»²⁵. Большинство голосов получил В. К. Тубылов²⁶. Его кандидатура устраивала как партийно-хозяйственную номенклатуру, так и демократов. На пост Председателя Совета Министров УАССР был избран Н. Е. Миронов, директор 13-го государственного подшипникового завода Министерства автомобильного и сельскохозяйственного машиностроения СССР²⁷.

Параллельно с политико-правовой реформой советской представительной системы повсеместно осуществлялось реформирование исполнительной власти. В соответствии с генеральной схемой управления народным хозяйством, одобренной ВС УАССР 24 марта 1988 г., осуществлялась перестройка министерств, исполкомов Советов, переход преимущественно на двухзвенную систему управления, передача на места значительной части функций. В системе управления были сформированы пять комплексов: агропромышленный, промышленно-торговый, коммунальный, социальный и строительный. При Совете Министров республики создавался Экономический Совет как совещательный консультативно-экспертный орган. В его состав входили руководители отраслевых комплексов, плановых, финансовых, статистических, ценообразовательных и других органов с участием представителей общественных организаций, академической, вузовской и отраслевой науки²⁸.

Одновременно намечалось сокращение аппарата управления в целом по республике, включая органы управления союзного подчинения, на 2 488 единиц, или на 23,1 %, в том числе на республиканском уровне – 645, из них 418 единиц, или 34,2 % в министерствах и ведомствах, 215 – в органах хозяйственного управления, 365, или 15,4 % – в районном и городском звеньях. На 20 ноября

1988 г. было упразднено 1 365 должностей, в том числе в министерствах и ведомствах – 386, хозяйственных органах – 188. В целом по республике общая численность аппарата СМ УАССР сокращалась на 12 человек и в середине 1989 г. составила 63 единицы, в том числе ответственных работников – 43²⁹.

Труднее поддавался реформированию низовой аппарат. К 1 августа 1987 г. в УАССР было сосредоточено около 11 тыс. управленцев. По Постановлению СМ УАССР в течение года требовалось сократить его численность на 23,1 %. Однако этот план оказалось достаточно сложно выполнить. Местные органы послали контрольные цифры в Москву, получили одобрение и довели информацию до организаций. В свою очередь, заручившись поддержкой соответствующих центральных ведомств, местные учреждения упорно отстаивали свои интересы. Шли письма и телеграммы из Главлита СССР, Министерства рыбного хозяйства СССР, ОСВОДа РСФСР, Главнечерноземмелиоводхоза и др. Прочную оборону держали вычислительные центры, ОРСы предприятий, мотивируя свою позицию переходом на хозрасчетные отношения. Не согласились уменьшить аппарат животноводческие товарищества, союз писателей, республиканское общество «Знание», ВДОАМ, общество кролиководов и звероводов-любителей, опираясь на тезис независимости от государственной власти.

Весьма болезненно проходила реорганизация системы министерств местного значения. После создания территориально-производственных объединений (ТПО), как указывалось в справке Госкомтруда УАССР, удельный вес аппарата управления в численности промышленного персонала снизился с 14,1 % до 12,6 %. Вместе с тем, расходы на содержание штатов увеличились на 98,7 тыс. руб. За счет реорганизации структур управления ТПО обособленный аппарат управления увеличился на 115 должностей. Практически во всех ТПО наблюдался рост численности персонала. В итоге к 1 августа 1988 г. выполнение планового задания составило 60 %³⁰.

Дальнейшее реформирование исполнительной власти было осуществлено III внеочередным съездом народных депутатов СССР (март 1990 г.). Помимо отмены 6-й статьи Конституции, закреплявшей особый статус КПСС, центральным на съезде стал вопрос о президентстве. Руководство страны, столкнувшись с кризисом доверия, видело выход в получении дополнительных властных полномочий, в том числе в установлении института президентства. Большинство депутатов поддержало эту идею. Съезд учредил пост Президента СССР, внося необходимые поправки в Конституцию, в соответствии с которыми Президент становился главой государства и наделялся широкими полномочиями. Согласно Конституции, его выборы должны были проходить всенародно. Вместе с тем избрание первого (и последнего) Президента СССР произошло непосредственно на самом съезде 15 марта 1990 г. Единственным реальным кандидатом на президентский пост стал М. С. Горбачев, за которого было подано почти 60 % голосов депутатов. Одновременно он оставался Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Функционирование новых институтов власти разворачивалось в противоречивых условиях. С одной стороны, КПСС, начав перестройку, вынужденно отказалась от монополии на власть. Вносились соответствующие изменения в Конституции СССР, РСФСР и автономных республик. Вступил в силу Закон СССР «Об общественных объединениях», юридически закрепивший политический плюрализм и многопартийность, которые стали реальностью и в Удмуртии. СССР ратифицировал все основные международно-правовые акты о правах человека. Принимались важнейшие законы: о печати и других СМИ, о свободе совести и религиозных объединениях, о профсоюзах, о праве граждан обжаловать в суде неправомерные действия органов управления и должностных лиц, о порядке рассмотрения коллективных трудовых споров, о порядке организации и проведения собраний, шествий, митингов и демонстраций и т.д. Политическое руководство СССР провозгласило, что строит правовое

государство, где должны обеспечиваться верховенство закона, принципы разделения властей (законодательной, исполнительной и судебной), взаимной ответственности гражданина и государства.

С другой стороны, переход от авторитарной (командно-административной) системы к демократической осуществлялся на фоне продолжавшегося кризиса. В Политическом заявлении объединенного Пленума ЦК и ЦКК КПСС от 31 января 1991 г. подчеркивалось, что общественный кризис в стране достиг опасной черты, за которой возможны разрушительные социальные потрясения. Увеличивалось число регионов, где противостояние политических партий приняло формы социальной и межнациональной конфронтации, а ситуация нередко выходила из-под контроля органов власти, оборачивалась проявлениями анархии и кровопролитием. Демократические процессы, считало партийное руководство, поставлены на грань срыва. Возросла угроза жизни и безопасности людей. Участники Пленума высказались за немедленное восстановление конституционного порядка в стране, прекращение «войны законов», гражданский мир и общенациональное согласие.

Не избежала «войны законов» и Удмуртия. Например, Декларацией Октябрьского районного Совета народных депутатов (г. Ижевск) от 25 сентября 1990 г. было объявлено верховенство районных решений по отношению к вышестоящим органам. Ижевский горсовет это решение не отменил. ВС УАССР и его Президиум также не пресекали подобные попытки. Только вмешательство прокуратуры остановило центробежный процесс³¹. Вопреки Конституциям РСФСР и УАССР в ряде районов были упразднены исполкомы. Зачастую президиумы Советов вмешивались в оперативно-хозяйственную деятельность исполкомов, что было запрещено законодательством РФ.

Правительством Удмуртии регулярно нарушались права профсоюзов при издании законов, затрагивающих социальные права граждан. Всего в 1990 г. органами прокуратуры было проведено 48 проверок соблюдения законности в

деятельности местных Советов, выявлено 46 незаконных правовых актов, внесено 9 представлений, 36 протестов, 40 представлений об устранении выявленных нарушений³². В целом, анализ решений, принимавшихся местными Советами в тот период, свидетельствует о том, что основной причиной конфликтов являлась низкая правовая культура как депутатов, так и руководителей Советов и их органов, а зачастую и правовой нигилизм, неуважение к закону.

На рубеже 1980-х–1990-х гг. предпринимались попытки введения начал местного самоуправления. В Глазове, Воткинске, Камбарском и Сямсинском районах Удмуртским отделом Института экономики УрО АН СССР были проведены исследования о возможностях их развития в условиях самоуправления и самофинансирования³³. Оказалось, что становление рыночных отношений наталкивалось на парадоксальную ситуацию и тяжелейшую социальную проблему – дефицит товарной массы, в первую очередь продовольствия, в то время как при рыночной экономике имеет место дефицит денег, а не товаров. Расчеты показали, что ни один из исследованных городов и даже сельских районов не способен обеспечить себя продуктами питания. Уровень удовлетворения основными продовольственными продуктами характеризовался следующими данными (см. таблицу № 1):

Таблица № 1. Уровень удовлетворения населения городов и районов УР продовольственными продуктами за счет внутренних источников (в %)³⁴.

Продукция	Глазов	Воткинск	Камбарский р-н	Сямсинский р-н
Мясопродукты	26,7	28,9	47	47
Молокопродукты	50	53,2	92	49
Картофель	30,5	61,7	111	95
Плоды и ягоды	–	–	3,5	27

Овощи	7,6	34,7	71	44
Рыба	–	–	4	0,7

В этих условиях формирование рынка продовольствия оказывалось возможным только с предоставлением субъектам хозяйствования полной свободы действий в сферах производства и сбыта продукции, выборе поставщиков и покупателей, распоряжения произведенной продукцией и установления цен на нее, организации финансов и поведения на финансовом рынке. При существовавшем состоянии развития АПК республики можно было производить достаточные объемы продуктов питания для удовлетворения потребностей населения (за исключением производства пищевкусового сырья).

Критически складывалась ситуация с обеспечением граждан непродовольственными товарами. В целом, фактический уровень обеспеченности населения этой категорией товаров к уровню нормативных потребностей с учетом собственного производства, завоза и вывоза составил около 50 %. В основной своей массе эти товарные ресурсы поступали из централизованных фондов. Ни о каком самообеспечении не могло быть и речи. Одной из острых проблем развития городов и районов, как и республики в целом, оставалась слабая материально-техническая база сферы обслуживания.

Наиболее сложные проблемы развития связывались с формированием местных бюджетов, которые должны были стать основным источником развития административно-территориальных единиц. Ученые провели детальные расчеты финансового потенциала, свидетельствовавшие о разных возможностях. Так, финансовый потенциал Глазова оказался более чем в три раза выше аналогичных показателей по рассматривавшимся районам. Сохранялась и существовавшая разница в размерах вкладывавшихся средств. Вложения в городах в 1,6 – 1,7 раза превысили аналогичные показатели по сельским районам, в т.ч. в 1,2 – 1,3 раза на развитие социальной сферы. Зачастую интересы сельских районов ущемлялись по линии местных Советов.

Проведенный анализ показал, что одной из причин сложившегося положения явилась слабая производственно-экономическая база городов и районов. Важнейшим направлением работы местных Советов должно было стать формирование экономической базы местного самоуправления, позволившего бы обеспечить основные социальные и экономические потребности населения подведомственных территорий и в целом комплексное развитие регионов. Как известно, в соответствии с Законом СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» экономическую базу местного самоуправления образовывали природные ресурсы, коммунальная и иная собственность, служившие источником получения доходов местных Советов. Вместе с тем Закон не определил полномочия местных Советов в отношении природных ресурсов, что серьезным образом подрывало возможности их развития.

Кризис прежних институтов советской политической системы, суверенизация бывших союзных и автономных республик, появление формирований, оппозиционных КПСС, развитие национально-демократического движения заставили руководство страны определиться по вопросу о дальнейшем направлении политических реформ, о судьбе советской системы. 17 марта 1991 г. состоялся референдум по вопросу сохранения СССР. В нем приняло участие 74,26 % избирателей УР (по РФ – 75,2 %), из них ответили «да» – 76,02 % (по России – 71,39 %), «нет» – 22,01 %. Одновременно участники референдума решали вопрос о введении поста Президента РСФСР. Положительно высказалось 67,16 % избирателей УР (по РФ – 69,85 %), против – 30,54 %. В выборах Президента РФ 12 июня 1991 г. участвовало в голосовании 74,39 % избирателей (по РФ – 75,2 %), Б. Н. Ельцин набрал 51,87 % голосов³⁵.

Дата всенародного голосования по кандидатурам на пост Президента РФ стала Днем независимости России. Становление российской государственности проходило на фоне резкого ухудшения экономической ситуации, утраты

правительством контроля над экономическими и политическими процессами, возрастания недоверия к союзным властным структурам со стороны населения. Начался фактический распад СССР.

Возросшая популярность Президента РФ, подписавшего 20 июля 1991 г. Указ о департизации в РСФСР государственных учреждений, и намеченное на 20 августа подписание нового союзного договора вынудили консерваторов 19 августа ввести чрезвычайное положение в стране. Для управления образовывался неконституционный Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП) во главе с вице-президентом Г. И. Янаевым. Его постановлениями в ряде регионов, главным образом в РСФСР, вводился режим чрезвычайного положения. Запрещались митинги, манифестации, забастовки. Приостанавливалась деятельность партий и организаций, выпуск газет, устанавливался контроль над СМИ. В обращении «К советскому народу» ГКЧК объявил себя истинным защитником демократии и реформ, обещал в кратчайшие сроки удовлетворить основные требования всех слоев общества – от пенсионеров до предпринимателей. В течение 1991–1992 гг. всем желающим горожанам обещалось предоставить земельные участки.

Одновременно в своем обращении к гражданам России 19 августа 1991 г. Президент РСФСР Б. Н. Ельцин, Председатель СМ РСФСР И. Силаев и Председатель ВС республики Р. И. Хасбулатов призвали население поддержать законно избранные органы власти и использовать в борьбе с заговорщиками различные формы гражданского протеста. Указом Президента РСФСР деятельность ГКЧП признавалась незаконной, а его приказы на территории республики – не подлежащими выполнению. Все органы исполнительной власти Союза СССР, действовавшие на территории России, перешли в непосредственное подчинение российского Президента. Позиция российского руководства была поддержана властями Москвы, Ленинграда, Свердловска, Воронежа и многих других городов России. 21 августа 1991 г. чрезвычайная

сессия ВС РСФСР отменила чрезвычайное положение на всей территории республики. Заговорщики были арестованы и преданы суду.

В обстановке политического кризиса Президиум ВС УР 19 августа принял постановление о взятии всех полномочий государственной власти внутри республики на себя. 20 августа В. К. Тубылов, его первый заместитель Ю. Кедров и Председатель СМ УР Н. Е. Миронов созвали в ВС собрание представителей общественных движений и партий, выразивших свое отношение к происходящему. Демократы в лице сопредседателя «Движения за демократию» В. Н. Скрынника призвали следовать распоряжениям российских властей. Второй секретарь рескома КП РСФСР М. Козлов не взял на себя ответственность выступать от имени рескома, поскольку пленум был назначен только на 31 августа. На заключительной части встречи Председатель ВС УР отметил, что сейчас удмуртское правительство исполняет лишь постановления официальных властей. «Мы были, есть и остаемся в России», – заключил В. К. Тубылов. В тот же день Президиум ВС УР признал законным опубликование в газете «Известия Удмуртской Республики» указов Президента России. 22 августа свое негативное отношение к ГКЧП выразила внеочередная сессия ВС УР³⁶.

Одновременно Удмуртский обком КПСС, поддержав ВС УАССР, в своей шифротелеграмме № 689/Ш в ЦК КПСС выразил полную поддержку первым шагам ГКЧП. Активную позицию занял Ижевский горсовет, принявший 21 августа на своей сессии решение, осуждающее действия ГКЧП, при пяти «против» (представители ОФТ) и 22 воздержавшихся (в большинстве – коммунистическая фракция)³⁷.

Поражение консервативной части политического руководства страны в августе 1991 г. в целом усилило обозначившиеся центробежные тенденции в государственном устройстве. В декабре 1991 г. главами России, Украины и Белоруссии был подписан договор о ликвидации СССР и создании Содружества независимых государств, подтвержденный на встрече глав 11 бывших союзных

республик в Алматы. 25 декабря 1991 г. Президент СССР М. С. Горбачев подал в отставку. Завершился «перестроечный» этап реформирования страны.

С распадом СССР начался новый период в существовании России как независимого государства и УР как суверенного государства в составе РФ. Предстояло создать новые органы государственной власти, выработать Конституцию. Между новым российским руководством и партийно-хозяйственной номенклатурой возникло согласие. За новой элитой закреплялись органы исполнительной власти, прежняя действовала в Советах и хозяйственных структурах. До весны 1992 г. серьезного противостояния между этими группами не было, что позволило начать либеральную экономическую реформу. Она предусматривала проведение «шокотерапии», включившей введение свободных цен с января 1992 г., либерализацию торговли и широкую и быструю приватизацию жилья и государственных предприятий, экономическую стабилизацию в течение года с последующим подъемом производства. Реализация реформы связывалась с именем вице-премьера по экономике Е. Т. Гайдара.

Реформа начала проводиться в условиях усиления экономического кризиса. Усугубили ситуацию серьезные просчеты, допущенные в ходе осуществления приватизации, крах финансовой системы, курс на конверсию оборонных предприятий. Либерализация цен значительно снизила платежеспособность потребителей и сузила внутренний рынок.

Под влиянием реформ произошло катастрофическое падение жизненного уровня населения. Прогнозируемое либеральными идеологами пятикратное повышение цен на деле обернулось повышением их в 100 и более раз, в результате чего большинство населения оказалось за чертой бедности. Исследования, проведенные в первой половине 1990-х гг., фиксировали, прежде всего, шоковое состояние бывших советских граждан, для большинства которых

суверенизация, анархизация, приватизация, «безработизация» и другие «завоевания» переходного периода стали критериями ухудшения жизни.

Особенно губительно отразились начальные мероприятия реформаторов на социально-экономическом развитии Удмуртии. В целом по промышленности республики объем производства в 1994 г. составил лишь 48,4 % от уровня 1985 г., в том числе в машиностроении – 34,9 %, в черной металлургии – 35,6 %. В химической промышленности – 23,6 %. Резкое снижение оборонного заказа, огромные затраты на перепрофилирование производств, переподготовку кадров, содержание социальной инфраструктуры при ограниченном бюджетном финансировании и отсутствии налоговых и кредитных льгот привели к значительному ухудшению экономического положения предприятий, поставили их перед необходимостью снижения инвестиций как в производственную, так и в социальную сферу. Так, дотации на содержание социальной инфраструктуры составили в 1992 г. лишь 23 %, а в 1993 г. – 15 %³⁸.

И радикалы, и коммунисты посчитали, что Россия «строит капитализм». Весьма точную оценку реформ дал Б. Н. Ельцин: «Главное, что я хочу сказать тем, кто повсюду кричит, будто Россия идет к капитализму: ни к какому капитализму мы Россию не ведем. Россия к этому просто неспособна. Она не будет ни в социализме, ни в капитализме»³⁹.

Между тем, внутриэлитное согласие оказалось непрочным. В России возникло двоевластие в лице исполнительной и законодательной власти. На протяжении 1992 г. между ветвями власти происходили трения. Кризисную ситуацию попытался разрешить 26 марта 1993 г. IX (внеочередной) Съезд народных депутатов России, назначивший на 25 апреля 1993 г. проведение референдума по четырем основным экономическим и политическим вопросам. На референдуме голосовали 60,97 % избирателей УР (по РФ – 64,18 %). За доверие Президенту РФ высказались 55,92 % (по РФ – 58,7 %), социально-экономическую политику, осуществляемую с 1992 г., одобрили 48,99 % (по РФ –

53,0 %). Предложения о досрочных перевыборах Президента и парламента России не получили положительного решения⁴⁰.

Противостояние законодательной и исполнительной власти РФ закончилось ликвидацией Советов в октябре 1993 г. по инициативе президентской стороны. 22 сентября 1993 г. совместный Президиум ВС и СМ УР признал Указ Президента РФ № 1400 от 21 сентября 1993 г. «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» неконституционным и принял на себя всю полноту власти на территории Удмуртии. 18 (внеочередная) сессия ВС УР 22 сентября подтвердила решение, принятое Президиумом ВС и СМ. В тот же день положения Указа осудила сессия Ижевского горсовета. После обострения обстановки в Москве 3–4 октября 1993 г. Президиум ВС УР выступил с заявлением, что «трагические события» стали возможны в результате противоправных действий конфликтующих сторон, не сумевших разрешить политическое противостояние методами взаимных уступок. 7 октября 1993 г. 19 сессия ВС УР приняла решение о досрочных выборах в «высшие органы государственной власти и управления, органы местного самоуправления», но только одновременно с выборами президента России⁴¹. Такая принципиальная позиция республиканского руководства надолго определила специфическое отношение «ельцинского центра» к Удмуртии.

События октября 1993 г. знаменовали завершение реформирования советских органов государственной власти в центре и на местах. Были созданы предпосылки для политико-правового оформления новых властных отношений.

¹ Ильиных Е. Закон нашей жизни // Пропагандист и агитатор. Журнал отдела пропаганды и агитации Удмуртского обкома КПСС. 1986. № 17, сентябрь. С. 7.

² Войтович В. В семье советских республик // Пропагандист и агитатор. 1986. № 23. С. 17.

³ Мошкин Н. Власть, открытая для всех // Пропагандист и агитатор. 1986. № 11. С. 6.

⁴ Шибанов К. Кенеш – орган самоуправления удмуртской деревни // Пропагандист и агитатор. 1988. № 12, июнь. С. 27.

⁵ Уваров С. Н. Исторический опыт политического реформирования в Удмуртии в 90-е гг. XX века... С. 16.

⁶ Там же. С. 17–18.

⁷ Пономарев Л. Н., Шинкаренко В. В. В чьих руках колесо истории? С. 181.

⁸ Нестеренко Н. Торжество социалистической демократии // Пропагандист и агитатор. 1987. № 17, сентябрь. С. 3.

⁹ Томшич В. Второй этап перестройки: задачи и проблемы // Пропагандист и агитатор. 1988. № 6. С. 9.

¹⁰ ЦГА УР, ф. Р-620, оп. 5, д. 2008, л. 12.

¹¹ XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза... С. 49.

¹² Последнее предложение было востребовано в Удмуртии. Так, в начале 1989 г. в г. Глазове президиум Совета возглавил М. А. Козлов, первый секретарь Глазовского горкома КПСС. В него были избраны 19 человек: председатели постоянных комиссий, руководитель городского комитета народного контроля, секретарь исполкома горсовета и секретарь заводского комитета комсомола, а также председатель исполкома Совета. Горком партии сохранил за собой идеологическую и кадровую часть работы, а президиум горсовета получил определенную экономическую и социальную самостоятельность. В результате секретарь горкома КПСС стал подотчетным и перед коммунистами, и перед всеми горожанами. Опыт г. Глазова был взят на вооружение в Ленинском районе г. Ижевска, где президиум возглавил секретарь райкома КПСС В. А. Славнов. См.: Артамонов А. Эксперимент, или первые «ласточки» // Пропагандист и агитатор. 1989. № 13, июль. С. 7–10.

¹³ Войтович В. Выражая волю народа. Об изменениях в Конституции СССР и Законе о выборах народных депутатов // Пропагандист и агитатор. 1989. № 1, январь. С. 8–9.

¹⁴ Ахметов Г. На основе широкой демократии // Пропагандист и агитатор. 1989. № 2, январь. С. 5.

¹⁵ Сообщение Избирательной комиссии по выборам народных депутатов СССР от КПСС «О результатах выборов народных депутатов СССР от Коммунистической партии Советского Союза» // Удмуртская правда. 1989. 21 марта.

¹⁶ Томшич В. Кредит доверия // Пропагандист и агитатор. 1989. № 9, май. С. 3.

¹⁷ Будучи избранным депутатом СССР, Н. Н. Энгвер стал членом МДГ и активно участвовал в создании Ассоциации политклубов Удмуртии, первой массовой антиобкомовской политической организации. См.: Егоров И., Мацузато К. Удмуртская Республика. Хроника политического процесса (1988–1999 гг.)... С. 276.

¹⁸ Ильиных Е. Учимся демократии // Пропагандист и агитатор. 1989. № 13, июль. С. 2–6.

¹⁹ Избраны в Верховный Совет // Пропагандист и агитатор. 1989. № 13, июль. С. 6.

²⁰ К полновластию Советов. (Беседа с председателем Президиума Верховного Совета Удмуртской АССР А. И. Тубыловым) // Пропагандист и агитатор. 1989. № 23, декабрь. С. 3.

²¹ Закон Удмуртской Автономной Советской Социалистической Республики «О выборах народных депутатов Верховного Совета Удмуртской АССР» // Удмуртская правда. 1989. 11 ноября.

²² Тубылов А. Демократия – в действии // Пропагандист и агитатор. 1989. № 14, июль. С. 2–3.

²³ Удмуртская правда. 1990. 20 марта.

²⁴ ВАГС УР, оп. 5, д. 2196, л. 1.

²⁵ Удмуртская правда. 1990. 15 апреля.

²⁶ В. К. Тубылов работал первым секретарем Малопургинского райкома КПСС, но был освобожден от должности в 1986 г. Он являлся наиболее компромиссной кандидатурой Председателя ВС УАССР. Тубылова оценивали как руководителя, знающего местные условия. Его неудачная карьера при П. С. Грищенко создала ему имидж пострадавшего от коммунистического произвола. Тубылова поддерживали демократическая фракция, депутаты-удмурты, депутаты-хозяйственники, молодые депутаты и «болото», состоящее из «случайных» депутатов. Победу В. К. Тубылова на выборах Председателя ВС можно расценить как «возвращение утраченной территории» удмуртской национальной элитой. В дальнейшем В. К. Тубылов должен был лавировать между различными группами парламента и для собственного авторитета поднимать значимость ВС. См.: Егоров И., Мацузато К. Указ. соч. С. 289.

²⁷ Подобное компромиссное решение кадрового вопроса после поражения обкомовского руководства наблюдалось, в частности, в Свердловской области. Председателем областного Совета стал не первый секретарь обкома КПСС, а другая номенклатурная фигура, пользующаяся относительным доверием даже среди демократов, а пост главы исполнительной власти был отдан одному из хозяйственников. Однако между Удмуртией и Свердловской областью наблюдаются два различия. Первое, В. К. Тубылов был менее значимой фигурой в номенклатуре, чем свердловский В. М. Власов, являвшийся председателем облисполкома до его избрания председателем облсовета. Это способствовало быстрому избавлению Верховного Совета УР от партийной опеки. Второе, В. М. Власов был освобожден от должности уже в июне 1990 г., после его критики Б. Н. Ельцина. Вся власть области сосредоточилась в руках «хозяйственника» – Председателя облисполкома Э. Э. Росселя, который даже формально стал председателем облсовета в ноябре 1990 г. В Удмуртии же В. К. Тубылов оставался на должности до 1995 г., и при этом его авторитет всегда превосходил авторитет Н.Е. Миронова. См.: Егоров И., Мацузато К. Указ. соч. С. 289–290.

²⁸ Шульга П. Не ради смены вывески // Пропагандист и агитатор. 1989. № 1. С. 14.

²⁹ Толчин В. О структуре аппарата Совета Министров УАССР // Пропагандист и агитатор. 1989. № 12, июнь. С. 14.

³⁰ Мусская И. Сокращение... с увеличением // Пропагандист и агитатор. 1989. № 19, октябрь. С. 19.

³¹ Ахметов Г. Демократия и законность // Вестник. 1991. № 8. С. 10.

³² Там же. С. 11.

³³ Осипов А., Загуменнов В., Кочкуров Н. Местное самоуправление: варианты и возможности // Огни Прикамья. 1991. № 4, август. С. 11.

³⁴ Там же. С. 11.

³⁵ Егоров И., Мацузато К. Указ. соч. С. 293.

³⁶ За эту «нерасторопность» Президиума и лично В. К. Тубылова их часто критиковали представители демократической фракции. Однако спустя некоторое время многие из них стали расценивать действия Председателя Президиума ВС УР как чрезвычайно мудрые и осторожные, особенно после октября 1993 г. См.: Егоров И., Мацузато К. Указ. соч. С. 294.

³⁷ Там же. С. 294–295.

³⁸ Удмуртия в годы реформ: 1990–2001. Екатеринбург, 2002. С. 28.

³⁹ Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация: В 2 т. Т. 2. М., 1996. С. 671.

⁴⁰ Там же. С. 688; Удмуртия в годы реформ... С. 29–30.

⁴¹ Егоров И., Мацузато К. Указ. соч. С. 300 – 302; Куликов К. И. Удмуртия – субъект России... С. 22–26; Удмуртия в годы реформ... С. 16–17.

1.2.2. КПСС – ядро политической системы советского общества

С избранием в марте 1985 г. Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачева начался последний этап в существовании коммунистической партии как ядра политической системы советского общества, ее руководящей и направляющей силы. Перестройка партийной работы шла по двум основным направлениям: укрепление личной власти Генерального секретаря, в том числе через своих представителей на местах, и изменение основ партийно-политической деятельности. 13 декабря 1985 г. П. С. Грищенко, ставленник нового партийного руководства, возглавил Удмуртскую областную организацию, сменив на этом посту В. К. Марисова.

Приход к власти в УАССР Грищенко, бывшего второго секретаря Челябинского обкома КПСС, являлся продолжением сформировавшейся еще с начала 1920-х гг. традиции посылки центром «наместников». Она стала основной формой сохранения господства центра в оборонно-промышленном крае, известном своими антибольшевистскими выступлениями в годы гражданской войны. В отличие, например, от Татарстана, где, начиная с 1960 г. все первые секретари обкома КПСС являлись выходцами из рядов региональной номенклатуры¹, из 16 предшественников Грищенко, только двое были местными кадрами.

В. К. Марисов, проработав в должности первого секретаря Удмуртского обкома КПСС 22 года, по характеристике И. В. Егорова и К. Мацузато, приобрел репутацию гаранта стабильных отношений внутри местной номенклатуры, баланса между элитарными группами, устойчивых связей с союзными ведомствами. Назначение же первым секретарем Удмуртского обкома КПСС Грищенко, человека «со стороны» вызвало активное его отторжение партийно-советской аристократией как в среде удмуртской национальной номенклатуры, так и в директорском корпусе ВПК, чей статус был сравним с таковым первого секретаря. Оппонентам Грищенко не нравилось, что он редко вникает в дела

заводов и районных партийных организаций. Одним из наиболее веских упреков в его адрес, высказанных в июне 1990 г. на XXXIX республиканской партконференции, стало невнимание к проблемам сельского хозяйства, а также пренебрежительное отношение к национальным вопросам.

Грищенко, в свою очередь, старался ослабить влияние наиболее видных республиканских политиков². В конечном счете он разрушил баланс сил групп республиканской элиты. В результате к 1990 г. оформились две основные противоборствующие группы: промышленная, смыкающаяся с Ижевским горкомом КПСС (КП РСФСР), и удмуртская (национальная) группа. Помимо этого, ослабление ключевой политической фигуры в регионе привело в движение «второй эшелон» местной номенклатуры, заставив его искать нового руководителя³.

Крайне неубедительная победа П. С. Грищенко и относительное поражение партийного руководства республики на выборах народных депутатов привели к изменению состава выборных органов республиканской организации КПСС. 8–9 июня 1990 г. состоялся первый этап XXXIX областной отчетно-выборной партконференции. Самой драматичной ее частью стали выборы первого секретаря Удмуртского обкома КПСС, которые впервые проводились конференцией, а не пленумом⁴. Снял свою кандидатуру А. М. Фоминов, председатель Удмуртского областного совета профсоюзов. Совершенно неожиданно в список для голосования был включен В. Я. Шульц, начальник сборочного цеха Ижевского радиозавода. В своем выступлении последний отметил: «Время послушных партийных чиновников, которые умели одно делать хорошо – организовывать планы мероприятий по выполнению очередных ценных указаний, – это время прошло. Нужны трибуны, способные убеждать, которые не боятся ходить в народ, с ним разговаривать, не боятся новых веяний»⁵. Так возник «феномен Шульца». Однако он перед голосованием взял самоотвод⁶.

В итоге голосование состоялось по четырём кандидатурам. За П. С. Грищенко голосовали те, кто отдавал предпочтение его стилю руководства, заслугам перед республикой, в частности, в строительстве дорог, помощи некоторым сельским районам. Сторонниками Н. И. Сапожникова оказались делегаты, которые видели в нем яркого представителя той партийной когорты, который и в теории силен, и опыт работы есть, и «отдельно взятого человека» понять может. В молодом секретаре обкома КПСС по промышленности М. А. Козлове люди видели новизну подходов ко многим проблемам. За М. И. Шишкина голосовали приверженцы сложившегося стиля работы. Отдав предпочтение Н. И. Сапожникову, большинство делегатов выразили тем самым свое неприятие административно-командных методов руководства⁷. Приход к власти нового руководства обкома КПСС во главе с первым секретарем горкома столицы республики стал характерным и для ряда урбанизированных регионов СССР, например, Свердловской области (В. Д. Кадочников), где в критический для КПСС момент на первый план выдвинулись руководители, приспособленные к эпохе массовой политики.

В годы горбачевского правления значительным изменениям подверглась внутренняя жизнь коммунистической партии. 23 апреля 1985 г. состоялся Пленум ЦК КПСС. Он постановил созвать XXVII съезд КПСС 25 февраля 1986 г., на котором, в частности, планировалось рассмотреть вопросы о новой редакции Программы и Устава КПСС.

Смысл предлагавшихся изменений в партийные документы был сформулирован в докладе М. С. Горбачева на октябрьском (1985 г.) Пленуме ЦК. Они, с одной стороны, должны были развить инициативу и активность коммунистов, а с другой – повысить их ответственность за судьбу общих дел. Вводная часть проекта Устава отмечала, что партия является высшей формой общественно-политической организации, формирует генеральную перспективу развития страны, руководствуется своей Программой, где определены задачи

всестороннего совершенствования социализма. Особо подчеркивалось, что КПСС, став партией всего народа, оставалась по своей классовой сущности и идеологии партией рабочего класса. В социальном составе КПСС рабочие занимали ведущее место. Так, численность Удмуртской областной партийной организации в 1985 г. составляла 97 534 человек, в т. ч. 43 390 рабочих (44,5 %). В составе горкомов и райкомов КПСС в Удмуртии насчитывалось 787 рабочих⁸.

Во введении Проекта Устава подтверждалось, что КПСС – ядро советского общества. Вводился совершенно новый раздел «Партия и государственные, общественные организации». Партийное руководство организациями должно было носить политический характер и осуществлялось через работающих в них коммунистов. Недопустимыми признавались практика подмены, смешения функций и параллелизм в работе. Проект Устава значительно расширял функции первичной партийной организации: «Она является политическим ядром трудового коллектива, ведет работу непосредственно среди трудящихся, сплачивает их вокруг партии, организует на выполнение задач коммунистического строительства, принимает активное участие в проведении кадровой политики партии». В 1985 г. в Удмуртской областной партийной организации насчитывалось 2 138 первичных, 2 180 цеховых партийных организаций и 5 650 групп⁹.

Заметным событием внутрипартийной жизни стал XXVII съезд КПСС (февраль 1986 г.). Одной из стратегий провозглашалась открытость в деятельности политического руководства страны. В выступлении М. С. Горбачева впервые прозвучал термин «гласность», означавший первоначально обновление скомпрометированной официальной идеологии. Политика гласности осуществлялась под лозунгами «Больше демократии, больше социализма!», «Назад, к Ленину!» и т. д.

Руководствуясь решениями съезда, июньского (1986 г.) Пленума ЦК, Удмуртский обком КПСС поставил главной задачей повышение качества

партийной работы, поворот парткомов и первичных организаций к людям. Под руководством обкома партии было разработано 11 комплексных программ социально-экономического и культурного развития республики: шефской помощи колхозам и совхозам, «Культура», «Здоровье» и другие. Партийная организация взяла курс на проведение целенаправленной, комплексной работы с кадрами, улучшение их состава и подготовку резерва. Только в 1986 г. кадровым вопросам было посвящено 54 % всех постановлений Удмуртского обкома КПСС¹⁰.

В 1986 г. наметился отход от подмены советских и хозяйственных органов. На руководящую работу более активно стала выдвигаться перспективная молодежь. В практику работы партийных органов вошли аттестация руководителей, собеседования по внедрению передового опыта.

Актуальной задачей для областной партийной организации стала перестройка идеологической деятельности, особенно на производстве. Одним из инициаторов новых форм идейно-воспитательной работы руководства с коллективом выступило производственное объединение «Ижмаш». По инициативе парткома администрация и общественные организации стали проводить цеховые общественные приемы. Под руководством парткома действовали советы по работе с семьей, цеховые семейные клубы.

Январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС наметил пути и формы углубления социалистической демократии в целом и внутрипартийной, – в частности. Важным аспектом демократических преобразований называлось осуществление всех форм контроля, особенно «снизу», соблюдение отчетности, обеспечение гласности, развитие критики и самокритики, использование всех резервов дальнейшего расширения социальной базы демократии – молодежи, женщин, беспартийных, массовых общественных организаций. Мартовский (1987 г.) Пленум Удмуртского обкома КПСС обсудил итоги январского Пленума ЦК и наметил задачи областной партийной организации по перестройке политической

сферы. Однако, учитывая важную роль областной организации КПСС в формировании и реализации экономической политики, внимание обращалось на необходимость усиления партийного влияния в экономике. Промышленность Удмуртии начала 1987 г., второй год 12 пятилетки, неудовлетворительно. В январе план по реализации продукции был выполнен лишь на 97,7 %. Оказались невыполненными планы по повышению производительности труда и розничному товарообороту. Многие агропромышленные объединения были неподготовлены к весенне-полевым работам. Не все районы выполнили план продажи государству продуктов животноводства.

Отстающим коллективам мешали не какие-то объективные причины, как считали участники Пленума, а упущения в использовании производственных мощностей, в организации труда, отсутствие должной борьбы за дисциплину и порядок. На первое место вновь ставился кадровый вопрос. Во всех организациях было предложено обсудить Постановление бюро обкома КПСС «О деятельности партийной организации и хозяйственных руководителей производственного объединения «Ижмаш» по повышению эффективности работы в двенадцатой пятилетке», так как застойные тенденции в работе были присущи не только этому коллективу. Пленум также потребовал решительно освобождаться от приспособленцев, карьеристов, компрометирующих звание коммуниста. Всего в 1987 г. за различные проступки было наказано в партийном порядке 378 руководителей, 24 человека привлечены к уголовной и 79 к административной ответственности¹¹.

Немало кадровых проблем накопилось в непроизводственной сфере. В 1987 г. в УАССР насчитывалось более 1 370 пропагандистов; в Университете марксизма-ленинизма при Устиновском горкоме КПСС в 1986–1987 учебном году обучалось 1 585 человек, среди них 140 руководителей партийных, советских, профсоюзных и комсомольских органов, 943 ИТР, 82 преподавателя школ, техникумов, профтехучилищ, 58 работников учреждений культуры.

Однако теоретический уровень знаний руководителей оставался невысоким. Среди работников обкома, секретарей и заведующих отделами горкомов и райкомов КПСС только 30 % имели высшее политическое образование¹².

Пленум Удмуртского обкома КПСС обязал партийные, советские, профсоюзные, комсомольские органы, комитет народного контроля анализировать ход перестройки, повышать их ответственность за достижение высоких конечных результатов и утвердил программу работы Удмуртского обкома КПСС с руководящими кадрами на 1987–1990 гг.¹³

Период с апреля 1985 г. по январь 1988 г. был начальным, первым этапом перестройки. Июньский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС определил, что перестройка переходит в этап практических действий, который должны были осуществить «свежие силы». В качестве положительного примера на январском (1988 г.) Пленуме Удмуртского обкома КПСС отмечалось то обстоятельство, что из 15 сменившихся первых секретарей горкомов и райкомов КПСС более половины составляли в возрасте до 40 лет¹⁴. В 1988 г. в Удмуртской областной парторганизации насчитывалось 100 784 коммуниста, или каждый десятый взрослый гражданин республики. Они были объединены в 2 195 первичных, 2 309 цеховых партийных организации и 5 737 партийные группы. С 1985 г. численность областной организации возросла более чем на три тыс. человек, увеличилось почти на 900 число первичных, цеховых организаций и партгрупп. 80 % коммунистов были заняты в сфере материального производства. 29,5 % коммунистов составили люди с высшим и незаконченным высшим образованием (в 1985 г. – 27,9 %). Всего высшее и среднее (полное и неполное) образование имели 91,5 % коммунистов. В Удмуртской парторганизации оказался выше, чем в целом по КПСС, удельный вес рабочих – 45,3 % (в 1985 г. – 44,5 %). Он имел тенденцию к дальнейшему росту. В составе Удмуртской партийной организации был немалый процент женщин (34,9 %); среди секретарей первичных парторганизаций они составляли 42,6 %. Удмуртская парторганизация

объединяла представителей 60 национальностей (среди них русских – 62,8 %, удмуртов – 26,7 %; удмурты возглавляли 30,5 % первичных парторганизаций)¹⁵.

Перед партийным руководством встала задача определить готовность коммунистов республики к продолжению демократических преобразований в КПСС. С этой целью в 1988 г. Совет по изучению и формированию общественного мнения при Удмуртском обкоме КПСС¹⁶ провел социологическое исследование политической культуры членов трудовых коллективов ряда промышленных предприятий, колхозов и совхозов, слушателей Университета марксизма-ленинизма. Оно показало, что уровень политической культуры, особенно партийного, профсоюзного и комсомольского актива, хозяйственных руководителей не отвечал задачам идеологического обеспечения перестройки. На вопрос «как, на Ваш взгляд, идет перестройка на вашем предприятии?» ответы распределились следующим образом: считали, что на предприятии ведется активная работа по перестройке – 5,1 %, работа ведется, но результаты пока не видны – 44,4 %, реально к перестройке пока не приступили – 35,1 %, затруднились ответить – 15,4 %.

Об уровне работы администраций, партийной, профсоюзной, комсомольской и других общественных организаций в тот период дают представление следующие ответы. Лишь один из десяти опрошенных выразил удовлетворение изменениями в деятельности администрации, около 9 % – партийной организации, немногим более 8 % – профсоюзной, около 5 % – комсомольской организации и менее 7 % – органов коллективного самоуправления трудового коллектива. Считали авторитет своей партийной организации достаточно высоким лишь 15 %, низким – 25 %, профсоюзной – соответственно 11 % и 30,6 %. Особенно наглядно в этом отношении оказалось положение в комсомольских организациях, где только 3,2 % опрошенных указали на их высокий престиж, а 51 % – на низкий. Более 50 % респондентов

считали, что существенных изменений в стиле и практике вышеуказанных институтов не произошло¹⁷.

Особый интерес представляет анализ общественного мнения относительно факторов торможения перестройки. Среди основных указывались отсутствие или недостаточность организационных, производственно-технических и социально-экономических условий, слабая активность членов трудового коллектива, недостаточная заинтересованность работников в перестройке, безынициативность администрации и управленческого аппарата, бесхозяйственность, отсутствие надлежащей гласности, проявление показухи, парадности.

В соответствии с Уставом КПСС и решениями XIX Всесоюзной партконференции июльский (1988 г.) Пленум ЦК КПСС принял Постановление «Об отчетах и выборах в партийных организациях». Данная акция была призвана способствовать активизации партийных масс, повышению роли и ответственности партийных организаций и комитетов, утверждению в их деятельности политических методов руководства. В ходе кампании в целом по стране 160,6 тыс. секретарей первичных партийных организаций, или 37,2 %, оказались избранными впервые. Среди членов партийных организаций районного, городского, окружного звена этот показатель составил 62 %, областного и краевого – 58,6 %. В областные и краевые комитеты партии избрано 62 новых секретаря, а к руководству окружными, городскими и районными комитетами пришли 1 433 новых секретаря. Восемь секретарей областных и краевых комитетов, 1 117 секретарей горкомов и райкомов партии, половина секретарей цеховых и первичных парторганизаций были избраны на альтернативной основе.

В партийных организациях Удмуртии сменилось 27,4 % партгруппов, 44,7 % секретарей цеховых, 40,1 % секретарей первичных партийных организаций и более 25 % секретарей городских и районных комитетов КПСС.

Каждый третий партгруппорг, каждый второй секретарь первичной партийной организации были избраны на альтернативной основе. Всего же с учетом мнения трудовых коллективов избрано свыше трех тысяч членов выборных органов. Признана неудовлетворительной работа 119 партгруппоргов, 48 бюро и комитетов, не был избран 61 секретарь первичной партийной организации, секретари Камбарского и Бalezинского РК КПСС. Всего в областной партийной организации произошла смена 26 секретарей горкомов и райкомов партии¹⁸.

16–17 декабря 1988 г. состоялась XXXVIII отчетно-выборная конференция Удмуртской областной парторганизации. Секретариат обкома КПСС, как и прежде, был избран из 5 человек: П. С. Грищенко (первый секретарь), Л. Н. Булгаков (второй секретарь), Г. Н. Васильева, А. Н. Ковин и В. К. Чистяков.

В соответствии с решениями XIX партконференции с целью более интенсивного использования политических методов руководства, освобождения партийного актива от прямой хозяйственной деятельности осуществлялась реорганизация партийных органов. Партийный аппарат сокращался, отраслевые отделы упразднялись. Так, аппарат ЦК КПСС был сокращен на 40 %, областных и краевых комитетов – на 30 %, городских и районных комитетов в городах – на 10 – 20 %. Согласно решениям Пленума обкома КПСС (10 декабря 1988 г.) численность аппарата Удмуртского обкома сокращалась со 104 до 74 человек, или на 30 %. Высвободившиеся работники направлялись на партийную и советскую работу, в народное хозяйство¹⁹. Всего в Удмуртском обкоме КПСС было создано восемь отделов: организационно-партийной и кадровой работы, идеологический, социально-экономический, аграрный, машиностроения, государственно-правовой, общий, управление делами²⁰.

Одновременно менялась структура аппаратов горкомов и райкомов КПСС. Так, в Ижевском горкоме партии численность работников уменьшилась на 15 % за счет ликвидации отраслевых отделов; был создан социально-экономический отдел. Штаты районных и остальных городских комитетов партии оставались без

изменения. В их структуре определялись организационный, идеологический, общий отделы. В горкомах и райкомах КПСС сохранялись парткомиссии. Всего в аппаратах городских и районных комитетов партии были упразднены 39 промышленно-транспортных, отраслевых, сельскохозяйственных и иных отделов, а за счет освобожденных ставок укреплены организационный и идеологический отделы²¹.

Несмотря на определенную реорганизацию партийного аппарата в центре общая партийно-политическая обстановка на местах оставалась довольно консервативной. Партия по-прежнему осуществляла всю полноту политической и административно-хозяйственной власти. Это не соответствовало заявлениям, декларированным XXVII съездом КПСС и XIX партконференцией. 18 июля 1989 г. на совещании ЦК КПСС было заявлено, что кризис прежних функций партии, точнее, партийного аппарата, возглавлявшего командно-административную систему, не подлежит сомнению. В Постановлении Политбюро ЦК КПСС «О проведении отчетов и выборов в партийных организациях в 1989 году» говорилось о необходимости глубоких перемен в деятельности КПСС и ее руководящих органов²². Требовалось утвердить политические методы руководства, разграничить функции партийных, советских, хозяйственных органов, реализовать на этой основе задачи экономического и социального развития, углубить диалог с общественными организациями.

Отчетно-выборная кампания 1989 г. отличалась открытостью. Впервые в работе партийных собраний в УАССР приняло участие 7 244 беспартийных, 1 749 из них внесли конкретные предложения по вопросам реализации Продовольственной программы, расширения производства и повышения качества товаров народного потребления, сферы услуг, жилья. Участники собраний отмечали падение авторитета парторганизаций.росло число добровольно сдавших партийные билеты, исключенных за неуплату партвзносов. Значительно сократился прием в партию, особенно из числа рабочих и

колхозников. Впервые за последние 35 лет численность Удмуртской областной парторганизации в 1989 г. сократилась на 874 человек (по сравнению с 1988 г.) и составила 99 910 человек²³.

В 1989 г. партийными органами республики был рассмотрен вопрос о реализации принятой Пленумом обкома КПСС (март 1987 г.) комплексной программы «Кадры-90». За 1987–1989 гг. произошли существенные изменения во многих направлениях работы с кадрами. Номенклатура руководящих кадров, утверждаемых обкомом КПСС, ежегодно пересматривалась, с ноября 1987 г. по декабрь 1989 г. их количество сократилось с 1 579 до 702 должностей.

Значительно омолодился состав секретарей горкомов и райкомов партии: их количество в возрасте до 40 лет увеличилось на 7 % (каждый третий был не старше этого возраста). Три четверти секретарей горкомов и райкомов работали в 1989 г. в занимаемой должности до трех лет. В то же время количество работающих в этих должностях более десяти лет сократилось в три раза. Немаловажно, что среди этой категории партийных кадров 20 человек составляли женщины, почти каждый третий представлял удмуртскую национальность.

В соответствии с программой увеличилось число ответственных партийных, советских, комсомольских и идеологических работников, направлявшихся на учебу в Свердловскую высшую партийную школу, на переподготовку в ВПШ, на курсы повышения квалификации.

Вместе с тем, в кадровой работе оставалось немало проблем. Так, в феврале 1989 г. на секретариате обкома КПСС отмечалось, что нет положительных результатов в работе с резервом кадров. Программой не была предусмотрена четкая система экономической и правовой подготовки кадров, отсутствовала должная координация в работе по выполнению программы. Ухудшился общеобразовательный уровень среди инструкторов горкомов и

райкомов КПСС. Партийными комитетами не принимались исчерпывающие меры по своевременному замещению вакантных должностей²⁴.

Результаты кадровой политики в Удмуртской организации КПСС представлены в таблице № 2.

Таблица № 2. О составе и сменяемости руководящих кадров по состоянию на 1 января 1990 г.²⁵

Показатели	Ответственные работники аппарата ОК КПСС				Ответственные работники горкомов, райкомов КПСС			
	на 1.02.1989 г.		на 1.01.1990 г.		на 1.02.1989 г.		на 1.01.1990 г.	
	абс.	%	Абс.	%	абс.	%	абс.	%
Всего должностей	74	100	74	100	606	100	606	100
из них замещено работниками	72	97,3	73	98,6	552	91,1	584	96,4
в т. ч. женщинами	9	12,5	9	12,3	217	39,3	230	39,4
в т. ч. удмуртами	23	31,9	25	34,2	181	32,8	195	33,4
Состав работников по образованию								
Высшее	72	100	73	100	516	93,5	541	92,6
Партийно-политическое (высшее и н/высшее)	25	34,7	32	43,8	130	23,5	124	21,2
Специалистов народного хозяйства	48	66,7	46	63,0	281	50,9	295	50,5
Специалистов сельскохозяйственного производства	13	18,1	13	18,1	129	23,4	138	23,6
Имеющих незаконченное высшее образование	—	—	—	—	16	2,9	20	3,4
Имеющих среднее образование	—	—	—	—	20	3,6	23	3,9

Состав работников по возрасту								
до 30 лет	1	1,4	–	–	50	9,1	46	7,9
31–40 лет	30	41,7	29	39,7	284	51,4	292	50,0
41–50 лет	32	44,4	29	39,7	154	27,9	171	29,3
51–60 лет	9	12,5	15	20,5	64	11,6	74	12,7
Старше 60 лет	–	–	–	–	–	–	1	0,2
Стаж работы в занимаемой должности								
до 1 года	38	52,8	17	23,3	214	38,8	150	25,7
1–5 лет	31	43,1	53	72,6	266	48,2	362	62,0
6–10 лет	2	2,8	3	4,1	43	7,8	47	8,0
Свыше 10 лет	1	1,4	–	–	29	5,2	25	4,3
Сменяемость работников								
Всего	13	18,1	16	21,9	173	31,3	118	20,2
выдвинуто на большую работу	6	8,3	10	13,9	72	13,0	47	8,0
направлено для укрепления отстающих участков работы	–	–	1	1,4	21	3,8	13	2,2
направлено на аналогичную работу	–	–	2	2,7	7	1,3	7	1,2
направлено на учебу	–	–	1	1,4	5	0,9	6	1,0
освобождено как скомпрометировавших себя	–	–	–	–	6	1,1	–	–

освобождено по семейным обстоятельствам, в связи с болезнью или переходом на пенсию	4	5,6	2	2,7	20	3,6	16	2,7
освобождено по другим причинам	3	4,2	–	–	42	7,6	29	5,0

1990 год прошел под знаком подготовки к очередному XXVIII съезду КПСС (июль 1990 г.), включившей обсуждение предсъездовских документов, проведение отчетно-выборной кампании. Участники мартовского (1990 г.) Пленума Удмуртского обкома КПСС определили в качестве главной задачи партийных органов, каждого коммуниста республики осмысление и пропаганду проектов Платформы и Устава КПСС. Пленум подвел итоги выборов народных депутатов. Отмечалось, что партийные комитеты республики, руководствуясь тезисами областной партийной организации «За новые Советы», платформами городских и районных партийных организаций, в целом положительно решили задачу обновления Советов. Среди избранных в республике народных депутатов коммунисты составили: ВС РСФСР – 92,3 %, УАССР – 84 %, местных Советов – 41,8 %. Пленум обязал бюро обкома КПСС, горкомы, райкомы партии, первичные парторганизации вести поиск новых форм взаимодействия с депутатами-коммунистами и последовательно проводить в жизнь меры, намеченные в предвыборных платформах²⁶.

Однако победа коммунистов оказалась относительной. К моменту выборов Удмуртская областная организация КПСС как монолит перестала существовать. Перестройка вызвала размежевание в партийных рядах. Пленумы обкома КПСС (апрель, май 1990 г.) рассмотрели Открытое письмо ЦК КПСС «За консолидацию на принципиальной основе». Согласившись с его выводами, участники пленумов выразили обеспокоенность действиями некоторых членов КПСС по расколу единства партии. Бюро обкома КПСС, горкомам и райкомам

партии было поручено: не ограничивая свободу дискуссий, отмежеваться от членов КПСС, стоящих на антисоциалистических, антипартийных позициях; вместе с тем внимательно подходить к тем коммунистам, которые введены в заблуждение, не смогли правильно оценить происходящую в партии перестройку²⁷.

Отчетно-выборная кампания 1990 г. отличалась широкой гласностью. Ее характер предопределила политическая ситуация в обществе, в частности, отмена 6-й статьи Конституции СССР, выборы народных депутатов. Она имела важное значение для переосмысления роли и места партии в обществе, возможностей низовых партийных звеньев, коллективного поиска новых форм работы. Неординарно проходили отчетно-выборные городские и районные партконференции. Многие выступавшие обращали внимание на снижение дисциплины среди коммунистов, ответственности за состояние дел на местах, призывали разоблачать несправедливые нападки в целом на партию, поднимать ее авторитет. Так, коммунист Н. Д. Долматов, мастер Глазовского ремонтно-механического завода, отметил: «...нет связи Центрального Комитета с коммунистами, есть только указания, которые мы поддерживаем. За пять лет перестройки страна не сдвинулась с места, есть много разговоров, но нет дела»²⁸.

Шел активный поиск новых форм политической деятельности. Образовывались горизонтальные структуры: советы секретарей, дискуссионные клубы и т.д. В Первомайском районе г. Ижевска, например, объединились коммунисты школьных партийных организаций; парторганизация совхоза «Можгинский» от производственно-территориального принципа строения перешла на территориальный.

В целом, областная партийная организация сделала шаг вперед в развитии внутрипартийной демократии. Впервые были проведены выборы делегатов на XXVIII съезд по избирательным округам; в партийных организациях избраны члены обкома КПСС, республиканской контрольно-ревизионной комиссии;

более половины секретарей парторганизаций избраны собранием или конференцией, в том числе почти все первые секретари горкомов и райкомов; из двух и более кандидатур избран 51 % секретарей первичных, 68 % секретарей цеховых парторганизаций. Лишь восемь из 20 первых секретарей райкомов были избраны без альтернативы²⁹. В целом, в руководящие партийные органы всех уровней избрано 19 944 коммуниста или каждый четвертый, состоящий на учете.

Вместе с тем не удалось преодолеть настроения ожидания, иллюзии получить от вышестоящих органов исчерпывающие объяснения по всем вопросам. Несмотря на демократический характер большинства собраний и конференций, не удалось избежать столкновений групповых пристрастий. В арсенале представителей «старой гвардии» оказалось немало «домашних заготовок» и т.п.

Особую тревогу руководства вызывало резкое снижение в партийных органах представительства трудящихся (26 % от всех избранных). Значительной была их сменяемость. Так, среди секретарей первичных парторганизаций она составила 41 %, среди цеховых – 39 %; на 45 % обновился состав первых секретарей горкомов и райкомов³⁰. Качественный состав выборных партийных органов УАССР представлен в таблице № 3.

Таблица № 3. Качественный состав выборных органов Удмуртской республиканской организации КП РСФСР (на начало 1991 г.)³¹

Показатели	Всего	В % к общему количеству
Избрано секретарями первичных парторганизаций:	2051	
Женщин	794	38,7
Рабочих	115	5,6
Рядовых колхозников	59	2,9
Специалистов сельского хозяйства	135	6,6
Инженерно-технических работников	416	20,3
По образованию:		

С высшим	1094	53,3
С неполным высшим	89	1,9
Со средним	873	42,6
С неполным средним	42	2,0
С начальным	3	0,1
Имеют ученую степень	9	0,4
Избрано в состав парткомов:	1781	
В т.ч. рабочих	293	16,4
Рядовых колхозников	223	12,5
Женщин	510	28,6
Избрано в состав партийных бюро:	5318	
В т.ч. рабочих	723	13,6
Рядовых колхозников	336	6,3
Женщин	2033	38,0
Избрано в состав парткомов и партбюро цеховых организаций:	5526	
В т.ч. рабочих	1596	28,9
Рядовых колхозников	134	2,4
Женщин	1521	27,5
Избрано партгруппорганами:	2519	
В т.ч. рабочих	825	32,7
Рядовых колхозников	127	5,0
Женщин	890	35,3

Отчетно-выборная кампания 1990 г. подтвердила тенденцию уменьшения рядов КПСС. Всего по стране в начале 1991 г. в этой партии состояло 14,2 млн. человек, на 2,4 млн. человек меньше, чем в 1989 г.³² К 1 октября 1990 г. в составе Удмуртской организации находились 83 832 коммуниста, или на 16 078 человек меньше, чем на 1 января 1989 г. Если за весь 1989 г. исключено и выбыло из рядов КПСС 3 766 человек, то за девять месяцев 1990 г. их количество составило 11 439 человек, в том числе 8 331 коммунист подал заявление о выходе из КПСС «из-за нежелания состоять в ее рядах». Это оказалось в шесть раз больше, чем за

1989 г.³³ Такие факты имели место практически во всех городских и районных партийных организациях. Среди лиц, заявивших о выходе из рядов КПСС, один процент составили кандидаты в члены КПСС и 12,8 % – молодые коммунисты с партстажем до пяти лет, 36 % – более 20 лет. Среди вышедших из партии 50,3 % являлись рабочими, 3,2 % – колхозниками, 34,1 % – служащими, 12,2 % – пенсионерами.

Одной из главных причин массового выхода из КПСС в 1989–1990 гг. стали результаты политики «гласности», когда более информированное общество узнало негативные страницы в истории правящей партии. В массовом сознании, в том числе и партийной среде вновь поднялась волна критики тоталитарной системы, возобновились дискуссии о путях развития советского общества. На эту же проблему указывало и руководство Удмуртского обкома КПСС, усматривая причину кризиса партии и коммунистической идеологии в политике гласности, «очернительских нападках и обвинениях в адрес партии, резком снижении уровня партийной работы, отрицании и разрушении коммунистических идеалов»³⁴.

Вместе с тем, анализ состава вышедших из Удмуртской организации КПСС показал, что 80,8 % расстались с партбилетом из-за нежелания выполнять партийные обязанности и уплачивать членские взносы с возросших заработков. Число коммунистов, не желающих платить партийные взносы, только в Ижевске за этот период возросло в 2,5 раза³⁵. В целом по СССР на 1 апреля 1990 г. имели задолженность по взносам 1,25 млн. человек, или 8,8 % состоящих на учете в КПСС³⁶. Усугубляла ситуацию и крайне неэффективная социально-экономическая политика, сопровождавшаяся резким ухудшением материального положения граждан. 635 коммунистов Удмуртии, или 7,6 % объяснили свой выход неудовлетворенностью решением жилищно-бытовых условий, деятельностью администрации по решению производственных и социальных вопросов, работой первичной парторганизации, ходом перестройки, или

совершили его в знак протеста против злоупотреблений служебным положением руководителей различных рангов, против преследований за критику и т.д. Что касается коммунистов-пенсионеров, то многие из них вышли из КПСС по причине безразличия к их судьбе со стороны первичных парторганизаций, вышестоящих партийных комитетов, отсутствия конкретной помощи, ссылались на плохое состояние здоровья и физическую невозможность выполнять партийные обязанности³⁷.

Резко обозначилась тенденция ослабления приема в партию рабочих. В 1989 г. из числа принятых кандидатами в члены КПСС рабочие составили 22,9 %, что повлекло к уменьшению их удельного веса в составе республиканской партийной организации с 28,8 до 26,8 %. Более 78 % парторганизаций предприятий промышленности, транспорта, связи и строительства прием в партию не вели вообще. Таким же положение оставалось и в 1990 г. Уменьшение притока молодежи в ряды КПСС привело к тому, что доля коммунистов-пенсионеров увеличилась с 18,8 % в 1988 г. до 21 % в 1990 г.³⁸

Итоги отчетов и выборов были рассмотрены на бюро Удмуртского рескома КП РСФСР. Оно рекомендовало горкомам и райкомам партии внимательно проанализировать все недостатки, замечания и предложения, высказанные участниками собраний, принять по ним соответствующие меры; обратить внимание на факты чрезмерного упрощения структуры парторганизаций, укрепление партийной дисциплины, повышение требовательности при приеме в партию, рассмотрение заявлений, связанных с выходом из нее; организовать учебу с вновь избранным партийным активом.

8–9 июня 1990 г. прошел первый этап XXXIX Удмуртской областной отчетно-выборной партконференции. Его главным событием стала смена лидера Удмуртского обкома КПСС, олицетворявшего собой определенный стиль политического руководства. В значительной степени этот факт был предопределен изменениями, происшедшими в сознании активной части

партийцев-делегатов форума. Об этом позволяют судить материалы опроса, проведенного в мае–июне 1990 г., накануне конференции, во всех городах и ряде районов республики с целью выяснения их отношения к проектам Платформы ЦК КПСС и Устава КПСС, перестройке в Удмуртской областной партийной организации. Среди 812 опрошенных коммунистов рабочие промышленных предприятий составили 25 %, рабочие совхозов и колхозники – 11,3 %, инженерно-технические работники – 24,3 %, работники науки, высшей и средней специальной школы – 2,3 %, школ и профтехучилищ – 5,5 %, культуры – 2,8 %, пенсионеры – 17 %, представители иных категорий – 12,4 %³⁹.

Одобрение большинства коммунистов получили предполагаемые меры по изменению отношения к собственности. На вопрос «поддерживаете ли Вы политику партии по развитию кооперативной собственности на здоровой основе» утвердительно ответили 66,6 %, отрицательно – 23,3 %, затруднились с ответом – 8,7 %; о допущении частного владения небольшими предприятиями в случае, если средства на это заработаны своим трудом – 65,5 %, 24,6 % и 8,6 % соответственно; о пользовании государственной собственностью на основе аренды – 78,2 %, 10 % и 11 % соответственно; о допущении групповой собственности на предприятия, учреждения службы быта и т.д. – 54,8 %, 24,9 % и 18,7 % соответственно⁴⁰.

Позитивно оценили коммунисты инициативы в сфере национальной политики. 92,5 % опрошенных поддержали расширение прав автономных республик, 91 % – право каждого народа на защиту родного языка и культуры, 98 % – сохранение русского языка как средства межнационального общения.

Произошли заметные изменения в сознании коммунистов по отношению к КПСС. Свою дальнейшую жизнь с пребыванием в партии связали 60 % респондентов, 6 % коммунистов были намерены выйти из партии и 33 % опрошенных ожидали решений XXVIII съезда КПСС, чтобы сделать выбор. Практически все коммунисты понимали необходимость продолжения

перестройки партии. По мнению 63,1 % респондентов ее ход зависел лично от каждого коммуниста; 60 % – от обкома партии; 35 % – от секретарей первичных парторганизаций; 34 % – от парткомов, партбюро.

В условиях изменения функций партийных, советских и профсоюзных органов 48 % опрошенных назвали в качестве основных сфер деятельности партии идеологическую работу, 23 % – воспитательную, 14 % – политическую. По мнению 30 % респондентов советские органы должны были заниматься экономикой и хозяйственными вопросами, 17 % – решением социальных вопросов, 14 % – законодательством, контролем за соблюдением законов. В функции же профсоюзных органов, по мнению 47 % опрошенных, должна была войти защита интересов трудящихся, 19 % – создание условий жизни и труда, 8 % – решение социальных вопросов⁴¹.

Одной из главных задач партии традиционно декларировалась защита человека труда. На вопрос «Кто, по Вашему мнению, лучше всего может защитить интересы «простого» человека в настоящее время?» респонденты ответили следующим образом: 24 % – средства массовой информации, 20 % – советские органы, 16 % – профсоюзы, 14 % – партийные органы, 14 % – органы правопорядка, 11 % – народный суд, 9 % – самостоятельные объединения граждан, 5 % – народный контроль.

По отношению к реформе внутрипартийной жизни 47 % опрошенных полагали, что требовалась коренная реорганизация аппарата; 28 % считали возможным частичную реорганизацию аппарата с ликвидацией части парткомов; 13 % опрошенных считали, что надо полностью отказаться от парткомов в нынешнем виде. 82 % высказались за прямые, тайные, альтернативные выборы первых секретарей парткомов. Разделились мнения коммунистов по отношению к принципу демократического централизма. С суждением о том, что каждый коммунист должен выполнять решение, принятое большинством, иначе не будет дисциплины, согласился 61 % опрошенных. 36 % считали, что парторганизация

не должна требовать участия коммунистов в мероприятиях, с которыми он не согласен, 44 % – парторганизация вправе приостанавливать постановления вышестоящих партийных органов. По отношению к внутривнутрипартийным фракциям 59 % коммунистов высказались отрицательно, 37 % посчитали возможным их существование⁴².

XXXIX отчетно-выборная партконференция завершилась 12 октября 1990 г. В соответствии с Уставом КПСС создавалась Удмуртская республиканская партийная организация Компартии РСФСР⁴³. Октябрьский (1990 г.) Пленум рескома избрал секретарей, членов бюро рескома партии, иные руководящие органы, утвердил состав постоянных комиссий из членов рескома по направлениям работы, руководителей комиссий; по поручению XXXIX партконференции доработал и принял текст Политического заявления.

Как и прежде, Секретариат бюро Удмуртского республиканского комитета КП РФ был избран из пяти человек (все – русские, из них по профессиональному образованию 2 – инженерно-технические работники, 2 – специалисты сельского хозяйства и 1 – историк). Первый секретарь Н. И. Сапожников осуществлял общее руководство. На него непосредственно выходили общий отдел, управление делами, образованная комиссия по межнациональным отношениям. Секретарю Р. Г. Добровольскому поручался участок партийно-политической работы. Он курировал отделы партийных организаций, идеологический, общественно-политический и учебный центр и возглавлял комиссию по работе с партийными организациями. Второй секретарь М. А. Козлов сосредоточился на социально-экономической политике рескома, курировал отделы социально-экономического анализа, законодательных инициатив и правовых вопросов и возглавлял комиссию по социально-экономическим проблемам. Секретарь рескома Л. П. Порцева одновременно являлась заведующей идеологическим отделом и возглавляла идеологическую комиссию. Секретарь рескома В. К. Чистяков утверждался заведующим отделом социально-экономического анализа

и председателем комиссии по аграрной политике. Е. В. Роганов возглавил финансово-хозяйственную комиссию⁴⁴.

Из 11 избранных членов Бюро 6 были русскими, 3 – удмуртами, 2 – белорусами. Трое из них представляли преподавателей гуманитарных дисциплин, пятеро – промышленные профессии, по одному – сферу культуры, сельского хозяйства и военную специальность. В составе Бюро оказались 4 партийных функционера, 3 руководителя образовательных учреждений и их подразделений, 1 – директор промышленного предприятия, 1 – руководитель животноводческого комплекса, 1 – руководитель художественного коллектива и 1 рабочий⁴⁵.

Впервые в республиканской партийной организации появились такие структурные подразделения, как общественно-политический и учебный центр (руководитель – Ю. И. Копысов), созданный на базе Дома политического просвещения, университета марксизма-ленинизма, курсов повышения квалификации партийных, советских и идеологических кадров, а также центр производственно-финансовой деятельности.

В функциях партаппарата основной упор был сделан на непосредственное обеспечение деятельности выборных органов, разработку теоретических вопросов, пропагандистскую работу. В рескоме число освобожденных партийных работников сократилось на 45 %, в горкомах и райкомах партии – на 50 % и составило соответственно 37 и 302 работника. В первичных парторганизациях вдвое было сокращено число освобожденных партийных кадров. Из 1 357 должностей к февралю 1991 г. осталось 791⁴⁶.

В партии создавались совершенно новые органы – контрольные комиссии. В Верховном Совете УР из числа депутатов-коммунистов сформировалась парламентская группа, а для оказания помощи в организации ее работы – отдел законодательных инициатив и правовых вопросов. В условиях многопартийности встал вопрос о создании при рескоме пресс-группы.

В Политическом заявлении XXXIX Удмуртской партийной конференции были изложены основные направления деятельности коммунистов республики в новых условиях. Конкретные меры по их реализации выработал январский (1991 г.) совместный Пленум Удмуртского рескома КП РФ и Контрольной комиссии.

Коммунисты республики по-прежнему видели свое назначение в разработке, пропаганде и реализации программ улучшения социально-экономического положения граждан. При проведении приватизации они выступили за приоритет коллективных форм собственности, создание системы социальной защиты малоимущих граждан⁴⁷.

Партийные организации не могли мириться с тем, что начавшаяся конверсия предприятий ВПК лишила значительную часть трудящихся республики социальной защиты. Органы власти, считали они, должны изыскивать средства для обеспечения полной занятости и сохранения уровня жизни, наращивания объемов производства за счет выпуска продукции мирного назначения. В конце 1990 г. по инициативе рескома КП РФ состоялось совещание с участием союзных министерств и ведомств. На нем пришли к общему мнению, что должна быть выработана региональная программа «Конверсия Удмуртии».

Одним из острейших в республике оставался вопрос снабжения населения продуктами питания. Его решение виделось на нескольких уровнях: обеспечение граждан землей, стройматериалами, инвентарем; максимальное использование возможностей предприятий и организаций в строительстве теплиц, баз хранения, оказание помощи малым предприятиям и кооперативам, занимающимся производством продуктов питания, реконструкция предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности.

Партийные организации поддерживали инициативу ВС и Правительства республики, Ассоциации промышленных предприятий по обеспечению развития сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности и настаивали на

предоставление им налоговых льгот. Поддерживая дальнейшее развитие колхозного и совхозного производства, коммунисты в то же время стремились содействовать становлению новых форм хозяйствования без распродажи земли. В аграрной политике они придерживались той позиции, что социальное обустройство и развитие инфраструктуры села должно было обеспечиваться за счет государственных средств.

Важнейшая социальная проблема виделась коммунистам в обеспечении населения жильем. Партийная организация выступила за выделение и передачу жилья, исходя из утвержденных норм, безвозмездно в личную собственность и продажу сверхнормативной площади; дифференцированный подход к стоимости жилья; разработку республиканской программы ликвидации ветхого и аварийного жилья. Коммунисты настаивали на расширении помощи государства в обеспечении жильем инвалидов, ветеранов войны и труда, молодежи.

Партийное руководство высказалось за принятие Закона УАССР об охране здоровья и программы «Экология» и предложило до конца 1990 г. выделить в каждом городе, районе объекты особой экологической опасности, наметить неотложные природоохранные меры, в том числе по реконструкции или строительству очистных сооружений. Предусматривалось ввести льготный режим налогообложения и кредитования для предприятий, вкладывавших средства в охрану окружающей среды.

В области культуры, науки, образования, межнациональных отношений коммунисты предлагали: разработать научно обоснованную концепцию их развития; способствовать созданию фондов финансирования научных исследований; сотрудничать с научной и творческой интеллигенцией по повышению духовного потенциала общества; создать при партийных комитетах центры поддержки народного образования, культуры и здравоохранения. Реском партии предусмотрел расширение форм клубной и культурно-массовой работы в общественно-политическом и учебном центре; создание на базе конференц-зала

рескома клуба творческой интеллигенции; восстановление музейного комплекса «Арсенал»; оказание практической помощи Обществу удмуртской культуры в проведении Всесоюзного съезда удмуртов и др.

Также республиканская партийная организация выступила за последовательное проведение в жизнь конституционного принципа равноправия граждан и считала целесообразным: выступать против любых форм дискриминации; содействие утверждению на территории Удмуртской АССР государственными русского и удмуртского языков, обеспечению принципа свободного развития всех языков и культур народов, проживающих в республике; развитие научных и культурных связи областей, республик Уральского, Волго-Вятского и других регионов.

Значительное место в деятельности Удмуртского рескома КПРФ отводилось внутрипартийным вопросам. Растущая политизация общества ставила партийную организацию перед выбором: «либо быстро пойти вперед и повернуть активность трудящихся в русло конструктивных действий, либо смотреть со стороны, как то же самое, но в ином направлении сделают другие политические силы». Разговоры о деполитизации объявлялись «сказками для политически наивных людей»⁴⁸. По мнению коммунистов республики, речь шла о строительстве таких партийных отношений, которые ставили бы во главу угла развитие политической активности коммуниста. Другая сторона этого процесса заключалась в том, чтобы направить деятельность парторганизаций по укреплению связей с массами, на завоевание их доверия.

В основу деятельности Удмуртской организации закладывалась работа по обеспечению самостоятельности первичных организаций, их участие в выработке партийной политики, практической реализации власти партийных масс, обеспечению принципов равноправия членов партии, гарантии прав меньшинства. Постановка на учет, регулярные отчеты секретарей и членов партийных комитетов всех уровней, использование на практике права на отзыв

должны были стать действенным средством ликвидации их отрыва от партийных масс. Приветствовались предложения по созданию советов секретарей, дискуссионных клубов, теоретических семинаров и других форм объединения членов КПСС по интересам и проблемам.

В партийных документах нашла отражение идея внутрипартийной солидарности. Коммунисты республики считали неправомерным перекладывание ошибок политического руководства страны на плечи рядовых членов партии. Особая забота требовалась по отношению к ветеранам партии. Предлагалось оказывать помощь молодым коммунистам. При партийных комитетах планировалось создать службы внимания, образовать фонд социальной помощи коммунистам.

Выполняя решения партийных форумов по изменению форм и методов работы парткомов, в ноябре 1990 г. бюро приняло решение упразднить существовавшую ранее номенклатуру должностей. На этом заседании был рассмотрен и вопрос «О взаимодействии республиканской организации КП РСФСР с другими общественными объединениями». Образовывался координационный совет, который возглавил второй секретарь рескома КП РСФСР М. А. Козлов. Совету было предложено провести консультации с лидерами общественных объединений УР о принципах взаимодействия в деле достижения гражданского и национального согласия в республике, совместных путей выхода из кризиса⁴⁹.

Между тем, в условиях многополюсного политического пространства ведущей тенденцией в отношениях КПСС с демократическим окружением сохранялось противостояние, сводившееся к огульной критике оппозиции. Об этом свидетельствует, например, ориентировка под грифом «Секретно», составленная в Удмуртском обкоме КПСС весной–летом 1990 г. на республиканское добровольное общество «Движение за демократию». Характеризуя состав ДзД, автор (или авторы) документа отмечали, что «среди

членов организации есть люди экстремистского толка... не имеющие своего мнения и слепо идущие за кем-либо, обиженные в свое время, профессиональные жалобщики...»⁵⁰. Весьма нелестные отзывы, не соответствующие действительности, зачастую наивные и нелепые, представители партийного аппарата давали формам и методам деятельности «дезодорантов» (так называли «движенцев» в партийных кругах. – С. Б.): «На многочисленных заседаниях актива и общих собраниях членов ДЗД, которые скорее всего похожи на новгородское вече, обсуждаются вопросы, далекие от насущных проблем сегодняшнего дня... Особенности предвыборной тактики ДЗД заключались в следующем:

1) не торопиться выдвигать кандидатуру в том или ином округе. Терпеливо ждать, когда там выдвинется аппаратчик. Тогда выдвигать своего...

2) Любой ценой собрать компромат на аппаратчика любого ранга.

3) Активная поддержка своего депутата (так в документе. – С. Б.) на предвыборных собраниях и захлопывание всех инакомыслящих...

Наблюдения показывают, что для организаторов «Движения» рядовые его члены являются лишь инструментом в удовлетворении своих политических амбиций и корыстных властолюбивых устремлений... Подталкивают их к гражданской конфронтации, действуя по принципу: «Чем хуже, тем лучше».

Особую тревогу обкома КПСС вызывало то обстоятельство, что ДЗД действительно строило свою работу в тесном сотрудничестве с уже заявившими о себе лидерами оппозиционных организаций (Экологический Союз, Клуб гражданской инициативы). По характеристике авторов шла «тесная стыковка ДЗД с кооператорами». Деятельность ДЗД получила поддержку и бюро обкома ВЛКСМ. В целом, документ отразил уровень политической культуры представителей партии, не привыкшей к конкурентной борьбе парламентскими методами.

В декабре 1990 г. бюро утвердило состав республиканского Совета секретарей партийных организаций. Он создавался в целях укрепления связи первичных парторганизаций с рескомом КП РСФСР, демократизации их взаимоотношений и учета мнений широких масс коммунистов при выработке основополагающих партийных документов.

Одним из важнейших направлений работы провозглашались освоение и накопление опыта парламентской деятельности. В условиях однопартийной системы эта задача не вставала. Поэтому, как показали прошедшие выборы, партийному руководству не удалось избежать ошибок (пассивность парткомов, использование устаревших форм агитационно-массовой работы, «сталкивание лбами» коммунистов в борьбе за мандат и т.д.). Новое положение партии потребовало по-новому оценить работу по месту жительства населения, ибо на территорию перемещался центр политической борьбы в период избирательных кампаний. В УАССР к 1991 г. насчитывалось 177 территориальных парторганизаций с количеством членов около 10 тыс. Однако, как подчеркивалось в партийных документах, в нынешнем состоянии они не могли стать опорой в борьбе за влияние среди населения⁵¹. На основе нового Устава предлагалось перемещать из трудовых коллективов на работу по месту жительства опытных организаторов и пропагандистов, активнее идти на создание территориальных парторганизаций «нового типа» (объединяющих коммунистов, которые по роду своей служебной деятельности имеют постоянные контакты с населением – работники правоохранительных органов, торговли, службы быта, почтовой связи, культуры, детских дошкольных учреждений, служащие госучреждений, участковые врачи, учителя и др.).

Другая задача состояла в том, чтобы как можно плотнее состыковать партийную работу с влиянием на деятельность депутатов Советов. Как сетовали партийные работники, формирование фракций в Советах «необоснованно затягивается». В УАССР в 1991 г. они были созданы лишь в половине районных

и только в 24 сельских Советах из 277⁵². «Логика парламентских действий» заставляла подумать «о мостах», соединяющих фракции Советов с парторганизациями избирательных округов, о взаимодействии коммунистов при выдвижении кандидатов и проведении избирательной кампании. Следовало также сделать правилом, чтобы проекты важнейших законодательных актов оперативно апробировались через коммунистические фракции в Советах и через первичные партийные организации – в трудовых коллективах. В этой связи определенные надежды возлагались на создаваемый в рескоме отдел по работе с Советами, который был призван наладить постоянное взаимодействие между парткомом и депутатами-коммунистами. Предполагалось привлечь через этот отдел или соответствующую комиссию рескома к обеспечению парламентской деятельности ученых, специалистов народного хозяйства.

Требовалось определить отношение партии к изменению положения общественных объединений, прежде всего своего кадрового резерва – ВЛКСМ. В названных документах было зафиксировано, что Удмуртская республиканская организация Коммунистической партии РСФСР сотрудничает с ВЛКСМ, другими молодежными организациями, поддерживает их инициативы по следующим вопросам молодежной политики: участию молодежи в разработке и принятии решений по ее проблемам; обеспечению социальных гарантий молодежи; предоставлению возможностей для добровольного труда школьников и студентов во внеучебное время.

Парторганизация республики не могла согласиться с требованием о запрещении деятельности партийных, комсомольских, пионерских и других общественных организаций в учебных заведениях. Парткомы обязывались занять четкую и последовательную позицию по проблемам мировоззренческой подготовки будущих специалистов, реформы преподавания общественных дисциплин. Эта работа должна была проводиться на основе рекомендаций советов по гуманитарному образованию, создаваемых в вузах. По данным

вопросам в декабре 1990 г. состоялся семинар-совещание с секретарями парткомов, руководителями вузов, преподавателями кафедр общественных наук. Намечалось создание при рескоме партии Совета ученых-обществоведов.

В январе 1991 г. бюро рескомов Компартии РСФСР и ВЛКСМ приняли двустороннее соглашение о принципах и формах взаимоотношений. Намечалось обсудить взаимоиинтересующие проблемы на совместном пленуме рескомов партии и комсомола и четко сформулировать молодежную политику республиканской парторганизации. Целесообразным признавалось создание молодежной комиссии рескома КП РСФСР.

На повестку встал вопрос о формах партийно-политических действий в трудовых коллективах. Партия уже не должна была вмешиваться в распорядительную деятельность и нести ответственность за ее результаты. Партийная организация оставляла за собой право публично отмежевываться от отвергаемых коллективом решений. В то же время она могла поддерживать решения администрации, отвечающие позиции коммунистов. В любом случае следовало выступать активной консолидирующей силой, избегая противостояния с администрацией. На рубеже 1980-х – 1990-х гг. появилась практика заключения договоров партийных организаций с администрацией или советами трудовых коллективов. Сдерживало ее отсутствие закона об общественных объединениях. После появления закона этот процесс усилился. В таких договорах фиксировались обязательства партийных организаций, связанные прежде всего с проведением воспитательной работы, изучением и обобщением общественного мнения. В свою очередь администрация или СТК обязывались создать условия для подобной работы парторганизаций: предоставлять безвозмездно помещения, множительную технику, средства связи и др.

В отношениях с СТК, профсоюзами и комсомолом требовалось исходить из принципа уважения их самостоятельности, не допуская каких-либо указаний в их адрес. В то же время партийная организация была вправе высказать свою

точку зрения по решениям, которые принимались этими органами, выносить на их рассмотрение через коммунистов альтернативные проекты. Парторганизациям предлагалось проявлять максимум заинтересованности в избрании коммунистов в различные общественные органы, освобождая их от других партийных обязанностей, а также создавать партийные группы в выборных органах. Смысл такой деятельности заключался в том, чтобы предотвратить «переполитизацию» трудовых коллективов в условиях, когда на производстве начинали возникать альтернативные КПСС объединения.

Значительная роль отводилась партийному влиянию в СМИ. Здесь важнейшим участком работы провозглашалось создание эффективной системы информирования трудящихся о работе парторганизаций, доведение до граждан позиции коммунистов по актуальным вопросам жизни. Взаимоотношения с редакциями, по мнению партийного руководства, должны были строиться на принципах равноправия и сотрудничества, ответственности и профессиональной самостоятельности. Выдвигались требования последовательно проводить политическую линию КПСС и не публиковать «антипартийных» выступлений, особенно в подконтрольных изданиях. Секретари парткомов всех уровней, коммунисты и беспартийные приглашались к активному участию в осуществлении информационной политики партии. Укрепляя редакции журналистами с твердыми партийными убеждениями, предлагалось создавать коллективам благоприятные условия для творческой работы. В связи с повышением цен на газеты и журналы следовало за счет средств, оставляемых от сбора взносов в парторганизациях, поддерживать партийные издания, вести работу по их распространению среди членов своих организаций. Наконец, перед коммунистами, работающими в СМИ, ставилась задача активно включиться в работу по формированию общественного мнения о Союзном договоре, о частной собственности на землю и, возможно, о названии республики⁵³. Практически в рескоме образовалась пресс-группа. Были достигнуты соглашения с ВС и СМ

УАССР о соучредительстве республиканских газет «Удмуртская правда» и «Советской Удмуртия». Планировалось, что с 1992 г. «Удмуртская правда» станет газетой республиканской партийной организации. Одновременно начала выходить газета коммунистов г. Ижевска «Трибуна». Было принято решение об издании нового общественно-политического журнала. На республиканском радио коммунисты смогли организовать собственную редакцию⁵⁴.

В целом, выработанные подходы партийной организации республики и конкретные шаги по их реализации соответствовали Заявлению XXVIII съезда КПСС «К гуманному, демократическому социализму». Коммунисты Удмуртии выступили за: содействие становлению Советов как органов народовластия; активное использование права законодательной инициативы в интересах улучшения жизни людей, социальной защиты граждан республики в условиях перехода к рынку, укрепления экономического суверенитета Удмуртии; сотрудничество с партиями и движениями, стоящими на позициях социалистического выбора, гуманизма и демократии.

Важнейшим событием в партийной жизни республики стал апрельский (1991 г.) Пленум Удмуртского рескома КП РСФСР. В его постановлении отмечалось, что обострение политической и социально-экономической ситуации в стране и партии, усиливавшаяся дезинтеграция народного хозяйства, «разгул антисоветизма», забастовочной и стачечной стихии, падение государственной и общественной дисциплины, резкое снижение жизненного уровня людей оказывали дестабилизирующее влияние на жизнедеятельность республики. В этих условиях главной политической задачей республиканской парторганизации провозглашалось проведение работы за скорейшее подписание Союзного договора. Пленум сосредоточил усилия коммунистов на политической работе по выдвижению и обсуждению кандидатов на пост Президента РСФСР и потребовал от своего ЦК скорейшего созыва пленума. Его участники осудили стремление Кабинета министров СССР переложить тяжесть экономических

просчетов переходного периода на трудящихся. Было принято решение обратиться к ВС и СМ УАССР, местным органам Советской власти с требованием изыскать дополнительные возможности по компенсации удара реформы ценообразования по малообеспеченным слоям населения. Участники пленума обратились к народным депутатам, хозяйственным руководителям, общественным организациям, признающим социалистический выбор, с призывом объединить усилия для стабилизации экономики, социальной защиты трудящихся, укрепления дисциплины и порядка, выхода из кризисного состояния⁵⁵.

Вместе с тем, демократизация партийной жизни не приостановила кризис. Продолжился массовый отток коммунистов, резко сократился прием в партию, снизилась доля рабочих, повысился средний возраст ее членов. Вскоре после событий августа 1991 г. деятельность КПСС в соответствии с Указом Президента РФ от 6 ноября 1991 г. была прекращена.

¹ Спирин И. А. Место и роль региональных элит в российском политическом процессе... С. 105.

² П. С. Грищенко исключил возможность карьерного роста В. А. Соловьева, будущего заместителя Председателя СМ УР в начале 1990-х гг., Ю. П. Кудяшева, Председателя СМ УАССР в 1978–1987 гг. В частности, Ю.П. Кудяшев оставался последней сильной фигурой в среде удмуртского народа. Будучи основным претендентом на должность первого секретаря после П. С. Грищенко, он в будущем мог рассматриваться как одна из кандидатур на пост Президента республики. Однако случайный выстрел на охоте из его ружья стал смертельным для егеря и роковым для карьеры Кудяшева.

³ Егоров И., Мацузато К. Удмуртская Республика. Хроника политического процесса (1988–1999 гг.)... С. 276.

⁴ ЦДНИ УР, ф. 16, оп. 1, д. 15076, л. 1, 51.

⁵ Цит. по: Загуляева Н. Вопросов больше, чем ответов // Вестник обкома КПСС. 1990. № 14, июль. С. 6.

⁶ ЦДНИ УР, ф. 16, оп. 1, д. 15076, л. 47–48.

⁷ Полная смена состава обкома не была исключением для областных организаций КПСС. Как справедливо отмечают И. В. Егоров и К. Мацузато, специфика Удмуртии заключалась в том, что П. С. Грищенко не ушел на пенсию самостоятельно, в отличие, например, от В. Г. Афонина (Самарская область), и редких уцелевших брежневских «феодалов» типа свердловского Л. Ф. Бобыкина и закарпатского Г.И. Бандровского. Даже после поражения своего лидера республиканская партийная конференция выражала достаточно большое доверие Грищенко.

⁸ Томшич В. Устав – организационное оружие партии // Пропагандист и агитатор. 1985. № 22, ноябрь. С. 8.

⁹ Там же. С. 9.

¹⁰ Пахомова И. Кадровая политика в условиях перестройки // Пропагандист и агитатор. 1987. № 5, март. С. 5.

¹¹ Фоминов А. Добиться крутого перелома // Пропагандист и агитатор. 1988. № 4, февраль. С. 5.

¹² Томшич Т. Духовные основы перестройки // Пропагандист и агитатор. 1987. № 12, июнь. С. 4.

¹³ Время требует коренных перемен // Пропагандист и агитатор, 1987. № 7, апрель. С. 2–5.

¹⁴ Фоминов А. Добиться крутого перелома... С. 5.

¹⁵ Томшич В. Партия коммунистов: политическое обеспечение перестройки // Пропагандист и агитатор. 1988. № 7, апрель. С. 6–7.

¹⁶ Совет по изучению и формированию общественного мнения при Удмуртском обкоме КПСС был создан в конце 1986 г. как орган, координирующий изучение мнения населения и способствующий выработке

рекомендаций с учетом предложений и замечаний трудящихся. Первоначально Совет состоял из 18 человек. Его председателем являлась секретарь обкома КПСС Г. Н. Васильева (см.: Щипакин Ю. Изучая мнение общественности // Пропагандист и агитатор. 1989. № 11, июнь. С. 22).

¹⁷ Розенберг А. Политическая культура в зеркале общественного мнения // Пропагандист и агитатор. 1988. № 9, май. С. 7–8.

¹⁸ Томшич В. Кредит доверия // Пропагандист и агитатор. 1989. № 9, май. С. 2–3.

¹⁹ Фоминов А. О новой структуре партийного аппарата // Пропагандист и агитатор. 1989. № 3, февраль. С. 10–11.

²⁰ ЦДНИ УР, ф. 16, оп. 1, д. 14720, л. 12, 20.

²¹ Фоминов А. О новой структуре партийного аппарата... С. 11–12.

²² Пахомова И. Новому обществу – обновленную партию // Пропагандист и агитатор. 1989. № 18. С. 5–6.

²³ Томшич В. Кредит доверия... С. 4.

²⁴ Как реализуем намеченное? // Вестник обкома КПСС. 1990. № 5, март. С. 6.

²⁵ Там же. С. 5–6.

²⁶ О работе бюро и секретариата обкома КПСС за январь – март 1990 года // Вестник обкома КПСС. 1990. № 9, май. С. 6.

²⁷ О деятельности бюро и секретариата обкома КПСС в апреле – июне 1990 года // Вестник обкома КПСС. 1990. № 15, август. С. 15.

²⁸ Гоголев Л. Что показали отчеты и выборы? // Вестник. 1991. № 3, февраль. С. 7.

²⁹ Гоголев Л. Нужна консолидация // Вестник обкома КПСС. 1990. № 14, июль. С. 8.

³⁰ Там же. С. 6–8.

³¹ Гоголев Л. Что показали отчеты и выборы?... С. 8–9.

³² Государственный недоворот // Власть. 2001. № 33. С. 13; Лущикова С. Л. Удмуртский обком КПСС в 1987–1990 гг... С. 4.

³³ Соколов В. Сумеем ли укрепить свои ряды? Вестник обкома КПСС. 1990. № 21, ноябрь. С. 4–7. С. 5.

³⁴ Лущикова С. Л. Удмуртский обком КПСС в 1987–1990 гг... С. 4; ЦДНИ УР, ф. 16, оп. 1, д. 15246, л. 3.

³⁵ Лущикова С. Л. Удмуртский обком КПСС в 1987–1990 гг... С. 4; ЦДНИ УР. Ф. 16, оп. 1, д. 15145, л. 23.

³⁶ Лущикова С. Л. Удмуртский обком КПСС в 1987–1990 гг... С. 4.

³⁷ Соколов В. Сумеем ли укрепить свои ряды? С. 6.

³⁸ Там же. С. 7.

³⁹ Пырегов О. Точки зрения различны // Вестник обкома КПСС. 1990. № 14, июль. С. 9.

⁴⁰ Там же. С. 9–10.

⁴¹ Там же. С. 10–11.

⁴² Там же. С. 11.

⁴³ ЦДНИ УР, ф. 16, оп. 1, д. 15080, л. 54.

⁴⁴ Антонов В. Реском: новая структура, новые функции // Вестник. 1991. № 3, февраль. С. 2.

⁴⁵ Там же. С. 3–4.

⁴⁶ Там же. С. 2.

⁴⁷ Политическое заявление XXXIX Удмуртской партийной конференции (основные направления деятельности коммунистов республики) // Вестник обкома КПСС. 1990. № 22, ноябрь. С. 2.

⁴⁸ Авторитет партии укреплять делами. (Из материалов зональных совещаний секретарей первичных парторганизаций) // Вестник. 1991. № 1, январь. С. 2.

⁴⁹ О деятельности бюро и секретариата рескома КП РСФСР за IV квартал 1990 года // Вестник. 1991. № 3, февраль. С. 5.

⁵⁰ Секретно. Информация о деятельности неформальной организации «Движение за демократию» // Бюллетень. Движение за демократию. 1990, июль.

⁵¹ Авторитет партии укреплять делами... С. 4.

⁵² Там же. С. 5.

⁵³ Прозоров Г. Время действовать. По материалам совместного пленума республиканского комитета и контрольной комиссии Удмуртской партийной организации // Вестник. 1991. № 5, март. С. 5.

⁵⁴ Там же. С. 5.

⁵⁵ В трудный час (Пленум Удмуртского рескома КП РСФСР 22 апреля 1991 г.) // Огни Прикамья. 1991. № 1. С. 3–4.

1.2.3. Общественные объединения

В советской политической системе существовала четкая иерархия общественных объединений. «Боевым резервом» КПСС являлся ВЛКСМ. В СССР в 1985 г. он объединял свыше 42 млн. человек, насчитывая более 1,7 млн. комсомольских групп, цеховых и первичных организаций, около 4,6 тыс. районных, городских, областных и краевых организаций. Весьма значительным было партийное ядро в комсомоле. В 1985 г. в нем работали 1 548 тыс. членов и кандидатов в члены КПСС¹. Взаимоотношения партии и комсомола строились на основе Устава КПСС, предусматривавшего руководство КПСС работой ВЛКСМ. Его идеологическую основу составляло единство целей. К началу перестройки сложились эффективные формы политического руководства ВЛКСМ: партийное ядро в комсомоле, институт партприкрепленных, взаимное представительство в руководящих органах, проведение совместных собраний и активов, обсуждение вопросов комсомольской работы в партийных комитетах, проверка работы комсомольских организаций, совместная политучеба, встречи и беседы с коммунистами и т.д. По словам первого секретаря Удмуртского обкома ВЛКСМ С. В. Артахова, все положительные сдвиги в коммунистическом воспитании молодежи связывались с непосредственным руководством со стороны обкома КПСС, местных партийных органов².

Вместе с тем на рубеже 1970-х – 1980-х гг. в комсомоле проявились глубокие противоречия между демократическим характером его организации и бюрократическими методами руководства. Во многих структурах укоренился формализм. Стремясь сохранить темпы количественного роста рядов ВЛКСМ, его комитеты упустили качественную сторону работы. Появились контрольные задания по приему в комсомол и как следствие – снижение требовательности к вступающим. Ослабла внутрисоюзная дисциплина. Более миллиона комсомольцев ежегодно выбывали из своих организаций, не снявшись с учета³.

В новой редакции Программы КПСС особо подчеркивалось, что партия и впредь будет повышать роль ВЛКСМ в воспитании «подрастающей смены», в улучшении работы пионерской организации, в практическом решении задач ускорения социально-экономического развития страны. Особое внимание партия уделила организационно-политическому укреплению ВЛКСМ, развитию его самостоятельного начала⁴. Программные и уставные положения, принятые XXVII съездом КПСС, нашли отражение в измененном Уставе ВЛКСМ, утвержденном XX съездом комсомола (апрель 1987 г.).

Во второй половине 1980-х гг. ВЛКСМ оставался мощной общественно-политической организацией, имевшей авторитет в партийных и государственных органах и выполнявшей разнообразные социальные функции. Со второй половины 1980-х гг. относительно новым направлением деятельности комсомола стала работа с неформальными организациями молодежи. Так, по данным исследования, проведенного научно-исследовательским центром Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ, в Москве в 1987 г. причисляли себя к таковым 52,7 % молодых ИТР, 65,1 % молодых рабочих, 71,4 % студентов, 71,7 % десятиклассников, 89,4 % учащихся ПТУ. Среди опрошенных 60 % составили комсомольцы. В ряде населенных пунктов УАССР в 1986–1987 гг. также появились самостоятельные организации молодежи. В целом отношение комсомола к подобного рода формированиям определялось Пленумом ЦК ВЛКСМ (декабрь 1987 г.): «Никакой альтернативы или конкуренции комсомолу объединения молодежи по интересам не составляют... Конечно, возникшие объединения неоднозначны. Есть среди них и такие, против которых комсомол будет вести бескомпромиссную борьбу»⁵. В связи с появлением неформальных молодежных объединений возросло внимание к политической учебе. В 1988 г. в 27 районах и городах республики действовали 40 дискуссионных клубов.

Положение ВЛКСМ резко изменилось с ликвидацией господства КПСС в политической системе. С одной стороны, значительным оставалось

представительство комсомольцев в органах власти. Так, в ВС УР в 1990 г. 12 депутатов были выдвинуты от ВЛКСМ; в местных Советах работали 1 420 представителей комсомола⁶. С другой стороны, демократизация привела к необратимым изменениям внутрисоюзной жизни. Численность комсомольцев в республике сократилась со 176 118 человек в 1989 г. до 87 тыс. осенью 1991 г.⁷ Одновременно шло сокращение союзного аппарата. В 1991 г. штат Удмуртского рескома ВЛКСМ составил 20 человек (в 1988–1989 гг. – до 80 человек). В сельских райкомах осталось по два–три освобожденных работника. Деятельность Удмуртской организации ВЛКСМ уже не соответствовала ее названию и статусу. На намечаемой республиканской конференции планировалось принять новые Устав и Программу. Об этом бюро рескома ВЛКСМ заявило в печати 26 августа 1991 г. Суть заявления сводилась к тому, что объединение республиканских молодежных организаций комсомола утратило свою целесообразность, необходима немедленная отмена Устава и ликвидация союзных структур ВЛКСМ. Предстояло создание на базе комсомола совершенно новой организации, «свободной от любых идеологических догм и имеющей главной целью заботу о молодежи». Хотя новая организация предполагала стать правопреемницей республиканской комсомольской организации⁸.

Внеочередная XLI республиканская комсомольская конференция 21 сентября 1991 г. приняла решение о создании новой организации, свободной от влияния политических партий и движений. Учитывая объективные процессы в развитии общества, демократизацию всех общественных структур, с целью самоопределения комсомольских организаций республики, возможного организационного оформления других молодежных объединений, изъявивших желание объединиться на республиканском уровне, был объявлен организационный период до ноября 1991 г. и образован координационный комитет⁹. 7 декабря 1991 г. на втором этапе конференции на основе Удмуртской

республиканской комсомольской организации была образована Удмуртская федерация молодежных организаций в составе Российского Союза молодежи¹⁰.

Важнейшее место в политической организации советского общества занимали профсоюзы. Из года в год повторяя известное положение о том, что «профсоюзы – передаточный механизм от партии к массам», самостоятельные профессиональные объединения трудящихся, созданные во имя защиты своих прав и интересов, оказались в подчинении командно-административной системы. В условиях перестройки возникла необходимость заново осмыслить задачи и функции профсоюзов с учетом мнения общественности. С этой целью в 1989 г. руководство Удмуртского облсовпрофа провело встречи с профсоюзным активом, хозяйственными руководителями, собрания в первичных организациях, пленумы обкомов и райкомов отраслевых профсоюзов. В ходе проведенных мероприятий выяснилось, что в центре внимания общественности находились вопросы развития социальной сферы, выполнения жилищной программы, улучшения продовольственного снабжения, производства товаров народного потребления, повышения качества медицинского и бытового обслуживания. Все предложения были обобщены и вынесены на обсуждение Пленума облсовпрофа, который определил основными функциями профсоюзных органов социально-экономическую (защитную) и воспитательную.

VI пленум ВЦСПС (сентябрь 1989 г.) потребовал от всех профсоюзных органов поворота деятельности именно к усилению защиты прав и законных интересов трудящихся, прежде всего в вопросах оплаты, условий и охраны труда, занятости, ценообразования, социальных нужд (жилье, общественное питание, бытовое обслуживание, оздоровление), экологической безопасности, реализации духовных интересов, профессионального, физического и нравственного совершенствования. Наряду с этим было заявлено, что в условиях дальнейшего развития производственной демократии, в соответствии с Законом о государственном предприятии, сейчас уже не профсоюзный комитет, а Совет

трудового коллектива призван вместе с администрацией взять на себя вопросы организации труда и производства, заботу о высоком качестве продукции и услуг, экономном использовании ресурсов, подготовке и повышению квалификации кадров, внедрении хозрасчета, развитии бригадных форм, арендного и семейного подряда, организации социалистического соревнования. В то же время профсоюзные лидеры хорошо понимали, что для решения задач социального развития необходимо было создать надежную экономическую базу. Поэтому важнейшей задачей профсоюзных комитетов провозглашалось участие во внедрении системы оплаты труда, повышении материального стимулирования, решении комплекса вопросов, связанных с переходом предприятий на самофинансирование.

Важное место в перечне задач заняла перестройка производственно-экономического образования трудящихся. Только в 1988 г. через систему подготовки и переподготовки кадров в республике прошли обучение почти 50 % рабочих и служащих, более 16 % рабочих обучались в школах социалистического хозяйствования. Для профсоюзного актива при облсовпрофе был создан консультативный пункт.

Профкомы и президиум облсовпрофа принципиальнее стали подходить к рассмотрению случаев нарушения законов о труде. Активизировала свою деятельность техническая инспекция. К 1990 г. было обследовано около 1 800 предприятий и участков, запрещена эксплуатация свыше полутора тысяч различных машин и механизмов. По требованию профсоюзных органов 28 руководителей были освобождены от занимаемых должностей. В ходе осуществления республиканской целевой комплексной программы «Здоровье» за 1986–1989 гг. в народном хозяйстве были улучшены условия труда более чем 52 тыс. человек, 2,5 тыс. человек высвобождены с тяжелых физических работ; построено два стационарных и два арендованных загородных лагеря на 1 120

мест в смену. В 1988–1989 гг. облсовпрофом на строительство и реконструкцию пионерских лагерей было выделено около 500 тыс. рублей¹¹.

Демократизация общественной жизни, расширение самостоятельности трудовых коллективов повлекли изменения в структуре профсоюзных органов. Переход на двухзвенную структуру (профком предприятия – ЦК профсоюза) позволил упразднить в Удмуртии шесть отраслевых обкомов. В большинстве профсоюзов были ликвидированы райкомы, совершенствовалась структура областного совета.

В 1989 г. завершилась очередная отчетно-выборная кампания профсоюзов. Абсолютное большинство председателей профкомов и цехкомов были избраны на конкурсной основе.

Пленум Удмуртского областного Совета профсоюзов (октябрь 1989 г.) определил свою позицию по предстоящим выборам в Советы республики. В предвыборной программе профсоюзов было зафиксировано, что они полностью поддерживают платформу КПСС по национальной политике, выступают за равные гражданские, трудовые, политические права, социальную защищенность всех граждан Удмуртии.

Перестройка экономических и политических отношений заметно изменила состав, структуру и функции профсоюзов. Однако традиция их огосударствления изживалась с большим трудом. В 1990 г. Всесоюзным центром изучения общественного мнения и пресс-центром Удмуртского областного совета Федерации профсоюзов был проведен опрос общественного мнения о роли профсоюзов в защите интересов трудящихся. Респондентам был задан, в частности, вопрос: «Возросла ли роль профсоюзов в защите прав трудящихся за последние 3 – 5 лет?». Большинство ответов носили критический характер. В целом они распределились следующим образом (см. таблицу № 4).

Таблица № 4. Оценка возрастания роли профсоюзов в защите прав трудящихся (1985–1990 гг.) (в %)¹²

Оценка	Москва	Крупные города	Средние и малые города (в т. ч. г. Ижевск)
Эта роль возросла	20	25	37
Осталась без изменений	70	67	58
Снизилась	8	8	6

28 % опрошенных полагали, что активнее всего защищает их права совет трудового коллектива. Респонденты отметили ряд направлений работы, требующей внимания профсоюзов, в том числе (в процентах): повышение качества медицинского обслуживания (52,8); контроль за жилищным строительством и справедливым распределением жилья (53); улучшение условий труда работающих (67); контроль за организацией оплаты труда (43,4); забота о детях, развитие сети детских дошкольных учреждений (36); развитие сферы культуры, организация здорового образа жизни, отдыха (32); контроль за уровнем адаптации молодых рабочих и т.д.¹³

Значительным событием в профсоюзном движении стал Учредительный съезд профсоюзов России (март 1990 г.), образовавший Федерацию независимых профсоюзов РСФСР (ФНПР). Председатель Удмуртского облсовпрофа А. М. Фоминов был избран членом президиума совета ФНПР¹⁴. III внеочередная межсоюзная конференции (1991 г.) приняла решение об образовании Федерации профсоюзов Удмуртии в составе Федерации независимых профсоюзов России¹⁵.

Большую общественно значимую работу выполняли советы ветеранов. Ветеранское движение стало особенно активно развиваться в стране с конца 1960-х гг. На конференции в декабре 1986 г. был принят устав и избран Всесоюзный совет ветеранов войны и труда. 14 марта 1987 г. на базе Совета ветеранов партии, комсомола, войны и труда при Удмуртском обкоме ВЛКСМ

утверждалась самостоятельная Удмуртская организация ветеранов войны и труда, строившая свою работу на основе союзного устава¹⁶.

Основные направления деятельности ветеранских организаций на новом этапе формулировались в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии. Реформаторы выдвигали на первый план задачи приобщения людей с большим жизненным опытом к общественно-политическим делам, воспитанию подрастающего поколения, содействия пенсионерам в их трудовой деятельности.

Советы ветеранов вели работу среди пенсионеров, как продолжающих работать, так и находящихся на отдыхе, а также лиц, не достигших пенсионного возраста, но награжденных медалями «Ветеран труда» и «Ветеран Вооруженных Сил». Ветеранские организации функционировали во всех районах и городах республики; работали более 110 организаций в трудовых коллективах и по месту жительства; действовали 12 советов ветеранов-однопольчан, воинские подразделения которых были сформированы на удмуртской земле. В целом они объединяли около 300 тыс. пенсионеров.

Объединенный Пленум Всесоюзного и Всероссийского совета ветеранов и Советского комитета ветеранов войны (апрель 1987 г.) проанализировал работу своих объединений. На Пленуме отмечалось, что советам ветеранов следует активизировать свою деятельность, искать новые, более эффективные ее формы, обеспечить гласность, информирование общественности о своей работе, критику и самокритику. В состав постоянных комиссий советов следовало включать не только членов совета, но и других активистов. Центром работы с ветеранами должны были стать советы в трудовых коллективах и по месту жительства. Они вели персональный учет ветеранов, выясняли, как лучше использовать их опыт, знания и возможности в трудовой и общественной деятельности¹⁷.

В связи с переходом экономики Удмуртии на рыночные отношения Пленум республиканского Совета ветеранов войны и труда принял «Заявление о задачах советов ветеранов Удмуртской Республики». В документе нашла

отражение озабоченность развалом экономических связей, резким снижением уровня жизни людей.

Ветераны поддерживали чрезвычайные меры Президента и Верховного Совета СССР по стабилизации политического и экономического положения в стране, потребовали от государственных органов решительного проведения их в жизнь и заявили о готовности оказать в этом помощь¹⁸. Они выступили за завершение введения Закона о пенсиях в 1991 г.; установление реального прожиточного минимума; ограничение роста цен на продукты питания и промышленные товары бытового назначения; расширение в республике производства товаров для лиц старшего поколения; разработку Советом Министров УАССР программы по улучшению жизни пенсионеров; организацию служб трудоустройства ветеранов. В то же время, поддерживая разнообразные формы разгосударствления предприятий, ветеранская организация УР настаивала на приоритете коллективных форм собственности и полностью поддерживала постановление ВС УАССР от 27 сентября 1990 г. «О некоторых вопросах применения законодательства Союза ССР и союзных республик о земле на территории Удмуртской АССР и развитии новых форм хозяйствования».

С распадом СССР в каждой бывшей союзной республике и субъекте РФ стали возникать свои ветеранские организации. 29 октября 1992 г. III внеочередная Удмуртская республиканская конференция ветеранов приняла постановление о создании Удмуртской республиканской организации ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов¹⁹.

Произошла активизация женского движения. Женсоветы, возникшие в годы второй пятилетки, получили свое дальнейшее развитие в 1960-е гг. В условиях перестройки КПСС поставила задачу возродить советы женщин в трудовых коллективах, по месту жительства, объединив их в единую систему во главе с Комитетом советских женщин. К началу 1980-х гг. в Удмуртии

действовало 220 женсоветов²⁰. 27 декабря 1986 г. состоялась учредительная конференция Совета женщин УАССР²¹. Как отметила его первый председатель Г. Н. Климантова, «создание Союза – не дань моде и новым веяниям, не стремление создать еще одну общественную организацию. Объединиться нас заставила жизнь»²².

Переход к рыночным условиям обострил социальные проблемы в целом и женщин в частности. Так, занимая по производству товаров народного потребления одно из ведущих мест в России, республика по уровню потребления стояла на 58 месте. В начале 1990 г. на тяжелых и вредных участках производства работали 16 тыс. женщин, в ночных сменах – около 6,5 тыс. Ежегодно получали производственные травмы более тысячи женщин. Они оказались наименее защищенной категорией населения. Обследование, проведенное в Удмуртии, показало, что более 80 % опрошенных женщин хотели бы работать неполное рабочее время или по гибкому графику. Однако в таком режиме работали только 2 % респонденток. Каждая пятая из опрошенных женщин выполняла работу, не соответствующую ее квалификации. В то же время из женщин, прошедших обучение по повышению квалификации, только 20 % были повышены в должности, а положение 44 % осталось без изменения. Не могли мириться женщины с низким представительством в органах власти. Так, в ВС УР оказались лишь 6,5 % женщин. Хотя в народном хозяйстве республики женщины составили 49 %, на руководящих должностях – 2,3 %²³.

В целях укрепления женского движения летом 1990 г. был создан Союз женщин РСФСР, а 25 декабря 1990 г. – Союз женщин УР²⁴. В Уставе определялся его статус как добровольной, независимой общественной организации, созданной для защиты интересов и достойного положения женщин в обществе, повышения их роли в общественно-политической, экономической, культурной жизни²⁵.

К началу 1990-х гг. в Удмуртии, как и в СССР, действовали также творческие союзы, научные, культурно-просветительные, спортивные, оборонные и другие добровольные общества, органы общественной самодеятельности. В республике в апреле 1990 г. насчитывалось около 30 общественных формирований²⁶. Однако деятельность большинства из них продолжала строиться по старым схемам – сбор членских взносов и отчет о проделанной работе. Трудящиеся с раздражением воспринимали формальное членство и выборы различных обществ. Отношение рядовых граждан к подобного рода объединениям выразила одна работница в своем письме, в котором отмечала, что вся ее швейная машина оклеена марками, так как членских книжек нет, а выбросить их (при существовавшей системе отчетности. – С. Б.) было просто невозможно²⁷.

В условиях кризиса советской политической системы возникает новое общественное движение. Первый этап в его развитии – «неформальная волна», период формирования политических клубов и рыночной идеологии. Для России – это 1986 г. – весна 1988 г. Второй этап – «народные фронты и первые партии». Для России – это весна 1988 г. – зима 1989–1990 гг. Третий этап – «стихийная многопартийность» (зима 1990 г. – август–сентябрь 1991 г.)²⁸. Для УР характерно запаздывание этих этапов и наложение одного на другой. Одной из причин этого, помимо обозначенного консерватизма мышления значительного большинства граждан УР, стала не востребованность государством гражданских функций и полная зависимость жизнедеятельности населения от ВПК. Отсюда вытекали две черты политического поведения граждан УР в тот период: доверие центральным органам власти в решении проблем регионального уровня и недоверие местным властям; относительно активное участие в проведении акций общероссийского масштаба и пассивное отношение к республиканским акциям. В свою очередь, высокая степень пассивности обуславливалась относительной стабильностью политической ситуации в республике.

Началом «неформального» общественного движения в Удмуртии можно считать протест учащейся молодежи республики (январь 1985 г.) по поводу переименования г. Ижевска в Устинов после смерти Министра обороны СССР Д. Ф. Устинова. Кроме стихийной манифестации проводился сбор подписей за возвращение городу исторического имени. Одним из первых центров неформального движения в республике стал г. Глазов. Здесь в сентябре 1988 г. состоялось учредительное собрание Экологического союза. Поводом для его создания послужило недовольство жителей города строительством приборного завода ВНИИ радиоэлектронной техники вблизи жилых домов²⁹. В 1988–1989 гг. ГЭС провел два экологических ринга, один митинг. Его члены приняли участие в предвыборном митинге, состоявшемся в г. Глазове 25 марта 1990 г. Одновременно был организован сбор подписей под письмом в ЦК КПСС с требованием перенести строительство приборного завода за черту города.

В июне 1989 г. исполком Ижевского городского Совета зарегистрировал Устав Ижевского Экологического Союза. Его первым председателем являлся С. Г. Щукин, учитель школы № 73 г. Ижевска, народный депутат Верховного Совета УАССР³⁰. В ноябре 1989 г. ИЭС организовал пикетирование проходной завода «Ижтяжбуммаш» с требованием строительства очистных сооружений в связи с началом производства линолеума.

Одной из первых «неформальных» организаций, выполнявших политические функции, стало Ижевское добровольное общество «Клуб гражданской инициативы». Основной целью КГИ провозглашалось участие в формировании новой политической культуры трудящихся УАССР, в повышении на этой основе их общественной активности. Примером результативности общественной работы неполитического характера является участие КГИ в возвращении Собора Александра Невского (г. Ижевск), уникального памятника культового зодчества первой четверти XIX в., верующим. После частичного разрушения храма в конце 1920-х – 1930-х гг. в нем был организован детский

кинотеатр «Колосс». Активные выступления за передачу собора Русской Православной Церкви начались еще в 1988 г. Первый староста общины В. В. Морозов, впоследствии вступивший в КГИ, организовал сбор подписей (собрано свыше 8 тыс. подписей). Были посланы письма в Ижевский горсовет, ВС УАССР, на имя Председателя Президиума ВС СССР М. С. Горбачева. Общественники и верующие вместе отстаивали идею необходимости возвращения храма на заседании Президиума организации общества охраны памятников истории и культуры Первомайского района г. Ижевска, вышли 7 ноября 1989 г. на демонстрацию с лозунгом «Собор Александра Невского – верующим!», активно выступали в республиканских СМИ. Этот лозунг стал одним из программных ряда кандидатов в депутаты Верховного Совета УАССР, поддерживавшихся демократами³¹. Наконец, 1 декабря того же года состоялось пикетирование сессии ВС УАССР. Членам общины и общественности помог народный депутат СССР Н. М. Копысов. Он передал письмо верующих в ВС УАССР, сделал депутатский запрос, обратился в СМ СССР. 12 февраля 1990 г. Постановлением СМ УАССР № 49 здание бывшего собора было передано Ижевской и Удмуртской Епархии³².

Конституирование нового общественного движения происходило особенно активно с весны 1990 г. в ходе выборов народных депутатов. Особенностью этого этапа стало включение в политическую жизнь практически всех слоев реформируемого общества. В политическую деятельность были вовлечены экологические союзы Глазова и Ижевска (четыре члена ИЭС были избраны народными депутатами ВС УАССР, девять – народными депутатами Ижевского городского Совета)³³. Участие в избирательной кампании весны 1990 г. стало главным направлением и в работе КГИ. Хотя сам Клуб и не мог выдвигать своих членов кандидатами в депутаты, но поддерживал ряд активных общественников на выборах, осуществлял наблюдение на избирательных участках, в том числе и в округе, в котором баллотировался П. С. Грищенко. Эта акция стала одной из

первых самостоятельных политических шагов неформальной общественности республики в целом.

Начали формироваться два полярных народных фронта – Ассоциация политических клубов Удмуртии (АПКУ) и Объединенный Фронт Трудящихся (ОФТ). АПКУ возникла как конструктивная оппозиция правившей партии и включившая в себя широкий спектр сторонников реформ. Развитие оппозиционного КПСС движения, имевшего общедемократическую направленность, начиналось в республике не только на собственной идейно-теоретической основе, но и в значительной степени под влиянием демократических кругов самой КПСС, ее республиканской организации.

21 января 1990 г. на базе АПКУ появилась общественная организация «Движение за демократию». На учредительном собрании присутствовало 302 человека. Ее сопредседателями стали Л. А. Розенберг, инженер ИНИТИ «Прогресс», В. Н. Скрынник и Е. Ф. Шумилов, преподаватели Удмуртского государственного университета (все сопредседатели были избраны народными депутатами ВС УАССР). Программными целями ДзД провозглашались: демократизация общественной жизни, создание демократического правового государства; отмена статьи о руководящей и направляющей роли КПСС в конституциях всех уровней, утверждение многопартийности; обеспечение прав и свобод граждан, свободы информации, разделение функций партийных и советских органов; многообразие форм собственности; упразднение политических органов в Вооруженных Силах, КГБ, МВД и других государственных органах и организациях, деполитизация суда и прокуратуры. С момента своего возникновения ДзД насчитывало более 150 членов. По данным, опубликованном в его пресс-бюллетене, 45 % являлись инженерно-техническими работниками, 22 % – представителями творческой интеллигенции, 13 % – рабочими, 3 % – студентами³⁴.

Известность в республике ДзД получила в связи с организованным 18 февраля 1990 г. на Центральной площади Ижевска предвыборным митингом, в котором по разным оценкам приняли участие от 10 до 30 тыс. человек. Основные выступления сводились к призывам не избирать в Советы руководителей партийных, советских и хозяйственных органов. Под флагом преобразований шли как те слои населения, которые считали ликвидацию монополии КПСС на власть основным средством преодоления кризиса, так и те, что добивались уничтожения коммунистической и утверждения рыночной идеологии, используя демократические лозунги. Это обстоятельство сыграло решающую роль в относительном успехе демократических сил на выборах в местные органы власти в 1990 г. В ВС УР образовалась депутатская группа «Демократическая Удмуртия».

В сентябре 1989 г. в Свердловске был учрежден Объединенный фронт трудящихся РСФСР. Его Удмуртское отделение сформировалось на базе дискуссионного марксистского клуба «Современник» 1 апреля 1990 г. Были избраны координационный комитет и пять сопредседателей, в том числе Н. В. Январский, преподаватель кооператива «Альтернатива». Главной целью ОФТ РСФСР провозглашал объединение усилий людей всех национальностей «в борьбе за коммунистические ориентиры перестройки общества»³⁵.

В 1990 г. на прежней, еще «сталинской» правовой основе образовались первые партии демократической направленности. 25 марта 1990 г. состоялось учредительное собрание Социал-демократической партии Удмуртии. На нем присутствовал 21 человек. Председателем организации был избран Н. Н. Нагорных, регулировщик производственного объединения «Ижевский мотозавод», народный депутат Верховного Совета УАССР³⁶. Пленум Совета Социал-демократической ассоциации СССР (СДА) 8 апреля 1990 г. принял СДПУ в состав СДА в качестве коллективного члена.

СДПУ ставила целью построение демократического общества на принципах политического, экономического плюрализма, реального народовластия через господство закона во взаимоотношениях в обществе и гарантий прав личности. Общими принципами деятельности партии признавались: осуществление непрерывных последовательных реформ; разрешение любых конфликтов, возникающих как в партии, так и в обществе исключительно политическими средствами, отказ от любых форм насилия. В соответствии с Уставом СДПУ, утвержденным Президиумом Верховного Совета УАССР 21 июня 1990 г., членом партии мог быть «всякий гражданин, достигший 16 лет, проживающий на территории Удмуртии и за ее пределами, признающий Программу и Устав, работающий в одной из организаций и регулярно уплачивающий взносы».

16 июня 1990 г. образовалась Аграрно-демократическая партия Удмуртии, которая насчитывала до 50 членов. Были приняты Манифест и Устав АДПУ, избраны Президиум Центрального комитета партии и Центральная контрольно-ревизионная комиссия. Председателем партии стал А. А. Сапожников, пенсионер, житель с. Малая Пурга.

Целью АДПУ являлось «создание в Удмуртии демократического общества, утверждение равноправия всех народов, общечеловеческих ценностей, экономическая, социально-политическая самостоятельность республики». В программных документах партии провозглашалось, что она «выражает и защищает интересы крестьянства, рабочего класса агропромышленного комплекса, сельской интеллигенции, всех сельских жителей, трудовых коллективов и организаций» и ставит задачу – действуя в рамках Конституции УАССР и советских законов, добиться консолидации всего населения республики.

В экономической сфере партия выступала за: многоукладность экономики, плюрализм и равноправие собственности; развитие рыночных отношений;

предоставление Советам реального права распоряжаться землей, исключая при этом куплю-продажу земли; научно обоснованное использование сельхозугодий, лесов, рек и водоемов, экологически чистое производство; справедливое распределение между городом и деревней всех материальных благ, против прекращения эксплуатации крестьянства с помощью политики цен.

В политической сфере ставились задачи: «завоевать симпатии и доверие как сельского, так и городского населения и на этой базе добиваться достойного представительства в органах законодательной и исполнительной власти»; уточнить законы о выборах в Верховный Совет и местные Советы УАССР; упразднить партийные организации в МВД, суде и прокуратуре, КГБ, Вооруженных Силах СССР.

В области межнациональных отношений АДПУ выступала «против искусственного предоставления льгот какой-либо национальности, за естественное развитие каждой нации при соблюдении принципа всеобщего внимания и равновеликой материальной помощи»³⁷.

Согласно Уставу, не утвержденному Верховным Советом УАССР, партия строилась по территориальному и производственному принципу. Допускалось создание внутрипартийных фракций со своей структурой.

31 июля 1991 г. Министерством юстиции УР была зарегистрирована Удмуртская региональная организация движения «Демократическая Россия» (сложилась на базе ДзД). Первым и бессменным Председателем Координационного Совета являлся В. Н. Скрынник. Она была организована на принципах коалиции при соблюдении равноправия и независимости всех участников движения. Первоначально в ДР входили: Комитет социальной защиты Международного общества прав человека, КДП, СДП, депутатская фракция «Демократическая Удмуртия» ВС УР, а также свыше 300 индивидуальных участников. Основными направлениями деятельности ДР определялись координация действий по объединению демократических сил

общества для проведения прогрессивных радикальных политических и социально-экономических реформ в России в целях создания гражданского общества; ликвидация парламентскими методами государственно-политической монополии КПСС. В 1991 г. ДР стала инициатором создания штаба по поддержке выдвижения Б. Н. Ельцина на должность Президента РФ. В УР штаб возглавил В. Н. Подопригора.

Кроме того, в ряде городов и районов, на отдельных предприятиях были созданы общественно-политические клубы с целью развития политической и правовой культуры граждан, отстаивания их интересов во всех сферах жизни, поддержки общественных инициатив. В ряде случаев они формировались партийным руководством КПСС, стремившимся в преодолении кризиса опереться на общественную инициативу и при этом сохранить контрольную и организующую функции. Так, в конце 1989 г. в Сарапуле народный депутат СССР, коммунист А. Ястребов, представители Сарапульского горкома ВЛКСМ, члены общественно-политических клубов «Поиск» при заводском комитете ВЛКСМ радиозавода и «Действие» (Сарапульское ЭГПО) выступили инициаторами открытия клуба «Избиратель»³⁸. В январе 1991 г. в микрорайоне «Малиновая гора» (г. Ижевск) коммунисты создали партийно-депутатский клуб, вся организационная работа которого проводилась в тесном контакте с Ленинским райкомом КП РФ. Дискуссионный клуб был открыт при Индустриальном райкоме Ижевска. С целью повышения эффективности деятельности в его состав были включены представители первичной парторганизации в качестве «политорганизаторов»³⁹.

На республиканском уровне с 1989 г. в Ижевске функционировал клуб «Мнение», в руководящий орган которого входили работники Дома политического просвещения при Удмуртском обкоме КПСС, преподаватели вузов. На его открытые заседания приглашались партийные, советские и хозяйственные работники⁴⁰. Созданные изначально для поддержки перестройки,

подобные клубы постепенно стали основой для формирования партий различного толка и школой политических лидеров.

С принятием Закона СССР «Об общественных объединениях» деятельность политических партий получила признание государства. Первой партийной организацией, зарегистрированной Министерством юстиции УР 28 ноября 1991 г., стало Удмуртское региональное отделение Конституционно-Демократической партии (Партии Народной Свободы). Председателем Совета организации был избран В. Н. Трофимченко, заместитель начальника цеха связи АО «Ижмаш»⁴¹. КДП (ПНС) ставила своей целью создание и совершенствование в стране конституционного строя, гарантирующего политические и экономические свободы, базирующегося на безусловном приоритете прав человека и гражданина. Основой политической деятельности партия считала работу в правительственных органах.

Период «стихийной многопартийности», продолжавшийся до выборов депутатов Государственной Думы ФС РФ в декабре 1993 г., отмечен первыми попытками установления диалога общественно-политических объединений с органами государственной власти УР. 12 ноября 1991 г. на встрече руководителей ДР, Аграрно-демократической, Социал-демократической партий Удмуртии, Удмуртской народной партии и регионального отделения Народной партии «Свободная Россия» было заявлено о создании Консультативного Совета руководителей партий и общественно-политических движений с целью анализа политической, экономической и социальной ситуации в УР, выработки мер воздействия на властные структуры для содействия реформистской политике Президента РСФСР и проведения совместных действий. Участники встречи обратились к ВС и СМ УР с требованием создать элементарные условия для обеспечения деятельности политических партий как основы становления правового государства⁴². Конкретной же реализации эта декларация не получила.

Безусловно, во многом процесс партийного строительства связан с накоплением политического опыта. Именно на основе ДзД возникли в республике первые партии, альтернативные КПСС. Вместе с тем, выделялись лидеры, способные возглавить ту или иную организацию, что само по себе является естественным явлением. Однако лидеры, в большинстве харизматического типа, за немногим исключением создавали партии «под себя». Другой основой политической дифференциации в то время стали ошибки и просчеты руководителей демократического движения: отсутствие четкой программы демократических преобразований, свертывание деятельности рабочих органов организаций, склонность к представительским разовым мероприятиям в ущерб практической работе с населением, отказ от активных форм политической деятельности, сведение работы только к депутатской деятельности и т.п.

В 1992 г. с началом либеральных реформ партийная дифференциация в демократическом движении усиливается. Еще накануне политического кризиса, 2–3 августа 1991 г. в Москве была проведена учредительная конференция Демократической партии коммунистов России, переименованной на ее I съезде (26–27 октября 1991 г., Москва) в Народную партию «Свободная Россия»⁴³. Председателем партии стал А. В. Руцкой, бывший вице-президент РФ, а председателем правления – В. С. Липицкий, доктор философских наук. НПСР квалифицировалась как «левая» партия социал-демократической ориентации парламентского типа. Ее социальную базу должны были составить квалифицированные работники наемного труда, научная, творческая, техническая интеллигенция, деловые круги рыночной экономики. Программные цели и задачи предусматривали содействие на демократической основе проведению в РФ радикальных реформ, направленных на создание условий для свободного и всестороннего развития граждан, повышение их благосостояния, обеспечение прав и свобод человека, достижение гражданского согласия и

консолидацию многонационального российского общества, установление социальной рыночной экономики и правового государства.

Учредительное собрание Удмуртского республиканского отделения ДПКР (НПСР) состоялось 2 октября 1991 г., и 7 мая 1992 г. оно было зарегистрировано МЮ УР. Председателем правления стал Г. П. Овчинников, директор Ижевского филиала Уральского кадрового центра⁴⁴. В активный период своей деятельности УРО НПСР имело первичные организации и индивидуальных членов в ряде городов и районов республики и насчитывало около 100 членов⁴⁵.

7 мая 1992 г. МЮ УР была зарегистрирована Удмуртская республиканская организация Европейской либерально-демократической партии, выражавшей, как заявлялось в уставе, интересы частных предпринимателей, фермеров, высококвалифицированных специалистов, прогрессивной части интеллигенции, ориентировавшейся на общечеловеческие ценности и выступавшей за создание правового государства, в котором господствует приоритет прав человека. Председателем Координационного комитета УРО ЕЛДПР являлся В. В. Котегов. Организация была немногочисленной, однако ее представители принимали участие в политических акциях федерального масштаба.

14 мая 1992 г. в Москве образовалась Партия экономической свободы, которую возглавили К. Н. Боровой и С. Н. Федоров⁴⁶. Политическими целями ПЭС провозглашались содействие построению в РФ демократического общества, достижению в нем приоритета гражданских прав личности и экономической свободы, развитию производительных сил страны на основе упрочения рыночных отношений, духовному возрождению России⁴⁷. Республиканское отделение ПЭС было учреждено 12 ноября 1992 г. и внесено в реестр общественных объединений. Председателем Совета УРО ПЭС являлась преподаватель философии С. В. Лаптинская. В начале 1993 г. организация насчитывала 256 членов (около половины из них – студенты)⁴⁸.

В 1992–1993 гг. Министерство юстиции УР также зарегистрировало региональные отделения Комитета российских реформ и Гуманитарного и политического центра «Стратегия». Их возглавили представители «Демократической России» Н. Н. Нагорных и А. К. Лопатин. Первая организация учреждалась для консолидации усилий граждан в целях всесторонней поддержки демократических реформ в УР. В задачи Центра «Стратегия» входили поддержка и развитие общественных инициатив для научно обоснованных рекомендаций, разработки и реализации стратегических программ социально-экономического развития РФ в целом и ее регионов.

В 1992 г. с началом либеральных реформ произошел кризис демократического движения. Были созданы предпосылки для раскола ДР на две партии: «Демократический выбор России» либерального толка и Федеральную партию «Демократическая Россия», не приемлющую либеральной модели реформ.

Многие демократы перешли в организации коммунистической ориентации. Первоначально инициатива возрождения коммунистических партий оказалась за леворадикальным крылом. Вскоре после запрета КПСС, 24 ноября 1991 г. в г. Екатеринбурге была образована Российская коммунистическая рабочая партия, которую возглавил В. А. Тюлькин⁴⁹. Целями РКРП провозглашались формирование бесклассового общества, ликвидация эксплуатации человека человеком, утверждение труда как единственного источника личного дохода, уничтожение социального и национального неравенства, возрождение советской власти. К основным направлениям деятельности относились развитие и пропаганда научного коммунизма⁵⁰. РКРП считала себя преемницей КПСС и носительницей коммунистической традиции.

Удмуртская республиканская организация РКРП была учреждена на конференции 20 марта 1992 г. и в мае 1992 г. зарегистрирована МЮ УР. Председателем УРО стал А. А. Фомин, инженер завода «Нефтемаш» (г. Ижевск).

Организация имела отделения во многих городах и районах республики, насчитывая около 1000 членов, а также свой печатный орган – газету «Время» (впоследствии «Коммунист Удмуртии»)⁵¹.

30 ноября 1992 г. Конституционный Суд России вынес решение о законности действий первичных организаций КПСС и их праве на формирование новых структур коммунистической партии⁵². С этого момента процесс конституирования коммунистического движения постепенно переходит под контроль бывшей партноменклатуры КПСС, ранее отказавшейся от активной политической деятельности, либо ушедшей в бизнес-структуры или государственные органы.

В январе 1993 г. состоялся первый этап XL чрезвычайной (восстановительной) конференции коммунистов УР. Объявлялось о возобновлении деятельности республиканской коммунистической организации – правопреемницы существовавшей до августа 1991 г. республиканской организации Компартии РСФСР. Были избраны делегаты на III чрезвычайный объединительно-восстановительный съезд Компартии России, состоявшийся 13–14 февраля 1993 г.⁵³ Новую партию возглавил Г. А. Зюганов. Программа КПРФ основывалась на марксистско-ленинском учении и ставила задачи возрождения социализма как общества социальной справедливости, коллективизма, свободы, равенства, осуществления народовластия в форме Советов, укрепления федеративного многонационального государства.

17 апреля 1993 г. на втором этапе чрезвычайной конференции коммунистов УР был избран реском КПРФ. Его первым секретарем стал Н. И. Сапожников. Удмуртская республиканская организация КПРФ была зарегистрирована МЮ УР 28 мая 1993 г. К середине 1990-х гг. первичные городские и районные организации УР объединяли около 1 500 членов. КПРФ стала основной организующей силой коммунистического движения, заметную роль в котором играли республиканская организация Аграрной партии России,

Аграрный Союз Удмуртии (как республиканское отделение АСР) и региональные объединения, действующие на основе собственных уставов и программ: Союз рабочих и крестьян Удмуртии и Союз рабочих, крестьян, специалистов и служащих УР.

Резкое ухудшение материального положения основной массы населения благодаря отсутствию широкой социальной направленности начавшихся реформ привело к возрастанию числа граждан, отказавшихся от активного участия в политической жизни республики.

На завершающей стадии существования советской политической системы активную роль в жизни общества и государства стали играть национально-культурные организации. Национальное движение удмуртов зародилось как протест против утраты языка и нивелировки особенностей культуры, формализма в осуществлении национальной политики. Еще в годы культа личности И. В. Сталина были прекращены любые контакты удмуртов с зарубежными странами. В 1932–1933 гг. органы ГПУ Нижегородского края сфабриковали дело СОФИН (Союз освобождения финских народностей). Его руководителям, представителям удмуртского народа К. Герду и Т. К. Борисову инкриминировалась связь с буржуазными учеными, а деятельность общества квалифицировалась как преступная, антисоветская, националистическая, целью которой являлось якобы отторжение Удмуртской области от СССР под эгиду Финляндии и установление контрреволюционного националистического блока с другими финно-угорскими национальностями Советского Союза. С этого времени все контакты финнов и удмуртов были запрещены вплоть до 1980 г., когда удмуртские ученые в составе советской делегации впервые приехали на землю Суоми как представители родственных по языку и истории народов. За годы перестройки такие отношения стали регулярными. В целях координации удмуртско-финских контактов в декабре 1990 г. было создано общество «Удмурткун-Суоми» («Удмуртия – Финляндия»). Его Устав предусматривал

дальнейшее сотрудничество в области экономики, науки, культуры, международного туризма и обмена делегациями. Руководителем организации был избран Председатель ВС УР В. К. Тубылов⁵⁴.

Заметную роль в становлении и развитии удмуртского национального движения сыграл К. И. Куликов. Большой общественный резонанс вызвало его «Открытое письмо» к первому секретарю Удмуртского обкома КПСС, напечатанное в газете «Комсомолец Удмуртии» 3 февраля 1990 г., в котором он дал критическую оценку политических и деловых качеств П. С. Грищенко.

В 1988 г. в Ижевске представителями интеллигенции был открыт Клуб удмуртской культуры, переросший в общество «Дэмен» («Вместе»). Председателем правления общества стал доктор исторических наук, профессор УдГУ, заслуженный деятель науки УАССР К. А. Пономарев⁵⁵.

Программные и уставные документы характеризовали ОУК как самостоятельную организацию трудящихся Удмуртской АССР, строящую свою деятельность на платформе КПСС по национальному вопросу, и призванную обеспечить более активное использование потенциальных возможностей культуры в социально-экономическом и политическом развитии республики.

Центральное место в своих программных положениях Общество уделило языковой политике. Целесообразным признавались признание удмуртского языка на территории УР государственным наравне с русским, а также создание благоприятных условий «для национально-русского и русско-национального языкового общения». В то же время считалась недопустимой языковая дискриминация других народов, проживающих в республике.

Разрешение языковой проблемы напрямую увязывалось с развитием национальной школы и национальной культуры. Общество полагало необходимым проведение широкой разъяснительной работы среди родителей-удмуртов о целесообразности изучения учащимся родного языка, восстановление преподавания предметов на родном языке в начальных классах,

создание национальных дошкольных учреждений и школ в городах. Такая же позиция была у организации в отношении других национальных культур, особенно русской.

Общество планировало проводить работу по ознакомлению трудящихся с историей родного края и удмуртского народа, с достижениями удмуртской, советской, мировой культуры и искусства, с памятниками истории, культуры, архитектуры; с именами и делами сынов и дочерей народов СССР, внесших наибольший вклад в культурное и государственное развитие удмуртского народа; с ленинскими принципами национального строительства в СССР.

Ряд программных положений носили политический характер. ОУК стремилось вносить в соответствующие органы власти обоснованные предложения по подготовке и воспитанию национальных кадров, по проблемам развития духовной культуры удмуртского народа и его языка. В своей работе оно добивалось расширения связей удмуртского народа со всеми народами СССР и считало недопустимым деятельность, которая вела бы к самоизоляции и противопоставлению этносов.

Формы работы ОУК первоначально не выходили за традиционные рамки: дискуссии и обсуждения проблем в области перестройки культуры; семинары по вопросам истории, языка, национального искусства; встречи с передовиками производства, учеными, писателями и творческими работниками; экскурсии к памятникам истории и культуры; оказание шефской помощи школам, дошкольным учреждениям, учреждениям культуры; создание курсов по изучению удмуртского языка.

Организационная структура ОУК являлась достаточно демократичной. Общество состояло из индивидуальных и коллективных членов⁵⁶. Устав ОУК был утвержден Советом Министров УАССР 2 февраля 1990 г.

По инициативе общества «Дэмен» 21 ноября 1990 г. состоялась учредительная конференция удмуртской молодежной общественно-

политической организации «Шунды» («Солнце»). Ее целями провозглашались сохранение и развитие удмуртской культуры, языка, традиций, воспитание патриотизма в молодежной среде, участие в выработке и реализации соответствующих государственных программ⁵⁷.

Государственное строительство в суверенной Удмуртии стимулировало дальнейшее развитие национального движения. В конце 1991 г. образовалась Удмуртская народная партия (Удмурт Калык Партия), учредительная конференция которой состоялась 20 октября 1991 г. Программа, принятая на форуме, содержала требование перехода всей хозяйственной деятельности под юрисдикцию Удмуртской Республики. Долгосрочной целью объявлялось создание государства удмуртского народа – Удмурт Кун. Председателем УКП был избран М. А. Вахрушев. Вскоре участники учредительной конференции (около 50 человек) влились в ассоциацию «Удмурт кенеш» и составили, по оценкам И. Егорова и К. Мацузато, радикальную рыночную традицию в удмуртском национальном движении, хотя малозаметную и весьма непродолжительную⁵⁸.

22–23 ноября 1991 г. в Ижевске прошел Первый Всесоюзный съезд удмуртов, подготовленный Обществом «Дэмен» и активно поддержанный Президиумом ВС УР. Съезд принял Резолюцию, Декларацию «О реализации суверенных прав удмуртского народа в современных условиях», «Заявление о вступлении и международную «Организацию непредставленных в ООН народов» и решение о создании новой организации «Удмурт кенеш» («Удмуртский Совет»)⁵⁹, обладающей правом законодательной инициативы⁶⁰. Его первым Президентом стал М. И. Шишкин, доктор экономических наук, заместитель директора Удмуртского филиала института экономики УрО РАН. Съезд признал право за УР добровольного вхождения в состав РСФСР на договорно-конституционной основе; предложил создать двухпалатный ВС или обеспечить в нем квоту удмуртского народа; возродить орган общинного

самоуправления удмуртов кенеш как первичное звено в структуре власти; сохранить и развивать национальные институты. Участники форума считали необходимым передачу в собственность республики предприятий союзного и республиканского (РСФСР) подчинения, создание специального фонда удмуртского народа, а также принятие Закона о гражданстве, ограничивающего «необоснованный приток некоренного населения». Первый Всесоюзный съезд удмуртов поддержал решение ВС УР о «введении президентской формы правления»⁶¹.

С самого начала своего существования «Удмурт кенеш» уделит внимание установлению связей с организациями финно-угорских народов, стал инициатором и организатором Первого съезда финно-угорских народов России (май 1992 г., Ижевск). На съезде оформилась Ассоциация финно-угорских народов (АФУН)⁶². Основными ее задачами провозглашались координация действий, оказание взаимной помощи и поддержки в реализации прав и интересов финно-угорских народов, создание предпосылок для формирования единого социально-экономического, культурного и информационного пространства. Субъектами АФУН выступили общественные национальные объединения республик Карелии, Коми, Марий Эл, Мордовской, Удмуртской республик, Коми-Пермяцкого, Ненецкого, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого национальных округов⁶³. По их инициативе на заседании Международного конгресса финно-угорских народов 3 декабря 1992 г. в Сыктывкаре был утвержден Консультативный комитет финно-угорских народов как координирующий орган конгресса⁶⁴.

С 1989 г. в республике сложились организации татарского и бесермянского народов. Татарский общественный центр (ТОЦ) им. Мусы Джалиля возглавил Ф. Г. Газизуллин⁶⁵. Целью общества стало «сохранение и развитие татарской культуры, повышение культурного уровня населения, воспитание у людей чувства патриотизма, высокой нравственности, базирующихся на знании

прошлой и сегодняшней культуры татарского народа». В 1989–1990 гг. ТОЦ провел вечер, посвященный памяти Мусы Джалиля, службы в мечетях, принимал участие в предвыборной агитации, подготовке радиопередач на татарском языке⁶⁶. Председателем Общества бесермянского народа стал В. Ф. Сабреков, преподаватель Глазовского педагогического института. Общество объявило себя официальным представителем самостоятельного бесермянского народа, исторически проживающего в северных районах Удмуртии, и поставило перед собой задачи его возрождения и восстановления правового статуса⁶⁷.

Вслед за национально-культурными объединениями удмуртов, татар и бесермян, в 1991 г. возникло Общество русской культуры. Его целью определялось создание условий для развития русской нации через образование, культуру, экономику. Общество возглавил юрист М. К. Кокорин⁶⁸. Активизировались процессы организационного строительства славянских народов. 21 сентября 1991 г. на Большом круге казаков, проживающих в Удмуртии, было учреждено Землячество казаков УР. В ноябре 1992 г. в его состав вошло объединение казаков г. Чайковский (Пермская обл.). Позднее, в апреле 1993 г., Землячество преобразовалось в 4 отдел Волжского казачьего войска. Основными целями деятельности стали восстановление исторических обычаев и традиций казачества; служение Отечеству; воспитание казака-воина, труженика, патриота⁶⁹.

К концу 1993 г. свои национально-культурные объединения имели евреи (Общество еврейской культуры УР, председатель – М. Э. Гольдин) и чуваши (Удмуртское республиканское отделение Чувашского общественного культурного центра, председатель – А. Л. Иголкин). Основу их работы составили проблемы сохранения и развития национальной культуры, языка и образования, хотя выдвигались и политические цели.

Оценивая политико-правовые основания демократизации политической организации советского общества, первые результаты этого процесса, стоит

отметить, что хотя Закон СССР «Об общественных объединениях» и имел значительные ограничения гражданской активности, он обеспечил количественный рост общественных формирований. Только в 1992 г. в органах юстиции Российской Федерации зарегистрировались свыше 9 тыс. вновь созданных объединений. С момента принятия названного закона до 1994 г. Министерством юстиции УР были зарегистрированы 86 формирований. Результаты конституирования общественного движения в республике представлены в таблице № 5.

Таблица № 5. Количественная и качественная характеристики общественных объединений УР, зарегистрированных МЮ УР в 1991–1993 гг. (по данным МЮ УР)

№ п/п	Тип общественного объединения	Годы			
		1991	1992	1993	Всего (1991– 1993)
1	Общественно-политический	4	7	3	14
2	Национально-культурный	2	2	3	7
3	Профсоюз	1	0	0	1
4	Женский	1	0	0	1
5	Предпринимательский	1	1	3	5
6	Правозащитный	0	1	1	2
7	Ветеранский	1	3	1	5
8	Молодежный и детский	0	6	1	7
9	Научно-просветительский	1	2	3	6
10	Творческий	0	2	0	2
11	Оздоровительный	1	1	5	7
12	Спортивный	1	3	1	5
13	Социальный (организации инвалидов)	0	3	1	4
14	Общественный фонд	0	10	8	18
15	Любительский	2	0	0	2

Всего	15	41	30	86
--------------	-----------	-----------	-----------	-----------

Следует также обратить внимание на то обстоятельство, что формирование структур гражданского общества и политико-правовое обеспечение их жизнедеятельности – это двусторонний, взаимосвязанный процесс. Так, количественный рост общественных объединений обусловил дальнейшее совершенствование российского законодательства в сфере общественно-политических отношений, что нашло отражение в новой Конституции РФ и УР, Федеральном Законе «Об общественных объединениях», иных нормативных актах РФ и ее субъектов, принятых уже в постсоветский период. Помимо этого, увеличение числа организаций социальной направленности стимулировало разработку государственных планов и программ в сфере молодежной, национальной политики, социальной защиты населения и т.п., появление новых государственных и муниципальных органов, отвечающих за их реализацию. В свою очередь, расширение правового пространства РФ значительно упорядочило конституирование общественного движения, создав условия для разграничения статуса общественного объединения и политической партии.

¹ В ваш блокнот // Пропагандист и агитатор. 1985. № 20, октябрь. С. 29.

² ЦДНИ УР, ф. 16, оп. 1, д. 14293, л. 11.

³ Пономарев Л. Н., Шинкаренко В. В. В чьих руках колесо истории? С. 217.

⁴ Программа Коммунистической партии Советского Союза: Новая редакция. М., 1986. С. 50–51.

⁵ Цит. по: Сыресин В. О неформальных объединениях молодежи // Пропагандист и агитатор. 1988. № 13, июль. С. 31.

⁶ Даешь... полмиллиона? (интервью с О. Ю. Поповым, первым секретарем Удмуртского республиканского комитета ВЛКСМ) // Огни Прикамья. 1991. № 3, июль. С. 3.

⁷ Удмуртская Республика. Энциклопедия. Ижевск, 2000. С. 253.

⁸ Даешь... полмиллиона? С. 3.

⁹ ЦДНИ УР, ф. 92, оп. 25, д. 126, л. 22.

¹⁰ ЦДНИ УР, ф. 92, оп. 25, д. 126, л. 32; Удмуртская Республика. Энциклопедия. С. 253.

¹¹ Свиридов В. Профсоюзы на новом этапе // Пропагандист и агитатор. 1989. № 24. С. 10–11.

¹² Козловская А., Скуковская И. Если честно признаться // Вестник обкома КПСС. 1990. № 21, ноябрь. С. 20.

¹³ Там же. С. 21.

¹⁴ Независимость профсоюзов – в консолидации. Интервью с председателем облсовпрофа А. М. Фоминовым // Вестник обкома КПСС. 1990. № 9. С. 11.

¹⁵ Удмуртская Республика. Энциклопедия. Ижевск, 2000. С. 718.

¹⁶ Ветераны Удмуртии. Выпуск второй. Ижевск, 1997. С. 3, 5; ЦДНИ УР, ф. 26, оп. 1, д. 47, л. 145–148.

¹⁷ Козлов Г. Что может Совет ветеранов // Пропагандист и агитатор. 1987. № 17, сентябрь. С. 28–29.

¹⁸ Заявление о задачах советов ветеранов Удмуртской Республики в связи с переходом экономики на рыночные отношения // Вестник. 1991. № 3, февраль. С. 24.

¹⁹ Ветераны Удмуртии. Ижевск, 1997. С. 3–5.

²⁰ Мерзлякова Г. Женские советы: опыт их работы, проблемы // Пропагандист и агитатор. 1986. № 10. С. 220.

- ²¹ ЦДНИ УР, ф. 47, оп. 1, д. 1, л. 71–72.
- ²² Климантова Г. Союз женщин Удмуртии // Вестник. 1991. № 4, февраль. С. 13.
- ²³ Там же. С. 13–14.
- ²⁴ ЦДНИ УР, ф. 47, оп. 1, д. 18, л. 1–12.
- ²⁵ Устав Союза женщин Удмуртской АССР // Вестник. 1991. № 4, февраль. С. 15–16.
- ²⁶ ЦДНИ УР, ф. 16, оп. 1, д. 15245, л. 36.
- ²⁷ Горбушина Р. За обновление идеологической работы // Пропагандист и агитатор. 1988. № 12. С. 3.
- ²⁸ Березовский В. Н. Российская многопартийность в конце XX века... С. 11, 14, 17.
- ²⁹ Лебедев Ю. Новые общественно-политические организации и движения Удмуртии (Информационно-справочный материал в помощь партийному активу) // Вестник обкома КПСС. 1990. № 21, ноябрь. С. 19.
- ³⁰ Там же. С. 18.
- ³¹ Шумилов Е. Ф. Православная Удмуртия. История Ижевской и Удмуртской епархии. XX век. Ижевск, 1996. С. 87.
- ³² Загуляева Н. Дорога к храму // Огни Прикамья, 1991. № 6, октябрь. С. 13–14.
- ³³ Лебедев Ю. Новые общественно-политические организации и движения Удмуртии... С. 13–19.
- ³⁴ Там же. С. 14.
- ³⁵ Там же. С. 13–19.
- ³⁶ Там же. С. 14.
- ³⁷ Там же. С. 16.
- ³⁸ Лущикова С. Л. Удмуртский обком КПСС в 1987–1990 гг.... С. 6; Неформальная Россия... С. 193.
- ³⁹ Лущикова С. Л. Удмуртский обком КПСС в 1987–1990 гг.... С. 6; ЦДНИ УР, ф. 16, оп. 1, д. 15270, л. 83, 97.
- ⁴⁰ Лущикова С. Л. Удмуртский обком КПСС в 1987–1990 гг.... С. 6.
- ⁴¹ Политические партии и движения в Удмуртии. 1990-е годы (по документам и материалам ЦДНИ УР). Ижевск, 2001. С. 24; Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики: справочник-указатель. Ижевск, 2001. С. 128.
- ⁴² Заявление о намерениях руководителей политических партий и общественно-политических организаций Удмуртской Республики // Демократическая Удмуртия, еженедельная газета демократических сил Удмуртии. 1991. 14 ноября.
- ⁴³ Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики... С. 126–127.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Политические партии и движения в Удмуртии. 1990-е годы... С. 13.
- ⁴⁶ Общероссийские избирательные объединения... С. 127.
- ⁴⁷ Там же. С. 128.
- ⁴⁸ Политические партии и движения в Удмуртии. 1990-е годы... С. 29–30.
- ⁴⁹ Общероссийские избирательные объединения... С. 83.
- ⁵⁰ Политические партии и движения в Удмуртии. 1990-е годы... С. 30.
- ⁵¹ Там же. С. 30.
- ⁵² Там же. С. 16.
- ⁵³ Общероссийские избирательные объединения... С. 41; Политические партии и движения в Удмуртии. 1990-е годы... С. 16.
- ⁵⁴ Измайлова А. Удмуртия – Суоми // Огни Прикамья. 1991. № 3, июль. С. 29–32.
- ⁵⁵ Лебедев Ю. Новые общественно-политические организации и движения Удмуртии... С. 13.
- ⁵⁶ Возвращаясь к истокам. Интервью с председателем Общества удмуртской культуры К. А. Пономаревым. Программа и устав Общества // Вестник обкома КПСС. 1990. № 10, май. С. 15–16.
- ⁵⁷ ЦДНИ УР, ф. 70, оп. 1, д. 1, л. 1–8.
- ⁵⁸ Егоров И., Мацузато К. Удмуртская Республика... С. 279.
- ⁵⁹ ЦДНИ УР, ф. 34, оп. 1, д. 2, л. 3.
- ⁶⁰ Материалы Первого Всесоюзного съезда удмуртов. 22–23 ноября 1991 г. Ижевск, 1992. С. 34–40.
- ⁶¹ Там же. С. 35.
- ⁶² ЦДНИ УР, ф. 34, оп. 3, д. 3, л. 1.
- ⁶³ ЦДНИ УР, ф. 34, оп. 3, д. 12, л. 8.
- ⁶⁴ ЦДНИ УР, ф. 34, оп. 3, д. 12, л. 2–3.
- ⁶⁵ ЦДНИ УР, ф. 42, оп. 1, д. 1а, л. 1–6.
- ⁶⁶ Лебедев Ю. Новые общественно-политические организации и движения Удмуртии... С. 19.
- ⁶⁷ Там же. С. 15.
- ⁶⁸ ЦДНИ УР, ф. 134, оп. 1, д. 1, л. 1–7.
- ⁶⁹ Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики... С. 137.

1.2.4. Трудовые коллективы

Одной из характеристик советской политической системы была значительная роль трудовых коллективов, чей политико-правовой статус определялся, прежде всего, Конституцией СССР. Их участие в управлении производством осуществлялось не только через своих представителей в выборных органах, но и непосредственно через общие собрания (конференции) коллективов. Определенным авторитетом пользовались так называемые постоянно действующие производственные совещания (ПДПС), хотя отношение к ним было неоднозначным. Например, в состав 666 заводских и цеховых ПДПС в УАССР в 1985 г. было избрано свыше 28 тыс. чел. Десятки тысяч трудящихся республики участвовали в работе различных комиссий профкомов, цехкомов, общественных отделов кадров, внештатных технических инспекций, товарищеских судов и т.д.¹

1 августа 1983 г. вступил в силу Закон СССР о трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями. Он расширил круг вопросов производства, труда и социального развития, которые включались в сферу общественной управленческой деятельности. Во-первых, Закон предоставил трудовым коллективам право заслушивать сообщения администрации о ходе выполнения планов и договорных обязательств, о причинах их изменения, результатах производственно-хозяйственной деятельности. Трудовой коллектив мог дать администрации соответствующие рекомендации, а в необходимых случаях довести их до сведения вышестоящих органов. Отныне проекты планов экономического и социального развития представлялись на утверждение только после их рассмотрения трудовым коллективом.

Во-вторых, Закон стимулировал развитие встречного планирования на производстве. Так, если в 1984 г. в Удмуртии в нем участвовало 86 предприятий, то уже в 1986 г. 36 предприятий приняли встречные планы по реализации

продукции, 42 – по производительности труда, 24 – себестоимости продукции, 84 – экономии материальных и энергетических ресурсов². Далее, Закон закрепил многолетнюю практику организации социалистического соревнования. Трудовые коллективы утверждали его условия, определяли меры поощрения, обеспечивали гласность соревнования, подводили его итоги и определяли победителей.

Широкие права предоставил Закон трудовым коллективам в связи с переходом экономики СССР на интенсивный путь развития и максимальным ускорением научно-технического прогресса. Вместе с тем документ определил обязанность трудовых коллективов принимать меры к активизации этого процесса, широко внедрять в производство достижения науки и передового опыта.

Партийно-государственное руководство пыталось стимулировать развитие технического творчества законодательными мерами. В Законе о трудовых коллективах и Постановлении ЦК КПСС и СМ СССР «О мерах по ускорению научно-технического прогресса в народном хозяйстве» предусматривалось создание временных творческих объединений для решения научно-технических проблем, имеющих народнохозяйственное значение. Эта форма работы оправдала себя. В 1984 г. в республике насчитывалось 1 120 комплексных творческих бригад, которые в том же году внедрили одну треть всех разработанных в Удмуртии предложений.

Апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС выдвинул концепцию ускорения социально-экономического развития страны на основе использования достижений научно-технического прогресса. Именно с совершенствования производственных отношений было запланировано начать перестройку, не меняя всей политической системы.

Главные усилия предполагалось сосредоточить на опережающем развитии машиностроения и на этой основе обеспечить подъем других отраслей. В связи с

этим опыт промышленного развития Удмуртии оказался актуальным. Ее многоотраслевой индустриальный комплекс имел ряд характерных особенностей: мощный экономический потенциал, способный решать сложные социально-экономические задачи, крупные масштабы производства, наукоемкость и высокотехнологичность, разнообразие выпускаемой продукции, производственную кооперацию и интеграцию, известность предприятий региона в стране и за рубежом благодаря высокому качеству и надежности выпускаемой промышленной продукции, развитую социальную инфраструктуру. В целом в составе основных промышленно-производственных фондов республики доля машин и оборудования занимала 38,1 % их общей стоимости, зданий – 28,7 %, сооружений – 19,2 %, передаточных устройств – 8,0 %, транспортных средств – 5,2 %. На промышленных предприятиях находилось в эксплуатации свыше 1 тыс. механизированных поточных и около 400 автоматических линий, действовало почти 500 комплексно-механизированных и автоматизированных участков, цехов и производств³.

Ведущие позиции в экономике республики занимали нефтедобыча, производство электроэнергии, черная металлургия, лесная, деревообрабатывающая промышленность и машиностроение. До 1991 г. в Удмуртии действовали 43 машиностроительных предприятия. Их доля в общем объеме промышленного производства составляла 64,7 %.

Исторически промышленность республики в межрегиональном разделении труда приобрела уникальную особенность: ориентацию на сверхвысокую милитаризацию. Основу народно-хозяйственного комплекса составляли оборонные предприятия, в течение долгого времени обеспечивавшие около 80 % поступлений в республиканский бюджет, занятость большей части городского населения, жилищное строительство и содержание социальной сферы. Ижевские машиностроительный, механический и электромеханический заводы изготавливали большое количество стрелкового оружия (автоматы конструкции М.

Т. Калашникова, пистолеты, снайперские винтовки, штурмовые ружья, пулеметы и т.д.), Ижевский и Сарапульский радиозаводы, Ижевские мотозавод и «Ижсталь», Воткинские машиностроительный завод и завод РТО, Сарапульский электрогенераторный завод, Чепецкий механический завод – космические средства связи, средства космической разведки и управления боем, зенитно-ракетные комплексы, электронную «начинку» для боевых самолетов и вертолетов, знаменитых «Буранов», вооружение для истребителей МИГ–32 и штурмовиков СУ–27, межконтинентальные ракеты СС–12, СС–13, СС–20, СС–23, СС–25 и другую продукцию⁴.

В выпуске товаров народного потребления (спортивные и охотничьи ружья, автомобили, мотоциклы, радио- и медтехника, швейные, трикотажные и кондитерские изделия) предприятия Удмуртии также занимали достойное место. На их долю приходилось 49,8 % общероссийского производства мотоциклов, 10,0 % – магнитофонов, 9,0 % – радиоприемных устройств, 6,8 % – стиральных машин, 3,3 % – легковых автомобилей⁵.

Однако к середине 1980-х гг. в промышленном комплексе республики по ряду причин, характерных для развития экономики страны в целом, наметилось отставание в темпах научно-технического прогресса.

В решении задачи ускорения реформаторы стремились опереться на уже имевшиеся институты трудового самоуправления, в том числе организации Научно-технического общества (НТО) и Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (ВОИР). В Удмуртии к середине 1980-х гг. в их рядах насчитывалось свыше 138 тыс. рабочих, колхозников, инженерно-технических работников, ученых и специалистов. Они обеспечивали третью часть роста производительности труда, более половины экономии материальных ресурсов, не менее 30 % экономии топлива и электроэнергии⁶.

Заметную роль играли рационализаторы в развитии агропромышленного комплекса. В 1985 г. в сельском хозяйстве республики экономическая

эффективность от внедренных изобретений и рационализаторских предложений составила 4,7 млн. руб., почти вдвое больше по сравнению с 1984 г.⁷

В целом по УАССР в 1985 г. число авторов, подавших предложения, увеличилось по сравнению с предыдущим годом на 1 600 человек, количество использованных изобретений – на 17 %, рационализаторских предложений – на 1064⁸. Эффект от использования новшеств достиг 44,2 млн. руб. По итогам 1985 г. Государственным комитетом СССР по делам изобретений и открытий и Центральным Советом ВОИР УАССР вторично было присуждено первое место во Всесоюзном социалистическом соревновании областей и республик за достижение высоких конечных результатов в изобретательской и рационализаторской деятельности.

Вместе с тем, в развитии изобретательства и рационализаторства обнаруживалось немало проблем. Так, в 1985 г. в республике не находили применения свыше пяти тысяч рацпредложений. Многие работники справедливо высказывали претензии на трудности при внедрении новшеств. Недостаточное внимание со стороны советов ВОИР, администрации и профкомов предприятий и организаций к вопросам изобретательства и рационализации прямо влияло на уровень массовости участия трудящихся в научно-техническом творчестве.

Особенно сложно новаторство развивалось на селе. В 1985 г. только в половине колхозов и совхозов Удмуртии имелись первичные организации ВОИР. Примерно вдвое ниже был и численный показатель участия в массовом техническом творчестве. Во многих хозяйствах республики заявления на рационализаторские предложения зачастую не оформлялись и, как следствие, новатору не обеспечивалось авторское вознаграждение⁹.

В 1986 г. в республике впервые произошло снижение результативности новаторского движения по основным показателям. Число поданных рацпредложений сократилось с 39,1 тыс. в 1985 г. до 38,9 тыс., количество

использованных изобретений – с 28,3 тыс. до 28,0 тыс. Экономический эффект снизился с 44,2 млн. руб. до 41,1 млн. руб.

Одним из своих главных резервов ВОИР видело обучение молодежи основам изобретательства и рационализаторства. На это обратил особое внимание еще XXVII съезд КПСС. В начале 1987 г. ЦК КПСС, СМ СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ приняли совместное постановление о дальнейшем развитии самодеятельного творчества. В соответствии с постановлением секретариата обкома КПСС от 13 января 1987 г. в республике создавалась система развития научно-технического творчества молодежи (НТТМ). В январе–апреле того же года прошла республиканская выставка-ярмарка НТТМ–87, посвященная XX съезду ВЛКСМ, где было представлено более 200 разработок. 26 из них по результатам аукциона приняты к проработке с последующим внедрением в производство. Одна из работ – гастроинтестинальный монитор – экспонировалась на центральной выставке-ярмарке НТТМ–87 в Москве и завоевала золотую и бронзовую медали¹⁰. В 1987 г. при содействии Удмуртского обкома ВЛКСМ при областном совете ВОИР открылась школа технического творчества, а в профессионально-технических училищах – школы молодого рационализатора.

Несмотря на принимаемые меры, общая тенденция спада новаторского движения сохранилась. В немалой степени она обуславливалась характерными и для других форм трудовой активности (социалистическое соревнование и т.п.) формализмом, бюрократизмом, попытками партийно-хозяйственного руководства подчинить эти движения своему контролю. Неуклонно сокращалась творческая активность граждан. Так, если в 1987 г. в техническом творчестве приняло участие 32,8 тыс. человек, то в 1988 г. – 30 тыс., а в 1989 г. – 24,5 тыс. человек. Уменьшалось количество поданных рацпредложений и заявок на предполагаемые изобретения и число их использования (в 1987 г. – 36,7 тыс. (использовано 26,9 тыс.), в 1988 – 32,7 тыс. (использовано 24,7 тыс.) и в 1989 г. –

24,5 тыс. (использовано 19,7 тыс.). Снижался экономический эффект от их внедрения (за исключением 1989 г.) (в 1987 г. – 35,2 млн. руб., в 1988 г. – 33,2 млн. руб. и в 1989 г. – 35,9 млн. руб.)¹¹.

В обучении и повышении квалификации изобретателей и рационализаторов выявились значительные упущения. Школы молодых рационализаторов не отвечали основным требованиям подготовки новаторов производства. С переходом предприятий на принципы хозрасчета начали сокращаться патентные службы.

Для руководителей ВОИР становилась очевидной необходимость создания эффективной общественной системы воздействия на ускорение научно-технического прогресса. С новых позиций следовало подойти к организации соревнования новаторов. Основными показателями трудового соперничества наряду с экономическим эффектом должны были стать показатели снижения себестоимости, роста производительности труда, экономии ресурсов за счет использования в производстве изобретений и рационализаторских предложений. Радикальным выходом из создавшегося положения признавалось принятие Закона СССР об изобретательстве. Однако рассмотрение законопроекта Верховным Советом СССР затягивалось. С этого времени развитие новаторского движения становится делом одной общественности, в немалой степени, по признанию Б. Шиляева, одного из республиканских лидеров ВОИР, по причине того, что «за высоким частотом политических и национальных проблем стало не до развития научно-технического прогресса»¹².

Задача обеспечения роста промышленного производства решалась одновременно с попыткой укрепления производственной дисциплины. Одним из конкретных шагов в этом направлении объявлялась антиалкогольная кампания, первое конкретное мероприятие, осуществленное М. С. Горбачевым. 7 мая 1985 было принято Постановление ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма». Эта акция в значительной степени может служить моделью

«перестройки». ЦК партии и Генеральный секретарь начали с заявления: данное решение партия приняла как политический и нравственный руководитель народа, взявший на себя ответственность за искоренение пьянства. На деле очередное постановление было обнародовано спешно, без глубокого изучения давней и трудной проблемы. Все средства пропаганды оказались брошены на организацию интенсивной кампании, результаты которой, как ожидалось, должны были быстро поднять на небывалую высоту авторитет «вождя». Характерной особенностью постановления явилось копирование методов, использовавшихся во время первой большой антиалкогольной кампании конца 1920-х – начала 1930-х гг.¹³

В какой-то мере данная инициатива оказалась востребована населением. Достоянием общественности стали такие цифры: к 1985 г. число больных хроническим алкоголизмом в стране составило около 4,5 млн. человек, а в УАССР – около 35 тыс.¹⁴ Начало борьбы с пьянством и алкоголизмом было многообещающим. После выхода Постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему улучшению использования клубных учреждений и спортивных сооружений» во дворцах культуры создавались клубы трезвости. Появились новые формы работы: дни семейного отдыха, клубы выходного дня, клубы бригадиров, рационализаторов. Только за сентябрь–октябрь 1985 г. в профсоюзных учреждениях культуры Удмуртии дополнительно было создано 11 агитбригад, 24 кружка художественной самодеятельности, 40 клубов и любительских объединений, в которые оказались вовлечены более двух тысяч трудящихся, в основном из числа молодежи¹⁵. Республиканские партийные и советские органы наметили конкретные пути организации отдыха трудящихся. В УАССР работали 27 молодежных кафе; 75 тыс. семей были объединены в садоводческие товарищества. В 1986 г. в республике проведено более 300 безалкогольных праздников и обрядов. В том же году по сравнению с 1985 г. продажа алкогольных напитков в УАССР сократилась на 31,2 %¹⁶.

В республике была поддержана инициатива свердловчан по развитию массового движения «Трудовой дисциплине – гарантию качества». Его суть заключалась в том, что за нарушение дисциплины нес ответственность не только работник, совершивший проступок, но и весь коллектив. В определенной степени эту акцию можно рассматривать как проявление патриархальной традиции «круговой поруки», что не соответствовало духу демократических преобразований.

Во многих трудовых коллективах Устинова, Воткинска, Сарапула, ряде сельских районов по инициативе общественных организаций в социалистические обязательства, коллективные договоры были включены специальные пункты по активному участию в борьбе с пьянством. Их выполнение учитывалось при подведении итогов соревнования. В результате проведенных мероприятий за 1986 г. в промышленности Удмуртии потери рабочего времени от прогулов сократились на 27 %, количество прогульщиков – на 20,9 %, на 12,5 % меньше было совершено преступлений на почве пьянства, в два с лишним раза уменьшилось количество больных с острыми алкогольными психозами¹⁷.

Определенную роль в этих начальных позитивных изменениях сыграло Всесоюзное добровольное общества борьбы за трезвость (ВДОБТ). Оно было призвано содействовать осуществлению административно-правовых, законодательных мер, направленных на формирование у людей здорового образа жизни, поддержание порядка и организованности, оказывать постоянную помощь комиссиям по борьбе с пьянством, вносить в государственные и общественные органы предложения о привлечении к ответственности виновных в нарушении антиалкогольного законодательства. Общество строилось по территориально-производственному признаку. Его основу составили первичные организации по месту работы, учебы, жительства: при домоуправлениях, рабочих общежитиях. В структуре ВДОБТ могли создаваться цеховые, факультетские, бригадные и другие организации, клубы трезвости, действующие

на базе культурно-просветительных учреждений, медицинских и учебных заведений. Первичные организации входили в состав районных, городских, республиканской организаций.

В октябре 1985 г. состоялась учредительная конференция Удмуртской областной организации ВДОБТ. Делегаты отмечали, что ранее борьба с пьянством и алкоголизмом велась без должной организованности. Осуществлявшиеся с 1985 г. меры положительно отражались на оздоровлении нравственного климата в обществе, трудовых коллективах, семьях, на повышении дисциплины, росте производительности труда. Участники конференции обратились ко всем министерствам, ведомствам, общественным организациям, к ветеранам партии и труда, кадровым и молодым рабочим, колхозникам, служащим, пенсионерам и домохозяйкам, студентам и учащимся с призывом включиться в борьбу за утверждение здорового образа жизни.

В мае 1987 г. ЦК КПСС рассмотрел вопрос «О ходе выполнения постановлений ЦК КПСС по преодолению пьянства и алкоголизма и активизации этой работы». Отмечалось, что за два года проделана определенная работа по утверждению трезвого образа жизни: потребление спиртных напитков в стране в 1986 г. снизилось по сравнению с 1984 г. почти в два раза; на 26 % уменьшилось количество преступлений, совершаемых на почве пьянства. Впервые за многие годы в стране снизилась смертность людей¹⁸.

Вместе с тем, группа Комитета партийного контроля при ЦК КПСС и бригада МВД СССР, работавшие в УАССР в 1987–1988 гг., обнаружили парадоксальную картину: усилия партийных, советских и общественных органов привели к обратному результату. Удовлетворившись первыми результатами, многие коллективы ослабили работу по искоренению пьянства и алкоголизма. Пассивно вели себя местные Советы, профсоюзные, комсомольские органы. Комиссии по борьбе с пьянством при исполкомах Советов не обеспечивали координации деятельности государственных органов и общественных

организаций. Это признавалось и на собрании партийно-хозяйственного актива республики.

Надежды, возлагавшиеся на организации ВДОБТ, не оправдались. Хотя ее Удмуртская организация в 1987 г. насчитывала свыше 46 тыс. человек, в т. ч. коммунистов – 29,1 %, молодежи – 17,6 %, рабочих – 19,6 %, колхозников – 4,7 %, женщин – 54,3 %¹⁹, в трезвенническом движении реально участвовало лишь пять процентов взрослого населения республики. Не поддержали общественников и правоохранные органы. Первичная организация ВДОБТ была создана лишь в прокуратуре УАССР. Не все районные и городские комитеты КПСС принципиально подошли к подбору кадров²⁰. Слабо освещались проблемы борьбы за трезвость средствами массовой информации.

Совет по изучению и формированию общественного мнения при обкоме КПСС в апреле–мае 1987 г. провел экспресс-опрос 743 руководящих работников семи крупных предприятий Ижевска о состоянии борьбы за трезвость и роли в этом ВДОБТ. 45 % респондентов ответили, что их организации совсем не работают. Такую оценку дали 65 % опрошенных на Ижевском радиозаводе, 50,7 % – на объединении «Ижмаш», 51 % – на заводе «Буммаш». Многие вообще полагали, что борьба с пьянством и алкоголизмом в республике значительно ослабла²¹.

С 1988 г. даже среди партийных работников стали идти разговоры о том, что ВДОБТ скоро «прикроют». Воткинский горком, Киясовский, Граховский, Вавожский, Кизнерский, Шарканский, Алнашский и ряд других райкомов КПСС не оказывали помощи в деятельности районных организаций. В 1988 г. из 32 ответственных секретарей сменилось девять, а в семи районах их места были вакантны²².

В этих условиях ВДОБТ стремилось перестроить работу «на свой страх и риск». В январе 1988 г. Центральным Советом ВДОБТ был рекомендован метод освобождения от алкогольной зависимости, разработанный ленинградским

ученым-психофизиологом, сотрудником научно-исследовательского института экспериментальной медицины Г. А. Шичко. В Удмуртии работу в этом направлении активно повели сотрудник МВД УАССР Н. В. Январский и врач-нарколог объединения «Ижсталь» В. Ю. Мерзляков. Они основали хозрасчетный центр «Альтернатива». Активно их деятельность поддержала ответственный секретарь организации ВДОБТ на «Ижмаше» Н. И. Гранцева²³. С этого времени борьба за трезвость стала вестись в основном силами общественности.

Несмотря на некоторое снижение, оставалось высоким потребление чистого алкоголя на душу населения. В 1987 г. оно составило в республике 3,34 литра. Наблюдался рост самогонварения. В 1988 г. за изготовление самогона и браги было привлечено к административной и уголовной ответственности 1 127 человек, на 23 % больше, чем за 1987 г.; конфисковано более 16 тыс. литров браги и самогона, 240 самогонных аппаратов. Почти половина самогонщиков оказалась из наиболее активной и трудоспособной части населения в возрасте до 49 лет, почти каждый десятый – молодой человек до 29 лет. Основная часть (52 %) среди людей, наказанных за изготовление самогона, – женщины²⁴.

Одной из главных «алкогольных» проблем оставался высокий уровень потерь рабочего времени от пьянства. В 1986 г. в промышленности республики было потеряно 62,8 тыс. человеко-дней, в строительстве – 16,6 тыс., на транспорте – 2,1 тыс., в колхозах и совхозах – 167 тыс. человеко-дней. Работники МВД выявили 2,5 тыс. человек (на 17 % больше, чем в 1985 г.)²⁵, употребляющих спиртные напитки или находящихся на рабочем месте в нетрезвом состоянии. В 1987 г. в УАССР было привлечено к ответственности за пьянство на рабочем месте более 2 тыс. человек. А в ряде городов и районов наметился рост «производственного алкоголизма»: в Глазове – на 14 %, Сарапульском районе – в 3,5 раза, Балезинском районе – на 72 %, Дебесском – на 100 %, Малопургинском – на 13 %. В этих районах в трезвенническом движении участвовали всего 2 % взрослого населения²⁶.

Пьянство стало распространяться среди несовершеннолетних. На начало 1987 г. на учете в наркологической службе состояло более 900 подростков с эпизодическими употреблением спиртного, на 9 % больше, чем в 1985 г.

В 1987 г. удельный вес преступлений в УАССР, совершенных в нетрезвом состоянии, от общего числа преступлений составил 37,1 %. Это оказалось выше, чем по стране и РСФСР²⁷. За 1988 – первую половину 1989 гг. данный показатель составил 44 %. В пьяном виде совершались более 80 % убийств и тяжких телесных повреждений, более 90 % изнасилований, 50 % грабежей.

Как констатировал Н. Перевощиков, заместитель министра внутренних дел УАССР, «борьба с пьянством, осуществляемая в последние годы в основном запретительными мерами, успехов не принесла»²⁸.

Попытка решения проблемы обычным советским волевым решением быстро провалилась. 25 октября 1988 г. ЦК КПСС принял постановление, в котором, отметив успехи антиалкогольной кампании, признал главное: «...радикальных перемен еще не достигнуто». На этом борьба с алкоголизмом закончилась²⁹. Благие намерения руководства, первоначально поддержанные населением, обернулись громадным ущербом для бюджета (поступления в казну от запрета и ограничений на продажу спиртных напитков в течение 1985–1988 гг. сократились на 37 млрд. руб.), ростом самогонварения, токсикоманией и наркоманией, ростом детского алкоголизма, разгулом преступности.

Надежды реформаторов укрепить трудовую дисциплину директивными мерами не оправдались. Требовалось найти кардинальное решение вопроса развития производственной демократии.

Январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС наметил пути и формы углубления производственного демократизма. Таковыми провозглашались, прежде всего, совершенствование непосредственной демократии, предоставление каждому труженику наилучших условий для реализации своего вклада в ускорение социально-экономического развития страны. Предлагалось наделить каждого

члена трудового коллектива реальными хозяйственными полномочиями через рабочие собрания, коллективные договоры, советы бригад и цехов. Правовой основой развития непосредственной демократии на производстве должен был стать Закон о государственном предприятии. Участники Пленума одобрили его проект и рекомендовали для всенародного обсуждения.

В соответствии с решениями XXVII съезда КПСС и июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС 7 сессия ВС СССР 30 июня 1987 г. приняла Закон о государственном предприятии (объединении). Его суть состояла в переходе от преимущественно административных методов к широкой демократизации управления.

Закон утвердил выборность руководителей всех звеньев на предприятии как основной способ замещения должностей. Этот принцип распространялся на директоров предприятий, руководителей их структурных единиц, объединений, производств, цехов и отделений, участков, ферм и звеньев, а также мастеров и бригадиров. Их избрание проводилось тайным или открытым голосованием по усмотрению собрания (конференции). Однако в случае неутверждения избранной трудовым коллективом кандидатуры вышестоящим органом проводились новые выборы. В свою очередь, заместители руководителя, начальники юридической и бухгалтерской служб и службы контроля качества не избирались, а назначались и освобождались директором. В 1987 г. в Удмуртии были избраны 56 директоров предприятий и организаций, 85 начальников цехов и 115 сменных мастеров³⁰.

Закон также определил ведущую роль предприятий в определении экономической стратегии. С 1988 г. они должны были самостоятельно разрабатывать планы экономического и социального развития. Такая работа началась в тех коллективах, которые перешли на полный хозрасчет и самофинансирование. В УАССР это прежде всего коснулось агропромышленного комплекса, торговли, около 100 предприятий

промышленности. Пятилетние контрольные задания, устанавливаемые вышестоящими органами управления, для предприятия являлись только рекомендательными документами. Обязательными были лишь государственные заказы и лимиты, но их долю в деятельности предприятий предполагалось постоянно уменьшать. Между тем в 1987 г. лишь две трети промышленных предприятий обсудили проекты планов, еще меньше своевременно заключили хозяйственные договоры. В значительной мере они рождались в кабинетах экономических служб узким кругом специалистов и руководителей и выносились на собрания в виде информационных сообщений, без постановки конкретных задач перед каждым подразделением в отдельности. До членов трудовых коллективов не доводились их конкретная роль в достижении намеченных экономических показателей и их социальные последствия. В немалых случаях вышестоящие хозяйственные органы фактически игнорировали мнение трудовых коллективов, навязывали им сверху контрольные цифры и дополнительные задания без учета реальных возможностей, наличия необходимых мощностей и обеспечения материально-техническими ресурсами³¹.

В качестве органа прямого руководства, призванного решать в основном перспективные задачи предприятий, Закон о государственном предприятии (объединении) определял Советы трудовых коллективов. Для них, как самостоятельных органов коллектива, выделялись следующие функции: формирование плана экономического и социального развития предприятия и принятие мер к его реализации; совершенствование внутрипроизводственного хозяйствования; распределение заработанных трудовым коллективом средств на развитие производства, оплату труда и социальное развитие. Особо значимым являлось установление в Законе юридической гарантии обеспечения активности членов СТК. Работник, являющийся членом совета, не мог быть уволен или подвергнут дисциплинарному взысканию без согласия последнего³².

Однако полномочия Совета трудового коллектива реально оказались ограниченными. С одной стороны, характер деятельности СТК был близок к деятельности общего собрания (конференции). Он мог рассматривать, принимать и контролировать решения в пределах законодательства, которые являлись обязательными для администрации и всех членов трудового коллектива. Вместе с тем СТК являлся исполнительным органом по отношению к общему собранию (конференции) трудового коллектива.

С другой стороны, сохранялся единоначальный принцип управления предприятием. СТК не мог вмешиваться в оперативную деятельность администрации. Совет принимал решения, формулировал предложения и меры, а реализация их оставалась за администрацией, которая на предприятии являлась юридическим лицом. Она заключала хозяйственные договоры со сторонними организациями, перечисляла и выплачивала различные средства, организовывала производство, осуществляла оплату труда, издавала приказы по различным вопросам производства, труда и т.д.³³

Далее, на производстве СТК мог обратиться с рекомендациями к общественным организациям, например, профкому, с тем, чтобы он осуществлял меры, соответствующие его компетенции: защита законных прав трудящихся, надзор за безопасным трудом и санитарным бытом, организация отдыха трудящихся, контроль за оздоровительными мероприятиями и др. Однако СТК был не в праве вторгаться в сферу деятельности общественных организаций, которые функционировали на основе своих уставов.

В феврале 1988 г. Госкомитет СССР по труду и социальным вопросам и ВЦСПС приняли рекомендации о порядке избрания Советов трудовых коллективов и руководителей предприятий (объединений). В них предлагалось избирать в СТК представителей администрации, но не более четверти общего количества членов совета. Не рекомендовалось избирать председателями СТК руководителей предприятий, а также расширять состав СТК. Выборы в Советы

трудовых коллективов, проведенные в УАССР в мае 1988 г., показали обратную картину. Всего было сформировано 502 СТК и около тысячи советов подразделений. В их состав входили 11,7 тыс. человек. 197 СТК возглавили директора предприятий (39 % от общего количества), 21 % – рабочие, остальные – специалисты и руководители различных служб³⁴. Это произошло в силу патерналистско-социалистических стереотипов сознания, характерных и для администрации и для работников. Поэтому первоначально СТК не могли найти своего места в системе управления. Их работа была во многом похожа на деятельность прежних постоянно действующих производственных совещаний, которые являлись органами при руководителе и не решали вопросы жизнедеятельности трудового коллектива. В условиях хозяйственной реформы встал вопрос разграничения функций между СТК и профкомом. Поставить четкую границу между ними оказалось невозможно.

Перестройка производственных отношений оказалась наиболее противоречивым начинанием. Результатом реформ в данной сфере стала неразбериха в управлении производством, которая облегчила проведение приватизации и сохранение административной и хозяйственной власти руководства отраслей, предприятий и т.п. В дальнейшем, после 1988 г., основные усилия реформаторов были сосредоточены на преобразованиях в государственно-партийной системе, сопровождавшихся ухудшением общесоюзной экономической ситуации, разрывом межрегиональных хозяйственных связей, резким спадом производства.

Таким образом, предпосылки для формирования политической системы России второй половины 1990-х гг. были заложены на завершающей стадии советского строя. Испытывая, особенно с середины 1970-х гг., кризисные явления в экономике, идеологии, государственном устройстве, характерные не только для СССР, но и мирового сообщества в целом, новые группы, пришедшие к власти в Советском Союзе после смерти И. В. Сталина, обнаружили

стремление к приспособлению системы к изменившимся условиям. Демократизация государственной и общественно-политической жизни определялась основными политико-правовыми актами, в первую очередь конституциями СССР и национальных республик, принятыми в конце 1970-х гг. Активизация демократических процессов началась с 1985 г., с так называемой «перестройки», завершившейся в 1991 г. распадом СССР и образованием суверенных национальных республик в составе Российской Федерации. За годы перестройки подверглись изменениям основные институты советской политической системы: Советы народных депутатов, КПСС, общественные объединения граждан и трудовые коллективы.

Одним из первых результатов эволюции системы стала утрата КПСС ведущей и направляющей силы общества, что повлекло ее распад и, в конечном счете, исчезновение с политической сцены как партии «авангардного типа». С крушением СССР и появлением суверенных государств в составе РФ перестала существовать единая советская система организации государственной власти, ликвидированная в октябре 1993 г. по инициативе Президента РФ и его окружения. Политическая организация советского общества стала иметь более разветвленную структуру. Претерпели кардинальные изменения прежние, «огосударствленные» организации. Появились «неформальные» объединения, претендующие на власть. Активную роль в политической жизни стали играть национальные формирования. Все вышеперечисленные факторы предопределили изменение облика «старой системы», превращение ее в «согласительную», и обусловили переход к демократически организованной политической системе.

¹ Воронцов Н. Трудовой коллектив. Что он может // Пропагандист и агитатор. 1986. № 1, январь. С. 27.

² Там же. С. 29.

³ Боткин О. И., Сапожников Н. И., Загуменнов В. Г., Осипов А. К. Развитие ведущих отраслей экономики Удмуртской республики // Удмуртская Республика: проблемы и перспективы. Ижевск, 1995. С. 19.

⁴ Экономика Удмуртии. Ижевск, 1997. С. 78.

⁵ Там же. С. 137.

- ⁶ Новичков В. Инициативе новаторов – «зеленую улицу»! // Пропагандист и агитатор. 1986. № 11, июнь. С. 23.
- ⁷ Там же. С. 23.
- ⁸ Там же. С. 22.
- ⁹ Там же. С. 26.
- ¹⁰ Главатских Д. Энергию и инициативу молодежи – перестройке // Пропагандист и агитатор. 1988. № 15. С. 14.
- ¹¹ Шиляев Б. Условия для творчества // Вестник обкома КПСС. 1990. № 17, сентябрь. С. 17.
- ¹² Там же.
- ¹³ Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал... С. 551.
- ¹⁴ Шамшурина Г. Никто не должен стоять в стороне // Пропагандист и агитатор. 1988. № 3, февраль. С. 28.
- ¹⁵ Трезвость – норма нашей жизни // Пропагандист и агитатор. 1985. № 22, ноябрь. С. 27.
- ¹⁶ Утверждение трезвости – долг каждого // Пропагандист и агитатор. 1987. № 14, июль. С. 2.
- ¹⁷ Там же. С. 2.
- ¹⁸ Там же. С. 2.
- ¹⁹ Шамшурина Г. Никто не должен стоять в стороне... С. 28.
- ²⁰ Там же. С. 29.
- ²¹ Утверждение трезвости – долг каждого... С. 5.
- ²² Шаимов В. Наскоком не преодолеть // Пропагандист и агитатор. 1988. № 24, декабрь. С. 22–23.
- ²³ Загуляева Н. Без возврата к прошлому // Пропагандист и агитатор. 1989. № 7, апрель. С. 25.
- ²⁴ И право, и ответственность. (К дню советской милиции. Интервью с заместителем министра внутренних дел УАССР В. Н. Бурцевым) // Пропагандист и агитатор. 1988. № 20, октябрь. С. 9.
- ²⁵ Утверждение трезвости – долг каждого... С. 2–3.
- ²⁶ Шамшурина Г. Никто не должен стоять в стороне... С. 29.
- ²⁷ Рылов В. Разобщенно, на низком уровне ведется борьба за укрепление правопорядка в республике // Пропагандист и агитатор. 1988. № 14. С. 14.
- ²⁸ Перовошиков Н. Обеспечить защиту прав и интересов граждан // Пропагандист и агитатор. 1989. № 21, ноябрь. С. 23–24.
- ²⁹ Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал... С. 551.
- ³⁰ Грачев В. Конкретная программа действий // Пропагандист и агитатор. 1988. № 7, апрель. С. 11.
- ³¹ Попонин В. Совет трудового коллектива // Пропагандист и агитатор. 1988. № 9, май. С. 9–10.
- ³² Колеватова В. Основа перестройки в экономике // Пропагандист и агитатор. 1987. № 15, август. С. 6–7.
- ³³ Попонин В. Совет трудового коллектива... С. 10.
- ³⁴ Там же. С. 11–12.

ГЛАВА 2

ИНСТИТУТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА В УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Одной из основных характеристик любой политической системы является качество правительства, определяемое его административной компетенцией. Иными словами, имеет ли государство хорошо организованную структуру, позволяющую использовать потенциал власти полностью, с максимальной эффективностью, или же такая структура не соответствует ожиданиям общества. Объективно в качественном правительстве заинтересованы как государственные, так и негосударственные составляющие политической системы. Их позицией определяется вектор эволюции управленческой структуры.

Исторический опыт реформирования органов государственной власти и управления российских регионов представляет значительный научно-практический интерес, позволяющий выявить общие и особенные черты в процессе государственного строительства в Российской Федерации. Не является исключением и реформа органов государственной власти и управления Удмуртской Республики. Процесс реформирования государственных органов Удмуртии в течение 1990-х гг. получил свое логическое завершение и имеет конкретные результаты. Поэтому он стал самостоятельным объектом научного анализа.

В своем развитии конституционная реформа в суверенной Удмуртии прошла пять этапов (с 20 сентября 1990 г., принятие Декларации о государственном суверенитете УР, до 28 ноября 2000 г, избрание и утверждение на сессии Госсовета УР новых руководителей представительной (законодательной) и исполнительной ветвей власти в республике):

1 этап: 20 сентября 1990 г. – 11 ноября 1993 г.;

2 этап: 1994 г.;

3 этап: 1995 г. – 3 марта 1998 г.;

4 этап: 3 марта 1998 г. – сентябрь 1999 г.;

5 этап: октябрь 1999 г. – 28 ноября 2000 г.

Периодизация основана на следующих факторах: социально-политическая обстановка в СССР, РФ и ее регионах, вызвавшая в 1990 г. появление новых, нетипичных для Советского Союза национально-государственных образований; динамика политико-правового обеспечения регионального суверенитета; цели и задачи участников реформы; место и роль центральных органов государственной власти в региональном конституционном процессе, результаты преобразований. При этом период эволюции государственного управления в Удмуртии в 1985–1989 гг. является самостоятельным в хронологическом отношении этапом, ибо осуществлялся в рамках советской автономии, а не декларированного суверенитета.

2.1. Провозглашение государственного суверенитета Удмуртской Республики и начальный этап конституционной реформы

Начальный период реформы (20 сентября 1990 г. – 11 ноября 1993 г.) проходил в рамках советской политической системы. Учеными достаточно полно изучен вопрос новых отношений центра и периферии, характерных для России 1990-х гг.¹ Они включили три этапа, два из которых протекали в советский период. Первый (12 июня 1990 г. – март 1992 г.) – парад суверенитетов в РФ, закончившийся подписанием Федеративного договора с 87 субъектами РФ (кроме Татарстана и Чечни). Для второго периода «борьбы за сохранение целостности России» (март 1992 г. – сентябрь 1996 г.) характерен «торг» центра с регионами. Основным его содержанием стали принятие Конституции РФ и подписание первого договора о разграничении полномочий с Татарстаном (февраль 1994 г.). Третий этап целиком относится к постсоветской эпохе. Он начинается с сентября 1996 г., с проведением регулярных выборов глав

исполнительной власти субъектов России. Для него показательна консолидация интересов центра и периферии.

Характеризуя начальный этап конституционной реформы в Удмуртии, следует отметить, что особенностью политического развития страны после выборов народных депутатов Советов с 1990 г. явилась децентрализация государственной власти, что вело к распаду СССР и единой системы Советов. Началась суверенизация республик. I съезд народных депутатов РСФСР 12 июня 1990 г. принял Декларацию о государственном суверенитете РФ, в котором предусматривалось право народов на самоопределение в избранных ими национально-государственных и национально-культурных формах. Вслед за российским парламентом ВС УАССР 20 сентября 1990 г. принял «Декларацию о государственном суверенитете Удмуртской Республики» и преобразовал УАССР в УР.

Говоря о предпосылках политико-правовых изменений, стоит подчеркнуть, что известная самостоятельность республик была заложена еще в конце 1980-х гг. XIX Всесоюзная партконференция в резолюции «О межнациональных отношениях» выработала основные подходы к решению национальных проблем как важнейшего условия укрепления Союза СССР. Конференция отметила, что существует необходимость укрепить Советскую федерацию на основе расширения прав союзных и автономных республик, децентрализации, передачи на места ряда управленческих функций, усиления самостоятельности и ответственности в сфере экономики, социального и культурного развития, охраны природы. 8 сессия ВС СССР одиннадцатого созыва приняла решение, по которому, начиная с 1988 г., республиканские органы управления получили право разрабатывать и утверждать комплексные экономические и социальные планы, охватывающие развитие предприятий, расположенных на территории союзных республик, независимо от их ведомственной подчиненности. Повышался удельный вес республиканских бюджетов в общесоюзном. Общий

объем доходов и расходов бюджетов союзных республик на 1989 г. определялся в 229,1 млрд. руб. Расширялась практика отчислений в республиканские бюджеты части прибыли хозяйств союзного подчинения, а в дальнейшем предусматривалась передача части платы за использование ими трудовых и природных ресурсов союзных республик².

В последующий период обозначившегося в 1990 г. противостояния союзного и более радикального российского руководства (М. С. Горбачев – Б. Н. Ельцин) усилилась тенденция уравнивания статусов союзных и автономных республик. Анализируя законодательство СССР в сфере федеративного устройства, исследователи, в частности, С. Н. Уваров отметили, что в законах СССР «Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик» от 10 апреля 1990 г. и «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации» от 26 апреля 1990 г. автономные республики были поставлены в положение субъектов СССР, равных с союзными во взаимоотношениях с центром. При этом гарантировались политический, экономический и финансовый суверенитеты автономий. Предусматривалась возможность заключения автономными республиками прямых договоров и соглашений, минуя союзные республики³.

С учетом этих обстоятельств следует рассматривать Декларацию о государственном суверенитете Удмуртской Республики. Ее первая статья определяла УР как суверенное государство, исторически утвердившееся на основе осуществления удмуртской нацией своего неотъемлемого права на самоопределение. Развитие УР в существующих границах реализовывалось через равноправное участие всех наций и народностей республики во всех сферах государственного строительства.

Региональная политическая элита оказалась восприимчива к идее правового государства, выразившейся в следующих положениях. Во-первых, статья вторая единственным источником государственной власти в республике

провозглашала народ Удмуртии. Во-вторых, основополагающим принципом государственного устройства объявлялось разделение законодательной, исполнительной и судебной властей. Закреплялся механизм департизации Советов: «в Удмуртской Республике не допускается совмещение должностей руководителей органов государственной власти и управления с любой должностью в государственных организациях, политических партиях и общественных организациях». В-третьих, признавались многопартийность и равенство организаций перед законом: «Удмуртская Республика гарантирует всем политическим партиям, общественным организациям, массовым движениям и религиозным организациям, действующим в рамках Конституции Удмуртской Республики, равные правовые возможности участвовать в общественной жизни и управлении государственными делами». Вместе с тем, закрепляя принцип осуществления светской (непартийной) власти, Декларация гласила, что кроме Верховного Совета УР от имени народа не могли выступать «ни одна политическая партия, общественная организация, другие формирования или отдельные лица».

Ряд положений характеризовал Удмуртию как национальную республику. Седьмая статья подчеркивала, что в УР гарантируется равноправное функционирование русского и удмуртского языков в качестве государственных, право на сохранение и развитие языков других национальностей. Русский язык объявлялся языком межнационального общения. Свободный выбор языка воспитания, обучения и использования являлся неотъемлемым правом каждого гражданина республики. Важное положение закреплялось в восьмой статье: «В Удмуртской Республике обеспечивается выполнение законных политических, экономических, этнических и культурных прав наций и народностей, проживающих в республике. Удмуртская Республика оказывает гуманитарную помощь удмуртам, проживающим за пределами республики, в удовлетворении национально-культурных и языковых потребностей»⁴.

Подобно декларациям других республик, ВС УР изъясил из ее наименования слово «автономная» и потребовал федеративных отношений с союзным и российским руководством. Поскольку в федеративной структуре СССР существовали серьезные различия, снятие прилагательного «автономная», по мнению И. Егорова и К. Мацузато, не означало повышения статуса республики до союзной. Это было сделано с целью манипуляции на фоне политической конкуренции между союзным и российским руководством. При этом М. С. Горбачеву, использовавшему желание бывших автономий повысить свой статус как противовес окружению Б. Н. Ельцина, удалось эффективнее наладить отношения и с элитой, и с населением УР, как и с другими республиками⁵.

Декларация стала основой для разработки новой Конституции УР, заключения Федеративного, Союзного и межреспубликанских договоров и соглашений, совершенствования законодательства УР.

Принятие документа вызвало неоднозначную реакцию в обществе. Так, в резолюции Пленума Удмуртского обкома КПСС (август 1990 г.) отмечалось, что проект Декларации выражает интересы всех народов республики⁶.

Межсоюзная конференция профсоюзов, прошедшая 22 сентября 1990 г., приняла решение об изучении общественного мнения населения республики о провозглашенной Декларации. В опросе приняли участие около 3 тыс. человек – жители Ижевска, Воткинска, сельских районов, в том числе: рабочие, служащие, специалисты, руководители, работники лесного хозяйства, студенты, педагоги, медицинские работники, работники сельского хозяйства. Исследования показали, что данный акт не изучен и глубоко не осмыслен населением республики из-за неорганизованного обсуждения его положений. Такой вывод позволили сделать ответы респондентов на вопрос: «Знакомы ли Вы с положениями Декларации?»: «да, я изучил их в деталях» – 7,9 %; «да, знаю в общих чертах» – 46,7 %; «только слышал, что такая Декларация провозглашена»

– 35,5 %; «ничего не слышал о Декларации» – 7,0 %; затруднились с ответом 2,9%.

Респонденты высказали следующие мнения о факте принятия Декларации: «воспринимаю Декларацию как необходимость для всего населения республики» – 7,7 %; «возможно, в этом есть необходимость, но для народа не будет ощутимой, реальной пользы от провозглашения суверенитета» – 44,6 %; «я не согласен с принятием Декларации» – 23,9 %; «я не в полной мере понимаю суть Декларации» – 18,9 %.

В ответе на вопрос – поможет ли провозглашение государственного суверенитета Удмуртской Республике решать проблемы? – по экономическим вопросам утвердительно ответили 9,7 %, политическим – 4,2 %, культурным – 9,4 %; национальным – 9,5 %. 60 % опрошенных высказали сомнение или затруднились прогнозировать решение данных проблем в условиях суверенитета. 36,8 % посчитали, что национальные проблемы в условиях суверенитета могли усугубиться. В то, что государственный суверенитет республики поможет народу жить лучше, верили 6,7 % опрошенных. Абсолютное большинство (66,6 %) считали, что если бы народ жил в достатке, то многие проблемы – национальные, политические и другие – вообще не стояли бы в повестке дня.

С утверждением о том, что УР – суверенное государство – согласились лишь 2,3 % респондентов. Большинство (56,1 %) полагали, что Удмуртия должна оставаться в составе РСФСР и СССР. Каждый третий (33,1 %) стоял за проведение референдума по суверенитету УР. По поводу названия республики были высказаны следующие суждения: Удмуртская Автономная Советская Социалистическая Республика – 31,0 %; Удмуртская Республика – 24,4 %; Удмуртская Советская Республика – 17,6 %; Удмуртская Автономная Социалистическая Республика – 8,2 %⁷.

На характер, темпы суверенизации существенное влияние оказало становление новой властной элиты регионов. В советский период местные руководители являлись лишь наместниками центральной власти и были в персональной зависимости от нее. С распадом СССР и образованием РФ взаимоотношения между центром и регионами изменились. Прежде всего, значительно ослабла связь между федеральной и региональной элитами. Последняя получила определенную автономию в политико-экономической деятельности, за исключением ряда субъектов РФ. Как правило, на местном уровне процесс элитообразования в 1990-е гг. проходил независимо от федеральной власти и на основе местных кадров. Изменился и характер взаимоотношений. Региональная элита зачастую навязывала свою политическую волю Кремлю.

Рассматривая трансформацию прежней республиканской номенклатуры в сравнении с другими регионами, следует указать на некоторые общие и особенные черты этого процесса. Современные гуманитарные науки оперируют рядом классификации элит. Одна из классификаций идентифицирует региональные элиты по степени готовности к проведению радикальных рыночных преобразований⁸.

Первый тип – это реформаторы (например, Москва, Санкт-Петербург, Московская, Ленинградская, Нижегородская, Калининградская, Самарская области). Что касается Нижегородской области, входящей, как и УР в Приволжский федеральный округ, то для нее не были характерны ни прямая трансформация прежней элиты без смены ее персонального состава (Татарстан), ни почти полная смена персонального состава элиты (Саратовская область, Калмыкия). С. Борисов⁹ отмечает, что данный опыт интересен тем, что нынешняя «партия власти» сложилась не путем мутации старых номенклатурных связей, а на новой персональной и иерархической основе. Нижегородская область относится к тем регионам России, где три бурных

«путчевых» дня привели к кардинальным изменениям политического ландшафта как в персональном, так и структурном аспектах.

Представители второго типа элиты проповедовали «консервативный прагматизм», скептическое отношение к проводимым рыночным преобразованиям. Консервативные элиты, как правило, осторожно подходили к навязываемым из центра реформам (Ульяновская, Воронежская, Орловская области, республики Татарстан, Башкортостан). Так, Ульяновская элита в 1990-е гг. представляла своеобразный монолит, сплоченный вокруг консервативно настроенного лидера – губернатора Ю. Горячева. Эта элита состояла из бывших советских руководителей, она не понесла значительных кадровых потерь с советских времен. Деятельность элиты была направлена на сохранение номенклатурного влияния на политику и экономику. В частности, очень велико оказалось влияние номенклатурной составляющей элиты на сферу бизнеса. Характерной чертой ульяновской элиты стал переход бывших партаппаратчиков в структуры крупного бизнеса. Частный бизнес находился под контролем истеблишмента, что тормозило развитие свободных рыночных отношений. В той же Ульяновской области наблюдалась такая антирыночная практика, как поставка части продуктов по себестоимости, административное регулирование уровня рентабельности, торговых надбавок, розничных цен. Характерной чертой области являлась широко развитая система социальной поддержки населения, ставшая основой философии правления ульяновской элиты.

Значительный научный и практический интерес представляет татарстанская модель формирования элиты. В этой республике не произошло серьезных кадровых изменений в составе местной политической элиты. В целом, татарстанский пример показывает элитную интеграцию как результат длившегося десятилетиями «эффекта накопления», который привел к созданию основанной на согласии политической иерархии.

Третий тип, ставший наиболее распространенным, – элита, чей характер деятельности не выходил за пределы повседневной рутины и текущей реформаторской практики (например, Саратовская область). В своем формировании Саратовская областная элита в 1990-е гг. прошла несколько этапов. Для первого (1991–1996 гг.) характерно широкомасштабное хаотичное дробление власти как результат «революции вторых секретарей» после августа 1991 г. Прежняя правящая элита в лице руководителей структур КПСС оказалась замещенной соперничавшими коалициями. Последние состояли в большинстве из людей второго и третьего «эшелонов» прежнего партхозактива¹⁰. Они объединились вокруг основных властных институтов региона: администрации области, мэрии Саратова, областного Совета и представительства Президента РФ в Саратовской области. Указанные объединения можно назвать «группами вето». Они выступили как властвующие группы со взаимно ограничивающими ролями. Данная ситуация предопределила компромиссный характер назначения как председателя областного Совета, так и главы администрации области. Отличало Саратовскую область и отсутствие взаимоотношений между ключевыми экономическими акторами. В результате ведущие структуры региональной власти возглавили политические аутсайдеры, ставшие «чужаками» в атмосфере борьбы между политическими и экономическими группами. Реальная власть оказалась расплывлена между отдельными политическими кланами, что снижало способность главы субъекта РФ влиять на социально-экономическую политику региона. В данном случае политическая элита состояла из хозяйственной номенклатуры среднего звена, крепко связанной с директорским корпусом. Присутствовали сильные промышленные и сельскохозяйственные лоббистские группы, активно вмешивающиеся в бюджетную политику региона. Благодаря этому хозяйственно-экономическая деятельность элиты во многом была направлена на удовлетворение интересов директорского корпуса (последнее

особенно характерно для Удмуртии). Эта элита не проводила активное реформирование, но и не противодействовала ему.

Главным фактором, влиявшим на степень суверенизации и новые отношения федеральной власти и конкретного региона, выступила различная степень самостоятельности отдельных республик, краев, областей бывших СССР и РСФСР. Что касается Удмуртии, то для нее не были характерны ни экономическая, ни политическая самостоятельность. Исторически сложившееся разделение труда определило место республики как крупнейшего производителя оружия (Удмуртия занимает первое место в России по удельному весу оборонной промышленности). До 85 % предприятий находились в союзной или российской собственности. Вследствие этого политико-экономическая жизнь региона оказывалась практически в полной зависимости от центральных и межрегиональных властных структур. Кроме того, в политической системе Удмуртии одну из главных ролей традиционно играли представители директорского корпуса ВПК.

Характерные черты элитообразования наложили отпечаток на ход конституционной реформы. 10 октября 1991 г. 8 сессия ВС УР приняла Закон «О реформе государственной власти и управления в Удмуртской Республике», приостановивший многие положения Конституции УАССР 1978 г. Уже тогда депутаты в принципе решили вопрос об утверждении президентской исполнительной структуры управления в республике.

Активными сторонниками президентской республики являлись в то время группы депутатов-удмуртов и «Демократическая Удмуртия». Однако каждая группа политической элиты вкладывала в будущую президентскую структуру свое содержание. Первые разногласия выявились на национальной почве уже при обсуждении седьмой статьи «Декларации о государственном суверенитете Удмуртской Республики» о равноправном функционировании русского и удмуртского языков в качестве государственных. Депутаты от Сарапула заявили

о том, что «если удмуртский язык в республике будет объявлен государственным, то Сарапул будет добиваться выхода из состава Удмуртии»¹¹. Сарапульцев поддержали депутаты ряда других, преимущественно русских районов и городов Удмуртии. В то время спор не принял характера конфронтации. ВС УР квалифицированным большинством провозгласил в республике в качестве государственных русский и удмуртский языки¹².

В сентябре–октябре 1991 г. в ВС УР произошло противостояние при обсуждении второй статьи проекта Закона «О Президенте Удмуртской Республики», где в качестве одного из квалификационных требований к президенту выдвигалось знание обоих государственных языков. Депутатская группа «Демократическая Удмуртия» предложила не включать эту норму в законопроект. Депутаты – удмурты настаивали на ее сохранении. Многочисленные дебаты, неоднократные голосования различных вариантов этого пункта ничего не дали. Сессия ВС УР зашла в тупик, так и не приняв решения по данному вопросу¹³.

Другим поводом для разногласий стал вопрос о разграничении функций между ветвями власти. 24 октября 1991 г. ВС УР принял постановление о необходимости до принятия Закона УР «О Президенте Удмуртской Республики» начать перераспределение властных полномочий между основными институтами власти, их органами и должностными лицами. Проекты Комиссии ВС УР по вопросам работы Советов народных депутатов, развитию управления и самоуправления, подготовленные в ноябре–декабре 1991 г., были направлены на расширение полномочий Президиума ВС УР. Проект Комиссии ВС УР по вопросам законодательства (январь 1992 г.), наиболее близкий по духу демократической фракции, делил власть между Президиумом ВС и Малым Советом ВС, состоящим из 45 освобожденных депутатов. Проект Комиссии по развитию экономики и планированию (декабрь 1991 г.) предлагал предоставить президентские полномочия Председателю СМ УР. Однако депутаты не пришли к

единому мнению ни по одному из предложенных вариантов. Ситуацию в республике усугубил срыв демократами работы 9 сессии ВС УР (19 марта 1992 г.) в знак протеста против нерешения вопроса о Малом Совете. В дальнейшем, весь 1992 год никто из республиканских политиков не поднимал проблему совершенствования системы государственного устройства¹⁴.

В условиях отсутствия единства взглядов региональной политической элиты на систему органов государственной власти началась подготовка к заключению договора УР с РФ. Работа шла как по линии экономического соглашения, представленного кабинетом Н. Е. Миронова, так и по линии общеполитического договора (рабочая группа создана в октябре 1991 г. на 8 сессии, впоследствии вопрос рассматривался вплоть до подписания Федеративного договора). Е. Т. Гайдар, возглавивший Правительство РФ, подписал 6 декабря 1991 г. экономическое соглашение и «нефтяной протокол» к нему с Татарстаном, однако перспектива «удмуртского проекта» вылилась лишь в Указ Президента РФ «О мерах по обеспечению проведения конверсии в Удмуртской Республике» от 31 марта 1992 г.¹⁵

После длительных переговоров 31 марта 1992 г. большинство субъектов России, в том числе и Удмуртия, подписали Федеративный договор, разграничивший предметы ведения и полномочия между федеральными и региональными органами государственной власти. В. К. Тубылову и Н. Е. Миронову пришлось подписать текст договора, который не соответствовал одобренному исполкомом ассоциации «Удмурт кенеш» и принятому Верховным Советом УР проекту договора по основным положениям, закрепляющим суверенитет Удмуртии. По оценке С. Г. Щукина, все попытки заключения двусторонних «вертикальных» экономических договоров закончились для республики односторонними решениями федеральной власти¹⁶. Так, уже в июле 1992 г. к республике были применены санкции в связи прекращением перечисления в бюджет России федеральных норм отчислений по налогу на

добавленную стоимость. Для Удмуртии это была попытка наполнить суверенитет реальным финансовым содержанием. Однако центр прекратил выделение оборотных средств предприятиям ВПК. В этих условиях промышленный «генералитет» оказал жесткое давление на руководителей республики и заставил их отступить¹⁷.

Тем не менее, как справедливо отметил С. Н. Уваров, с подписанием Федеративного договора произошел отход от централистского принципа закрепления открытого перечня вопросов ведения Федерации. Закреплялись гарантии самостоятельности субъектов РФ в вопросах, не относящихся к ведению Федерации, устанавливались предметы совместного ведения, реализация полномочий по которым предполагала обязательное участие субъектов РФ в законотворческом процессе на федеральном уровне и согласование позиций сторон. В конечном счете Федеративный договор предотвратил распад России¹⁸.

В современной научной литературе сформированы типологические ряды различных темпов реального наполнения суверенитета национальных республик в составе РФ. Авторы фундаментального трехтомного «Политического альманаха России»¹⁹ и одной из книг проекта «Феномен Удмуртии»²⁰ отметили, что занимая 15-е место из 21 по четырем показателям политического развития (сроки принятия Декларации о суверенитете; проведение выборов главы республики; принятие Конституции; принятие Договора о разграничении полномочий с органами государственной власти РФ), Удмуртия практически замыкала группу республик – «середняков» по темпам суверенизации. Лидерами этого процесса стали Татарстан, Якутия, Башкортостан.

С 1992 г. Конституционная реформа в регионах России продолжала развиваться в обстановке сформировавшегося противостояния законодательной и исполнительной власти в центре. Правительственный кризис отразился и на Удмуртии. В течение 1992 г. парламент пытался отравить в отставку Совет

Министров УР, мотивируя ее непрофессионализмом премьера. Весной 1993 г. в республике разразился скандал, связанный с нерациональным использованием Советом Министров средств внебюджетного фонда стабилизации экономики от реализации нефтяной квоты. Ущерб, нанесенный республике, по материалам парламентской комиссии, составил 8,3 млрд. долларов²¹. Другим поводом для критики правительства стало обвинение коммерческого центра «Ижимпекс», имевшего правительственное разрешение на торговлю с Вьетнамом, в упущенной выгоде на сумму в 6 млн. долларов. В данном случае обвинение было направлено в адрес первого заместителя Председателя СМ УР В. А. Соловьева, члена Российско-Вьетнамской межправительственной комиссии²².

В результате так называемого «нефтяного кризиса», ход которого подробно исследован И. Егоровым и К. Мацузато, удмуртский парламент 24 июня 1993 г. отправил в отставку Н. Е. Миронова и В. А. Соловьева. Новым Председателем СМ УР подавляющим большинством голосов²³ был назначен А. А. Волков, работавший заместителем Председателя СМ республики. Тогда он выглядел достаточно респектабельным: с одной стороны, жесткий руководитель, обещавший покончить с полицентричностью, характерной для состава правительства Н. Е. Миронова и обеспечить монолитность СМ; с другой стороны, сторонник коллегиальности в решении вопросов, прагматик, уходящий от политических интриг, не связанный ни с одной из группировок, существовавших в СМ²⁴.

В условиях обострения политического кризиса удмуртская национальная элита актуализировала требование о национальной квоте в парламенте, квалификационное требование к Президенту УР о знании удмуртского языка. Левая фракция отстаивала идею сохранения системы советской власти и по определению была против президентской формы и профессионального парламента. Промышленный директорат тоже не одобрял президентский вариант

власти, что сближало их с коммунистами. В январе 1993 г. ВС УР отложил на неопределенный срок президентские выборы в республике²⁵.

Политические консультации о включении института президентства в систему органов государственной власти республики были продолжены. Выступая в январе 1993 г. на сессии ВС УР, В. К. Тубылов доказывал необходимость введения поста Президента тем, что «в республике нет должностного лица, которое возглавило бы всю систему исполнительных органов и на основе принципа единоначалия, независимости, разделения властей обеспечило бы эффективное руководство исполнительной властью в республике...Обладая правом издания указов и распоряжений, контроля за их исполнением, Президент имеет возможность оперативного реагирования на ситуацию в народном хозяйстве республики, принятия своевременных мер по ее стабилизации». В выступлениях Председателя ВС УР особо подчеркивалось, что «избрание Президента не становится дополнительным бременем для бюджета, так как не возникает никакой дополнительной ветви власти за исключением, возможно, небольшой группы советников и экспертов»²⁶. Лидер депутатской группы «Демократическая Удмуртия» В. Н. Скрынник заявил, что, не вводя президентство, Удмуртия отстанет от других республик в защите своего суверенитета, своих интересов²⁷.

11 ноября 1993 г. ВС УР принял Закон «О Президенте Удмуртской Республики», разработанный в соответствии с основными положениями проекта Конституции РФ, вынесенного в это время на обсуждение государственных органов регионов России и общественности. Это единодушное решение депутатского корпуса было достигнуто благодаря сохранявшемуся высокому уровню толерантности многонациональной региональной политической элиты. Однако феномен Удмуртии заключается в том, что реализация модели президентской республики, затянувшаяся на шесть лет, стала возможной только в постсоветскую эпоху.

- ¹ См., напр.: Спирин И. А. Место и роль региональных элит в российском политическом процессе: Дис. ... канд. полит. наук. Казань, 1999.
- ² Баженов Г. Наш общий дом. К 66-й годовщине образования СССР // Пропагандист и агитатор. 1988. № 23, декабрь. С. 4–5.
- ³ Уваров С. Н. Исторический опыт политического реформирования в Удмуртии в 90-е гг. XX века... С. 54.
- ⁴ Декларация о государственном суверенитете Удмуртской Республики // Вестник обкома КПСС. 1990. № 19, октябрь. С. 4.
- ⁵ Егоров И., Мацузато К. Указ. соч. С. 293.
- ⁶ О работе бюро и секретариата обкома КПСС в июле–сентябре 1990 г. // Вестник обкома КПСС. 1990. № 21. С. 3–4.
- ⁷ Козлова А. Мнение о Декларации // Вестник. 1991. № 3, февраль. С. 16.
- ⁸ Магомедов А. К. Политические элиты советской провинции // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 4. С. 73–79.
- ⁹ Борисов С. Политическая история Нижегородской области (1989–1999) // Мацузато К., Шатилов А. Регионы России: хроника и руководители. Саппоро. 1996. Т. 6. № 1. С. 20, 32.
- ¹⁰ Рыженков С. Саратовская область (1986–1996): политика и политики // Мацузато К., Шатилов А. Регионы России: хроника и руководители. Саппоро. 1997. Т. 2. № 34. С. 252–305.
- ¹¹ Цит. по: Бехтерев С. Л. Толерантность как механизм взаимодействия политических элит // Социальная толерантность и межкультурные коммуникации. Ижевск, 2003. С. 67.
- ¹² Материалы Первого Всесоюзного съезда удмуртов. 22–23 ноября 1991 года. Ижевск, 1992. С. 18.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Шукин С. Власть в законе. Б.м., б. г. С. 36–37.
- ¹⁵ Там же. С. 18.
- ¹⁶ Там же. С. 18.
- ¹⁷ Там же. С. 7–8, 23–24.
- ¹⁸ Уваров С. Н. Исторический опыт политического реформирования в Удмуртии в 90-е гг. XX века... С. 68.
- ¹⁹ Политический альманах России. 1997. Т. 1–2. Кн. 1–2. М., 1998.
- ²⁰ Губогло М. Н., Смирнова С. К. Феномен Удмуртии. Парадоксы этнополитической трансформации на исходе XX века. М., 2001. С. 263–265.
- ²¹ Егоров И., Мацузато К. Указ. соч. С. 297.
- ²² Там же. С. 297–298.
- ²³ Шукин С. Власть в законе. Б.м., б. г. С. 8.
- ²⁴ Егоров И., Мацузато К. Указ. соч. С. 299–300.
- ²⁵ Там же. С. 296.
- ²⁶ С сессии Верховного Совета Удмуртской Республики. Выступление Председателя Верховного Совета Удмуртской Республики В. К. Тубылова // Удмуртская правда. 1993. 30 января.
- ²⁷ «Гвоздь» программы отозван // Удмуртская правда. 1993. 30 января.

2.2 Реформирование органов государственной власти парламентской республики на постсоветском этапе истории

Второй этап реформы (1994 г.) начался после принятия Конституции РФ, провозгласившей принцип разделения властей и создавшей независимые от государственной власти органы местного самоуправления. Неоднозначное толкование Основного закона России, отсутствие федерального законодательства по вопросам организации государственной власти в субъектах РФ и провозглашение принципа «берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить» привели к дезинтеграции российской конституционно-правовой системы. Суверенные республики стали формировать систему государственной власти по своему усмотрению, руководствуясь лишь собственными представлениями об оптимальной модели разделения властей.

1994 год стал годом принятия новой Конституции УР. Ее проект полностью копировал Конституцию РФ 1993 г. и включал институт президентства в систему органов государственной власти. Однако в 1994 г. в депутатском корпусе уже отсутствовало единство в вопросе политической целесообразности такого шага по нескольким причинам. В первую очередь, на характер принятого решения существенное влияние оказал внешний фактор, обусловленный ликвидацией советской системы организации власти. Часть общества возлагала вину за кровопролитие на президентскую сторону, другая – на парламент.

Внутренний фактор определялся результатами правительственного кризиса в Удмуртии, когда новым председателем СМ УР был избран А. А. Волков. За довольно короткий срок он становится более самостоятельной и независимой от Председателя ВС УР политической фигурой, нежели его предшественник. Уже 5 ноября 1993 г. А. А. Волков на собрании членов Президиума ВС УР и правительства выступил с предложением провести выборы Президента УР одновременно с выборами Федерального Собрания РФ¹. В

данном случае формально он ссылался на опыт национальных республик, в которых, как известно, президентская система установилась к началу 1994 г.

Однако в то время законодательных оснований для реализации этих инициатив не было. Оно появилось лишь к февралю 1994 г., когда 21 сессия ВС УР приняла законы УР «О Президенте УР», «О Верховном Совете Удмуртской Республики» и «О местном самоуправлении в Удмуртской Республике». Общие контуры организации системы законодательной (представительной) и исполнительной власти определялись следующим образом. Высшим должностным лицом УР становился всенародно избираемый Президент как глава исполнительной власти. Одновременно избирался вице-президент. В законах была заложена модель двухпалатного профессионального парламента, избиравшегося в количестве 85 депутатов. Совет представителей (верхняя палата) планировалось избирать в 25 сельских и 25 городских одномандатных округах (50 человек). Он обеспечивал гармонизацию интересов территорий. Законодательная (нижняя) палата должна была избираться в количестве 35 депутатов, работающих на постоянной основе. Взаимодействие представительного (законодательного) и исполнительного органов осуществлялось на следующей основе. Законодательная палата рассматривала кандидатуры предлагаемых Президентом членов Правительства. ВС мог принять решение об отстранении Президента от должности. В свою очередь, для роспуска ВС Президентом требовалось проведение референдума².

Следует отметить, что второй этап конституционной реформы протекал в условиях мультиполярной региональной политической системы, где ни высшее должностное лицо как руководитель парламента, ни глава правительства не являлись бесспорными авторитетами для групп элиты: ни для директората военно-промышленного комплекса, обладавшего реальной властью в республике, ни для нарождавшейся группы олигархов, включивших бывших партийных, комсомольских работников, ставших собственниками ряда

экономических структур, ни для общественно-политических объединений. Единый центр власти на формальном уровне организации отсутствовал.

Такая многополюсная политическая система существует по своим законам. Первый из них – предотвращение попыток любого актора системы установить свою гегемонию; другой – увеличение или, по крайней мере, сохранение акторами степени своего влияния в политике, что достигается как переговорным процессом, так и демонстрацией силы. Третий закон предостерегает от дестабилизации системы путем устранения одного из главных акторов. Он также предусматривает даже усиления тех политических субъектов, которые были побеждены ранее. Это правило основано на признании того, что сегодняшний противник завтра может стать партнером в блокировании властных амбиций нынешнего союзника³. Смысл политических действий акторов такой системы заключается в поддержании равновесия (баланса) сил, так как это сохраняет независимость самих акторов и обеспечивает стабильность ситуации в целом.

Между тем, с развитием конституционного процесса наблюдается эволюция мультиполярно организованной политической системы в направлении к биполярной. Как представляется, последняя сложилась ко времени принятия Конституции УР, в немалой степени не без влияния результатов первых муниципальных выборов 1994 г., когда в республике обозначились две основные противоборствующие политические силы. Одна из них (большинство депутатов ГС УР во главе с А. А. Волковым), исходя из особенностей социально-экономического развития Удмуртии, взяла курс на совершенствование системы органов государственной власти, позволяющей эффективно решать экономические и социальные задачи. Другая часть (меньшинство депутатов ГС УР во главе с мэрами городов Ижевска и Воткинска) отстаивала приоритет муниципальных органов при распределении государственных финансовых ресурсов.

Вышеперечисленные факторы, а также актуализация идеи усиления исполнительной власти вызвали появление двух основных полюсов биполярной системы, возглавляемых гипотетическими претендентами на президентский пост. Один из них стал В. К. Тубылов, высшее должностное лицо УР. Его политическая цель определялась формулой «слабый президент – сильный парламент». С самого начала он проявил себя как негативно-позитивный тип политика (консерватор, допускающий оппозицию). В политическом активе руководителя представительной власти были члены представительных и отчасти исполнительных органов местного самоуправления, в том числе мэры городов Ижевска и Воткинска, значительная часть парламентариев, подавляющее большинство лидеров удмуртского национального движения, а также Республиканский центр поддержки самоуправления, политический базис А. И. Салтыкова.

Другим центром притяжения элиты стал А. А. Волков, председатель правительства. В отличие от В. К. Тубылова, он сразу публично заявил о своем стремлении баллотироваться на президентскую должность⁴. Его цель, соответственно, определялась формулой «сильный президент – слабый парламент». В данном случае и на всем протяжении конституционной реформы и политического процесса в целом он проявил себя как активно-негативный тип политика (реформатор, не допускающий оппозицию), являющийся, по признанию большинства ученых, наиболее худшим вариантом⁵. Между тем, А. А. Волков показал себя как достаточно гибкий политик, вынужденный учитывать конкретные условия и внутренние законы мультиполярной системы; его отрицание оппозиции проявилось несколько позже. В реализации своей политической цели А. А. Волков опирался на исполнительную ветвь власти (как на республиканском, так и отчасти на субрегиональном уровне), профсоюзы и основные коммунистические организации.

По проекту нового Основного Закона УР 30 августа 1994 г. состоялись депутатские слушания с участием членов правительства, научной общественности и лидеров политических объединений. Слушания выявили неоднозначное отношение к проекту Конституции. Часть депутатов высказывалась за парламентскую республику, другая – за усиление исполнительной власти. В содокладе члена рабочей группы ВС по обобщению предложений и замечаний к проекту Конституции УР кандидата юридических наук С. Бунтова также закладывалась идея об ограниченных полномочиях Президента УР по сравнению с таковыми Президента РФ. На слушаниях возобладало мнение о процедуре принятия Конституции только Верховным Советом, ибо, как считал, в частности К. И. Куликов, «выносить проект Конституции на референдум – значит ее неприятие»⁶.

Расстановка сил, сложившаяся в республике после муниципальных выборов 1994 г., а также учет «партией Тубылова» того обстоятельства, что в случае назначения выборов Президента УР победа кандидата из окружения Председателя ВС УР не гарантирована, 16 ноября 1994 г., исходя из политической оценки результатов выборов членов Совета Федерации Федерального Собрания РФ, депутаты ВС УР приняли проект Конституции, предусматривающий создание парламентской республики.

Гипотетически основную роль в принятии такого решения мог сыграть военно-промышленный директорат, который проявил нейтралитет в политических отношениях Тубылова и Волкова. Позиция хозяйственных руководителей определялась в немалой степени тем обстоятельством, что основные вопросы своих предприятий, находившихся в федеральной собственности, они продолжали решать в Москве.

Конституция УР была принята 7 декабря 1994 г. В ней определялся политико-правовой статус УР, закреплялись основные права и свободы граждан, устанавливалась система государственной власти и местного самоуправления.

Согласно Основному закону, Удмуртская Республика (Удмуртия) провозглашалось государством в составе Российской Федерации, исторически утвердившимся «на основе осуществления удмуртской нацией и народом Удмуртии своего неотъемлемого права на самоопределение» и суверенно осуществляющим «государственную власть на своей территории в соответствии с Конституцией Российской Федерации и Конституцией Удмуртской Республики...»⁷. В редакции 2000 г. слово «суверенно» заменено на слово «самостоятельно»⁸.

В начальный период становления постсоветской Удмуртии основными политическими силами была сформулирована региональная доктрина «сильного демократического государства». Главные ее положения видятся в четырех тезисах:

- тезис суверенного осуществления государственной власти на территории УР удмуртской нацией и народом Удмуртии (ст.1 Конституции УР);
- тезис равноправного участия всех наций и народностей республики во всех сферах ее жизнедеятельности (ст.1 Конституции УР);
- тезис «Удмуртская Республика – социальное государство. Целью социальной политики является создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие каждого человека и всего общества» (ст.6 Конституции УР);
- тезис «Удмуртская Республика – правовое государство» (ст.7 Конституции УР). В плане реализации этого тезиса особо актуальной задачей на всем протяжении реформы являлось сохранение единого российского правового поля, приведение республиканского законодательства в соответствие с федеральным.

Однако при значительном влиянии парламента, как органа коллегиального и в политическом смысле достаточно плюралистического, о какой-либо доктрине в законченном выражении можно говорить лишь условно. К тому же республика, с

превращением ее в советскую эпоху из аграрно-индустриального в индустриально-аграрный регион перестала быть «донором» России. Несмотря на провозглашенный суверенитет, Удмуртия оставалась реально крайне зависимой и в политическом, и в экономическом плане от политики и доктрины федерального центра (макроуровень), и межрегиональных структур («Большой Урал», а с 2000 г. еще и Приволжский Федеральный Округ).

Конституция УР определила и новые политико-правовые основы ее взаимоотношений УР с РФ. Согласно Основному закону, Удмуртская Республика, являясь государством в составе РФ, подтвердила принципы Федеративного Договора и строила свои отношения с федеральными органами на основе разграничения предметов ведения и полномочий⁹. Вне пределов ведения РФ и полномочий РФ по предметам совместного ведения УР обладала всей полнотой государственной власти. Органы государственной власти УР по соглашению с федеральными органами могли взаимно передавать и принимать на себя осуществление части их полномочий, если это не противоречило Конституции РФ, Конституции и законам УР.

Согласно новой Конституции, Удмуртская Республика самостоятельно устанавливала систему органов государственной власти в республике. Отныне государственная власть осуществлялась на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную, а также разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и УР¹⁰. В систему государственных органов субъекта РФ вошли Государственный Совет, Правительство, суды УР. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти провозглашались самостоятельными в осуществлении своих полномочий.

В УР признавалось и гарантировалось местное самоуправление. В пределах своих полномочий оно оказывалось самостоятельным, а его органы не входили в систему органов государственной власти. Действовало местное

самоуправление на уровне городов и районов как система выборных представительных и назначаемых исполнительных органов власти на местах, решающая непосредственные вопросы населения в пределах своей компетенции.

Высшим представительным, законодательным и контрольным органом УР провозглашался ГС УР, избиравшийся на четыре года. Его 100 депутатов избирались на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании и единой норме представительства избирателей. К ведению ГС законодатели отнесли: принятие Конституции УР и внесение в нее изменений; определение внутренней и внешней политики УР; законодательное регулирование экономики, бюджетно-финансовой системы и других отношений (всего 24 вопроса).

В соответствии со ст. 83 Конституции УР высшим должностным лицом УР становился Председатель ГС УР, избиравшийся из числа его депутатов на четыре года и представлявший республику внутри страны и в международных отношениях. Председатель ГС: осуществлял общее руководство подготовкой вопросов, подлежащих рассмотрению Государственным Советом; подписывал законы УР и другие акты, принимаемые ГС; представлял Государственному Совету не реже одного раза в год доклады о положении в УР и выполнении своих полномочий как высшего должностного лица; представлял Государственному Совету кандидатуры для назначения на должности Председателя Правительства УР, Председателя Верховного Суда УР, Председателя Высшего арбитражного суда УР, а также для согласования кандидатуру Прокурора УР; вел переговоры и подписывал договоры с другими субъектами РФ и иностранными государствами; объявлял чрезвычайное положение на территории УР либо в отдельных ее местностях с последующим немедленным, в течение суток, созывом Государственного Совета УР; создавал временные депутатские комиссии; награждал государственными наградами УР, присваивал почетные звания УР. Одновременно Председатель ГС получил права:

созвать внеочередную сессию Государственного Совета; ставить вопрос о выражении недоверия Председателю Правительства УР и в целом Правительству УР.

Исполнительную власть в УР осуществляло Правительство УР. Председатель Правительства и его заместители, министры, председатели государственных комитетов УР назначались Государственным Советом. В компетенцию Правительства УР входили: управление экономическими и социально-культурными процессами в республике: создание условий для формирования единого рынка и свободного предпринимательства; разработка и осуществление ценовой политики в пределах своих полномочий; управление государственной собственностью и другие полномочия, предусмотренные законом.

Председатель Правительства УР нес ответственность за руководство Правительством перед Государственным Советом; представлял Государственному Совету кандидатуры для назначения на должности заместителей Председателя Правительства, министра финансов, министра внутренних дел, а также назначает других членов Правительства; организовывал работу Правительства и руководил его заседаниями; распределял обязанности между своими заместителями; представлял Правительство УР в отношениях с органами исполнительной власти РФ, субъектов РФ и иностранных государств; выполнял иные полномочия в соответствии с Законом «О Правительстве УР».

Весьма примечательно, что перечень полномочий Правительства УР и Председателя Правительства УР, в отличие от полномочий Государственного Совета УР и Председателя ГС – высшего должностного лица УР оказался открытым. С точки зрения современного управления такая система организации государственной власти представлялась анахронизмом. Более того, она противоречила ряду положений Конституции РФ. Сам факт того, что Председатель Государственного Совета представлял парламенту кандидатуру

Председателя Правительства, а последний, в свою очередь, осуществляя исполнительную власть, нес ответственность перед Государственным Советом и был подотчетен ему, позволила Председателю Конституционного Суда РФ М. В. Баглаю прийти к заключению, что система власти, созданная в Удмуртии, противоречила принципу разделения властей и лишала исполнительную власть самостоятельности.

Помимо этого, определение высшим должностным лицом руководителя парламента создавало объективные (институциональные) предпосылки властных конфликтов. Неограниченные полномочия Председателя правительства как руководителя исполнительной власти закладывали основы для его превращения в самостоятельную политическую фигуру, конфронтирующую с Председателем ГС УР и стремящимся занять его место. Объективно это усиливало позиции А. А. Волкова. Также заключительные и переходные положения Конституции УР предусматривали проведение в начале 1995 г. всенародного опроса о необходимости введения в республике должности президента.

На третьем этапе реформы (1995 г. – 3 марта 1998 г.) в соответствии с Конституцией УР, 26 марта 1995 г. одновременно с выборами депутатов ГС УР был проведен всенародный опрос о необходимости введения в республике должности Президента. Такое положение явилось результатом компромисса между различными политическими силами. За введение поста проголосовали 30,24 %, против – 63,72 % от числа принявших участие в голосовании¹¹. Удмуртия осталась парламентской республикой. В то же время в большинстве национально-территориальных образований РФ сложилась иная система органов государственной власти. В них высшее должностное лицо возглавило исполнительную власть и стало именоваться Президентом.

Федеральные органы государственной власти предпочли не вмешиваться в начавшиеся внутриэлитные противоречия в регионе, тем более что после «парада суверенитетов» в РФ наступил период «борьбы за сохранение целостности

федерации». Одной из его составляющих стал процесс подписания двухсторонних договоров между РФ и ее субъектами.

Региональный аспект этого процесса получил детальное освещение в исследованиях К. И. Куликова. Его суть сводится к следующему. В начале 1995 г. бывший заместитель Председателя Правительства РФ, руководитель Комиссии по подготовке проекта Договора С. М. Шахрай обратился к Президенту РФ с посланием, в котором утверждал, что с увеличением числа подписанных договоров федеральные органы власти все больше отходят от ранее согласованных принципов такой работы. Широкое распространение внутридоговорной практики осложнит и столь необходимую для России административно-территориальную реформу. Укрупнение субъектов федерации, расширение полномочий местного самоуправления и переход на земельное устройство в условиях уже подписанных 39 договоров окажется просто невозможным. Позиция руководства Удмуртии приравнивалась к Северной Осетии, которая, настаивая на договоре, вслед за Башкортостаном и Татарстаном стремилась «не только поднять свой политический статус, но и выйти на новый международный уровень». К тому же, как отмечалось в документе, «в настоящее время у руководства Удмуртии нет острых внутривнутриполитических причин для выхода на специальные договорные отношения»¹². В своем заключении Шахрай предлагал вернуться к вопросу о внутригосударственных договорах с отдельными субъектами федерации.

Однако такой подход реализован не был. Заключение Договора с Удмуртией, ставшей седьмой в этом ряду среди национальных республик, сохранило и продолжило курс России на создание конституционно-договорной системы государства при сохранении национально-федеративного принципа, сложившегося с 1918 г.

«Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами

государственной власти Удмуртской Республики», послуживший основой для дальнейшего развития государственно-правового статуса УР, был подписан 17 октября 1995 г. в Москве. Суть соглашения сводилась к закреплению ряда государственных полномочий за УР и передаче ряда полномочий Российской Федерации. В меру переданных полномочий Удмуртия оставалась субъектом Федерации, а в меру взятых на себя прав и обязанностей она становилась суверенным государством. При этом в сфере делегированных полномочий однозначно действовали федеральные законы, а в сфере собственной компетенции правовое поле определялось качеством законотворческой работы удмуртского парламента.

Главное внимание уделялось предметам совместного ведения РФ и УР, таким как вопросы межбюджетных отношений; разработка и реализация федеральной программы социально-экономического развития УР; взаимодействие в вопросах пенсионного обеспечения и занятости населения в УР; вопросы ликвидации химического оружия, отравляющих веществ и иных средств массового поражения, размещенных на территории УР; вопросы, связанные с продовольственным и иным обеспечением формирований, расположенных на территории УР, реализацией недвижимого имущества при их ликвидации; размещение иностранных военных инспекций; вопросы функционирования предприятий оборонного комплекса, расположенных на территории УР, за исключением производства вооружений и военной техники, а также вопросы конверсии этих предприятий и создание территориально-производственных зон; вопросы развития агропромышленного комплекса УР, включая производство льна и его переработку; взаимодействие в организации и осуществлении таможенного дела в УР; вопросы владения, пользования и распоряжения лесными и нефтесырьевыми природными ресурсами на территории УР; вопросы сертификации и лицензирования отдельных видов

деятельности на территории УР; осуществление согласованной кадровой политики в сфере реализации предметов совместного ведения и полномочий.

Составной частью Договора стали девять соглашений между Правительством РФ и Правительством УР, подписанных также 17 октября 1995 г., и приложения. В число соглашений вошли такие как: о разграничении полномочий в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности; о разграничении полномочий в области обеспечения функционирования предприятий оборонного комплекса, расположенных на территории УР; о разграничении полномочий по владению, пользованию и распоряжению нефтесырьевыми ресурсами на территории УР; о разграничении полномочий в области обеспечения законности, правопорядка и общественной безопасности на территории УР; о разграничении полномочий в организации и осуществлении таможенного дела в УР; о разграничении государственной собственности; о разграничении полномочий по вопросам межбюджетных отношений.

В число приложений к соглашениям были включены: перечень нефтяных месторождений федерального значения; перечень нефтяных месторождений республиканского значения; перечень государственных предприятий и объектов, находящихся в собственности РФ; перечень государственных предприятий и объектов, находящихся в общей собственности РФ и УР; перечень предприятий, нереализованные акции которых передавались в ведение органов государственной власти УР.

Достаточно противоречивая позиция центра и слабость республиканской власти определили характер Договора, точнее, тот уровень суверенитета, который в данных условиях Удмуртия могла себе позволить. Он был отражен в ст. 3 документа, определяющей, что «правовые акты Удмуртской Республики приводятся в соответствие с федеральным законом». Реальный суверенитет ставился под большое сомнение¹³. Так, наличие противоречий в межбюджетных

отношениях на разных уровнях управления долгое время сдерживало реализацию территориального интереса, направленного на повышение эффективности региональной экономики. Существовавшая методика разграничения налоговых полномочий между уровнями бюджетной системы РФ, ежегодное изменение нормативов отчислений от федеральных налогов приводило к снижению доли налоговых поступлений в бюджет УР. Например, в 1999 г. удельный вес налоговых доходов составил: в федеральный бюджет 42 %, в консолидированный бюджет Удмуртии 58 %; в 2000 г. соответственно 43 и 57 %; за первое полугодие 2001 г. 62 и 38 %¹⁴. До тех пор, пока региональные и местные власти не получают законодательно установленную автономию, они не будут заинтересованы в эффективном управлении общественными финансами, сокращении нерациональных расходов и создании благоприятных условий для экономического развития территории.

Первый опыт взаимодействия федеральных и республиканских органов государственной власти, а также сами условия социально-экономической и политической жизни РФ того времени предусматривали создание системы управления, базирующейся на принципах разграничения функциональных обязанностей и личной ответственности руководителей. Развитие соседних с Удмуртией республик и областей показывало, что успехи более весомы только тогда, когда происходит усиление роли и ответственности исполнительной власти.

С 1996 г. внутри республиканской элиты наметился хрупкий баланс сил. Создалась биполярная политическая система, где ни одна сторона – ни «государственники», ни «самоуправленцы» – не могла получить преимущества. Этот тип системы, по признанию ученых, характеризуется наличием двух примерно равных акторов или их коалиций. При этом могут существовать влиятельные неприсоединившиеся акторы, но они, как правило, нейтральны и не могут угрожать двум доминирующим. Главной особенностью биполярной

системы является крайняя враждебность между двумя ее полюсами. Основные правила ее существования следующие: устранение оппозиции любыми методами, включая силовые, если это необходимо; увеличение власти своей коалиции путем включения в нее новых членов и предотвращение других субъектов политических отношений от вступления в оппозиционный блок¹⁵.

Характерные черты биполярной системы наложили отпечаток на содержание и методы принимаемых решений, уровень компетенции руководства Удмуртии. Каждая группа правящей элиты пыталась реализовать свои стратегические цели: сторонники Председателя ГС УР А. А. Волкова – принять ряд законов, регулирующих государственное строительство и усиливавших исполнительную власть, «самоуправленцы» – не допустить таких решений и отстаивать свою независимость от государственных органов. Противостояние государственных и муниципальных органов УР, резко обозначившееся с середины 1996 г., спровоцировало глубокий конституционный кризис, который был в основном исчерпан с включением института президента в систему органов государственной власти УР.

Конституционный кризис получил детальное освещение в работах прежде всего региональных исследователей¹⁶. Между тем он приобрел широкую известность не только в российских политических кругах, но и за рубежом. Республиканский властный конфликт втянул в себя федеральные государственные органы: ФС РФ, Президента РФ, Конституционный суд РФ, глав ряда регионов РФ. Руководитель фракции «Яблоко» в ГД ФС РФ Г. А. Явлинский обвинил «Удмуртский Госсовет» в сепаратизме и национализме, грозящем развалом России, сравнил Удмуртию с Чечней. Один из ноябрьских номеров газеты «Вечерняя Москва» вышел с аншлагом «Кто кого: субъекты или самоуправление». Центральная газета «Коммерсант Дейли» напечатала статью с подзаголовком: «В Удмуртии решение Конституционного суда перевели на

удмуртский язык и оказалось, что там не должно быть никакой власти, кроме местной»¹⁷.

Властный конфликт имел как политико-правовые, так и социально-экономические основы. Во-первых, с крушением прежней системы организации власти резко обострилась обстановка в регионах России. Общая экономическая ситуация в республике к 1994 г. сложилась под воздействием тех же негативных последствий экономической политики, которые были характерны для всей страны. Экономическая реформа, осуществлявшаяся с января 1992 г., по целому ряду причин не привела к достижению тех целей, которые были определены как важнейшие. В результате целый ряд отраслей и крупнейших предприятий Удмуртии, имеющих стратегическое значение и для России, оказались в глубоком кризисе. Наибольшее сокращение производства было допущено в трех отраслях: машиностроении, черной металлургии и химической промышленности. На долю этих отраслей в докризисный период приходилось около 60 % общего объема промышленного производства. Глубина спада в машиностроении в 1994 г. достигла 35 % от уровня 1985 г. В связи с резким снижением оборонных заказов удельный вес оборонной продукции в общем объеме производства на предприятиях ВПК снизился с 58,7 % в 1990 г. до 25,9 % в 1994 г. С учетом вышеизложенного социально-экономическое положение в республике в 1994 г. определялось как катастрофическое.

Поэтому Удмуртия стала первым субъектом РФ, где был принят закон о местном самоуправлении и проведены выборы в его органы весной 1994 г. Однако при этом при реализации конституционных положений о местном самоуправлении, до выхода ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», руководители УР и ряда других субъектов РФ избрали радикальный вариант: осуществление местного самоуправления в границах административно-территориальных единиц (городов, районов). В Удмуртии были избраны главы 25 районов, 5 городов и 30 местных

собраний. К. И. Куликов, например, видит причину такого радикализма удмуртских парламентариев в стремлении ВС УР во главе с В. К. Тубыловым сохранить систему Советов в иной форме¹⁸.

В результате государственная власть ограничивалась лишь уровнем субъекта федерации. При данной системе формирования органов местного самоуправления представительство граждан сократилось в среднем в 14 раз. Население при этом лишалось конституционного права на осуществление местного самоуправления на уровне конкретных населенных пунктов в районах и части крупных городских поселений. Малочисленность представительных органов на районном и городском уровнях объективно создавали предпосылки для использования ими пришедших к власти групп интересов.

С точки зрения эффективности управления главная цель в организации любой власти – не избирать всенародно каждого чиновника, а обеспечить управляемость в обществе. Между тем с принятием такого либерального закона республика разделилась на малые сложноуправляемые территории, а ее руководство лишилось возможности оперативно решать вопросы социального развития. В условиях отсутствия длительного исторического опыта деятельности местного самоуправления как единого хозяйственного органа на уровне крупных населенных пунктов и административно-территориальных единиц, в том числе и в столичном Ижевске, продолжавшегося структурного кризиса некоторые главы местного самоуправления стали перекладывать всю полноту ответственности за социальные выплаты и задержку заработной платы, развитие промышленности, безработицу на государственные органы, регулятивные возможности которых при такой организации местного самоуправления оказались минимальными.

Принятый в августе 1995 г. ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» не позволил гармонизировать взаимоотношения государственных и муниципальных органов. Некоторые вопросы организации местного самоуправления были решены без

учета конституционно-правового статуса субъектов РФ, их права осуществлять законодательное регулирование в этой сфере. В законе превалировало общее благодушное отношение к местному самоуправлению, которое наделялось большими полномочиями и минимумом ответственности. Нечетко определялось главное – межбюджетные отношения, отношения собственности. Хотя статья 6 закона оговаривала, что реализация переданных полномочий становилась подконтрольна государству, в тех условиях ни ГС, ни Правительство УР еще не определили свое место в системе контроля.

Кроме того, органы местного самоуправления могли обеспечить «жизненно важные» потребности населения, опираясь, в первую очередь, на собственную материальную базу (объекты собственности и финансовые ресурсы). Ее формирование испытывало большие трудности, прежде всего, по причине последствий приватизации (обвальное разрушение хозяйственных связей как между предприятиями, так и внутри них; отчуждение от собственности рабочих и подавляющего большинства ИТР; ускоренный рост спекулятивно-мафиозных отношений и выросших на их почве уголовно-бандитских; настойчивое проведение линии на разрушение социальной инфраструктуры предприятий; снижение эффективности мер по социальной защите населения). Помимо этого, в результате приватизации объектов государственной собственности для создания системы муниципальной собственности осталось слишком малое «поле». Жилищно-коммунальное хозяйство, жилой фонд, объекты социальной инфраструктуры не могли служить источниками доходов местного бюджета, так как не предназначены для этой функции. Относительно доходные предприятия как производственной, так и непроизводственной сфер оказались приватизированными, а их роль в наполнении доходной части местного бюджета в связи с экономическим кризисом в стране была незначительна.

Доктрина «сильного демократического государства», заложенная в Конституции УР, таким образом, не могла реализоваться в условиях появления двоевластия государственных и муниципальных органов. Учитывая резкий спад производства, повлекший за собой сокращение жизненного уровня основной массы населения, ГС УР как высший орган государственной власти пытался в решении социально-экономических проблем привлечь муниципалитеты. Однако по утверждению А. А. Волкова, самоуправляющиеся города и районные центры стали настолько самостоятельными, что отстранились от участия в управлении, а многие должностные лица погрязли в коррупции, совершали незаконные финансовые операции¹⁹.

Исходя из этого, 17 апреля и 28 мая 1996 г. ГС УР принял законы «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике» и «О местном самоуправлении в Удмуртской Республике». Их суть заключалась в том, что в УР устанавливались единые органы государственной власти, подотчетные, с одной стороны, вышестоящим государственным органам, с другой – своим избирателям. Принимая свое решение, ГС УР опирался на статью 5 п. 2 Конституции УР, гласившую: «Удмуртская Республика самостоятельно устанавливает систему органов государственной власти в республике»²⁰. Юридическим основанием для принятия законов стали и положения Договора РФ и УР от 17 октября 1995 г. Однако в самой основе данного акта были заложены предпосылки для конфликта и противостояния властей. Ряд статей принятых законов вступали в противоречие с Конституцией РФ и ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Закон УР «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике» устанавливал, что местное самоуправление осуществляется в пределах сельских поселений, поселков и «части городских поселений в границах жилых комплексов». Упразднялись выборы глав городов и районных администраций. Закреплялось положение о том, что Президиум ГС назначает

глав администраций – главных должностных лиц для выполнения государственных функций. На переходный период создавались объединенные Советы, значительно расширяющие возможности представительных органов власти, поскольку в них предусматривалась совместная работа депутатов муниципального и республиканского уровней.

С таким порядком организации системы государственной власти согласились главы районных и городских администраций, в том числе и мэр г. Ижевска А. И. Салтыков, давший согласие на свое назначение главой администрации. Однако вскоре по инициативе столичной исполнительной власти конституционный кризис был обострен. 30 апреля 1996 г. мэр Ижевска обратился в Верховный Суд РФ с исковым заявлением о признании отдельных положений Закона УР «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике» недействительными. Одновременно им были направлены подобные заявления Прокурору РФ Ю. И. Скуратову и Прокурору УР В. М. Походину. Впоследствии в конфликт были активно втянуты отдельные граждане УР, учитывая, что в УР и до сегодняшнего дня имеются серьезные проблемы в сфере обеспечения индивидуального и коллективного права на участие граждан в политической жизни республики. 20 мая 1996 г. в Верховный Суд УР обратилась С. Б. Крюкова, сотрудник Ижевской администрации. В своем заявлении она писала, что Закон УР «О системе органов государственной власти в УР» лишил ее всеобщего избирательного права, закрепленного в ст. 4 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан РФ» – избирать главу местного самоуправления – мэра Ижевска и быть избранной на эту должность.

Верховный Суд РФ отказал А. И. Салтыкову в рассмотрении заявления, указав, что решение подобных вопросов является исключительной компетенцией Конституционного Суда РФ. Позиция федеральных властей в то время определялась, как представляется, подготовкой к очередным президентским выборам. В этой обстановке центр не мог открыто поддерживать ни ту, ни

другую противоборствующую группу. Политической целесообразностью обуславливалась и позиция прокуратуры. Генеральной прокуратурой РФ ее республиканскому органу было действительно дано поручение проверить соответствие указанного закона Конституции РФ²¹. В своем ответе А. И. Салтыкову Прокурор УР посчитал принесение протеста нецелесообразным, «учитывая сложную социально-экономическую и политическую обстановку в республике и почти единодушную позицию депутатов Государственного Совета при принятии названного Закона Удмуртской Республики»²².

Вскоре после своего переизбрания на второй срок, 25 июля 1996 г. Президент РФ Б. Н. Ельцин, позднее – 113 депутатов Госдумы внесли в Конституционный Суд РФ запрос о проверке конституционности Закона УР «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике». Именно с этого момента конституционный кризис в УР приобретает всероссийскую и европейскую известность.

Ситуация, сложившаяся в республике, была использована федеральной исполнительной властью для усиления и оправдания политики «сдержек и противовесов». С одной стороны, со второй половины 1996 г. многие руководители субъектов федерации стали осознавать несовершенство (с точки зрения управляемости обществом) ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». А. А. Волков внес в Совет Федерации поправку к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления РФ», за которую проголосовали 124 сенатора. Позицию Госсовета УР поддержали 15 из 21 национальных республик РФ, руководители представительных и исполнительных органов областей и республик Уральского региона, депутатская группа Государственной Думы «Российские регионы»²³.

Специальное обращение к Президенту РФ «как гаранту обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной

власти» с просьбой отозвать свой запрос о проверке конституционности Закона УР «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике» принял Совет Ассоциации экономического взаимодействия областей и республик Уральского региона (Республика Башкортостан, Удмуртская Республика, Курганская, Оренбургская, Пермская, Свердловская, тюменская, Челябинская области, Коми-Пермяцкий автономный округ). Одновременно Ассоциация обратилась к председателям Совета Федерации и Государственной Думы Е. С. Строеву и Г. Н. Селезневу с просьбой об ускорении рассмотрения и принятия проекта ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный Закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»²⁴.

Диаметрально противоположную оценку действиям Госсовета Удмуртии дала фракция «Яблоко» и представители политического движения «Наш дом – Россия» (НДР). Их поддержали многие депутаты фракций ЛДПР и КПРФ, республиканские отделения вышеназванных общественных организаций. В результате Дума в целом отвергла поправку к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления РФ».

Федеральный центр оказался в сложном положении. Встать на сторону какой-либо политической силы означало противоречить политике сдержек и противовесов. Поэтому Конституционный Суд РФ 24 января 1997 г. принял двоякое решение. Признав отраженное в законе право республики создавать органы государственной власти в районах и городах, он отверг возможность назначения их глав государственными органами УР²⁵.

Каждая группа участников конфликта расценила решение Конституционного Суда как свою победу. Уже 27 января 1997 г. на пресс-конференции А. А. Волков заявил, что «органы государственной власти в городах и районах будут продолжать работать... и кроме Ижевска что-либо корректировать и изменять необходимости нет»²⁶.

В свою очередь «самоуправленцы» заручились поддержкой Президента РФ. Выступая 6 марта 1997 г. с традиционным ежегодным посланием Федеральному Собранию, Б. Н. Ельцин отметил, что «власти Удмуртии пытаются игнорировать решения даже Конституционного Суда. Предупреждаю, у меня хватит воли добиться, чтобы Конституция Российской Федерации действовала в полном объеме и на всей территории страны». Он также предупредил, что будет «решительно наказывать нарушителей Конституции и Законов»²⁷. В то же время в Послании указывалось на необходимость наведения порядка во власти: «Страной должна управлять власть, а не обстоятельства. Пора наводить порядок»²⁸. Перед ФС ставилась задача ускорения работы над важнейшими конституционными законами.

10 марта 1997 г. Президент РФ издал Указ № 193 «О мерах по реализации постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24 января 1997 г. № 1 – 11 по делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 г. «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике». Указом упразднялись объединенные Советы и восстанавливались муниципальные институты, действовавшие до принятия Закона. Другим Указом Президента РФ от 16 апреля 1997 г. в УР была введена должность Полномочного представителя Президента РФ в УР, что явилось исключительным случаем для национальных республик²⁹. Однако, вопреки ожиданиям лидеров удмуртского национального движения, им был назначен не В. К. Тубылов, а вице-мэр Ижевска В. В. Балакин, входивший в руководство регионального отделения НДР. Тем самым усиливались политические позиции «самоуправленцев». К этому стоит присовокупить тот факт, что 29 мая 1997 г. Президент России подписал Указ о создании совета по местному самоуправлению. На его первом заседании 3 июня 1997 г. было принято решение о создании конгресса муниципальных образований РФ, председателем которого стал мэр Ижевска А. И. Салтыков³⁰.

В этой связи важно отметить, что в среде лидеров удмуртского национального движения, от позиции которых в немалой степени зависел характер и масштабы противостояния, не было единого мнения о необходимости введения должности Полномочного представителя Президента РФ. Наиболее взвешенную позицию выявил К. И. Куликов, предложив аннулировать решение Исполкома Ассоциации «Удмурт кенеш» о назначении В. К. Тубылова в качестве Полномочного представителя Президента РФ. И хотя впоследствии это решение было отозвано, данный шаг не сыграл особой роли. Ибо вопрос о полпредстве уже был предрешен заранее, в немалой степени благодаря позиции федерального центра. По справедливой оценке К. И. Куликова, руководство Ассоциации в очередной раз проявило политическую неграмотность³¹.

Противоборство властных элит, таким образом, было далеко не исчерпано. К лету 1997 г. Удмуртия, особенно ее экономика, оказалась настолько измотана противостоянием, что в Федеральной целевой программе социально-экономического развития УР на 1997 – 2000 гг. отмечалась невозможность «осуществить переход к рыночным отношениям без масштабной государственной поддержки»³². В этой обстановке федеральный центр принял решение формально поддержать стремление «партии Волкова» к расширению своего влияния на местные органы. Опираясь на Указ Президента РФ от 22 декабря 1997 г. «О мерах по совершенствованию взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления в Удмуртской Республике», руководство ГС УР 4 – 9 января 1998 г. провело сходы граждан в сельских районах по изменению границ муниципальных образований.

Сходы граждан в 25 сельских районах проводились в самый разгар новогодних праздников, с 4 по 9 января 1998 г. Формирование государственных органов на районном уровне поддержало 87 % населения (93,886 чел.), в то время как 58 % (62,652 чел.) посчитало целесообразным уровнем образования органов местного самоуправления сельсоветы и рабочие поселки. Большую роль

в ходе собраний сыграли руководители районных администраций, оставаясь защитниками идеи огосударствления административно-территориальных единиц.

Основываясь на результатах опроса, в январе 1998 г. ГС УР принял ряд законов об органах государственной власти районов республики и проведении в них выборов 12 апреля 1998 г. Федеральное руководство поспешило дистанцироваться от позиции лидеров Удмуртии, так как опрос проводился не совсем корректно. По рекомендации представителей Администрации Президента РФ, прибывших в Удмуртию с рабочим визитом, ГС УР отменил свое решение о проведении выборов.

Одновременно по инициативе депутатов республиканского парламента, поддерживавших А. А. Волкова, специально созданная комиссия подготовила предложения о внесении изменений и дополнений в Конституцию Удмуртии. 3 марта 1988 г. началось всенародное обсуждение проекта. Оппозиция в лице меньшинства депутатов ГС УР во главе с председателем Правительства УР П. Н. Вершининым не представила свой проект. Всю критику она сосредоточила на фигуре А. А. Волкова как возможного кандидата на должность Президента. В связи с предлагаемым проектом новой редакции Конституции, 13 февраля 1998 г. Национальное Собрание Всеудмуртской ассоциации «Удмурт кенеш» в своем заявлении отметило, что «введение дополнительного института Главы республики не является для Удмуртии ни актуальным, ни необходимым»³³.

Явное ослабление республиканского руководства не входило в планы федерального центра. Поэтому 26–28 марта 1998 г. в Ижевске в ходе рабочей встречи представителей государственных и муниципальных органов РФ и УР было принято решение о том, что в систему республиканских органов государственной власти должны входить Глава республики, ГС, Правительство. При этом Глава УР возглавлял бы исполнительную власть. По вопросу совмещения должности Главы с должностью Председателя Правительства

предлагалось провести рейтинговое голосование на сессии Госсовета. В подписании протокола приняли участие представители всех его фракций.

В этих условиях изменение соотношения сил в высшем эшелоне власти в Удмуртии, завершение формирования системы государственных органов было возможно только парламентским путем.

¹ Егоров И., Маузузато К. Удмуртская Республика... С. 305.

² Конституция Удмуртской Республики. Проект // Удмуртская правда. 1994. 24 июня.

³ John T. Rourke, *International Politics on the World Stage*, 7th ed., Guilford (CT): The Dushkin Publishing Group, 1999. P. 62–63.

⁴ Егоров И., Маузузато К. Удмуртская Республика... С. 307.

⁵ Barber James David, *Presidential Character*, 3rd ed. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1985; John T. Rourke, *International Politics on the World Stage*, 7th ed., Guilford (CT): The Dushkin Publishing Group, 1999. P. 118.

⁶ Куликов К. ...А принимать должен Верховный Совет // Известия Удмуртской Республики. 1994. 3 сентября.

⁷ Конституция Удмуртской Республики. Ижевск, 1995. С. 4.

⁸ Конституция Удмуртской Республики (текст по состоянию на 1 июля 2000 года). Ижевск, 2000. С. 4.

⁹ Конституция Удмуртской Республики. Ижевск, 1995. С. 21; Конституция Удмуртской Республики (текст по состоянию на 1 июля 2000 года). Ижевск, 2000. С. 18.

¹⁰ Конституция Удмуртской Республики. Ижевск, 1995. С. 5.

¹¹ Постановление Центральной избирательной комиссии Удмуртской Республики «Об итогах выборов депутатов Государственного Совета Удмуртской Республики и всенародного опроса о введении поста Президента (Главы) Удмуртской Республики // Удмуртская правда. 1995. 4 апреля.

¹² Куликов К. И. Удмуртия – субъект России... С. 188–189.

¹³ Там же. С. 191.

¹⁴ Боткин О. И. Бюджетный федерализм в интересах региона // Федерализм в фокусе отношений между центром и регионами. Ижевск, 2001. С. 27–28.

¹⁵ John T. Rourke, *International Politics on the World Stage*, 7th ed., Guilford (CT): The Dushkin Publishing Group, 1999. P. 61.

¹⁶ Егоров И., Маузузато К. Указ. соч. С. 305; Куликов К. И. Удмуртия – субъект России... С. 94–124.

¹⁷ Куликов К. И. Удмуртия – субъект России... С. 94–95.

¹⁸ Там же. С. 95–96.

¹⁹ Там же. С. 96.

²⁰ Конституция Удмуртской Республики. Ижевск, 1995. С. 5.

²¹ Ответ Н. И. Морозовой, старшего советника юстиции, начальника отдела по надзору за законностью правовых актов Генеральной прокуратуры РФ А. И. Салтыкову, Мэру г. Ижевска от 14 мая 1996 г. № 7/5-1-803-96.

²² Ответ В. М. Походина, государственного советника юстиции 2 класса, Прокурора УР А. И. Салтыкову, Главе администрации г. Ижевска от 17 мая 1996 г. № 7-14-96.

²³ Известия Удмуртской Республики. 1996. 19 октября, 22 октября.

²⁴ Решение Совета Ассоциации экономического взаимодействия областей и республик Уральского региона «О внесении изменений и дополнений в законодательство Российской Федерации по вопросам местного самоуправления» от 16 октября 1996 г. // Текущий архив Аппарата Государственного Совета УР.

²⁵ Куликов К. И. Удмуртия – субъект России... С. 109.

²⁶ Цит. по: Куликов К. И. Удмуртия – субъект России... С. 109.

²⁷ Порядок во власти – порядок в стране. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию // Российская газета. 1997. 7 марта.

²⁸ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. М., 1997. С. 6.

²⁹ Егоров И., Маузузато К. Удмуртская Республика... С. 337 – 338.

³⁰ Подробно см.: Куликов К. И. Удмуртия – субъект России... С. 94–124.

³¹ Там же. С. 115.

³² Цит. по: Крылова А., Бехтерев С., Бехтерева Л. Удмуртская Республика. Модель этнологического мониторинга. М., 2000. С. 55.

³³ Цит. по: Бехтерев С. Л. Конституционная реформа в Удмуртской Республике // Российское государство: прошлое, настоящее, будущее. Ижевск, 2001. С. 38.

2.3. Процесс перехода к президентской модели республики

С принятием Государственной Думой ФС РФ и подписанием 6 октября 1999 г. Президентом РФ Федерального Закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» начался новый этап Конституционной реформы в России и ее регионах. ФЗ утвердил важнейшие принципы государственного устройства и определил, что высшее должностное лицо субъекта РФ избирается всенародно и возглавляет высший исполнительный орган. Наименование его должности устанавливалось конституцией субъекта РФ с учетом исторических, национальных и иных традиций. Определялся двухлетний срок для приведения регионального законодательства в соответствие с установленными принципами.

Важность реализации этого закона была подтверждена в программной статье Председателя правительства России В. В. Путина: «Мы находимся на этапе, когда даже самая верная экономическая и социальная политика дает сбой при проведении ее в жизнь из-за слабости государственной власти, органов управления. Ключ к возрождению и подъему России находится сегодня в государственно-политической сфере. Россия нуждается в сильной государственной власти и должна иметь ее...Сильная государственная власть в России – это демократическое, правовое, дееспособное федеративное государство»¹.

Принятие ФЗ поставило точку и в споре о государственном устройстве УР – парламентская или президентская республика, и, соответственно, нужен или нет Президент (Глава) УР. Начался **пятый, заключительный этап конституционной реформы в УР (октябрь 1999 г. – 28 ноября 2000 г.)**. Он был призван устранить объективные предпосылки для создания конфликтных ситуаций между ветвями власти и перераспределить властные полномочия в соответствии с требованием федерального законодательства.

Этот этап проходил в условиях явно обозначившейся смены федеральной политики «сдержек и противовесов», проводимой в период правления Б. Н. Ельцина, на усиление вертикальной структуры организации власти, характерное для политического окружения В. В. Путина. Вместе с тем, после парламентских выборов в УР происходит значительное усиление «партии Волкова» и ослабление оппозиции, которая не представляла какого-либо единого авторитетного лидера. Данные обстоятельства актуализировали политико-правовую деятельность субъектов политической системы. На основе постановления ГС УР от 16 ноября 1999 г., принятого на 6 (внеочередной) сессии, руководствуясь упомянутым ФЗ и «в целях своевременной и качественной подготовки предложений по внесению изменений и дополнений в Конституцию Удмуртской Республики»² была создана Конституционная комиссия (36 чел.), куда вошли депутаты ГС УР, члены Правительства УР, представители органов местного самоуправления, политических партий и общественных организаций, привлечены юристы. Ей поручалось завершить работу в срок до 1 мая 2000 г. 19 декабря 1999 г. одновременно с выборами депутатов ГД ФС РФ, с учетом требований Всеудмуртской ассоциации «Удмурт кенеш», на основе Закона УР «Об опросе населения УР»³ в республике был проведен опрос с целью выявления мнения населения о наименовании высшего должностного лица УР. В опросе участвовало 61,68 % избирателей. 51,74 % высказались за название «Президент УР», а 43,65 % – «Глава УР»⁴. Данное положение было юридически закреплено Постановлением ГС УР от 23 декабря 1999 г. «Об итогах опроса о наименовании высшего должностного лица Удмуртской Республики».

24 января 2000 г. 8 (внеочередная) сессия ГС УР приняла Постановление о назначении на 26 марта 2000 г. референдума УР по внесению поправки в ч. 1 ст. 10 Конституции УР, изложенной в следующей редакции: «Государственную власть в Удмуртской Республике осуществляют Государственный Совет

Удмуртской Республики, Президент Удмуртской Республики, Правительство Удмуртской Республики, Конституционный Суд Удмуртской Республики, мировые судьи Удмуртской Республики. В Удмуртской Республике могут образовываться иные органы государственной власти. Порядок их формирования и компетенция определяются законами Удмуртской Республики в соответствии с федеральным законодательством».

С весны 2000 г. в Удмуртии развернулась организационно-разъяснительная работа по подготовке к внеочередным выборам Президента РФ в связи с отставкой Б. Н. Ельцина и референдуму по изменению Конституции УР, включавшую институт президентства в систему органов государственной власти. Сторонники А. А. Волкова выдвинули две взаимосвязанные задачи: обеспечить высокую явку избирателей во всех административных районах и, опираясь на волеизъявление граждан УР, привести ключевые положения Конституции УР в соответствие с требованиями ФЗ. Ряд глав местного самоуправления при активной поддержке Удмуртской республиканской организации КПРФ, Всеудмуртской ассоциации «Удмурт Кенеш», региональных отделений ДВР, «Яблока» пытались сорвать проведение референдума, что объективно вело к снижению явки избирателей.

В агитационной кампании государственных органов упор делался на разъяснение платформы исполнявшего обязанности Президента РФ В. В. Путина, необходимость укрепления вертикали государственной власти (федеральный центр – регион), исполнение федерального законодательства в УР путем приведения в соответствие с ним основных законов республики, расширение демократических норм и процедур участия граждан в государственном строительстве. 10 марта 2000 г. впервые в истории УР были проведены Конституционные чтения с участием общественности, выявившие

позиции различных политических сил и спрогнозировавшие их поведение в накануне выборов и референдума.

В поддержку института президентства выступили Общество русской культуры УР, Общество удмуртской культуры «Дэмен», ТОЦ УР, Союз марийцев Удмуртии, Республиканский центр российских немцев в УР. В коллективном обращении «Покажем свое единство!» они следующим образом аргументировали свою позицию: «Нам нужен всенародно избранный Президент республики – как гарант исполнения закрепленных Конституцией Удмуртской Республики равноправия народов независимо от их численности, уважения прав и свобод человека, возможностей личного и этнокультурного самовыражения...»⁵. Это мнение поддержали Удмуртский республиканский совет ветеранов, Союз женщин УР, Совет Федерации профсоюзов УР, Общественно-политическое движение «Удмуртия», Избирательное объединение «Молодежь Удмуртии», Удмуртская молодежная общественная организация «Шунды», Комитет ветеранов локальных войн, депутатские фракции ГС УР «Промышленники и предприниматели» и «Единство», удмуртские региональные отделения КДП (ПНС), АПР, ОПОО «Отечество», объединения «Народный дом», Ассоциации развития малого предпринимательства и др.

В то же время ряд оппозиционных партий и организаций (Ижевская городская организация Всеудмуртской ассоциации «Удмурт Кенеш», Ижевский городской Совет ветеранов, Городской женский Совет, Городской центр «Подросток», Городской комитет ветеранов войны, Ижевский центр международной программы «Диабет», региональные отделения «Яблока» и ДВР) подписали открытое обращение к избирателям Удмуртии. В нем, помимо призывов к населению прийти на выборы и проголосовать за достойного кандидата на пост Президента РФ, содержалось обращение для «всех, кто хочет видеть в Удмуртии сильную государственную власть, способную решать экономические вопросы и действительно работать на улучшение жизни простого

человека, прийти 26 марта на избирательные участки и проголосовать на референдуме «нет!». Оно свидетельствовало о стремлении оппозиции создать в Удмуртии кризисную ситуацию через игнорирование требований федерального законодательства.

Усилия оппозиционеров не смогли дать сколько-нибудь заметных результатов. На выборы Президента РФ и референдум пришли более 70 % граждан, имевших право голоса. За В. В. Путина проголосовали 61,01 % избирателей; 68,80 % участников референдума положительно решили вопрос о включении института президентства в систему органов государственной власти УР. На основе результатов референдума была продолжена работа над внесением изменений и дополнений в Конституцию УР.

В ходе работы конституционной комиссии был осуществлен ряд согласительных процедур. По предложению фракции «Единство» Государственному Совету УР придавались контрольные функции. Его компетенция дополнялась правом согласования кандидатуры для назначения на должность Министра внутренних дел УР. Определялся порядок согласования Государственным Советом УР кандидатуры для назначения на должность Председателя Правительства УР. Комиссия согласилась с предложением депутатской группы «Коммунисты Удмуртии» о том, что внутреннюю политику УР определяет не только Президент, но и ГС УР.

В конце марта 2000 г. проект Закона УР «О внесении поправок в Конституцию Удмуртской Республики» был отправлен на юридическую экспертизу в Главное государственно-правовое управление Президента РФ, Министерство юстиции РФ, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве России, а также в Правительство, Прокуратуру, Министерство юстиции, Верховный Суд УР. Во всех заключениях в качестве положительного факта отмечалась нацеленность законопроекта на приведение Конституции УР в соответствие с Конституцией РФ и федеральным

законодательством. В результате, по оценкам экспертов, УР вошла в десятку субъектов РФ, максимально обеспечивающих принцип единства правового пространства РФ на своей территории.

4 апреля 2000 г. законопроект был официально опубликован в республиканских СМИ⁶. Он рассматривался 10 (внеочередной) сессией ГС УР. Инициаторами проекта закона выступили 89 из 100 депутатов. 18 апреля 2000 г. законопроект получил статус закона. За него проголосовал 91 депутат. Он был воспринят одинаково положительно и «государственниками», и «самоуправленцами».

16 мая 2000 г. 11 сессия ГС УР приняла «за основу» законы «О Президенте Удмуртской Республики» (68 голосов) и «О выборах Президента Удмуртской Республики» (59 голосов). Необходимость нового определения легитимности президента республики объяснялась, в первую очередь, тем обстоятельством, что прежний Закон УР «О Президенте Удмуртской Республики», по оценке начальника правового управления Аппарата ГС УР К. А. Глухова, не учитывал изменений, произошедших в российском законодательстве. Предлагавшийся проект закона был разработан в полном соответствии с ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и в точности повторял нормы Конституции УР. Согласно этому документу, Президентом УР мог стать гражданин России, не моложе 30 лет, обладающий пассивным избирательным правом. В свою очередь, Ж. В. Дворцова, председатель постоянной комиссии ГС УР по государственному строительству, национальной политике и местному самоуправлению отметила, что не имелось юридических оснований для внесения в законопроект предлагавшихся рядом деятелей удмуртского национального движения ценза оседлости и языкового ценза, нарушающих избирательные права граждан РФ⁷.

Большие разногласия возникли в ходе обсуждения законопроекта «О выборах Президента Удмуртской Республики». Его поддержали депутатские фракции «Промышленники и предприниматели», «Единство», базовые структуры «партии Волкова».

Оппозиция выступила с критикой законопроекта. «Я собирался выдвигаться, но по такому закону этого делать не хочу», – заявил В. К. Тубылов. Депутат С. В. Беркутов (СПС) внес более 30 замечаний: сокращение сроков подачи заявок в Избирательную комиссию, снижение количества подписей, необходимых для регистрации кандидата на должность президента, нотариальное заверение всех документов при регистрации, отсутствие денежного залога как процедуры регистрации и др. В. Л. Фридрих заявил, что законопроект написан для одного конкретного человека. Первый заместитель Председателя ГС УР П. Н. Вершинин посчитал, что законопроект нарушает некоторые нормы федерального законодательства (вопреки федеральному законодательству предусмотрено досрочное голосование на дому; кандидату в президенты могла отказать в регистрации Избирательная комиссия УР, а не суд и т. п.). и предложил отправить проект закона на доработку⁸.

Основные претензии к разработчикам законопроекта заключались в определении степени легитимности президента. Им, исходя из заложенного в законе числа проголосовавших, мог стать кандидат, набравший 6,25 % голосов (меньше 70 тыс. человек при около 1 200 тыс. избирателей УР). Выборы планировалось проводить в один тур. Для избрания кандидату достаточно было набрать большинство голосов, при условии, что за него проголосует не менее 25% избирателей, принявших участие в голосовании. Для того чтобы выборы состоялись, достаточно 25-процентной явки.

Формальные основания для такой критики существовали. В соседних национальных республиках действовали более жесткие нормы. В аналогичных законах Татарстана и Башкортостана требовалась не менее чем 50-процентная

явка избирателей. Однако авторы проекта закона исходили, прежде всего, из того, что в 50 субъектах РФ явка на выборах высшего должностного лица устанавливалась на уровне 25 %. Оправданность такого порога явки подтверждала и статистика выборов в местные органы власти УР предыдущих лет, на которых активность избирателей не превышала 50 %. Учитывался и финансовый аспект: стоимость одного тура выборов составляла свыше 12 млн. руб.; проведение второго тура требовало бы еще 6 млн. руб.

После принятия законопроекта «за основу» была создана согласительная комиссия для отработки всех предложенных замечаний. 8 июня 2000 г. сессия ГС УР, рассмотрев более 200 поправок, приняла «в целом» законы УР «О Президенте Удмуртской Республики» (77 голосов), «Об Избирательной комиссии Удмуртской Республики» (74 голоса) и «О выборах Президента Удмуртской Республики» (76 голосов). Нижний порог легитимности Президента УР определялся не менее чем 25 % избирателей, проголосовавших за ту или иную кандидатуру, при явке не менее 25 % избирателей.

20 июня 11 сессия ГС УР поименным голосованием депутатов (за – 64, против – 12, воздержались – 5) определила дату всенародных выборов первого Президента Удмуртии – 15 октября 2000 г. После принятия решения о выборах конституционная реформа вступила в завершающую стадию. Ее составляющими стали выборы Президента УР, Председателя ГС УР, согласование нового состава Правительства УР.

Первый этап президентской кампании (июнь–июль 2000 г.) протекал в самоопределении потенциальных кандидатов и их политического базиса. Наиболее вероятными претендентами на высший государственный пост в Удмуртии назывались А. А. Волков, П. Н. Вершинин, новый председатель Правительства УР Н. А. Ганза; в числе прочих – А. В. Солуянов, экс-депутат ГД ФС РФ, директор программ стратегического развития Ижевского электромеханического завода «Купол», Ю. Д. Маслюков, Председатель комитета

ГД ФС РФ, Н. И. Сапожников, депутат ГД ФС РФ, первый секретарь Удмуртского рескома КПРФ, Е. Г. Одиянков, один из руководителей СПС в УР, А. И. Салтыков, В. Забильский, экс-кандидат в депутаты ГД ФС РФ, А. В. Трефилов, Президент Союза уральской молодежи и некоторые другие.

Каждый из ожидаемых кандидатов обладал разной степенью влияния на ресурсы, необходимые для победы. В плане использования административного ресурса бесспорное преимущество оставалось за А. А. Волковым. С предложением выдвинуть свою кандидатуру к нему обратились главы 22 представительных органов местного самоуправления, руководители предприятий и организаций городов Глазова, Сарапула, Можги, Алнашского и Можгинского районов, Совет директоров промышленно-экономической ассоциации Удмуртии «Развитие». Участник подписания обращения, Глава администрации Увинского района С. Иконников так прокомментировал выбор руководителей районов: «Никакого давления не было... В ходе обсуждения этого вопроса все участники совещания пришли к общему мнению, что лучшим «раскладом» для населения всей республики станет если Президентом будет избран Александр Волков, Николай Ганза останется Председателем Правительства, а Павел Вершинин возглавит Государственный Совет».

В общественно-политических кругах активно обсуждалась возможность объединения ресурсов Н. А. Ганзы и П. Н. Вершинина. При этом оба они, имевшие отношение к исполнительной власти, опирались на руководителей хозяйств и часть глав администраций районов. К П. Н. Вершинину поступили, в частности, обращения от администрации колхоза «Путь Ильича» Завьяловского района, групп избирателей Сарапула, Игринского, Вавожского районов.

Традиционно важнейшим избирательным ресурсом являются финансы. В какой-то степени оценить этот показатель можно на основании официальных данных о средствах, поступивших на счета избирательных фондов кандидатов. Значительными финансами обладал П. Н. Вершинин (982 800 руб.). За ним

следовали ресурсы Н. А. Ганзы (944 670 руб.), А. А. Волкова (889 980 руб.) и А. В. Солуянова (832 000 руб.)⁹. Даже с формальной точки зрения следует признать, что финансовый ресурс был в значительной степени сконцентрирован в руках оппозиции, хотя и разрозненной.

Следующий ресурс – информационный. Под контролем А. А. Волкова находились, прежде всего, государственные СМИ. Они постоянно освещали деятельность высшего должностного лица в социально-экономической сфере, озвучивали позитивные моменты его программы. Негатив и компромат на оппонентов Волкова использовался значительно в меньшей степени. В СМИ активно и практически безошибочно разыгрывался так называемый ресурс «высшего должностного лица», заложенный действующим законодательством, согласно которому Волков не был обязан уходить в отпуск (аналог с выборами Президента РФ в 2000 г.). Кроме того, Председателю ГС УР удалось привлечь на свою сторону влиятельные негосударственные, оппозиционные прежде издания: «Аргументы и факты Удмуртии», «Золотая провинция», телекомпанию «Новый регион», обеспечить идеологическое руководство газетами «Совершенно конкретно», «Русская газета в Удмуртии» и др.

П. Н. Вершинина поддерживала газета «Герд», печатный орган Всеудмуртской ассоциации «Удмурт кенеш». Ее издание финансировалось республиканским бюджетом. Н. А. Ганза курировал газету «День», находившуюся под влиянием части руководства партии «Единство». Как отметил Президент Всеудмуртской ассоциации «Удмурт кенеш» В. К. Тубылов, в основном позиции этих изданий совпадали. Названные печатные органы предлагали свое видение конфигурации будущей кампании. Основные их тезисы сводились к следующему. Кампания по степени накала страстей ожидалась беспрецедентной. Не исключались участие криминала, больших денег, привлечение «черных» технологий¹⁰. В основном, это аргументы Всеудмуртской

ассоциации «Удмурт кенеш», традиционно используемые для оправдания своих политических неудач.

Рассматривая в качестве возможных кандидатур А. А. Волкова и Н. А. Ганзу, газета «Герд» подчеркивала, что, Ганза прямолинеен и откровенен, чем притягивает людей. Принципиальный премьер четко демонстрировал сильную позицию. В экономических успехах Правительство Н. А. Ганзы следовало программе, разработанной еще кабинетом П. Н. Вершинина. В случае соперничества Н. А. Ганзы с А. А. Волковым, побеждал первый. Сравнивая шансы А. А. Волкова и П. Н. Вершинина, газета «Герд» отмечала, что оба хорошо знают хозяйство, руководили правительством. Но А. А. Волков, в отличие от П. Н. Вершинина, хуже разбирался в сельском хозяйстве. В последнее время Председатель ГС УР был занят только политикой. Руководя республиканским парламентом уже второй срок, приобрел прочные связи в федеральных и региональных структурах власти. Однако в политике оказался недалёковиден, непоследователен и близорук.

Рассматривая выборы первого Президента УР в общем контексте формирования постсоветской политической системы, следует детально проанализировать общественно-политический ресурс кандидатов.

Развитие финальной стадии эволюции системы органов государственной власти УР происходило в рамках новой властной структуры РФ. 13 мая 2000 г. Президент РФ В. В. Путин подписал Указ «О Полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральных округах Российской Федерации». УР была отнесена к Приволжскому округу с центром в Нижнем Новгороде. Указ получил однозначную поддержку руководства УР и был расценен как мера, направленная на усиление государственной власти. А. А. Волкову удалось рекомендовать на пост Главного федерального инспектора по УР члена своей команды С. В. Чикурова, который наряду с первым заместителем

Председателя Правительства УР Ю. С. Питкевичем фактически возглавил предвыборный штаб высшего должностного лица УР.

Кроме того, А. А. Волков избрал оптимальную тактику по отношению к Н. А. Ганзе, частично поддержанным «Единством». Меры А. А. Волкова против премьера – создание «двойника» Правительства УР в лице рабочей группы С. В. Чикурова по разработке Программы развития Удмуртии и «двойника» партии «Единство» в лице Коалиции общественных объединений УР «Единство ради созидания». Удачным тактическим ходом высшего должностного лица УР стало проведение 10 октября 2000 г. государственного приема общественных деятелей по случаю десятилетия принятия Закона СССР «Об общественных объединениях», послужившего началом становления гражданского общества в России. Это мероприятие было названо Днем общественника.

Из 170 общественных и политических объединений, опрошенных во второй половине июля 2000 г. Коалицией «Единство ради созидания» в ходе сбор подписей под Обращением к А. Волкову выдвинуть свою кандидатуру на должность Президента УР, руководители 90 организаций высказались в пользу А. А. Волкова, 12 – П. Н. Вершинина, 6 – Ю. Д. Маслюкова, 1 – Н. А. Ганзы, 1 – другого претендента (фамилия не названа). 36 объединений к тому времени еще не определились с выбором, 15 сохраняли нейтралитет, 8 выступали против кандидатуры А. А. Волкова, а одно – против всех возможных кандидатур.

Общественный базис А. А. Волкова составила сеть агитаторов, принадлежащих к Удмуртскому отделению ОПОО «Отечество», а ранее – к ОПД «Удмуртия», сложившаяся в ходе парламентских выборов как республиканского, так и федерального уровня 1999 г. Немаловажное значение для него имела позиция организаций коммунистического спектра и, прежде всего, республиканской организации КПРФ. Несмотря на относительный неуспех коммунистов на выборах депутатов ГС УР второго созыва, они укрепили свои позиции в ходе выборов депутатов ГД ФС РФ. Их представитель, первый

секретарь Удмуртского рескома КПРФ Н. И. Сапожников подтвердил мандат депутата Государственной Думы. С учетом того, что «левые» были крайне непоследовательными союзниками А. А. Волкова в поддержке его законодательных инициатив, они гипотетически могли выдвинуть кандидатуру на президентскую должность из своего окружения. Так и произошло. Удмуртская организация КПРФ обратилась с подобным предложением к Ю. Д. Маслюкову. Он его отклонил. Тогда коммунисты решили не поддерживать на выборах ни Ганзу, ни Вершинина. В конечном итоге левые силы решились на выдвижение от группы избирателей В. Н. Ануфриева, генерального директора Государственного Управления «Удмуртпродконтракт», однако в самый критический момент он снял свою кандидатуру в пользу А. А. Волкова.

Наиболее часто обсуждаемыми в правоцентристском и правом спектре («Единство» и СПС) стали кандидатуры П. Н. Вершинина и Н. А. Ганзы. При этом как в том, так и в другом объединении отсутствовало единство взглядов на консолидированную фигуру как противовес А. А. Волкову. Объяснялось это рядом обстоятельств. Во-первых, шел активный процесс становления новой «партии власти» – «Единства». 27 мая 2000 г. в Москве проходил ее учредительный съезд. В составе удмуртской делегации были немало влиятельных политиков как из окружения А. А. Волкова (руководитель местного отделения движения «Единство» заместитель Председателя Правительства УР Н. Хохлов, лидер молодежного «Единства» в УР Р. Гатаулин), так и представители оппозиции (депутаты ГС УР Э. В. Касимов и С. Г. Беркутов). Как пояснил по возвращению с партийного форума Н. Хохлов, после создания регионального отделения партии и назначения даты выборов ожидалось принятие решения о поддержке той или иной кандидатуры.

Во-вторых, отсутствовало единство и в организациях правого толка. С одной стороны, в мае – июне 2000 г. было образовано Удмуртское региональное отделение Союза правых сил (СПС), оппозиционного высшему должностному

лицу УР. В состав руководства вошли врач Ю. Г. Одиянков (брат Е. Г. Одиянкова), предприниматель М. С. Рахманов, лидер регионального отделения партии ДВР В. Н. Скрынник, редактор оппозиционной в то время газеты «АиФ Удмуртии» С. В. Светлов, представитель регионального отделения движения «Новая сила» В. Шулаев. Возглавил Координационный совет кандидат юридических наук Д. Шумков, фигура достаточно новая в республиканских демократических кругах. По оценке экспертов, административный ресурс правых мог составить конкуренцию ресурсам А. А. Волкова. СПС всегда находил поддержку А. И. Салтыкова. В одном из интервью Д. Шумков заявил, что «мы имеем поддержку на всех уровнях власти. Времена, когда СПС с кем-то договаривался, прошли. Теперь будут договариваться с нами».

Ко времени назначения президентской кампании СПС оставался авторитетной силой в глазах значительной части электората. Так, на выборах в ГД ФС РФ СПС занял в Ижевске третье место. Данные ряда социологических опросов показывали, что С. В. Кириенко, неформальный лидер движения «Новая сила», входящего в СПС, занимал вторую позицию в рейтинге доверия политикам федерального уровня. Правым удалось сохранить многие посты в Правительстве М. Касьянова. Вместе с тем, еще 24 марта 2000 г. политическое окружение А. А. Волкова инициировало создание другого центра СПС в лице Координационного Совета СПС, куда вошли представители шести организаций: движения «Новая сила» и «Голос России», Российская партия социальной демократии, КДП (ПНС), Республиканская партия, Фонд Р. Быкова (Председатель КС СПС – В. Соловьев, лидер «Новой силы» в УР).

В любом случае, мнения «Единства» и СПС по кандидатуре на должность Президента УР должны были согласовываться с Президентом РФ В. В. Путиным, Полномочным представителем в Приволжском федеральном округе С. В. Кириенко и Главным федеральным инспектором по УР С. В. Чикуровым.

В избирательную кампанию активно включился этнический фактор. Объясняется это отчасти тем, что две национальные организации – Всеудмуртская ассоциация «Удмурт кенеш» и ТОЦ УР – имели в то время статус общественных политических объединений. Официально поддерживаемые республиканским бюджетом, в особенности, «Удмурт кенеш», они обладали возможностью для эффективной мобилизации политической воли избирателей.

С точки зрения использования «этнического ресурса» несомненные преимущества объективно сохранялись за А. А. Волковым. В 1998 г. ГС УР принял Концепцию государственной национальной политики. Национально-культурные объединения положительно восприняли преобразование Комитета по делам национальностей при Правительстве УР в Министерство национальной политики УР (П. Н. Вершинин активно противился такому преобразованию¹¹). Кроме того, в соответствии с программой «Развитие Удмуртии до 2005 года» предусматривалось создание Координационного Совета по делам национальностей при Президенте УР, включающего в свой состав руководителей министерств и ведомств, национально-культурных объединений, депутатов, деятелей науки, культуры и искусства. Его целью объявлялась выработка и согласование решений, затрагивающих интересы всех народов, проживающих на территории республики. Также разрабатывалась комплексная программа «Национальное развитие и межнациональное сотрудничество народов Удмуртии на 2001–2005 гг.».

За А. А. Волковым оказалось большинство национально-культурных объединений УР: Общество удмуртской культуры «Дэмен», Общество русской культуры УР, Общество белорусской культуры, Координационный Совет татаро-башкирских организаций, Корейское национально-культурное общество, Азербайджанский общественный центр, Межнациональный культурно-просветительский центр «Многоцветье» и ряд других.

Всеудмуртская ассоциация «Удмурт кенеш», как политический центр части удмуртского национального движения, представила кандидатуру П. Н. Вершинина на должность Президента УР. 11 апреля 2000 г. на очередном заседании исполкома ассоциации в ходе обсуждения законопроекта О «внесении поправок в Конституцию Удмуртской Республики» были выдвинуты два основных требования: кандидат на должность Президента УР должен проживать на территории УР не менее 15 лет (ценз оседлости) и обязательно владеть двумя государственными языками УР – русским и удмуртским (языковой ценз)¹².

После 7-го (внеочередного) Всеудмуртского съезда организационная работа ассоциации «Удмурт кенеш» значительно активизировалась. Укрепились местные организации. В нарушение действующего законодательства предпринимались попытки создания организационных структур на производстве. Проводились встречи с творческой интеллигенцией, профессорско-преподавательским составом вузов республики, устраивались дни ассоциации в районах Удмуртии. Регулярно выходила газета «Герд». Политический союз, достигнутый ассоциацией и представителями органов местного самоуправления в ходе выборов депутатов ГС УР второго созыва весной 1999 г., несомненно, увеличивал шансы П. Н. Вершинина. В его пользу высказались Алнашское и Можгинское землячества, Вавожская районная организация ассоциации «Удмурт кенеш». Поддержало экс-премьера созданное накануне выборов Удмуртское республиканское движение «В защиту экономических интересов Удмуртии».

Вместе с тем, П. Н. Вершинин имел крайне неустойчивую национальную базу. Несмотря на участие в его выдвижении ассоциации «Удмурт кенеш», позиция самой организации представлялась неоднозначной. В. К. Тубылов никогда не скрывал, что поддерживается Союзом правых сил. А последний, в свою очередь, частично симпатизировал Н. А. Ганзе. Его же отчасти поддержало республиканское «Единство» и полуофициально – ТОЦ УР. Объективно такая

двойственность ослабляла шансы основных оппонентов А. А. Волкова. Ситуация усугублялась скандалом, во многом инициированным ассоциацией «Удмурт кенеш», связанным со снятием с должности министра печати и информации С. Ф. Васильева, сына выдающегося удмуртского поэта. Этнический фактор попытался активно использовать и А. В. Солуянов. Например, в организованном им митинге 19 сентября 2000 г. с явно выраженной «антиволковской» направленностью принимали участие «Удмурт кенеш» и ТОЦ УР. Политическая борьба неизбежно провоцировала центробежные тенденции в национальных организациях. Так, на состоявшемся 23 августа заседании ТОЦ УР прозвучала критика в адрес его Президента за несогласованное с Президиумом первоначальное выступление в поддержку выдвижения П. Н. Вершинина.

Уже в июле 2000 г. можно было говорить об общей конфигурации президентской кампании в УР. Определилась первая тройка потенциальных кандидатов. Не исключалось, что Н. А. Ганза и П. Н. Вершинин объединят свои ресурсы. Тогда борьба ожидалась между А. А. Волковым и Н. А. Ганзой. Соперничество Председателя ГС УР и премьера стало политической традицией для республики (В. Тубылов – А. Волков, А. Волков – П. Вершинин, А. Волков – Н. Ганза). Так как все из названных фигурантов обладали определенными административными и информационными ресурсами, самоопределение общественно-политических сил Удмуртии, в том числе и национально-культурных объединений, могло стать и стало решающим фактором избирательной кампании.

Регистрация реальных кандидатов определила новую политическую ситуацию в республике. В предвыборную борьбу включились 22 претендента на высший государственный пост, но лишь 12 из них были зарегистрированы Избирательной комиссией УР в качестве кандидатов: А. А. Волков, П. Н. Вершинин, Н. А. Ганза, А. В. Солуянов, В. В. Забильский, В. Н. Ануфриев, начальник Агентства Федеральной службы России по финансовому

оздоровлению и банкротству по Удмуртии С. Б. Шуклин, Председатель постоянной комиссии ГС УР, Председатель Общества русской культуры УР М. К. Кокорин, военный пенсионер С. В. Рудчук, старший контролер ТТУ г. Ижевска Л. Б. Головизнин, ведущий инженер ОАО «Ижевский мотозавод «Аксион-Холдинг» В. Б. Тимофеев и главный редактор радио ООО «Фронт» (г. Глазов) А. Б. Едигарев. 9 человек выдвигались от инициативных групп, 3 – путем самовыдвижения. Ни один кандидат не выдвигался ни от партий, ни политической организацией, что может свидетельствовать о зачаточном состоянии партийно-политической системы в республике несмотря на достаточное количество избирательных объединений. Основная борьба развернулась между А. А. Волковым, П. Н. Вершининым, Н. А. Ганзой и А. В. Солуяновым.

Выборы первого Президента УР состоялись 15 октября 2000 г. Несмотря на напряженный характер избирательной кампании, голосование прошло организованно, с хорошей явкой избирателей. Выборы состоялись без серьезных нарушений законодательства, что подтвердили эксперты из Центральной избирательной комиссии РФ и ОБСЕ, прибывшие в Ижевск специально для наблюдения за ходом голосования. В списки избирателей было включено 1 201 657 чел. В выборах Президента приняли участие 604 021 чел., что составило 50,3 %. Наибольшую активность проявили жители Граховского и Можгинского районов, 74,7 % и 74,2 % соответственно. Наименьшее количество избирателей пришли на участки Воткинска – 38,5 % и Сарапула – 44,7 %.

Главный итог политической акции: избиратели выбрали стабильность и развитие, связав эти понятия с действующим высшим должностным лицом УР А. А. Волковым. За него отдали свои голоса 228 441 чел. или 37,8 %. На втором месте оказался П. Н. Вершинин, получивший 144 459 голосов (23,9 %). Третье и четвертое места поделили Н. А. Ганза (74 134 голоса или 12,3 %) и А. Солуянов. Остальные четыре претендента, включенные в бюллетени (Забильский, Шуклин,

Кокорин и Тимофеев) набрали менее одного процента голосов каждый. 9,5 % избирателей проголосовали против всех кандидатов на должность Президента Удмуртии.

Сравнительный анализ итогов голосования в разрезе городов и районов показывает, что рейтинг Президента определила не столько столица республики, сколько другие города и сельские районы. Пользуясь относительной поддержкой Ижевской администрации и Городской думы, Н. А. Ганза сумел добиться незначительного перевеса в столице (Н. А. Ганза – 20,2 %, П. Н. Вершинин – 20,1 %, А. А. Волков – 19,9 % голосов). По другим городам УР расстановка иная. В Воткинске за Волкова проголосовали 45,4 % избирателей, за Солуянова – 16,9 %, за Вершинина – 11,3 %, за Ганзу – 6,5 %. В Глазове также лидировал Волков. Там за него отдали голоса 59,9 % избирателей, за Ганзу – 15,8 %, за Вершинина – 7,6 %, за Солуянова – 4,9 %. В Можге А. Волков получил 44,6 % голосов, Вершинин – 39,1 %, Солуянов – 5,3 %, Ганза – 3,9 %. Волков лидировал и в Сарапуле. За него проголосовали 47,4 % избирателей, за Ганзу – 20,2 %, за Солуянова – 13,0 %, за Вершинина – 4,6 %. Еще больший разрыв оказался в районах республики. Например, в Юкаменском районе за Волкова отдали голоса 88,9 % избирателей. В ряде сельских районов лидировал Вершинин.

Выборы Президента Удмуртии – уникальный случай в российской политике по эффективности использования ресурсов главой региона. Одним из основных оказался ресурс «высшего должностного лица», который объективно давал определенные предстартовые преимущества. Однако Волков отнюдь не был «обречен на победу», как, например Б. Н. Ельцин в 1996 г. или В. В. Путин в 2000 г. Административный ресурс А. А. Волкова оказался весьма ограниченным, что видно из результатов голосования по районам республики. Вместе с тем, Волков смог реализовать его на 64,71 % (одержал победу в 22 из 34 административных единиц), Вершинин – на 32,35 % (занял первое место в 11

районах УР), а Ганза – лишь на 2,94 % (победил только в Октябрьском районе г. Ижевска)¹³.

Финансовые возможности кандидатов были практически одинаковы. Информационный ресурс так или иначе использовали все соперники. Таким образом, решающую роль в победе Волкова сыграл общественный ресурс. Это был беспрецедентный случай в российской политике по масштабам вовлечения общественных объединений в выборы. Волкова поддержали около ста организаций. В его поддержку высказались основные депутатские фракции ГС УР, руководители промышленных предприятий, главы и представители федеральных и региональных органов власти В. В. Путин, Е. С. Строев, Г. Н. Селезнев, М. Ш. Шаймиев, М. Р. Рахимов, А. Тулеев, Ю. Маслюков, С. В. Кириенко, С. В. Чикуров, ведущие российские политики Г. А. Зюганов, М. И. Лапшин и др.¹⁴ Волкову удалось привлечь на свою сторону республиканских коммунистов, часть лидеров оппозиции из СПС и регионального отделения движения «Единство». В немалой степени на их решение повлияло назначение Главным федеральным инспектором по УР С. В. Чикурова.

О значительной роли общественного ресурса в избирательной кампании заявил уже в ночь на 16 октября в теледебатах бывший кандидат на должность Президента УР М. К. Кокорин. Такого же мнения придерживался Н. И. Сапожников. В своем интервью газете «Инфо-панорама» от 20 октября 2000 г. он отметил: «Успех А. Волкова – результат того, что он смог консолидировать вокруг себя все основные здоровые политические силы и общественные движения. Это первый шаг к достижению политической стабильности...»¹⁵.

Иного мнения придерживалась оппозиция и один из главных ее представителей – П. Н. Вершинин. Свои результаты на выборах он оценил на «хорошо» в условиях «отсутствия административных, финансовых и других ресурсов. Исход выборов показал, что власть проиграла. Об этом говорит и

низкая явка, и разбросанность голосов избирателей. У людей очень сильное недоверие к власти»¹⁶.

Более однозначно оценивалось ближайшее этнополитическое будущее республики. В обращении к гражданам УР А. А. Волков отметил, что «мудрость многонационального народа Удмуртии – в его постоянном стремлении к миру, спокойствию и стабильности, межнациональному согласию, к преумножению славных трудовых традиций. Это самая надежная основа дальнейшего укрепления авторитета Удмуртской Республики как государственного образования в братской семье народов Российской Федерации»¹⁷.

Такого же мнения придерживался и П. Н. Вершинин. В своем обращении к гражданам республики он заявил, что «народ Удмуртии всегда отличался своим трудолюбием и умением выполнять самые сложные задачи... Уверен, что избрание Президента послужит укреплению государственной власти, консолидации общества, станет залогом дальнейшего развития народного хозяйства республики»¹⁸.

Положительно результаты выборов оценили известные республиканские политики и промышленники А. Черных, генеральный директор ОАО «Ижевский подшипниковый завод», Е. Богомольный, генеральный директор ОАО «Удмуртнефть», М. Блохин, генеральный директор ДОО «Ижмаш-Авто», Е. Одиянков и др. В частности, Е. Богомольный заявил, что «итоги выборов первого Президента УР были предсказуемы еще несколько месяцев назад... Сейчас у республики есть шанс стать политически стабильным, сильным регионом, который мы должны использовать для экономического роста». Победой здравого смысла назвал итоги выборов М. Блохин.

Удовлетворены результатами выборов в Удмуртии оказались В. В. Путин, М. М. Касьянов, Е. С. Строев, Г. Н. Селезнев, А. Г. Лукашенко. 37,8 % голосов, полученных А. А. Волковым как федеральным государственным служащим категории «А», – это степень легитимности федеральной власти в республике.

Весьма показательно, что эта цифра остается практически неизменной с 1996 г., первого тура президентских выборов в РФ.

Накануне Дня Республики, 3 ноября 2000 г., состоялась инаугурация Президента, где он дал клятву верности народу Удмуртии и получил символы президентской власти – специально изданный экземпляр Конституции УР, ее герб и флаг.

Со вступлением Президента УР в должность была продолжена подготовка 13 (внеочередной) сессии ГС УР, на которой, в частности, предполагалось рассмотреть вопрос об избрании Председателя ГС УР и по представлению Президента УР согласовать кандидатуру Председателя Правительства.

На пост Председателя ГС УР ожидалось, в основном, удмурты П. Н. Вершинин и И. Н. Семенов, депутат ГС УР, Глава самоуправления г. Можги. С точки зрения Главного федерального инспектора по УР С. В. Чикурова, на пост Председателя ГС УР мог претендовать «не только П. Вершинин, но те почти 24 % говорят о том, что он достоин быть Председателем Госсовета. Такое предложение было бы сильным ходом первого Президента УР»¹⁹. Н. А. Ганза полагал, что «будет большой глупостью, если депутаты Госсовета не выберут П. Вершинина на пост Председателя Госсовета»²⁰. Не исключал для себя такую возможность и сам Вершинин²¹. На должность Председателя Правительства в основном мог претендовать первый заместитель Председателя Правительства УР Ю. С. Питкевич. Сам А. А. Волков как сторонник силовых методов решения политических вопросов, сохранив за собой пост высшего должностного лица УР, был активно ориентирован на Семенова и Питкевича.

28 ноября 2000 г. открылась 13 (внеочередная) сессия ГС УР, завершившая, на определенном этапе, конституционную реформу. Различные группы депутатов выступили со своими кандидатурами на пост руководителя парламента республики. Решения в поддержку И. Н. Семёнова огласили В. Г. Хорошавцев (фракция «Единство», поддержал 21 депутат), А. М. Прасолов

(фракция «Промышленники и предприниматели, поддержали единогласно 32 депутата), В. В. Ходырев (депутатское объединение «Коммунисты Удмуртии»). Е. Г. Одиянков, руководитель Объединенной фракции аграриев и горожан, выдвинул кандидатуру П. Н. Вершинина. После программных выступлений обоих претендентов на должность Председателя ГС УР была проведена процедура голосования. Семенов набрал 56 голосов и стал спикером республиканского парламента, Вершинин получил 27 голосов. Более единодушным оказалось мнение депутатов относительно кандидатуры на пост Председателя Правительства УР. Все фракции и объединения поддержали Ю. С. Питкевича. Он получил поддержку 80 депутатов.

Таким образом, Конституционная реформа, проводившаяся в республике в течение последних десяти лет XX в., оказала существенное влияние на экономические, политические, этнокультурные процессы. Она выявила интересы различных социальных групп населения, их место и роль в реформировании системы управления, становлении гражданского общества, определила перспективные направления развития республики как составной части РФ. Реформа внесла существенные коррективы в понятие «суверенитет», в конструкцию органов государственной власти. Общественно-политическое сознание основной массы избирателей эволюционировало от категорического неприятия к поддержке президентской формы правления, в результате чего УР осталась в едином правовом российском пространстве.

Значительная роль в политических преобразованиях, несомненно, принадлежит руководителям различных групп власти. Активно-негативный тип лидера, характерный для А. А. Волкова (активный реформатор, но не терпящий оппозиции) и пассивно-позитивный тип лидера (пассивный консерватор, допускающий оппозицию), характеризующий некоторых представителей удмуртского национального движения (В. К. Тубылов, П. Н. Вершинин и др.) наложили отпечаток на характер и методы принимаемых решений. Консенсус

между политическими элитами достигался как на основе согласительных процедур, так и подавления противников. В результате в УР биполярная система организации высших эшелонов власти сменилась униполярной. «Старая» оппозиция прекратила существование.

¹ Независимая газета. 1999. 30 декабря.

² О создании Конституционной комиссии. Постановление Государственного Совета Удмуртской Республики. 16 ноября 1999 г. № 117-П //Сборник законов и постановлений, принятых на шестой (внеочередной) сессии Государственного Совета Удмуртской Республики второго созыва (16 ноября 1999 года). Ижевск, б.г.

³ Закон Удмуртской Республики «Об опросе населения Удмуртской Республики от 16 ноября 1999 г. № 118-П //Сборник законов и постановлений, принятых на шестой (внеочередной) сессии Государственного Совета Удмуртской Республики второго созыва (16 ноября 1999 года). Ижевск, б.г. С. 1-27.

⁴ Протокол Избирательной комиссии Удмуртской Республики № 18.

⁵ Удмуртская правда. 2000. 24 марта.

⁶ Удмуртская правда. 2000. 4 апреля.

⁷ Инфо-Панорама. 2000. 18 мая.

⁸ Удмуртская правда. 2000. 18 мая; Карьера. 2000. 19 мая.

⁹ Бехтерев С. Л., Овчинников Г. П. Выборы первого Президента Удмуртской Республики... С. 10.

¹⁰ Герд. 2000. 19 июля.

¹¹ См., напр.: Ответ М. А. Григорьева, Руководителя Аппарата Правительства Удмуртской Республики на письмо б/н от 20.01.1999 Председателя заседания Секретариата Общественной Палаты Удмуртской Республики Кудрина А. С. от 4 февраля 1999 г. № 7-154-242 // Текущий архив Аппарата Правительства УР.

¹² Герд. 2000. 20 апреля.

¹³ Бехтерев С. Л., Овчинников Г. П. Указ. соч. С. 16.

¹⁴ АйФ Удмуртии. 2000. 12 октября, Известия Удмуртской Республики. 2000. 5 октября.

¹⁵ Инфо-Панорама. 2000. 20 октября.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Удмуртская правда. 2000. 25 октября.

¹⁸ Известия Удмуртской Республики. 2000. 24 октября.

¹⁹ Удмуртская правда. 2000. 20 октября.

²⁰ Инфо-Панорама. 2000. 20 октября.

²¹ Там же.

ГЛАВА 3

СУБЪЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ВЛАСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

При рассмотрении эволюции политической системы постсоветской России и конкретного региона в 1990-х гг. чрезвычайно важным представляется научный анализ взаимодействия ее институтов в избирательном процессе как легитимной процедуры формирования выборных государственных и муниципальных органов, ибо политическая деятельность в конечном счете сводится к завоеванию и удержанию власти.

При анализе необходимо учитывать несколько факторов. Первый из них – институциональный. Согласно Конституции РФ 1993 г. государственная власть в России и ее субъектах осуществляется на основе разделения и независимости представительной (законодательной), исполнительной и судебной властей. Местное самоуправление выведено из общей системы государственной власти и наделено особыми властными полномочиями. С 1993 г. взаимодействие субъектов политической системы происходит в условиях этапа «функциональной многопартийности», когда созданные основные партии осуществляют политические функции в полном объеме, в том числе избирательные действия, в тех или иных формах работают с населением.

Второй фактор – конструкционный. Формирование государственных и муниципальных органов в рассматриваемый период происходило, как правило, по разным избирательным системам: смешанная пропорционально-мажоритарная схема выборов в федеральные представительные органы власти и мажоритарная при выборах органов государственной власти и органов местного самоуправления субъекта РФ, что на практике не исключало активного в них участия избирательных объединений.

Третий фактор – идеологический. Выступив одним из решающих в самоопределении избирателей на начальном этапе функционирования

постсоветской политической системы, постепенно он утратил практическое значение и во многом стал иметь лишь схоластический смысл.

Четвертый фактор – политический. Несмотря на провозглашенный принцип равенства субъектов РФ значительная часть регионов, а в особенности Удмуртская Республика, продолжала оставаться «заложниками» федеральной политики.

3.1. Историко-политическая интерпретация избирательных кампаний федерального уровня

Основные положения новой Конституции РФ 1993 г. во многом формировались под влиянием усвоенных бывшей номенклатурой за короткое время ценностей западного общества. В институциональной сфере курс был взят на сильную исполнительную (президентскую) власть. Поэтому, одержав победу над Советами, президентская сторона попыталась закрепить ее всенародно. С этой целью на 12 декабря были назначены выборы в две палаты Федерального Собрания РФ – Совет Федерации и Государственную Думу. Хотя выборы предусматривались еще не принятой Конституцией, правовая база для данной процедуры существовала. Учитывая, что явно либеральный проект Основного Закона мог быть не принят избирателями, Президент РФ 21 сентября 1993 г. издал Положение о федеральных органах власти на переходный период¹. Указами об уточнении Положений о выборах депутатов Государственной Думы и Совета Федерации устанавливалось, что выборы считаются состоявшимися, если число действительных бюллетеней составит не менее 25 % от числа зарегистрированных избирателей.

Избирательная кампания проходила в сложных условиях. Президентская сторона соблюдала основные политические права и свободы. Все партии и движения, в том числе и оппозиционные, возобновили выпуск собственных изданий, имели свободу агитации и др. Вместе с тем, на ход и исход выборов существенно повлияла общая неблагоприятная социально-экономическая обстановка. Особо острым было положение в Удмуртии,

оказавшейся из-за преимущественно милитаризованного характера экономики «заложницей» реформ. Однако значительная часть электората связывала с либеральными реформами надежды на скорое материальное благополучие. Отрицательные для основной массы трудящихся результаты второго этапа приватизации (предприятий) еще не проявились. Выделение земельных участков по 10 соток под дачи почти всем желающим, строительство коттеджей, гаражей и т.п. разворачивались в масштабах, невозможных при прежней системе власти².

Приход к власти либеральных радикалов принес с собой серьезные изменения в расстановке политических сил. Партийно-политическая организация Удмуртии, как и России, к моменту выборов под воздействием реформ приобрела достаточно широкий спектр. Более того, основные партии и движения сформировались именно в ходе подготовки к выборам в ФС РФ в 1993 г.³

По характеристике В. В. Согрина, курс радикальных реформ еще больше поменял прежнюю политическую конфигурацию. Лагерь демократов все более раскалывался, так что к 1993 г. его большинство находилось уже в оппозиции правительству. Многие из демократов перешли на сторону державно-патриотических сил, а те, в свою очередь, стали все более тесно смыкаться с коммунистическими организациями. В политической оппозиции выделились левые, правые и центр⁴. Соглашаясь с В. В. Согриным в том, что понятие «левые» вернуло свой классический, общепринятый в XX в. смысл (им обозначаются те, кто выступает с коммунистическими и социалистическими лозунгами), представляется целесообразным высказать иную точку зрения на характеристику «правых» и «центристов». В. В. Согрин полагает, что под «правыми» нужно понимать по преимуществу тех, кто отстаивает национально-государственные принципы, пропагандирует идею «Великой России». В свою очередь, в качестве «центристов» выступают политические силы, ратующие за смягчение курса реформ, снижение их социальной цены, выработку модели преобразований, приемлемой для всех

слоев общества. Вместе с тем очевидно, применительно к современной России, к «правым» следует относить радикальных либералов прозападной ориентации. Что же касается «центристов», то ими в России, по нашему мнению, являются представители «партий власти».

Выборы в ГД проходили по смешанной мажоритарно-пропорциональной системе. 225 мест разыгрывались в одномандатных округах, другая половина – избирательными объединениями. Гарантии участия в избирательной кампании получили 167 организаций, зарегистрированных в Министерстве юстиции РФ⁵. Депутатами были избраны представители восьми избирательных объединений.

Убедительную победу по партийным спискам одержала Либерально-демократическая партия России, набрав 22, 92 % голосов (по УР – 17,59 %). И хотя для многих аналитиков этот успех был непрогнозируемым, для такой победы имелись все основания. ЛДПР, как представляется, вообще не поддается какой-либо классификации и в условиях социальной нестабильности транзитного общества всегда гарантированно имеет свой электорат. И. Б. Михайловская и Е. Ф. Кузьминский, члены правления Российско-Американской неправительственной группы по правам человека, применительно к электорату либерал-демократов отмечают следующие характерные социально-психологические черты. Граждане, голосовавшие за эту партию в 1993 г., хотели «все и сразу». В. В. Жириновский пообещал различным социальным группам выполнить их заветные желания, разбудил дремлющие инстинкты и исполнил ряд блестящих трюков, представив тип государственного деятеля, совершенно непривычного для российской политической сцены.

Предвыборная программа-минимум ЛДПР, обнародованная в 1993 г., обещала в течение трех – четырех месяцев улучшить жизнь вдвое. Путем к решению этой задачи были названы: прекращение со стороны России всякой помощи странам ближнего и дальнего зарубежья; приостановление конверсии, ведение широкой продажи оружия на мировом рынке; ликвидация

организованной преступности путем уничтожения «пяти тысяч банд на территории России»⁶. Основные положения программы были созвучны и избирателям Удмуртии. И хотя к моменту выборов ЛДПР имела в г. Глазове всего трех представителей (а ее Удмуртская региональная организация зарегистрировалась лишь 1 апреля 1994 г.), ее функционер В. И. Новиков, коммерсант, 1960 г. р. по партийному списку был избран в ГД⁷.

За продолжение радикальных экономических реформ выступил «правый» блок «Выбор России». Его лидерами стали бывший и. о. премьер-министра России Е. Т. Гайдар, а также некоторые влиятельные члены Кабинета министров А. Б. Чубайс, А. Козырев, Б. Федоров, которым как министрам было предоставлено право баллотироваться в законодательный орган. В своей предвыборной программе блок выступил за проведение жесткого монетаристского курса. В случае победы «Выбор России» намеревался добиться замены «умеренного» В. С. Черномырдина Е. Т. Гайдаром на посту премьер-министра⁸.

Избирательный блок «Выбор России» был образован в составе восьми организаций: движений «Выбор России» и «Демократическая Россия», партий «Демократическая инициатива» и Крестьянской партии России, а также Ассоциации крестьянских хозяйств и кооперативов России, Союза «Живое кольцо», Ассоциации приватизируемых и частных предприятий и Союза социальной защиты военнослужащих, военнообязанных и членов их семей «Щит»⁹.

В республике блока «Выбор России» сформировался 27 сентября 1993 г. В него вошли «Демократическая Россия», отделения Гуманитарного и политического центра «Стратегия» и Комитета Российских Реформ, ПЭС, Ассоциация приватизируемых и частных предприятий, Аграрно-демократическая партия Удмуртии¹⁰. Блок был поддержан Союзом предпринимателей и Удмуртским региональным отделением КДП (ПНС). Однако окончательно данный блок в Удмуртии оформился только после выборов в ГД. Так, в течение 1994 г. Министерством юстиции УР были

зарегистрированы региональные отделения движения «Выбор России», партии «Демократический выбор России» (его возглавил бывший лидер «Демократической России» В. Н. Скрынник) и Крестьянской партии России.

В кампании 1993 г. «Выбор России» поддержал Б. Н. Ельцина, предъявляя претензии ВС и Правительству УР за непоследовательный курс реформ, выступал за их роспуск, требовал передачи машиностроительного и металлургического комплекса предпринимателям. В республике блок выдвинул наибольшее количество кандидатов в депутаты¹¹. Федеральный список кандидатов «Выбора России» получил 15,51 % голосов от числа зарегистрированных избирателей, в УР – 16,19 % и занял второе место.

Наиболее близкой по идейным и политическим мотивам к блоку «Выбор России» оказалась возникшая в 1993 г. под лидерством С. М. Шахрая, участника правительственной команды образца 1992 г., Партия российского единства и согласия (ее Удмуртское региональное отделение было зарегистрировано в феврале 1994 г.). Новая партия, настаивая на корректировке реформ, заявила о поддержке премьер-министра В. С. Черномырдина и своими политическими лозунгами избрала требования укрепления экономических прав регионов, возрождения семьи, нации и государства как традиционно главных российских ценностей¹². На выборах в ГД ПРЕС блокировалась с объединением «Предприниматели за новую Россию». Ее федеральный список кандидатов получил 6,73 % голосов, а в республике – 7,00 % голосов.

Умеренно-реформистского направления придерживались еще ряд новых образований, вышедших из демократического спектра. Так, блок «Явлинский – Болдырев – Лукин» (названный впоследствии «Яблоко») в составе Республиканской, Социал-демократической партий РФ и объединения «Российский Христианско-демократический союз – Новая демократия» получил по РФ 7,86 % голосов (по УР – 8,18 %), Демократическая партия России – соответственно 5,52 % и 5,34 % голосов избирателей, хотя региональные отделения названных объединений были зарегистрированы

только в 1995 г. и 1996 г. соответственно. В целом, на реформаторско-демократическом фланге избирательной кампании 1993 г. наблюдался разброд, что рассматривалось аналитиками в качестве одной из причин политических неудач «демократов».

Значительной неоднородностью отличался и левый спектр избирательных объединений. Наиболее организованной партией коммунистического толка являлась правопреемница КПСС – Коммунистическая партия РФ. Программными целями провозглашались народовластие, справедливость, равенство, патриотизм, социализм и коммунизм как историческое будущее человечества. Ее федеральный список кандидатов смог получить 12,40 % голосов, а в УР – 11,14 %.

Солидной силой в левом спектре выступили аграрии. Незадолго до выборов МЮ УР зарегистрировало Удмуртскую республиканскую организацию Аграрной партии России. На выборах последнюю активно поддержала Всеудмуртская ассоциация «Удмурт кенеш». АПР набрала в РФ 7,99 %, а в УР – 11,07 % голосов.

Выборы в ГД обнаружили феномен женского движения. 1 октября 1993 г. был принят устав объединения «Женщины России» (его возглавила А. В. Федулова). Федеральный список этого движения получил 8,13 %, а в УР – 14,70 % голосов избирателей. Депутатом объединения от УР стала Г. И. Климантова, первый председатель «Союза женщин УР».

Не смогли преодолеть пятипроцентный рубеж объединение «Будущее России – новые имена», Гражданский Союз, «Достоинство и милосердие», Конструктивное экологическое движение России «Кедр» (КЕДР) и Российское движение демократических реформ.

В двух одномандатных округах, образованных на территории УР, победу одержали кандидаты, ориентированные на умеренно-демократические силы. В Ижевском округе № 29 депутатский мандат получил А. И. Красных, депутат ВС УР, заместитель председателя постоянной комиссии по экономике и планированию. Он набрал 22,35 % голосов. Депутатом ГД в Удмуртском

округе № 30 (преимущественно сельские районы) стал М. А. Васильев, удмурт, председатель Шарканского районного Совета народных депутатов. На выборах М. А. Васильева поддержали ассоциация «Удмурт Кенеш» и Общество удмуртской культуры «Дэмен»¹³.

В целом региональный аспект выборов в ГД 1993 г. показал относительное равновесие политических сил – коммунистических и либеральных. В немалой степени это было обусловлено и позицией руководства УР. Во-первых, федеральные выборы проходили в условиях парламентской республики, где выявление предпочтения какой-либо конкретной партии или движению было чревато дестабилизацией. Во-вторых, после событий октября 1993 г. в Москве в регионе установилось относительное взаимопонимание законодательной и исполнительной власти. Однако, как показали последующие действия политических акторов, оно оказалось весьма неустойчивым и кратковременным.

Большее значение для республиканской элиты имели выборы в Совет Федерации ФС РФ. Они стали индикатором расстановки сил в высшем эшелоне власти Удмуртии. В выборах в СФ в республике в качестве кандидатов приняли участие четыре человека. А. А. Волков представлял исполнительную власть. Избирателями он воспринимался не как лидер политической организации, а как председатель СМ УР. Поэтому его частично поддерживали как коммунисты, так и демократы. В своих политических реформах он, помимо исполнительной вертикали власти (СМ УР и председатели исполкомов ряда районов и городов республиканского подчинения), опирался на профсоюзы¹⁴. Поэтому неслучайно участие в выборах членов СФ профсоюзного лидера республики Е. Н. Орлова. Его кандидатура, очевидно, предназначалась для «оттягивания голосов» у кандидатов праволиберальной ориентации, В. Н. Скрынника и В. Н. Подопригоры. Одновременное же участие двух последних в выборах в СФ отразило раскол в «демократическом» движении.

В СФ по Удмуртии, согласно законодательству, могли быть избраны только два кандидата. Ими стали А. А. Волков (набрал 61,3 % голосов) и В. Н. Подопригора (36,4 % голосов). Таким образом, от УР в ФС РФ были избраны шесть человек: двое в СФ и четверо – в ГД. В голосовании приняли участие около 48 % избирателей (по РФ – около 55 %). В целом, результаты выборов не выходили за рамки среднероссийских показателей. Меньший процент принявших участие в голосовании, на наш взгляд, объясняется тем, что проект Конституции РФ не был поддержан избирателями Удмуртии.

Первый опыт проведения выборов в ГД с использованием пропорциональной системы оказался полезным для развития многопартийности. В 1994 г. Министерством юстиции УР были зарегистрированы региональные отделения четырех партий (ПРЕС, Крестьянская партия России, ЛДПР и партия «ДВР»), а также движения «Выбор России» и Либерально-демократического фонда.

Пик активного партийного строительства в России и ее регионах пришелся на период подготовки к выборам депутатов ГД ФС РФ второго созыва 17 декабря 1995 г. Так, в 1995 г. Министерством юстиции УР были зарегистрированы региональные отделения одной партии (Партия любителей пива (ПЛП)), восьми общественно-политических объединений и движений («Регионы России», Союз труда, Яблоко, «Наш дом – Россия», Общее дело, Конгресс Русских Общин (движение), «Вперед, Россия!», Согласие), а также два республиканских общественно-политических объединения – «Справедливость» и Республиканский центр поддержки самоуправления.

Ко времени думских выборов в перечне Министерства юстиции РФ значились 273 общероссийских общественных объединения, которые могли участвовать в выборах. Избиратели голосовали по 43 федеральным спискам¹⁵.

Анализ взаимодействия акторов политической системы в данном случае представляется весьма трудоемким процессом. Его можно проводить в нескольких плоскостях. Так как за два года характер политического режима и основное направление реформ не изменились, можно рассматривать спектр

избирательных блоков и объединений в направлении от «правых» (либералов) к «левым» (коммунистам и социалистам). Однако за прошедшие почти два года (1994–1995 гг.) идеологический фактор, особенно в самоопределении электората, утрачивает значение. По мере упрочения режима Б. Н. Ельцина в политике партий, независимо от их идейно-теоретической направленности, все больше стало проявляться соглашательство (это выразилось в достаточно меркантильной формуле «Хотя мы и в оппозиции, но правительство с нами»).

Учитывая вышесказанное, наиболее эффективным представляется рассмотрение эволюции политической организации с точки зрения самого механизма формирования избирательных блоков и объединений. Иными словами, смыслом анализа является отслеживание движения «политического капитала». При этом не остаются без внимания идеологический и политический факторы.

Каких-либо изменений в ЛДПР, бывшего лидера предвыборной кампании 1993 г., не произошло. На выборах 1995 г. эта партия также шла самостоятельно. Федеральный список ЛДПР получил 11,18 % голосов, а в УР – 9,47 %. Обещания скорейшего экономического благополучия не были выполнены, и электорат ЛДПР уменьшился почти наполовину, хотя оказался весьма устойчивым в условиях сохранения социальной нестабильности.

Значительные изменения претерпел праволиберальный блок «Выбор России». Не стало самого названия, скомпрометировавшего себя и не сумевшего объединить сторонников реформ. Канули в политическое небытие такие его участники как партия «Демократическая инициатива», Ассоциация крестьянских хозяйств и кооперативов России, Союз «Щит». Непосредственно не участвовало в выборах движение «Демократическая Россия». Блок распался на несколько самостоятельных структур.

Политическое движение «Выбор России» преобразовалось в общественно-политическое движение с одноименным названием и совместно с Всероссийским общественно-политическим движением «Ассоциация

независимых профессионалов» в составе избирательного блока «89 (89 регионов России)» получило по РФ 0,06 %, а в УР – 0,07 %.

Избирательный блок «Демократический выбор России – объединенный демократы» представляли Крестьянская партия России, партия «Демократический выбор России», Российская партия социальной демократии и Конгресс национальных объединений России. Федеральный список кандидатов набрал 3,86 % голосов, а в УР – 3,75 %.

Третий избирательный блок умеренно-либеральной ориентации «Внепартийное политическое движение избирателей «Общее дело» был образован в составе двух объединений: Союз «Живое кольцо» и Объединение «Общее дело». Этот «новодел» получил по РФ 0,68 %, а в УР – 1,63 % голосов. Самостоятельно в выборах участвовала ПЭС. Она смогла набрать в РФ 0,13 % голосов, а в УР – 0,18 %.

И, наконец, последний избирательный блок либеральной ориентации, «Преображение Отечества» был представлен Общероссийской общественной организацией «Преображение Отечества», Всероссийской партией безопасности человека и Свободной демократической партией России. Этот блок получил в РФ 0,49 %, а в УР – 0,20 %.

ПРЕС, вышедшая из недр «Демократической России», на выборах 1995 г. действовала также самостоятельно, но не смогла набрать и 0,5 %.

Знаменательные явления происходили в умеренно-реформистском движении «Яблоко». На выборах 1995 г. оно не представлялось однородным. Самостоятельное избирательное объединение «Яблоко» (Г. А. Явлинский) дистанцировалось от своих бывших партнеров и получило 6,89 % голосов, а в УР даже не преодолело пятипроцентный рубеж (4,36 %). Бывшие члены объединения «Явлинский – Болдырев – Лукин» действовали в разных избирательных формированиях. Так, Республиканская партия России (В. Н. Лысенко) наряду с «новоделом», Союзом «Молодые республиканцы» в составе избирательного блока «Памфилова – Гуров – В. Лысенко» набрала в РФ 1,60 %, а в УР – 1,38 %.

Социал-демократическая партия РФ была предана политическому забвению. Что же касается третьего участника объединения «Явлинский – Болдырев – Лукин», Российского Христианско-демократического союза – Новой демократии, то ко времени выборов это была уже партия с одноименным названием. Образовав наряду с такими организациями, как Конгресс гражданского согласия России и Ассоциация корейцев России избирательный блок «Межнациональный союз», РХДС также не перешагнул пятипроцентный рубеж. Демократическая партия России в выборах 1995 г. не участвовала. В целом, на реформаторско-демократическом фланге сохранялась неопределенность.

В то же время отсутствовало единство и в коммунистических рядах. КП РФ не смогла стать объединяющей силой «левого» движения. Между тем она получила в РФ 23,30 %, а в УР – 14,85 %. АПР утратила свои позиции и на федеральном уровне не смогла преодолеть пятипроцентный барьер, хотя в УР набрала 7,50 % голосов. Едва не прошли в ГД представители федерального списка избирательного блока «Коммунисты – Трудовая Россия – За Советский Союз» (4,53 % в РФ и 8,42 % в УР). Блок представляли РКРП и Российская партия коммунистов.

Меньший процент голосов, полученный объединением «Женщины России» объясняется тем, что по всем принципиальным вопросам женская фракция поддерживала Б. Н. Ельцина. Данное избирательное объединение смогло набрать в РФ 4,61 %, а в УР – 8,42 %.

Выборы в ГД ФС РФ 1995 г. показали новые тенденции в развитии режима Президента РФ Б. Н. Ельцина. Впервые на практике удалось реализовать концепцию так называемой «партии власти» в лице политического «новодела» – правоцентристского движения «Наш дом – Россия». В списке кандидатов в ГД от НДР более двух третей мест принадлежало государственным служащим и предпринимателям, около 10 % – деятелям науки и культуры. Рабочих, крестьян, рядовых служащих в списке, как и в самой партии, не оказалось. Претендовав на роль «партии власти»,

НДР намеревался, с одной стороны, пресекать реставрационные устремления «левых», а с другой, отмежевывался от проведения либеральных реформ¹⁶. По характеристике В. В. Согрина, НДР оказался в полном смысле партией нового порядка, основу которой составил номенклатурный капитализм. Федеральный список кандидатов от НДР получил 10,13 % голосов, а в УР значительно меньше – лишь 6,37 %. Это в немалой степени объясняется продолжившимся спадом промышленного производства и обнищанием основной массы производительного населения. Между тем руководство как представительной, так и исполнительной власти республики, оставаясь зависимой от федерального центра, было уже готово ориентироваться на НДР.

Достаточно серьезные политические шансы имел еще один «новодел» – избирательное объединение «Общественно-политическое движение «Конгресс русских общин» – во главе с бывшим комсомольским функционером Д. О. Рогозиным. Движение пыталось облечь национализм в цивилизованные и просвещенные формы. Однако оно не смогло преодолеть пятипроцентный барьер (получило 4,31 % голосов), что для большинства аналитиков оказалось неожиданностью. Вместе с тем, идеи КРО получили в условиях многонациональной Удмуртии, этническое большинство которой составляют русские, достаточно широкое признание. В республике движение набрало 5,89 % голосов.

В целом, результаты выборов в ГД в 1995 г. на российском и региональном уровне отразили сходные тенденции. Однако существуют и особенности. Так, обладателями депутатских мандатов на федеральном уровне стали представители четырех объединений (в порядке распределения мест): КПРФ, ЛДПР, НДР и Яблоко. В ходе голосования по УР места распределились следующим образом: КПРФ; ЛДПР; «Коммунисты – Трудовая Россия – За Советский Союз» и «Женщины России»; АПР; КРО.

В двух одномандатных округах произошла полная смена депутатов ГД от УР. Общая причина – отрыв депутатов от региона.

Положение «демороссов» в УР как по общефедеральному списку, так и по одномандатным округам оказалось критическим. По Удмуртскому («сельскому») округу они вообще не смогли выдвинуть кандидата. По Ижевскому округу баллотировался лидер «демократов» В. Н. Скрынник. В эту кампанию он решил дистанцироваться от либералов, заявив, что «нынешняя власть – позор России». Но это не помогло. Он набрал 7 % голосов¹⁷.

Едва не стал депутатом ГД по Ижевскому округу В. Н. Подопригора, сумевший порвать с прежней властью, к которой был всегда близок. Однако по Ижевскому округу победу одержал А. В. Солуянов, набравший 16 % голосов, личность достаточно уникальная, поднявшаяся на гребень экономической и политической жизни, по характеристике К. И. Куликова, человек-загадка. Будучи малоизвестным работником культуры со средним образованием, с 1994 г. он внезапно становится генеральным директором строительной кампании «Град» (около 600 человек работающих), в руки которого перешла вся материально-техническая база строительного цеха Ижнефтемаша. В его программе было «три кита»: жилье, работа и безопасность. Он получил поддержку руководства республики, но вопреки его надеждам примкнул не к НДР, а к блоку «Регионы России»¹⁸.

Депутат ГД первого созыва А. И. Красных, умеренный демократ, не нашел поддержки у избирателей. Как и его коллега М. А. Васильев, он не сумел обеспечить себе известность в Думе, пытался играть в центризм при отсутствии для этого необходимой базы.

Неудача на выборах Г. И. Репиной, кандидата от КПРФ, во многом объясняется тем, что партия мало пропагандировала ее как личность, слабо сработали первичные организации. Теперь имя Репиной все больше стало ассоциироваться не с КПРФ, а с пенсионным фондом РФ, сотрудником которого являлась претендентка на депутатский мандат.

Не менее острая борьба разворачивалась в Удмуртском округе. Депутат ГД первого созыва по этому округу М. А. Васильев в кампанию 1995 г. сделал немало тактических ошибок. Основной из них было метание в поисках

союзников: сначала примкнул к блоку И. П. Рыбкина, затем – к НДР. В конечном итоге стал «независимым». Ошибкой также явилась попытка участвовать в создании эфемерного движения «Регионы России». Убедительную победу одержал М. П. Кошкин, бывший министр сельского хозяйства и продовольствия УР, сторонник А. А. Волкова, набравший 41,7 % голосов. Он смог мобилизовать административный ресурс и коллективы акционированных сельскохозяйственных предприятий, отличавшихся относительной экономической стабильностью¹⁹.

Всего по УР приняло участие в голосовании 57,9 % избирателей.

Выборы в ГД ФС РФ 1993 и 1995 гг. продолжили и в значительной степени стимулировали процесс правового обеспечения партийного строительства. Таковой начался с принятием Конституций РФ и национальных республик, но развивался крайне медленно. ФЗ «Об общественных объединениях» в редакции 1995 года содержал только упоминание о термине «политическая партия» либо понятиях, родственных ему. Первоначально партии рассматривались лишь как иные полноправные типы и виды общественных объединений. В ч. 1 статьи 9 ФЗ при определении общественного движения как организационно-правовой формы общественного объединения в числе прочих «общественно полезных целей», преследуемых им, были названы и политические. Часть 1 статьи 18 фиксировала, что «количество учредителей для создания политических партий, профсоюзов устанавливается законами об указанных видах общественных объединений».

Несмотря на свою явную либеральность, ФЗ «Об общественных объединениях» стал сдерживающим фактором для развития именно партийного строительства. И это не случайно. Выборы в ГД ФС РФ первого созыва показали недееспособность основных «партий власти». Для усиления их влияния требовалось определенное время. Поэтому, вплоть до принятия последней редакции данного федерального закона, руководство страны отдавало предпочтение «общественным движениям».

В целом, выборы 1995 г., по справедливой оценке В. В. Согрина, продемонстрировали определенный, но не радикальный сдвиг избирателей «влево». Однако они, как и выборы 1993 г., не изменили характера российской власти и политического режима. КПРФ, занявшая первое место, не смогла даже вместе с союзниками контролировать большинство Думы-95. В российской президентской республике решающая роль в определении характера политического режима сохранилась за главой государства и исполнительной власти²⁰.

Именно этими факторами определялись подготовка и проведение выборов Президента России в 1996 г. Избирательная кампания проходила на фоне активно продолжавшегося партийного строительства в регионах. Так, в 1996 г. Министерством юстиции УР в 1996 г. были зарегистрированы региональные отделения двух партий (Российская христианско-демократическая партия и ДПР) и пяти российских общественно-политических объединений («Реформы – новый курс», движение «Честь и Родина», Российский коммунистический союз молодежи, Общественно-политическое движение женщин России, учреждение «Народный Дом»).

Также на ход и исход федеральных выборов в республике повлияла новая политическая ситуация, сложившаяся в Удмуртии. К 1996 г. проявились негативные черты «ельцинской» Конституции РФ 1993 г. Либеральные принципы организации власти (разделение и независимость представительной (законодательной), исполнительной и судебной властей, а также вывод органов местного управления из общей системы государственной власти и наделение их властными полномочиями) закладывали институциональные основы для раскола политической элиты регионов, в том числе в УР, и снижения уровня элитной толерантности.

Под влиянием продолжавшегося структурного кризиса окончательно сформировались две противоборствующие группы региональной элиты. Одна из них, во главе с Председателем Правительства УР А. А. Волковым, представляла интересы руководителей предприятий военно-промышленного

комплекса, имевших федеральное значение, другая, руководимая мэрами городов Ижевска и Воткинска и поддерживавшаяся Председателем ВС УР – преимущественно банковского капитала и «естественных» монополистов. Противоречия между этими группами усилились с проведением выборов в Государственный Совет УР, новый высший представительный, законодательный и контрольный орган власти республики, в ходе которых А. А. Волков становится высшим должностным лицом Удмуртии.

Реализация стратегических задач элитных групп была возможна во многом их отношением к федеральной власти, к основным претендентам на должность Президента РФ.

Подготовка к новым выборам главы государства началась с весны 1996 г. 22 марта по инициативе Удмуртского отделения НДР в Ижевске одним из первых в России было создано республиканское отделение Общероссийского движения общественной поддержки Б. Н. Ельцина. В его координационный комитет вошли руководители объединений: НДР, «Демократическая Россия», «Демократический выбор России», «Выбор России», «Вперед, Россия!», «Реформы – новый курс», ПРЕС и др. В марте прошло заседание Общественной палаты при Правительстве УР. Перед общественными лидерами выступила заведующая сектором по взаимодействию с общественными организациями секретариата ГС УР Л. П. Порцева, которая заявила, что Удмуртия в политическом плане является умеренно либеральной и «в президентских выборах она не даст сильных метаний вправо или влево»²¹.

И государственники, и самоуправленцы поспешили выразить свое лояльное отношение к кандидатуре Б. Н. Ельцина. Например, 22 июня 1996 г. в интервью «Независимой газете» А. А. Волков заявил: «Я приверженец того, что мы должны идти по пути демократии, по пути рыночных реформ, тем более что Б. Н. Ельцин пообещал сделать корректировку этих реформ в сторону усиления внимания к производителю»²².

Выборы Президента РФ состоялись в два тура, 16 июня и 3 июля 1996 г. В выборах приняло участие 64, 21 % и 64, 33 % избирателей УР соответственно (по РФ – 69,81 % и 68,88 %). Основными претендентами на пост Президента РФ стали Б. Н. Ельцин и лидер КПрФ Г. А. Зюганов. В первом туре за действующего Президента проголосовали 36,81 % избирателей УР, за Г. А. Зюганова – 30,47 % (по РФ – 35,28 % и 32,03 %); во втором – 52,83 % и 40,73 % соответственно (по РФ – 53,82 % и 40,31 %). Сохраняя в своих руках всю полноту исполнительной власти, действовавший Президент РФ фактически был «обречен на победу». Президентские выборы 1996 г. явились завершающим этапом политического цикла, начатого в октябре 1993 г. Основным его содержанием стали упрочение экономического либерализма, сохранение и дальнейшее развитие партийно-политической системы в условиях установления «гибридного» авторитарно-«демократического» режима и при крайней неразвитости гражданского общества. Результаты выборов имели огромное политическое значение и для Удмуртии. Она впервые за годы либеральных реформ вышла из «красного» пояса.

После упрочения господства исполнительной власти политическая система постсоветской России все больше стала развиваться на основе механизма «управляемой демократии». Его действие проявилось на парламентских выборах 1999 г.

К новым выборам РФ и ее регионы подошли с достаточно разветвленной партийной организацией. Так, в течение 1997–1999 гг. Министерством юстиции УР были зарегистрированы отделения 9 федеральных партий (Социалистическая партия России, Российская народно-республиканская партия, Российская партия социальной демократии, Российский общенародный союз, Союз христианских демократов России, Партия пенсионеров, Экологическая партия России «КЕДР» (Зеленые), Республиканская партия РФ) и 21 общественно-политического объединения (Народно-патриотический союз России, Союз реалистов, Союз потомков Российского дворянства, «Россия Православная», «Женщины за социальную

справедливость», Конгресс русских общин (организация), «В поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки», Надежда России, Союз народовластия и труда, «За здоровую Россию», «Держава», «Отечество», «Лебедь», Инженерный прогресс России, «За гражданское достоинство», «За равноправие и справедливость», «Развитие предпринимательства», Консервативное движение «Новая сила», Духовное наследие, Россия молодая, Сыны России). Каждый из названных «новоделов» имел свое место и роль в политической организации общества.

Выборы в ГД ФС РФ третьего созыва состоялись 19 декабря 1999 г. Право участия в выборах получили 139 политических общественных объединений²³. Им воспользовались 26 избирательных блоков и организаций. В голосовании участвовали 61,85 % избирателей.

Количественный рост избирательных объединений помимо всего прочего был обусловлен значительными изменениями, произошедшими в российском законодательстве. 24 июля 1998 г. вступил в силу ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный Закон «Об общественных объединениях». Названный нормативный акт отразил основные результаты развития политической системы постсоветского периода.

Предпосылкой для внесения изменений в действующее законодательство явилась необходимость более четкого разграничения статуса «общественного» и «политического общественного» объединений, ставшая очевидной в связи с реальной практикой выборов в органы государственной власти и местного самоуправления, когда неполитические объединения принимали непосредственное участие в данном процессе, зачастую выходя за нормативные пределы.

Впервые в российской законодательной практике понятие **«политическое общественное объединение»** получило развернутое определение. Таковым ст. 12.1. ФЗ определила «общественное объединение, в уставе которого в числе основных целей должны быть закреплены участие в политической жизни общества посредством влияния на формирование

политической воли граждан, участие в выборах в органы государственной власти и органы местного самоуправления посредством выдвижения кандидатов и организации их предвыборной агитации, участие в организации и деятельности указанных органов». Организационно-правовыми формами политических общественных объединений (ч. 2 ст. 7) устанавливались общественная организация (для политической организации, в том числе политической партии) и общественное движение (для политического движения).

Новый федеральный закон внес значительные ограничения в статус ряда типов общественных объединений, которые по характеру своей деятельности не могли быть признаны политическим общественным объединением (ч. 2 ст. 12.1.). Это: – профсоюз, религиозная, благотворительная организации, национально-культурная автономия, общественный фонд, общественное учреждение и орган общественной самодеятельности;

– объединение, устав которого допускает членство в нем или принадлежность к нему в иной форме иностранных граждан, иностранных или международных организаций;

– объединение, устав которого предусматривает членство в нем или принадлежность к нему граждан только по профессиональному, национальному, этническому, расовому или конфессиональному признакам, а также лиц, не имеющих права быть членами политических общественных объединений или принадлежать к данным объединениям;

– объединение, преследующее цели извлечения прибыли посредством осуществления предпринимательской деятельности и распределения полученной прибыли (имущества, собственности) между своими членами и (или) учредителями;

– объединение, созданное для реализации любительских и иных неполитических интересов;

– объединение, неполитический характер которого специально оговорен в федеральном законе.

Отныне принадлежность общественного объединения к политическим общественным объединениям должна была специально оговариваться в его уставе (ч. 2 ст. 20). Кроме того, политическое общественное объединение подлежало государственной регистрации в обязательном порядке (ч. 2 ст. 21). Изменения были внесены и в Главу 3 «Права и обязанности общественного объединения». Статья 27 установила, что общественное объединение имеет право, в том числе:

- участвовать в избирательных кампаниях в соответствии с федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации о выборах;

- выдвигать кандидатов (списки кандидатов) при проведении выборов в органы государственной власти и органы местного самоуправления (в случае регистрации общественного объединения как политического общественного объединения).

В выборах в ГД от УР приняли участие 50 человек. Из них 30 выдвинулись по 15 из 27 федеральных списков и 20 – в двух одномандатных округах, сформированных в республике.

Бывший фаворит политической кампании 1993 г., ЛДПР неуклонно теряла свой авторитет. На выборах 1999 г. в составе избирательного блока «Блок Жириновского» совместно с Партией духовного возрождения России, Российским союзом свободной молодежи и Независимой ассоциацией в поддержку развития гражданского общества либерал-демократы едва смогли преодолеть пятипроцентный рубеж, набрав по РФ 5,98 %, а в УР – 8,74 %.

Знаменательные процессы происходили в среде либеральных реформаторов. Общественно-политические движения «Выбор России» и Ассоциация независимых профессионалов, Всероссийская партия безопасности человека и объединение «Преображение Отечества» оказались «банкротами». Не участвовала в выборах Крестьянская партия России и Конгресс национальных объединений России.

Либерал-реформаторы смогли объединиться в избирательный блок «Союз правых сил». В его составе были как политические «старожилы» (движение «Демократическая Россия», партия «Демократический выбор России», Российская партия социальной демократии, Союз «Живое кольцо», общественно-политическое объединение «Общее дело», Всероссийская ассоциация приватизируемых и частных предприятий, ПЭС, «Свободные демократы России»), так и «новоделы» (Консервативное движение «Новая сила», «Россия молодая», «Юристы за права и достойную жизнь человека», партия «Демократическая Россия», Социально-федералистская партия России и организация «Российские налогоплательщики»). Федеральный список кандидатов СПС получил 8,52 % голосов и 24 места в парламенте (по УР – 7,11 %).

Достаточно противоречивые тенденции сохранялись в умереннолиберальном спектре. ПРЕС в думских выборах 1999 г. не участвовала. Избирательное объединение «Яблоко» вело избирательную кампанию самостоятельно и едва смогло преодолеть пятипроцентный рубеж (по РФ – 5,93 %, получило 16 мест в ГД; по УР – 2,77 %).

Бывшие члены блока «Памфилова – Гуров – В. Лысенко» в 1999 г. участвовали в выборах в составе избирательного объединения «За гражданское достоинство» (одноименное движение во главе с Э. А. Памфиловой), но набрали менее одного процента голосов как в РФ, так и в УР (0,60 % и 0,68 % соответственно).

На думских выборах 1999 г. исполнительная власть в силу комплекса политических, экономических и социальных проблем, вызванных системным кризисом августа 1998 г., была вынуждена сформировать новую «партию власти» именно из умеренно-либеральной среды, Межрегиональное движение «Единство» («Медведь»). Его формальным родоначальником можно считать Российскую христианско-демократическую партию, бывшего участника объединения «Явлинский – Болдырев – Лукин» образца 1993 г. С точки зрения идейной направленности «Медведь» представлял довольно аморфное

образование. Из политических старожилов, кроме РХДП, он включил Народно-патриотическую партию, движение «Реформы – новый курс», а также частично Социал-патриотическое движение «Держава» и политическую общественную организацию «Регионы России». Основная ставка делалась на организации социальной направленности (от Российского Союза ветеранов Афганистана и ряда профсоюзов до Всероссийского общества спасения на водах). Блоком были задействованы организационные и финансовые возможности пропрезидентского Союза народных домов, который с 1996 г. имел свои отделения практически во всех субъектах РФ, в том числе в Удмуртии. Всего прямо или косвенно в блоке «Медведь» приняли участие представители 21 общественного и политического объединения²⁴.

С точки зрения организации власти «Единство» было создано как политический базис нового Председателя Правительства РФ В. В. Путина, занимавшего до того должность руководителя Федеральной службы безопасности. Снискав симпатии значительной части россиян на поле Чеченской войны, Путин твердо высказался в пользу рыночной экономики. Отвергнув идею передела собственности и национализации предприятий, он ратовал за государственное регулирование рыночных процессов.

«Единство» (или губернаторский блок) начал складываться с лета 1999 г. как противовес политическому новоделу «Отечество – Вся Россия», объединившему руководителей регионов, поддерживавших мэра Москвы Ю. М. Лужкова. Лидером блока «Медведь» стал протеже Б. Н. Ельцина С. К. Шойгу, получивший незадолго до этого Звезду Героя России из рук Президента. Его политическая карьера оказалась типичной для представителя окружения Ельцина. Шойгу окончил Красноярский строительный институт, работал на сибирских и северных стройках, был секретарем Абаканского горкома КПСС. С 1993 г. – активный сторонник Б. Н. Ельцина. Бэтээры молодого министра по чрезвычайным ситуациям, одного из самых богатых ведомств России, первыми начали штурм здания Верховного Совета РФ в октябре 1993 г.

В команду губернаторов (первоначально их было 21) вошли либо руководители дотационных регионов, либо не желавшие осложнять отношения с Кремлем. У одних предстояли губернаторские выборы, другие должны были «отрабатывать» помощь на уже состоявшихся выборах. Личные амбиции третьих не позволяли им играть роль рядового участника блока ОВР. Кого-то не устраивала методика выборов губернаторов, предложенная Е. Примаковым. Ее суть заключалась в том, что губернаторов следовало избирать и освобождать от должности местным законодательным собранием по представлению Президента.

В ходе выборов Межрегиональное движение «Единство» («Медведь») получило 23,32 % голосов и 64 места в ГД по федеральному списку. Успех «Медведя» нельзя считать неожиданным. Выбор россиян закономерен и обусловлен определенным уровнем политической культуры, развития коллективного разума. Кремль, делая ставку на «Единство», исходил из того, что в России всегда найдется 10–12 % избирателей, поддерживающих партию власти. Этот исходный процент можно увеличить в два – четыре раза. Электорат, голосовавший за «Единство», ощутил усталость от хорошо известных политических лидеров. Потребовались новые фигуры. Кремль учел это и выдвинул лиц, имевших высокие рейтинги как профессионалы своего дела. Один – спасатель (С. К. Шойгу), другой – спортсмен (А. А. Карелин), третий – борец с преступностью (А. И. Гуров). Был создан своего рода образ «трех богатырей», усиливавший тему спасения (от катастроф, преступности, просто защиту со стороны сильного). Не вступая ни с кем в политическую полемику, «Единство» смогло привлечь центристский, правопатриотический, праволиберальный электорат (с политической сцены сошел НДР).

Незрелость институтов гражданского общества исключила возможность единения на широкой демократической основе. Консолидация произошла на основе стремления к «жесткой руке». При этом избиратели ориентировались, главным образом, на конкретного человека – В. В. Путина, а основными

факторами успеха «Медведя» наряду с популярностью премьер-министра стали ресурсы исполнительной власти.

Однако причину столь значительных результатов избирательной кампании «Единства» как политического «новодела» невозможно рассматривать в отрыве от проблемы формирования «партий власти», всегда претендующих на роль центра. Одним из ближайших соперников «Медведя» выступил избирательный блок «Отечество – Вся Россия». Его политическую основу составили четыре избирательных объединения: Общероссийская политическая общественная организация «Отечество», Общероссийское политическое общественное движение «За равноправие и справедливость», Общероссийская общественная организация – политическая партия «Аграрная партия России» и Общероссийская общественная организация «Политическая партия «Союз христианских демократов России».

ОВР представлял, как и «Единство», достаточно эклектическое образование. Это и «партия Садового кольца» во главе с Ю. М. Лужковым, и группа региональных лидеров (Р. Аушев, А. Волков, В. Герасименко, А. Лисицин, М. Меркушкин, А. Тяжлов, М. Шаймиев и т.д.). На выборах он повел борьбу как за элиту, так и массового избирателя под лозунгом «Не отказ от реформ, а выбор иной модели реформ». В идеологическом плане главная составляющая ОВР – «Отечество» – напоминала европейскую социал-демократию, которая, в отличие от коммунистов, боролась не с богатыми, а с общей бедностью. «Отечество» отстаивало идею соединения рыночной экономики с государственной ответственностью за экономическое и социальное развитие, что выразилось в формуле «Шанс – сильному, защита – слабому». В Манифесте «Отечества» декларировалось, что «нам не по пути со сторонниками возврата к коммунистическим порядкам, творцам дикого рынка, сеятелям межнациональной вражды и насилия».

Однако блок не смог реализовать свои планы, что вызывалось рядом обстоятельств. Избиратели восприняли ОВР как одну из партий власти, но почему-то критиковавшую Президента. К прежней власти избиратель уже

привык. Неудачно (с точки зрения электората) была подобрана первая тройка лидеров федерального списка: ученый (Е. М. Примаков), губернатор (В. А. Яковлев), мэр (Ю. М. Лужков). Сыграли свою роль как возрастной фактор, так и наличие в ОВР сепаратистских лидеров (М. Шаймиев, М. Рахимов, Р. Аушев).

Руководство УР, приняв правила игры центра, уже с думских выборов 1995 г. готовое поддержать идею «партии власти», в условиях структурного кризиса августа 1998 г. вынуждено было учитывать достаточно противоречивые процессы, происходивших в политическом окружении федеральной исполнительной власти.

Во-первых, стал очевиден кризис «партии власти», формировавшейся вокруг премьера В. С. Черномырдина. В конце 1998 г. под руководством мэра Москвы Ю. М. Лужкова была создана Общероссийская политическая общественная организация «Отечество», претендовавшая на роль новой «партии власти» и намеревавшаяся вытеснить НДР на следующих выборах. Сам Лужков заявил о готовности бороться за президентский пост. В качестве соучередителей «Отечества» выступили влиятельные патриотические организации, такие как Конгресс русских общин. Вошел в «новодел» и крупный отряд профсоюзов – Союз труда во главе с А. Исаевым. В Удмуртии инициаторами создания «Отечества» выступили несколько общественных организаций – Федерация профсоюзов УР, Удмуртский республиканский Совет ветеранов, Союз женщин России, Социал-патриотическое движение «Держава». Политическое руководство республики решилось примкнуть к этому образованию, а затем возглавило его.

Во-вторых, в течение 1999 г. в политическом окружении высших эшелонов федеральной власти наступил перелом. По своей популярности «Медведь» не только сравнялся с «Отечеством», но и обошел его. Между тем, вплоть до выборов в ГД третьего созыва А. А. Волков и его команда не решились полностью дистанцироваться от ОВР. Такая политическая позиция регионального руководства могла осложнить отношения УР с федеральным

центром, если бы не неожиданные, на первый взгляд, результаты избирательной кампании «Медведя» в республике.

В УР количество голосов, отданных за «Единство», на 14 % превысило средний показатель по России (37,40 %). Почему население республики проголосовало за блок «Медведь», созданный Кремлем, не имевший программы, не включивший в региональный список ни одного представителя Удмуртии?

Помимо вышеназванных причин общего характера имелись и чисто тактические просчеты «Отечества». Слабостью ОВР стало отсутствие внутреннего единства. Напомним, что само по себе «Отечество» представлялось достаточно эклектичным образованием. Претендуя на роль политического центра, оно впитало в себя, по неполным данным, 56 политических и общественных объединений, что неминуемо вело к центробежным тенденциям. Так, один из коллективных членов «Отечества», Социал-патриотическое движение «Держава», а также сотрудничавшее с ОВР объединение «Регионы России» пытались одновременно играть на политическом поле «Единства».

Высокий уровень централизации работы штабов ОВР не позволял учитывать местную специфику. Кроме того, идеологам ОВР не удалось изменить мнение республиканских избирателей, что все хозяйственные успехи Москвы обусловлены «грабежом» регионов. В регионах не поддержали акцию профсоюзов Москвы в защиту блока.

В ходе выборов Кремль активно поощрял коммунистов, оставляя их вне критики. В УР (вероятно, и в других регионах) коммунисты заняли позицию критики ОВР. В итоге избиратели, голосовавшие за кандидата в депутаты ГД РФ Ю. Д. Маслюкова (от КПРФ), не поддержали ОВР. Напротив, среди голосовавших за А. В. Солуянова, основного соперника Ю. Д. Маслюкова, было больше сторонников ОВР. Однако, несмотря на ряд стратегических и тактических просчетов, ОВР вошел в новую политическую организацию, набрав по РФ 13,33 % голосов (по УР – 8,16 %) и получив 37 мест в ГД.

Отсутствие единства в коммунистическом движении стало устойчивой традицией политической жизни России и Удмуртии. Наиболее организованной силой левого спектра оставалась КПРФ. В едином блоке с Аграрно-промышленным и Народно-патриотическим союзом России, заручившись поддержкой профсоюза работников агропромышленного комплекса РФ, Российской медицинской ассоциации и частично АПР, избирательное объединение «Коммунистическая партия Российской Федерации» смогла, хотя и незначительно, упрочить свои позиции. По РФ за этот федеральный список проголосовали 24,29 % избирателей, а по УР – 19,52 %. КПРФ заняла первую строку в политической таблице 1999 г. и получила в ГД 67 мест.

В УР в голосовании приняли участие 61,54 % избирателей.

Депутатами ГД от УР стали: Н. И. Сапожников (по списку КПРФ), Ю. Д. Маслюков, советник генерального директора НИИ Автоматической аппаратуры (по Ижевскому округу) и С. К. Смирнова, заместитель Председателя ГС УР, находившиеся в политическом окружении высшего должностного лица республики.

С выборами депутатов ГД третьего созыва и Президента РФ 2000 г. можно говорить о начале нового периода в общем этапе функциональной многопартийности. Его отличительными чертами стали ослабление традиционных, в том числе коммунистических партий (хотя в отношении последних региональная ситуация может отличаться от общероссийской тенденции), возрастание значения правоцентристских формирований как опоры президентского режима, своеобразных партий власти, в первую очередь «Единства». Все это свидетельствовало о том, что партийная система России 2000 г. двигалась в направлении создания политической системы западноевропейского типа с наличием не более двух-трех доминирующих партий. Эти процессы наблюдались и в Удмуртии.

В 2000 г. партийная система УР была представлена 90 организациями, из них 25 – региональные отделения российских партий, 40 отделений

общественно-политических объединений, 12 республиканских и 13 местных политических общественных объединений. Среди общественных формирований они занимали около 10 %.

Традиционным элементом партийной системы Удмуртии оставались организации левого толка, прежде всего КПРФ. Однако в самом коммунистическом движении отсутствовало единство. Ортодоксальные организации остались на позициях диктатуры пролетариата, отвергая частную собственность и призывая бойкотировать выборы в «буржуазные» органы власти. Другие признали необратимыми многопартийность и многоукладность экономики и в соответствии с этим строили свою стратегию и тактику. По причине отсутствия внутреннего единства значительно ослабло влияние коммунистов в Государственном Совете УР, особенно 2-го созыва. Они так и не смогли создать фракцию в республиканском парламенте.

Динамично развивались процессы партийного строительства в правоцентристском и правом движении. В 2000 г. Управлением Министерства юстиции РФ по УР были зарегистрированы региональные отделения трех партий (Российская партия будущего, Российская объединенная социал-демократическая партия, Российская консервативная партия предпринимателей), одного российского движения («Единство»). Что касается СПС, то в 2000 г. он только складывался.

Тем не менее, процесс партийного строительства в УР к 2000 г. еще не был завершен. Внимание граждан сосредоточивалось не столько на содержательной стороне деятельности партий, сколько на самом факте их появления и официальной регистрации. Отсюда – наличие двух конфликтующих тенденций. Первая обуславливалась демократизацией общества и определялась как обретение возможности самостоятельного, независимо от государства, существования партий. Вторая тенденция – организационная и методологическая слабость организаций, крайняя малочисленность и кратковременность активных действий. Большинство партий, особенно региональных отделений, оказались созданы не столько по

социальному, сколько по квази-групповому принципу интересов. Для них идеология не имеет никакого значения. Основные партии – это форма «индивидуальной трудовой деятельности». Их главная задача сводится к перераспределению материальных благ между узкой группой функционеров. Именно поэтому большинство из них оставались малочисленными. Это в основном «профессиональные союзы» политиков с ориентацией на образцы западных партий парламентского типа, обращающиеся к населению, как правило, только в период выборов.

С другой стороны, а это характерно и для УР, ввиду неразвитости гражданского общества, определяющее влияние на политическую жизнь в 1990-х гг. сохранили бизнес-элита и обслуживающий ее государственный и муниципальный аппарат.

¹ Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для вузов. М, 2002. С. 92.

² Куликов К. И. Удмуртия – субъект России (1990-е годы). Ижевск, 1999. С. 30.

³ См. приложение «Итоги выборов в Государственную думу ФС РФ (1993–1999 гг.)».

⁴ Согрин В. В. Политическая история современной России... С. 126.

⁵ Общероссийские избирательные объединения... С. III.

⁶ Жириновский В. Демократия тоже предусматривает насилие // Известия. 1993. 30 ноября; Михайловская И. Б., Кузьминский Е. Ф. Право избирать и факторы, влияющие на его реализацию. М., 1996. С. 47–48.

⁷ Удмуртия в годы реформ... С. 35.

⁸ Согрин В. В. Указ. соч. С. 158.

⁹ Общероссийские избирательные объединения... С. 70–71.

¹⁰ Куликов К. И. Удмуртия – субъект России... С. 24.

¹¹ Там же. С. 31.

¹² Согрин В. В. Указ. соч. С. 158–159.

¹³ Куликов К. И. Удмуртия – субъект России... С. 33.

¹⁴ Егоров И., Мацузато К. Удмуртская Республика... С. 308.

¹⁵ Общероссийские избирательные объединения... С. III.

¹⁶ Согрин В. В. Указ. соч. С. 180.

¹⁷ Куликов К. И. Удмуртия – субъект России... С. 48.

¹⁸ Там же. С. 50–51.

¹⁹ Там же. С. 49–50.

²⁰ Согрин В. В. Указ. соч. С. 186.

²¹ Куликов К. И. Удмуртия – субъект России... С. 52–53.

²² Удмуртия в годы реформ... С. 93.

²³ Общероссийские избирательные объединения... С. IV.

²⁴ Подсчитано автором по: Федеральный список кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации третьего созыва, выдвинутый избирательным блоком «Межрегиональное движение «Единство» («Медведь») // Российская газета. Специальный выпуск. Часть первая. 1999. 20 ноября. С. 32–35.

3.2. Сравнительный анализ выборов в органы государственной власти Удмуртии в 1995–1999 гг.

С завершением в 1993 г. советского периода в истории России Удмуртия продолжала развиваться как парламентская республика в составе РФ. Высшим органом государственной власти оставался Верховный Совет, чей статус определялся Конституцией уже несуществующей автономной республики. По мере реализации либеральных экономических реформ, в связи с начавшейся приватизацией собственности в центре и на местах явно стали обозначаться группы интересов и их основные акторы.

Вместе с тем УР, несмотря на провозглашенный суверенитет, оставалась крайне зависимой в политическом и экономическом плане от федерального центра. Все политические события, происходившие в Москве, хотя и с запаздыванием, отражались на регионе. Постепенно формируются две группы элиты: сторонники сохранения парламентской республики группируются вокруг Председателя Верховного Совета УР В. К. Тубылова, поборники усиления исполнительной власти – вокруг Председателя Правительства УР А. А. Волкова. Первым испытанием для нового правящего слоя республики стали выборы в Государственный Совет УР 1-го созыва, состоявшиеся 26 марта 1995 г. В Удмуртии были созданы 100 одномандатных округов, в каждом из которых баллотировались от 4 до 16 кандидатов. К моменту назначения выборов, на 23 января 1995 г., в уставах 43 общественных объединений предусматривалась возможность участия в них.

Команда А. А. Волкова объединились в избирательный блок «Удмуртия». Его образовали Федерация профсоюзов УР, Союз женщин УР, Союз интеллигенции УР, Удмуртский республиканский Совет ветеранов войны, труда, вооруженных сил и правоохранительных органов, региональные организации АПР и Социал-демократической народной партии России. Лидером объединения стал А. А. Волков. Блок выдвинул наибольшее количество кандидатов – 78 чел.¹

(по другим данным – 73 чел.)². «Удмуртию» поддержали Аграрный Союз, региональное отделение Крестьянской партии России и республиканское общество инвалидов.

Это объединение начало складываться еще с осени 1994 г. 20 сентября была принята платформа «Удмуртии». Руководитель ее избирательной кампании Г. П. Овчинников определил место блока в политическом спектре как левоцентристское, социал-демократическое. На состоявшейся в начале февраля 1995 г. пресс-конференции его лидеры подчеркнули, что «Удмуртия» может превратиться в более прочное политическое объединение. В случае победы они выражали готовность сформировать правительство во главе с А. А. Волковым³.

Достаточно внятной была программа блока. Смысл его названия объяснялся одним из лозунгов – «Удмуртия – наш дом». Платформа предлагала системный подход к решению вопроса о выходе из экономического кризиса. «Удмуртия» ратовала за принятие следующих мер:

- в политике: обеспечение реального народовластия; развитие государственности Удмуртии в составе РФ, расширение экономических и культурных связей; эффективный общественный контроль за деятельностью государственного аппарата;

- в экономике: государственное регулирование в целях прекращения спада производства, стабилизации цен, сокращения безработицы; персональная ответственность руководителей государственных органов и хозяйственных структур за положение дел в экономике; расширение предпринимательской деятельности; дальнейшее проведение приватизации только при строгом соблюдении законности и экономической целесообразности; проведение активной инвестиционной политики в промышленном комплексе республики, конверсии военных производств; бесплатная передача земли в наследное владение и пользование тем, кто на ней работает; государственная поддержка АПК;

– в социальной сфере: обеспечение конституционных прав граждан; выполнение договоров по социальным вопросам между профсоюзами, работодателями и государственными органами, обеспечение прожиточного минимума трудящихся; создание равных условий для развития языка, культуры всех народов, проживающих в Удмуртии; реализация адресных программ поддержки малообеспеченных слоев населения, материнства и детства, пенсионеров и инвалидов; государственная поддержка науки, образования, здравоохранения, культуры⁴.

Сателлитами «Удмуртии» выступили республиканские организации КПРФ и РКРП. Они зарегистрировали соответственно 47 и 35 кандидатов⁵ (по другим данным – 45 и 30 кандидатов⁶).

На выборах КПРФ ставила своей целью отказ от «шоковой терапии», ратовала за государственное регулирование и планирование общественного производства, восстановление в Удмуртии советской формы народовластия, прекращение «разграбления» государственной общенародной собственности под видом приватизации, проверку ее законности. Основным программным лозунгом стал лозунг «Россия. Труд. Народовластие. Социализм»⁷.

Республиканская организация РКРП объединилась с Союзом рабочих, крестьян, специалистов и служащих Удмуртии. Блок исходил из утверждения, что ухудшение жизни трудящихся является результатом временного поражения искусственно разрушенного социалистического строя. Кандидаты от РКРП преследовали следующие цели:

– в политике: восстановление советской власти; декларирование источников доходов государственными служащими; осуществление контроля трудящихся за деятельностью государственных и хозяйственных руководителей;

– в экономике: остановка приватизации; введение государственного регулирования; отмена частной собственности на основные средства производства; исключение купли-продажи земли;

– в социальной сфере: возвращение трудящимся прав на труд, отдых, бесплатное жилье, образование, медицинское обслуживание; развитие традиционной дружбы народов Удмуртии⁸.

Команда «самоуправленцев» представляла менее четкую организацию. Оппозицию «государственникам» составили несколько формирований. Избирательный блок «Удмурт кенеш» объединил организации удмуртского национального движения (Ассоциация «Удмурт кенеш», молодежная общественно-политическая организация «Шунды», Общество удмуртской культуры «Дэмен») и зарегистрировал 56 кандидатов⁹ (по другим данным – 47 кандидатов¹⁰). Возглавил блок И. Г. Гришкин, профессор Ижевского государственного медицинского института, Президент ассоциации «Удмурт кенеш».

Вместе с тем, не все исследователи идентифицируют «Удмурт кенеш» как «антигосударственный». Так, по мнению К. Мацузато и И. Егорова, его программные документы напоминали программу «Удмуртии». Отмечалась и схожесть с ЦПС. Такую двойственную позицию эта группа авторов объясняет, с одной стороны, стремлением пройти в парламент, в том числе и в «русских» округах и в городах, а также с изменениями в руководстве ассоциации «Удмурт кенеш», произошедшими в августе 1994 г. Тогда Р. И. Яшина, Президент Ассоциации, известная своим радикализмом, была отстранена от своего поста, а 4 ноября 1994 г. заменена более умеренным И. Г. Гришкиным¹¹.

Другой избирательный блок «Свобода. Законность. Согласие» представили региональные отделения ПЭС, движения «Демократическая Россия», а также Союз предпринимателей Удмуртии и Союз ветеранов Афганистана УР. Он выставил 49 кандидатов¹² (по другим данным – 44 кандидата¹³). Лидером блока стал Г. Я. Каюмов, председатель Союза предпринимателей Удмуртии.

Наличие в составе блока праволиберальных организаций не дает повода говорить о его таковой идеологической направленности. По сути это было

довольно аморфное образование, которое объединило еще 12 формирований: от республиканского отделения партии «Демократический выбор России», ТОЦ, Общества удмуртско-азербайджанской культуры до общественных организаций, весьма далеких, по своему статусу, от политики (Первомайская районная организация инвалидов, Ассоциация больных сахарным диабетом УР и др.).

Предвыборная платформа блока «Свобода. Законность. Согласие» представляла собой набор лозунгов типа: поставить под контроль каждый рубль в бюджете республики, прекратить разбазаривание нефти и леса, остановить приватизацию; защитить законопослушного предпринимателя, на деле помочь фермеру; снизить налоги, прежде всего для производителей, помочь кредитами предприятиям, производящим пользующуюся спросом продукцию. Представители блока выступали за резкое сокращение государственного аппарата и усиление контроля за его деятельностью; борьбу с преступностью на основе профессионализма, строгого соблюдения законов, защиту собственности, расширение прав муниципальной милиции; сохранение нравственности и культуры; федеративное устройство России, приоритеты интересов регионов; право наций на развитие исторической культуры, но против претензий на исключительность; против «наглого» акционирования предприятий администрацией, незаконного приобретения лицензий, дающих возможность продавать «наши природные богатства»¹⁴.

Третье формирование, оппозиционное команде А. А. Волкова, представлял «Социально-экологический блок» в составе Удмуртского регионального отделения Российского социально-экологического союза и Общества лесоводов УР. Его возглавил бывший руководитель Экологического союза г. Ижевска, председатель постоянной комиссии ВС УР С. Г. Щукин. Блок выдвинул 23 кандидата¹⁵ (по другим данным – 19 кандидатов¹⁶) и включился в предвыборную борьбу под лозунгом «Мы не слева и не справа – мы среди вас!». Его представители видели причины кризиса в господстве старой номенклатуры, а

решение всех проблем связывали с приходом к власти нового поколения¹⁷. В целом программа не отличалась системностью.

Другим видным оппозиционным избирательным объединением стал Республиканский центр поддержки самоуправления Удмуртской Республики (РЦПС УР), получивший в обыденном представлении название «Центр поддержки Салтыкова» (мэра г. Ижевска). Формальным лидером объединения являлся Е. Г. Одиянков, главный врач кардиологического диспансера УР, бывший депутат ВС РСФСР. РЦПС выдвинул 19 кандидатов¹⁸ (по другим данным – 11 кандидатов¹⁹) и поддержал выдвижение 39 кандидатов.

Его платформа была принята на II конференции РЦПС 1 февраля 1995 г. и включала три основных тезиса: «Стабильность в политике. Развитие в экономике. Ответственность в управлении». Ставка делалась на концепцию расширения местного самоуправления как панацею от хаоса. В сфере экономики «самоуправленцы» выступали за: взвешенное, социально и научно обоснованное проведение реформ в интересах народа; содействие и помощь промышленности, сельскому хозяйству, мелким и средним товаропроизводителям; содействие предприятиям оборонно-промышленного комплекса в реализации их конверсионных программ, предотвращение массовых увольнений, сохранение высокого научно-технического потенциала; формирование экономических и финансовых механизмов, обеспечивающих реализацию программ местного самоуправления.

В сфере личной и общественной безопасности предлагались, в частности, развитие системы муниципальных правоохранительных органов; недопустимость сращивания государственного аппарата и криминальных структур, противодействие коррупции во всех властных структурах.

Ряд положений охватывал бюджетную и социальную сферы, кадровую политику, законодательную деятельность. В заключении платформа РЦПС

утверждала, что «местное самоуправление...– это реальная возможность нормальной и цивилизованной жизни всего общества»²⁰.

Наряду с перечисленными объединениями оппозицию команде А. А. Волкова в то время составляло Удмуртское отделение Конфедерации деловых женщин России (руководитель – О. Ю. Гурина, профессор Ижевского медицинского института). Оно выдвинуло 12 кандидатов. Платформа КДЖР предусматривала достижение стабилизации жизненного уровня населения республики путем регулирования цен на продукты питания, реформы налоговой системы, увеличения размеров пенсий до прожиточного минимума, сохранения бесплатного образования и здравоохранения, реформы органов власти с уменьшением аппарата чиновников²¹.

Всего за сто депутатских мест в борьбу включилось 690 чел., из них 319 чел. от избирательных блоков и объединений (160 от «государственников» и 159 – от «самоуправленцев»)²².

Выборы в ГС УР состоялись во всех округах. В них приняли участие 46,9 % избирателей. Из 100 депутатов 38 прошли от блоков и объединений. Команда А. А. Волкова обеспечила себе 32 места в парламенте: 20 депутатов представляли блок «Удмуртия», 9 – КПРФ, 3 – РКРП. Команда мэров Ижевска и Воткинска получила 6 мандатов: 3 депутата представляли РЦПС, 2 – блок «Свобода. Законность. Согласие» и 1 – УП КДЖР. Результаты выборов отражены в таблице № 6.

Таблица № 6. Итоги выборов депутатов ГС УР первого созыва (26 марта 1995 г.)²³

Политическая группа	Избирательный блок (объединение)	Выдвинуто	Количество депутатов
«Государственники»	Избирательный блок «Удмуртия»	78	20

	Избирательное объединение «УРО КПРФ»	47	9
	Избирательное объединение «УРО РКРП»	35	3
ИТОГО		160	32
«Самоуправленцы»	Избирательный блок «Удмурт кенеш»	56	0
	Избирательный блок «Свобода. Законность. Согласие»	49	2
	Избирательный блок «Социально- экологический блок»	23	0
	Избирательное объединение «РЦПС УР»	19	3
	Избирательное объединение «УП КДЖР»	12	1
ИТОГО		159	6
Итого от блоков и объединений		319	38
Вне блоков и объединений		371	62
ВСЕГО		690	100

Остальные блоки и объединения представительства в ГС УР не получили. Социально-экологический блок не смог заинтересовать избирателей ни программой, ни составом выдвинутых кандидатов. В него вошли, главным образом, молодые люди в возрасте до 35 лет, составлявшие руководство

движения. Поэтому неслучайно появление в предвыборных лозунгах призыва голосовать за молодых, шедших на смену старой правящей элите²⁴.

Причины «катастрофического фиаско» «Удмурт кенеша» проанализировал К. А. Пономарев, один из лидеров удмуртского национального движения. По его мнению, блок недостаточно активно включился в кампанию, вел ее вяло и неорганизованно. Выдвинув кандидатов, он не оказал им поддержки. Другая причина поражения – раздоры внутри удмуртского национального движения: «вместо того, чтобы объединить усилия народа на решение поставленных задач, лидеры общества удмуртской культуры «Дэмен», молодежной организации «Шунды», ассоциации «Удмурт кенеш» ведут бесконечный и бесплодный спор о том, кто из них главнее...»²⁵. К этому утверждению добавил свое весьма справедливое замечание К. И. Куликов, который полагал, что «раздоры внутри удмуртского национального движения... приводят к тому, что значительная часть удмуртской интеллигенции не участвует в национальном движении или, включившись в него на первоначальном этапе, постепенно утрачивает к нему интерес»²⁶.

Депутатские мандаты получили 76 % русских (в ВС УР последнего созыва – 61 %), 16 % удмуртов (в ВС УР – 26 %), 5 % татар (в ВС УР – 4,5 %)²⁷.

Первые республиканские парламентские выборы весьма показательны с точки зрения соотношения в новом депутатском корпусе двух основных секторов политической системы: собственно власти и гражданского общества.

Главной особенностью выборов стало воспроизводство правящей элиты в высшем эшелоне власти республики. Так, по сообщению Избирательной комиссии УР, среди выдвинутых кандидатов насчитывалось 88 депутатов ВС УР 12-го созыва (депутатами стали 25), 31 работник правительственных органов (избраны 8), 61 – органов местного самоуправления (избраны – 19), что составило 52 % депутатского корпуса²⁸. Многим из них удалось получить мандаты исключительно по причине своего выдвижения в районах, а не в г.

Ижевске, где накал борьбы был особенно ошутим. Менее половины парламента составили представители директорского корпуса, банков, руководителей учебных, научных и медицинских учреждений. Произошла фактическая «приватизация власти». В составе депутатского корпуса не оказалось ни одного рабочего.

Исход выборов в республиканский парламент повлиял на избрание высшего должностного лица УР. 19 апреля в результате голосования Председателем ГС УР стал А. А. Волков (получил 55 % голосов). В. К. Тубылов набрал 42 голоса. В ГС УР 1-го созыва были образованы четыре фракции. «Удмуртия» и «Экономическое развитие» ориентировались на А. А. Волкова. «Мягкими» их сторонниками выступила фракция «Коммунисты Удмуртии». Сельскую (оппозиционную) фракцию возглавил В. К. Тубылов. Ее поддерживали два депутатских объединения: «Трудовая Удмуртия» ультралевой ориентации и «Элькун» («Республика») удмуртской национальной ориентации.

Очередные выборы в Государственный Совет УР 2-го созыва, состоявшиеся 4 апреля 1999 г., отразили результаты перегруппировки основных сил, произошедшей в межвыборный период 1995–1998 гг. как на уровне высших эшелонов власти в РФ и УР, так и в политической организации регионального сообщества.

К моменту выборов политическая элита республики (очень условно) была представлена двумя группами: «команда А. А. Волкова» (высшее должностное лицо УР) и «команда П. Н. Вершинина» (в то время – Председатель Правительства УР) – «антиволковская коалиция». При этом последняя идентифицировалась не так ярко. После относительного поражения «государственников» в муниципальных выборах весны–лета 1998 г., лидерство в оппозиции постепенно перешло к П. Н. Вершинину. Однако в целом состав ее руководства оставался неизменным: В. К. Тубылов, мэры городов Ижевска и Воткинска.

Место и роль двух властных группировок в «государственном секторе» политической системы определялись, во-первых, продолжавшимся, хотя и не в столь открытой форме, противостоянием центральных органов представительной и исполнительной власти. Особенно остро оно ощущалось именно в Удмуртии в силу запаздывания политико-экономических процессов.

Во-вторых, неизменным оставался политический интерес элитных групп: либо продолжение конституционной реформы в сторону усиления исполнительной власти («команда А. А. Волкова»), либо сохранение Конституции парламентской республики («антиволковская коалиция»).

Знаменательные процессы наблюдались в межвыборный период и в политической организации общества. Эволюция властных отношений, проведение выборов на «конкурсной основе» оказали стимулирующее влияние на дальнейшее становление общественных и политических организаций. В 1997–1999 гг. Министерством юстиции УР были зарегистрированы шесть республиканских (движение «Молодежь Удмуртии», Общественно-политическое движение «Удмуртия», Союз общественных объединений «Ижевчане», Союз общественных объединений «Элькун» («Республика»), движение «Избиратель», Дебесское землячество «Байгурезь») и 12 местных общественных объединений (движение «21 век», Сарапульская организация ЛДПР, «Сарапульское землячество», движение «Наш Ижевск», Глазовское общественное движение «Союз русского народа», Глазовское общественно-политическое движение «За возрождение Глазова», Общественная организация избирателей Октябрьского района г. Ижевска «Милосердие», «Ижевские предприниматели – производители малого и среднего бизнеса», Орган общественной самодеятельности г. Ижевска «Общественный Совет микрорайона «Культбаза», Ижевское общественно-политическое движение «Славянский марш», Общественная организация Первомайского района г. Ижевска «Центр поддержки самоуправления», Воткинское городское отделение Татарского общественного центра). В 1998 г.

статус общественно-политического объединения получил ТОЦ. Все они составили политическое окружение той или иной властной группы.

1999 год стал годом очередных выборов в ГД ФС РФ 3-го созыва. Поэтому появление «новоделов» естественным образом влияло и на региональную расстановку партийных организаций. Новым явлением в партийном строительстве стало учреждение формирований, обслуживающих конкретных политических деятелей. Так, в 1996 г. было зарегистрировано «Объединение избирателей г. Ижевска» как организация В. Г. Хорошавцева, депутата ГС УР, в то время Генерального директора компании АСПЭК.

Каждая группа республиканской власти подошла к выборам со своим политическим базисом, несколько отличавшимся от образца 1995 г.

Первоначально команда А. А. Волкова формировалась вокруг избирательного блока «Удмуртия», который преобразовался в общественно-политическое движение «Удмуртия» на учредительной конференции 20 мая 1997 г. Его лидером стал Председатель ГС УР. Ядро «Удмуртии» составили Удмуртский республиканский совет ветеранов, движение «Молодежь Удмуртии», Союз женщин УР, Союз интеллигенции УР и Федерация профсоюзов УР. В программных положениях «новодела» ставилась главная цель – «возрождение нашей Удмуртской Республики в едином пространстве Российского государства, рост ее авторитета среди регионов, в конечном итоге подъем экономики и благосостояния людей»²⁹.

С образованием Удмуртского регионального отделения «Отечества» ОПД «Удмуртия» стала составной его частью. Кроме того, в республике «Отечество» пополнилось ассоциацией «Развитие» (директорат крупных промышленных предприятий, главным образом, ВПК). На выборах в ГС УР 2-го созыва «Отечество» являлось основным избирательным объединением «государственников». Суть предвыборных тезисов сводилась к лозунгу: «Они не будут голосовать за разрушительную политику Чубайса». «Отечество»

поддержало выдвижение 75 кандидатов, хотя все они баллотировались формально от групп избирателей.

Наиболее близким к «Отечеству» было избирательное объединение «Новая сила», возглавлявшаяся С. В. Чикуровым, в то время генеральным директором ОАО «Удмуртнефтегазстрой-город», хотя его фамилия значилась в условном списке «Отечества». В обращении Чикурова к гражданам УР обозначалась цель «новодела» – «вывод Удмуртской Республики из глубочайшего экономического и политического кризиса» путем повышения работоспособности и профессионализма депутатского корпуса через избрание в него авторитетных деятелей³⁰. Список «Новой силы» включил 24 кандидатуры.

Вторым союзником «Отечества» выступила, как было отмечено ранее, ассоциация «Развитие» или Блок промышленников. Она предложила 35 кандидатов. Руководители предприятий ассоциации «Развитие» главной целью «всех здоровых сил российского общества» видели «возрождение экономического и промышленного потенциала нашей Родины и, соответственно, нашей республики – Удмуртии».

Сателлитом «Отечества» традиционно являлось избирательное объединение КПрФ, выдвинувшее 43 кандидата. Его предвыборная платформа «За власть народа, за возрождение Удмуртии и России», принятая 47-й партийной конференцией 3 февраля 1999 г., не выходила за рамки общеизвестных формулировок³¹.

Оппозиция, сменив свою политическую основу, РЦПС, сгруппировалась вокруг условного избирательного объединения «Удмурт кенеш», выдвинувшего 48 кандидатов³².

В целом в выборах прямо или косвенно приняли участие девять избирательных объединений и блоков: республиканские организации и отделения КПрФ, «Яблока», ЛДПР, НРП, ОПОО «Отечество», а также региональные организации: Экологический Союз, Движение «Новая сила»,

Ассоциация «Удмурт кенеш» и неполитический Блок промышленников³³. Характерной особенностью этих выборов стала одновременная поддержка некоторых кандидатов двумя – тремя избирательными объединениями, представляющими противоборствующие политические силы. Абстрагируясь от хода выборов, в которых активно использовались «черные технологии», обратимся к анализу депутатского корпуса.

Из 100 депутатов ГС УР наиболее многочисленную группу составили представители «Отечества» (42 человек, из них только от «Отечества» – 30). На втором месте оказалась группа депутатов от Ассоциации «Удмурт кенеш» (19 человек, из них только от Ассоциации – 14). Третье и четвертое места поделили представители Блока промышленников (11 человек, из них только от Блока – 6) и КПРФ (9 человек, из них только от КПРФ – 5). Последнюю строку в политической таблице заняли депутаты от Движения «Новая сила» (6 человек, из них только от Движения – 3). Остальные избирательные объединения представительства в ГС УР не получили, а 28 депутатов выдвигались как «независимые»³⁴.

14 депутатов поддерживались несколькими объединениями одновременно. Наибольшую степень толерантности проявило «Отечество». Совместно с Блоком промышленников оно способствовало победе 5 кандидатов; совместно с Ассоциацией «Удмурт кенеш», КПРФ и Движением «Новая сила» в отдельности – по 2; совместно с Ассоциацией «Удмурт кенеш» и Движением «Новая сила» одновременно – 1 кандидата (С. К. Смирнова, впоследствии депутат Государственной Думы ФС РФ). УРО КПРФ блокировалась самостоятельно один раз (с Ассоциацией «Удмурт кенеш»), и обеспечила победу двум кандидатам. Результаты выборов отражены в таблице № 7.

Таблица № 7. Итоги выборов депутатов ГС УР второго созыва (4 апреля 1999 г.)³⁵

Политическая	Избирательный блок (объединение)	Количество
--------------	----------------------------------	------------

группа		депутатов
«Государственники» (команда А. А. Волкова)	Избирательное объединение «УРО ОПОО «Отечество»»	30 (42)
	Избирательное объединение «Движение «Новая сила»»	3 (6)
	Избирательное объединение «УРО КПРФ»	5 (9)
	Ассоциация «Развитие»	6 (11)
ИТОГО (только от одного блока или объединения)		44
	УРО ОПОО «Отечество» и Движение «Новая сила»	2
	УРО ОПОО «Отечество» и УРО КПРФ	2
	УРО ОПОО «Отечество» и Ассоциация «Развитие»	5
	УРО ОПОО «Отечество» и Ассоциация «Удмурт кенеш»	2
	УРО ОПОО «Отечество», Движение «Новая сила» и Ассоциация «Удмурт кенеш»	1
	УРО КПРФ и Ассоциация «Удмурт кенеш»	2
ИТОГО (от нескольких блоков и объединений одновременно)		14
ВСЕГО		58
«Самоуправленцы» (антиволковская коалиция)	Избирательное объединение «Ассоциация «Удмурт кенеш»	14

ИТОГО (только от одного блока или объединения)		14
	Ассоциация «Удмурт кенеш» и УРО КПРФ	2
	Ассоциация «Удмурт кенеш» и УРО ОПОО «Отечество»	2
	Ассоциация «Удмурт кенеш», УРО ОПОО «Отечество» и Движение «Новая сила»	1
ИТОГО (от нескольких блоков и объединений одновременно)		5
ВСЕГО		19
Вне блоков, объединений		28
Только от одного блока или объединения		58
От нескольких блоков и объединений одновременно		14
ВСЕГО		100

Результаты выборов имели решающее значение для организации политической элиты республики. Во-первых, они предрешили судьбу оппозиции. В политическом плане победу одержала «команда Волкова». Это видно из процедуры избрания высшего должностного лица республики на сессии ГС УР 20 апреля 1999 г. На пост Председателя ГС были предложены две кандидатуры: А. А. Волкова (группа депутатов «Промышленники и предприниматели») и П. Н. Вершинина (депутатская группа «Согласие», руководитель – Е. Г. Одиянков). В принципе, П. Н. Вершинин был «обречен» на поражение. Очевидно, это понимала и оппозиция, вольно или невольно предрешившая его судьбу. Действительно, как видно из результатов выборов, минимум «команды А. А. Волкова» – 44 голоса (депутаты только от одного объединения), максимум – 58 (депутаты от нескольких объединений одновременно). Минимум «антиволковской коалиции» – 42 голоса (14 депутатов только от Ассоциации

«Удмурт кенеш» и все «независимые» депутаты (28 чел.)), максимум – 47 (депутаты от нескольких объединений одновременно (19 чел.) и все «независимые» депутаты (28 чел.)). А. А. Волков при голосовании за его кандидатуру на пост Председателя ГС УР второго созыва набрал 55 голосов, а П. Н. Вершинин – 42. Одновременно последний лишился поста Председателя Правительства УР. 22 апреля 1999 г. его место занял ставленник высшего должностного лица УР Н. А. Ганза, генеральный директор Чепецкого механического завода³⁶. П. Н. Вершинин смог лишь закрепиться на специально созданной для него должности «второго» первого заместителя Председателя ГС УР, дабы не обострять выявившийся на национальной почве политический кризис. Вместе с тем, исследователи И. Егоров и К. Мацузато полагают, что шансы кандидатов на пост Председателя ГС УР были почти равными, «каждый из них был способен мобилизовать примерно по сорок голосов депутатов»³⁷.

Отличительными чертами выборов явились высокая активность избирателей (51,4 %), состязательность претендентов на депутатские места. Особенностью кампании стало объединение кандидатов не только в политические группы, как это наблюдалось в 1995 г., но и в неполитические блоки.

В результате качественно изменился состав депутатского корпуса. В-первых, как отмечают И. Егоров и К. Мацузато, из 100 новых депутатов только 35 были депутатами ГС УР 1-го созыва и 16 – ВС УР 12-го созыва. Таким образом, около половины парламентариев не имели опыта публичной политики³⁸. Далее, депутатский корпус представили 81 руководитель предприятия или учреждения либо их заместитель. Все это привело к сохранению и усилению корпоративно-хозяйственного характера удмуртского парламента. Об этом позволяет судить и фракционный состав ГС УР на тот период. Уже 14 мая 1999 г. ГС УР зарегистрировал три депутатские фракции, сформированные по «хозяйственному признаку»³⁹.

Самой крупной из них стала фракция «Промышленники и предприниматели (34 человека). Первоначально ее возглавил Ю. В. Шестаков, в то время генеральный директор Государственного унитарного предприятия Ижевский электромеханический завод «Купол», входивший в состав руководителей предприятий ассоциации «Развитие». Это опора А. А. Волкова.

Вторая фракция – «Единство» – во главе с В. Г. Хорошавцевым, Президентом ЗАО АСПЭК (23 человека). Ее ядро – представители группы АСПЭК, также сотрудничающие с А. А. Волковым. Третья фракция – Объединенная депутатская фракция аграриев и горожан под лидерством Е. Г. Одиянкова (20 депутатов), традиционная оппозиция высшему должностному лицу с 1995 г. В свете вышесказанного представляется совершенно правомерным вывод И. Егорова и К. Мацузато о том, что с 1999 г. А. А. Волков стал опираться не только на «административную партию», но и на экономические группы интересов.

Помимо всего прочего исход выборов имел самые трагические последствия не только для оппозиции, но и удмуртского национального движения. Формальная победа «Удмурт кенеша» на парламентских выборах привела к дальнейшему «вымыванию» из ГС удмуртов и нарушению национальных паритетов в организации ветвей власти.

В резолюции 7 (внеочередного) Всеудмуртского съезда (19 июня 1999 г.) открыто выражалось недовольство позицией руководства Госсовета УР, игнорировавшего требования Всеудмуртской ассоциации «Удмурт кенеш» как выразителя интересов удмуртов, констатировалось нарушение одного из ведущих политических принципов удмуртской автономии: в 1999 г., впервые за все время функционирования государственности Удмуртии, на должности председателей Госсовета и Правительства не были избраны представители удмуртской национальности. В докладе Президента ассоциации В. К. Тубылова главными причинами «вымывания» удмуртов из руководящих органов

республики были названы: неэффективность федеральной национальной политики, отсутствие механизма защиты прав и учета интересов малочисленных коренных народов, падение уровня жизни населения и слабая консолидированность самого удмуртского народа, усугубленная распространением среди удмуртов национального нигилизма и социальной пассивности. К этому автор добавляет частую сменяемость руководства Ассоциации «Удмурт кенеш» не на процедурной, а на политической основе, что существенно затрудняло реализацию ее программных установок.

В качестве основных мер, призванных обеспечить политическое представительство и учет мнения коренного населения республики при решении важнейших государственных вопросов на съезде предлагалось внести в текст Конституции УР особые статьи, защищающие права удмуртского народа и гарантирующие участие его представителей в работе республиканских органов власти. Съезд призвал Госсовет рассмотреть и принять законы о статусе всеудмуртского съезда и о государственных языках республики, а также разработать государственную программу о подготовке национальных кадров⁴⁰.

В политических оценках итогов выборов лидеры удмуртского национального движения проявили непоследовательность. С одной стороны, они заявили, что удовлетворены результатами избирательной кампании, проведенной «Удмурт кенешем», несмотря на то, что в новый состав парламента прошло всего 12 удмуртов. В частности, 16 апреля 1999 г. в интервью Н. Пузановой, журналисту газеты «Удмуртская правда», В. К. Тубылов отметил: «Мы так вопрос никогда и не ставили, что интересы титульного населения могут защищать только представители этой же национальности. Прошли из этого числа (списка «Удмурт кенеша. – С. Б.) 21: удмурты, татары, марийцы, русские. Мы довольны этим результатом...»⁴¹. Однако данное заявление диссонировало с акцией гражданского неповиновения – несанкционированным пикетом, проведенным частью удмуртской студенческой молодежи во главе с Р. Яшиной

22 апреля 1999 г., когда Н. А. Ганзе в открытой форме было предложено взять самоотвод при выдвижении его кандидатуры на пост главы Правительства.

Более однозначную позицию первоначально занял другой лидер удмуртского национального движения – К. А. Пономарев. 30 апреля 1999 г. в своем интервью Н. Пузановой, он заявил буквально следующее: «Мы, представители удмуртской интеллигенции, воспринимаем результаты выборов как национальную трагедию... Целому народу нанесена обида⁴²». Весьма болезненно ситуацию, сложившуюся с нарушением национальных паритетов при формировании органов власти, воспринимал и К. И. Куликов⁴³.

Однако впоследствии лидеры удмуртского национального движения пересмотрели свои оценки. Учитывая новые политические реалии, на 7-м (внеочередном) Всеудмуртском съезде К. А. Пономарев отметил, что А. А. Волков одержал политическую победу на парламентских выборах, на конструктивной основе сформировал Правительство. Поэтому удмуртскому национальному движению, его органу, Всеудмуртской ассоциации «Удмурт кенеш», следовало искать любые возможности для налаживания диалога с главой республики.

С решением вопроса о высшем должностном лице УР механизм толерантности политических элит осуществлялся в направлении достижения «командой А. А. Волкова» конституционного большинства в парламенте и завоевания исполнительной власти, используя противоречия в оппозиционном лагере.

¹ Куликов К. И. Удмуртия – субъект России (1990-е годы). Ижевск, 1999. С. 43.

² Центральная избирательная комиссия УР сообщает предварительные данные о результатах выборов в Государственный Совет Удмуртской Республики // Удмуртская правда. 1995. 28 марта.

³ Егоров И., Мацузато К. Удмуртская Республика... С. 313.

⁴ Удмуртия в годы реформ: 1990–2001. Екатеринбург, 2002. С. 126 – 127; ЦДНИ УР. Ф. 74, оп. 5, л. 5–10.

⁵ Куликов К. И. Удмуртия – субъект России... С. 43.

⁶ Центральная избирательная комиссия УР сообщает предварительные данные о результатах выборов в Государственный Совет Удмуртской Республики // Удмуртская правда. 1995. 28 марта.

⁷ Удмуртия в годы реформ... С. 127; ЦДНИ УР. Ф. 74, оп. 5, л. 5–10.

- ⁸ Удмуртия в годы реформ... С. 127–128; ЦДНИ УР. Ф. 74, оп. 5, л. 5–10.
- ⁹ Куликов К. И. Удмуртия – субъект России... С. 43.
- ¹⁰ Центральная избирательная комиссия УР сообщает предварительные данные о результатах выборов в Государственный Совет Удмуртской Республики // Удмуртская правда. 1995. 28 марта.
- ¹¹ Егоров И., Мацузато К. Удмуртская Республика... С. 316.
- ¹² Куликов К. И. Удмуртия – субъект России... С. 43.
- ¹³ Центральная избирательная комиссия УР сообщает предварительные данные о результатах выборов в Государственный Совет Удмуртской Республики // Удмуртская правда. 1995. 28 марта.
- ¹⁴ Удмуртия в годы реформ... С. 127; ЦДНИ УР. Ф. 74, оп. 5, л. 5–10.
- ¹⁵ Куликов К. И. Удмуртия – субъект России... С. 43.
- ¹⁶ Центральная избирательная комиссия УР сообщает предварительные данные о результатах выборов в Государственный Совет Удмуртской Республики // Удмуртская правда. 1995. 28 марта.
- ¹⁷ Удмуртия в годы реформ... С. 128; ЦДНИ УР. Ф. 74, оп. 5, л. 5–10.
- ¹⁸ Протокол II конференции «Республиканского центра поддержки самоуправления Удмуртской Республики» по выдвижению кандидатов в депутаты Государственного Совета Удмуртской Республики от 1 февраля 1995 г. // Удмуртская правда. 1995. 14 февраля.
- ¹⁹ Центральная избирательная комиссия УР сообщает предварительные данные о результатах выборов в Государственный Совет Удмуртской Республики // Удмуртская правда. 1995. 28 марта.
- ²⁰ Развитие. Стабильность. Ответственность. Платформа избирательного объединения «Республиканский центр поддержки самоуправления Удмуртской Республики» // Удмуртская правда. 1995. 14 февраля.
- ²¹ Удмуртия в годы реформ... С. 128; ЦДНИ УР. Ф. 74, оп. 5, л. 5–10.
- ²² Куликов К. И. Удмуртия – субъект России... С. 43–44.
- ²³ Подсчитано по: Куликов К. И. Удмуртия – субъект России... С. 43–44.
- ²⁴ Егоров И., Мацузато К. Удмуртская Республика... С. 317.
- ²⁵ Пономарев К. За бортом. Почему «Удмурт кенеш» проиграл выборы // Удмуртская правда. 1995. 8 апреля.
- ²⁶ Куликов К. И. Удмуртия – субъект России... С. 46.
- ²⁷ Центральная избирательная комиссия УР сообщает предварительные данные о результатах выборов в Государственный Совет Удмуртской Республики // Удмуртская правда. 1995. 28 марта.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Цит. по: Егоров И., Мацузато К. Удмуртская Республика... С. 314.
- ³⁰ Обращение председателя оргкомитета движения «Новая сила» Сергея Витальевича Чикурова к гражданам Удмуртской Республики // Известия Удмуртской Республики. 1999. 1 апреля.
- ³¹ Наша республика – наши кандидаты // Трибуна. 1999. 10 февраля.
- ³² Тани соос, асьмелэньёс! // Герд. 1999. 16 марта.
- ³³ Известия Удмуртской Республики. 1999. 13 марта.
- ³⁴ Крылова А., Бехтерев С., Бехтерева Л. Удмуртская Республика. Указ. соч. С. 46 – 47.
- ³⁵ Там же. С. 47.
- ³⁶ О назначении Председателя Правительства Удмуртской Республики. Постановление Государственного Совета Удмуртской Республики от 25 апреля 1999 г. № 5-П // С. 3. Сборник законов и постановлений, принятых на первой сессии Государственного Совета Удмуртской Республики второго созыва (20, 22 апреля, 12, 13, 14, 25, 28 мая 1999 г. Ижевск, б. г.
- ³⁷ Егоров И., Мацузато К. Удмуртская Республика... С. 360.
- ³⁸ Там же. С. 358.
- ³⁹ О регистрации депутатских фракций в Государственном Совете Удмуртской Республики. Постановление Государственного Совета Удмуртской Республики от 14 мая 1999 г. № 26-П // Сборник законов и постановлений, принятых на первой сессии Государственного Совета Удмуртской Республики второго созыва (20, 22 апреля, 12, 13, 14, 25, 28 мая 1999 г. Ижевск, б. г. С. 29–32.
- ⁴⁰ Смирнова С. К. Права народов в мультиэтничном государстве: путь России. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 151. М., 2002. С. 14.
- ⁴¹ Пузанова Н. За кого голосовали удмурты? // Удмуртская правда. 1999. 16 апреля.
- ⁴² Пузанова Н. Не забывать о национальном аспекте // Удмуртская правда. 1999. 30 апреля.
- ⁴³ См., напр.: Куликов К. И. Удмуртия – субъект России... С. 237–244.

3.3. Субъекты политической системы в процессе формирования органов местного самоуправления

С 1994 г. одной из особенностей развития РФ и ее регионов явилось первоочередное формирование органов местного самоуправления, что не случайно. Для становления безраздельного господства исполнительной власти нужно было, во-первых, избежать политических потрясений в центре, а точнее перевести их в регионы. Конституция РФ 1993 г., пожалуй, впервые за всю отечественную, да и мировую историю, создала уникальную систему управления огромной страной. Уникальную прежде всего своим механизмом сдержек и противовесов, задача которого – в поддержании единства и неделимости государства в условиях формального федерализма. Вывод органов местного самоуправления из общей системы государственной власти и наделение их властными полномочиями закладывали институциональные основы для раскола политической элиты регионов. С этой точки зрения местные органы, особенно столичные руководители, обладая всей полнотой власти, в принципе противостояли государственным органам субъекта РФ и реализовывали политику федерального центра, иногда в ущерб интересам периферии.

Предпосылки для осуществления данной политики начали складываться в Удмуртии в ходе первых муниципальных выборов весной 1994 г., особенно в столичную Ижевскую городскую думу и мэра г. Ижевска 10 апреля 1994 г.

Муниципальные выборы отразили противоречивые тенденции общественно-политического развития. С одной стороны, они показали высокую степень активности структур гражданского общества. Это были последние демократические выборы в республике. Помимо «независимых кандидатов» в новый орган выдвигались представители шести избирательных объединений.

Единственным формированием, выразившим интересы части общества, не связанного с прежней партийно-хозяйственной номенклатурой, стало избирательное объединение «Конституционно-демократическая партия (Партия

Народной Свободы)». Оно вобрало в себя как беспартийных кандидатов, так и представителей бывшего «Движения за демократию», выступавших за сохранение ряда позиций, «отвоеванных» у номенклатурной составляющей демократических преобразований. Избирательное объединение КДП (ПНС) выдвинуло 20 кандидатов, среди которых были ученые, инженерно-технические и творческие работники, служащие, рабочие¹. Основным своим достоинством КДП (ПНС) считало то обстоятельство, что «мы не связаны никакими «обязательствами» ни с прошлой, ни с нынешней властью... Мы сочетаем в себе жизненный опыт, мудрость политика, профессионализм деятельности». В своих предвыборных материалах кадеты призывали голосовать за «слуг народа, а не за его «вождей»². Наиболее близко стоявшее к КДП (ПНС) избирательное объединение «Демократическая Россия» отождествляло себя с либеральными реформаторами и включило представителей новых олигархических структур. Оно предложило 9 кандидатур³.

Республиканский центр поддержки местного самоуправления, впоследствии РЦПС, выдвинул 25 кандидатов, поддержав ряд кандидатур от Федерации профсоюзов Удмуртской Республики⁴. Последняя предложила 24 кандидата⁵, а Союз женщин УР – 4⁶.

Избирательное объединение «Советская Удмуртия» в составе Союза рабочих, крестьян, специалистов и служащих Удмуртии, республиканских организаций РКРП и КПРФ выставило 24 кандидата⁷. Члены Союза рабочих, крестьян, специалистов и служащих выявили неоднозначное отношение к выборам в муниципальные органы. С одной стороны, как они полагали, выборы ликвидируют советскую систему власти, «единственно действительно демократическую»⁸. С другой стороны, левые радикалы посчитали возможным использовать парламентские формы борьбы за права трудящихся. Поэтому они вошли в блок «Советская Удмуртия». Левые радикалы поддержали тех, кто

впоследствии возглавил оппозицию Волкову (например, В. Л. Фридриха на пост главы администрации г. Воткинска)⁹.

Всего на 30 депутатских мест первоначально баллотировались 202 человека (впоследствии 200): 106 от шести избирательных объединений и 96 – от групп избирателей. 172 из них представляли мужчины, 30 – женщины. Участвовать в выборах изъявили желание 26 руководителей разного уровня, в основном промышленных предприятий, 25 инженерно-технических работников, 15 рабочих, 7 творческих работников, 12 служащих, 19 руководителей, преподавателей высшей школы и научных сотрудников, 24 предпринимателя и банкира, 5 представителей средств массовой информации, 8 работников строительных организаций, 10 – органов здравоохранения, 6 – народного образования, 17 – профсоюзных органов, 5 – сферы обслуживания, коммунального хозяйства и торговли, 9 – органов власти и управления, 7 руководителей общественных организаций, 7 военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов¹⁰.

Наиболее удачно провели свою кампанию политические структуры, на базе которых сформировались полюса биполярной системы. Однако на этих выборах элита республики пока выступала единым целым.

РЦПС, в будущем политический базис оппозиции высшему должностному лицу УР, получил пять депутатских мест; будущие союзники А. А. Волкова: Союз женщин УР, Федерация профсоюзов УР «Советская Удмуртия» соответственно два, три и два места. Либерал-реформаторы в лице «Демократической России» получили три мандата. КДП (ПНС) обеспечило победу одному кандидату и не смогло играть самостоятельную роль в определении муниципальной политики. Результаты выборов отражены в таблице № 8.

Таблица № 8. Итоги выборов депутатов Городской думы г. Ижевска первого созыва (10 апреля 1994 г.)

Избирательный блок (объединение)	Выдвинуто кандидатов	Количество депутатов
Избирательное объединение «Республиканский центр поддержки местного самоуправления»	25	5
Избирательное объединение «Союз женщин УР»	4	2
Избирательное объединение «Федерация профсоюзов УР»	24	3
Избирательное объединение «Конституционно-демократическая партия (Партия Народной Свободы)»	20	1
Избирательное объединение «Демократическая Россия»	9	3
Избирательный блок «Советская Удмуртия»	24	2
Итого от блоков и объединений	106	16
Вне блоков и объединений	96	14
Всего	202	30

Всего по УР в выборах в органы МСУ приняли участие 40,79 % избирателей, а в г. Ижевске – 34,4 %¹¹.

С точки зрения развития местного уровня власти как одной из составляющих политической системы в условиях рыночных реформ особый интерес представляет анализ предвыборных программ шести кандидатов на должность главы местного самоуправления столицы субъекта РФ.

Все претенденты на пост мэра Ижевска явно или неформально представляли определенные политические объединения. Одним из них стал фактический лидер ЦПС А. И. Салтыков, с ноября 1993 г. глава администрации – мэр г. Ижевска. «Советская Удмуртия» выдвинула кандидатуру В. Г. Шишкина, занимавшего должность начальника государственной налоговой инспекции по Октябрьскому району г. Ижевска. Два кандидата, С. В. Чикуров, президент

многопрофильного АО «Чикуров и К», и А. В. Денисов, директор ТОО «Декарт», хотя и выдвигались от групп избирателей, но были связаны партийными обязательствами: первый – с «Демократической Россией», а второй являлся координатором регионального отделения ЛДПР. И, наконец, два «независимых» кандидата шли в связке с основными претендентами на пост мэра: В. Ф. Николаев, председатель постоянной комиссии ВС УР, активно помогал В. Г. Шишкину, а Э. В. Касимов, профессиональный художник, в то время руководитель дизайн-студии ТОО «Продюсерская группа «Ижевский завод», – А. И. Салтыкову.

В международной практике при анализе механизма самоуправления территорий акцент обычно делается на следующих моментах. Во-первых, усиление роли местных органов самоуправления на всех стадиях социально-экономического развития – закономерный процесс в условиях рыночных отношений. Во-вторых, развитие региона, города происходит под воздействием, с одной стороны, общих социально-экономических процессов, происходящих в государстве в целом, а с другой стороны, под воздействием территориальной общности людей, имеющих совместный локальный интерес. В-третьих, проблема соотношения государственного, территориального управления и местного самоуправления – одна из крупнейших для любой страны, а для России наиболее актуальна в условиях реформирования. Суть проблемы лежит в сложности обеспечения оптимального сочетания интересов населения конкретного муниципального образования с реализацией общенациональных ценностей и минимальных социальных норм, установленных государством. В-четвертых, эффективность процессов развития рыночной инфраструктуры и конкуренции, разгосударствления и приватизации государственной собственности, становления предпринимательских структур, обеспечения социальной защиты населения зависит от профессионального уровня функционирующих органов местного самоуправления.

Сопоставительный анализ, представленный в таблице № 9, дает возможность сделать выводы об уровне профессиональной подготовки, опыте управления хозяйством кандидатов на должность мэра г. Ижевска.

Таблица № 9. Сопоставительная характеристика социально-экономических аспектов предвыборных программ кандидатов на пост главы местного самоуправления (г. Ижевск, 1994 г.)¹²

Основные составляющие механизма местного самоуправления (МСУ)		Кандидат					
		А. Денисов	В. Николаев	Э. Касимов	А. Салтыков	С. Чикуров	В. Шишкин
Формы и методы организации МСУ		–	–	«В Ижевске чиновников больше, чем в Чикаго. И милиционеров несколько не меньше, чем в столице американских мафиози»	Формирование органов местного самоуправления из профессиональных кадров	–	–
Формирование и расходование местного бюджета	–	¾ городского бюджета – поступление налогов на прибыль	–	Долговременные нормативы отчислений от федеральных налогов; разграничение бюджетов различных уровней; рациональная структура расходов местного бюджета	Получение дополнительной прибыли через городской банк	долговременные стабильные нормативы отчислений от каждого налога	
Система местных налогов и дотаций	–	Стимулирующее налогообложение в размере 35 % от прибыли	–	Регулирование местных налогов и установление льгот по ним	–	Формирование самостоятельной налоговой политики; Пересмотр системы налоговых льгот	
Стратегия МСУ в социально-экономическом развитии города	«Усилить госсектор»; приостановить конверсию; продавать военную продукцию на мировом рынке; прекратить помощь ближнему и дальнему зарубежью		Создание городской маркетинговой службы; Согласование госзаказа с правительством России; Создание городского банка	Госзаказ на продукцию ВПК	Госзаказ на военную продукцию; Поиск рынков сбыта продукции предприятий города; Разработка гибкой системы платы за землю; Разработка и выполнение программ по экологическому оздоровлению города; Программа по безопасности жизни в городе	Введение целевых облигаций выигрышного займа (на жилье); Аукционы по распродаже построенного жилья; содействие иностранным фирмам в инвестировании строительства жилья, гостиниц	«...заводы будут работать, стройки оживут»
Содействие предпринимательству	Развернуть налоговую систему в сторону		–	Льготы предпринимателям, создающим рабочие места	Льготы для предпринимателей по системе налогообложения	Развитие среднего и малого бизнеса; Ввод завода по переработке	Каждому желающему «открыть свое дело на

	производителей, 60 % прибыли должно оставаться в руках производителей				сельскохозяйствен ных продуктов; Содержание городского хозяйства	месяц- два...»
Социальная защита населения	Льготы только остронуждающимся; Торговля по лимитным карточкам; Покончить с организованной преступностью, спекуляцией; Жилье безвозмездно передавать в собственность проживающим в нем, дома – в рассрочку в 25-35 лет	Вкладывать деньги в человека	Конкурс подрядов на работу по благоустройству, субботники; Горячая вода круглый год	Программа переподготовки кадров, внимание женщинам, молодежи, инвалидам; Программа занятости населения; Бесплатное и качественное медицинское обслуживание; Помощь малоимущим семьям; Развитие сети учебных заведений и организация досуга подростков и молодежи	Транспортные льготы пенсионерам, студентам, ученикам; снижение квартплаты малоимущим; Городской заказ на продукты питания	Полная безопасность на улицах и спокойствие в каждом доме; Детям – бесплатное образование и свободный доступ к культурным и спортивным базам; Пожилым – обеспеченная старость, забота и внимание, бесплатный проезд в городском транспорте

Как видно из таблицы, во всех предвыборных платформах отсутствовали результаты предварительных расчетов возможных источников наполнения местного бюджета. Предложения о создании городского банка в программах В. Ф. Николаева и С. В. Чикурова с точки зрения механизма функционирования финансового менеджмента в условиях инфляции усугубляли положение города.

Не было целостности в стратегии органов самоуправления в программах Э. В. Касимова и В. Г. Шишкина. В платформах почти всех кандидатов отсутствовала комплексность формирования механизма местного самоуправления. Наиболее полный, системный подход обнаружила позиция А. И. Салтыкова, что свидетельствовало о его значительном опыте, определенных управленческих навыках, знании проблем и умении выделить их приоритетность

на данный период времени. На том этапе его кандидатура устраивала также руководителей представительной и исполнительной власти УР.

В целом, в голосовании по выборам главы местного самоуправления – мэра г. Ижевска приняло участие 34,8 % от числа зарегистрированных избирателей. Основная борьба развернулась между А. И. Салтыковым и С. В. Чикуровым. Первый набрал 47,7 % голосов и был переизбран на очередной срок полномочий. За С. В. Чикурова проголосовали 31,6 % избирателей. Остальные претенденты получили от 6,5 % (В. Г. Шишкин) до 1,3 % голосов (А. В. Денисов)¹³.

Результаты муниципальных выборов 1994 г. имели в том числе негативные последствия для развития региона. Города и районы оказались вне государственного регулирования. Правительство теряло оперативное управление республикой. Все его распоряжения относительно местных властей имели рекомендательный характер и не были обязательными к исполнению. Полномочия же глав местного самоуправления фактически оказались неограниченными, что вело к установлению в ряде мест, особенно в гг. Ижевске и Воткинске авторитарного управления¹⁴. Исход муниципальных выборов 1994 г. стимулировал складывание биполярной системы на региональном уровне.

Очередные выборы в органы местного самоуправления УР, прошедшие весной – летом 1998 г., отразили новую структуру российской политической системы, сформировавшуюся под влиянием продолжавшегося курса радикальных либеральных реформ, а также ее региональные особенности. Спецификой этих выборов стало то обстоятельство, что они проводились не одновременно во всех муниципальных образованиях, а в два этапа. Это объяснялось тем, что в УР продолжался конституционный кризис, обусловленный противостоянием «государственников» и «самоуправленцев».

Первоначально, 12 апреля 1998 г. состоялись выборы глав и депутатов муниципальных образований городов УР. Обе группы элиты рассматривали их

как «генеральную репетицию» республиканских и федеральных парламентских выборов 1999 г. Однако в условиях кризиса, когда обе стороны утратили значительную часть своего авторитета в глазах электората, та и другая элитная группа не решилась явно обозначать своих кандидатов через какие-либо известные формальные общественно-политические структуры.

Особо острой стала борьба за мандаты в Ижевскую думу. Сторонники команды А. А. Волкова, хотя и имевшей в своем активе своеобразную региональную «партию власти», ОПД «Удмуртия», предпочли выдвигаться либо от групп избирателей, либо через самовыдвижение. Определенную самостоятельность обнаружили союзники А. А. Волкова – организации коммунистической ориентации. На региональный уровень политической арены вышел Народно-патриотический союз России (лидер – Г. А. Зюганов, республиканский руководитель – Н. И. Сапожников). В УР НПСР объединил: КПРФ, РКРП, АПР, РКСМ, Союз офицеров, объединение «Женщины за социальную справедливость» Всероссийского женского союза, республиканский Союз рабочих, крестьян, специалистов и служащих, ряд других организаций. Блок выставил 22 кандидата и поддержал десять, являвшихся членами других коммунистических организаций. Не имели практических шансов на победу выдвиженцы Народно-республиканской партии России, а также ОПД «Женщины России».

Линия поведения «государственников» формировалась под влиянием ряда избирательных кампаний, в том числе по выборам Президента РФ в 1996 г., когда поддержка Б. Н. Ельцина республиканским руководством обуславливалась требованием изменения характера реформ в сторону усиления их социальной направленности. В целом группа А. А. Волкова представляла не очень сильную команду. Слабость ее позиций определялась в то время, прежде всего, отсутствием в непосредственном окружении высшего должностного лица УР каких-либо федеральных политических структур, а также каналов для

трансляции определенного характера информации в президентском окружении Б. Н. Ельцина. Всего государственники выдвинули 36 кандидатов в 30 ижевских округах, но не получили ни одного места.

«Самоуправленцы» представляли более внушительную силу. Они были поддержаны непосредственно аппаратами Ижевской администрации и Полномочного представителя Президента РФ в УР В. В. Балакина, бывшего вице-мэра г. Ижевска, сохранившего связи с прежней «партией власти» (НДР), а также влиятельными российскими структурами («Яблоко», «Реформы – Новый курс», «Конфедерация деловых женщин России», находившаяся под эгидой объединения «Общее дело»), выступившими соучредителями избирательного блока «Ижевчане». Идеология «самоуправленцев» не выходила за рамки российского правительственного курса.

«Правые» силы предпочли выдвигаться не от утратившего популярность РЦПС, а от вышеназванного избирательного блока «Ижевчане». Помимо «Яблока», РНК, КДЖР в него вошли ДВР, Российский союз народных домов, Ассамблея парламентариев (руководитель – В. Н. Подопригора), а также республиканские организации РЦПС, «Многоцветье», ижевские городские советы ветеранов и женщин. Лидером блока стал ижевский мэр А. И. Салтыков. «Ижевчане» выставили пять и поддержали шесть кандидатов, в том числе от ассоциации «Удмурт кенеш». НДР выдвинул трех кандидатов и поддержал одного. В целом «правым» удалось обеспечить победу пяти кандидатам.

Политическая идентификация избирательного объединения «УРО ЛДПР» не может быть выявлена однозначно. Эта организация всегда стремилась сохранить известную самостоятельность от элитных групп региона. Результаты выборов депутатов Городской думы г. Ижевска второго созыва представлены в таблице № 10.

Таблица № 10. Итоги выборов депутатов Городской думы г. Ижевска второго созыва (12 апреля 1994 г.)¹⁵.

Политическая группа	Избирательный блок (объединение)	Выдвинуто	Количество депутатов
«Государственники»	Избирательное объединение «Народно-патриотический союз России (условно)	22	0
	УРО КПРФ (условно)	4	0
	Народно-республиканская партия (условно)	3	0
	Трудовая Россия (условно)	2	0
	Союз рабочих, крестьян, специалистов и служащих Удмуртии (условно)	1	0
	Совет рабочих, специалистов и служащих (условно)	1	0
	Общественное движение «Российские ученые социалистической ориентации» (условно)	1	0
	Общественное движение «Женщины за социальную справедливость» (условно)	1	0

	ОПД «Женщины России» (условно)	1	0
ИТОГО («государственники»)		36	0
«Самоуправленцы»	Избирательный блок «Ижевчане»	5	2
	Ассоциация «Удмурт кенеш» (условно)	3	0
	Удмуртское представительство КДЖР (условно)	2	2
	НДР	4 (3 выдвинуто и 1 поддержан)	1
	Социал-демократическая партия России	1	0
ИТОГО («самоуправленцы»)		15	5
Иные избирательные блоки, объединения	Избирательное объединение «УРО ЛДПР»	9	0
Итого от блоков и объединений		60	5
Вне блоков и объединений		142	25
ВСЕГО		202	30

Наиболее драматично развивалась в г. Ижевске кампания по выборам мэра. Как и в 1994 г., все пять претендентов тайно или явно отождествлялись с определенными политическими кругами, хотя только один из них, С. Ю. Савичев, председатель Совета директоров АО «Институт

«Удмуртгражданпроект», выдвигался от НПСР, остальные (В. Ф. Загайнов, генеральный директор республиканского государственного предприятия «Территориальное производственное объединение жилищно-коммунального хозяйства УР»; А. И. Салтыков, Глава местного самоуправления – мэр г. Ижевска и А. В. Солуянов, депутат ГД РФ) – либо от групп избирателей, либо путем самовыдвижения (С. Г. Щукин, заместитель главного редактора газеты «АИФ Удмуртии»)¹⁶. Однако в отличие от 1994 г., в условиях кризиса, обусловленного противостоянием «государственников» и «самоуправленцев», реальные претенденты на пост мэра Ижевска представляли две основные элитные группы.

«Обреченным» на победу оказался А. И. Салтыков. Этому содействовала, с одной стороны, деятельность федерального центра по ослаблению политического руководства республики, результатом чего стали вынужденные решения сессии ГС УР о приостановлении действия избирательных законов буквально за четыре дня до выборов. Победе мэра способствовали и значительные просчеты в избирательной технологии В. Ф. Загайнова, ставленника команды А. А. Волкова. Слишком большой объем негатива, озвученный «государственниками» против «самоуправленцев», оказал отрицательное воздействие на первых. В ходе выборов А. И. Салтыков получил 44,4 % голосов, В. Ф. Загайнов – 25,3 %, А. В. Солуянов – 14,2 %, С. Ю. Савичев – 4,3 % и С. Г. Щукин – 3,4 % голосов.

В целом, в пяти городских думах УР был избран 121 депутат, из них 100 – от групп избирателей, 11 – путем самовыдвижения, восемь – от НПСР и два – от Союза «Ижевчане».

5 июля прошли выборы депутатов представительных органов местного самоуправления 25 районов УР. Всего было избрано 734 депутата, из них 599 – от групп избирателей, 68 – путем самовыдвижения, 66 – от НПСР (в том числе в Алнашском районе – два, в Бalezинском – семь, Граховском – четыре,

Игринском – шесть, Камбарском – девять, Каракулинском – 11, Кезском – пять, Увинском – три, Шарканском – девять, Як-Бодьинском – десять) и один – от ЛДПР (в Сарапульском районе).

Муниципальные выборы весны – начала лета 1998 г. имели далеко идущие последствия как для административного управления, так и для эволюции региональной политической системы в целом. С одной стороны, резко ухудшился профессиональный состав депутатов местных органов. Процент не имевших опыта депутатской деятельности колебался от 76,0 % (по представительным органам местного самоуправления городов) до 65,4 % (в районах). Данное обстоятельство в значительной степени способствовало усугублению социально-экономической ситуации, сложившейся в республике под влиянием августовского кризиса 1998 г. С другой стороны, выборы показали, что местное самоуправление – это весьма специфический сегмент политического рынка, куда со своим, государственным «уставом» войти чрезвычайно трудно. И сила местного самоуправления в то время состояла в его завершенной организации, в отличие от государственной власти в субъектах РФ.

В то же время, и государственная власть объективно оказывалась достаточно специфической структурой. Поэтому результаты муниципальных выборов 1998 г. ни в коем случае нельзя было считать поражением команды А. А. Волкова, как полагали многие аналитики. Очевидно, что для «государственников» это был анализ реального расклада сил, уточнение линии политического «фронта». Дав возможность своим политическим оппонентам «увязнуть» в самоуправлении, А. А. Волков сохранил свой резерв для избирательной кампании в ГС УР 2-го созыва. Очевидно, что и Москва оказалась не заинтересована в чрезмерном усилении влияния столичного мэра в республике. Для федерального центра каждый чиновник хорош только на своем месте. В противном случае это противоречило бы системе сдержек и противовесов. Однако для политической победы А. А. Волкову необходимо

было активизировать политическое сотрудничество с коммунистами, в значительной мере проигравшими муниципальные выборы. Кроме того, в резерве высшего должностного лица находились и неискушенные в политике новые депутаты городов и районов. Ход и исход выборов в ГС УР весной 1999 г. подтвердил эти ожидания и выводы.

Таким образом, формирование политической организации российского общества, начиная с 1993 г. осуществлялось на основе долгодействующих экономических, политических, идеологических факторов. Восприятие значительной частью политической элиты, в недавнем прошлом партийно-хозяйственной номенклатуры, основных постулатов «либерального» капитализма в достаточно короткие сроки привело к двум параллельно идущим процессам: приватизации собственности и «приватизации власти» как в центре, так и на местах. Последняя осуществлялась на основе принципа разделения и независимости властных ветвей, на практике обернувшихся безраздельным господством исполнительной власти, управляющую политическими процессами и подчинившую себе институты гражданского общества.

¹ Информационное сообщение // Удмуртская правда. 1994. 18 марта.

² ЦДНИ УР, ф. 74, оп. 4, д. 2, л. 1.

³ Информационное сообщение // Удмуртская правда. 1994. 18 марта.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Ешкеев А. Голосуйте активно! // Удмуртская правда. 1994. 8 апреля.

⁹ Там же.

¹⁰ Информационное сообщение // Удмуртская правда. 1994. 18 марта.

¹¹ Информационное сообщение Ижевской городской избирательной комиссии об итогах выборов депутатов Городской думы и Главы местного самоуправления – мэра Ижевска // Известия Удмуртской Республики. 1994. 19 апреля.

¹² Ревенко Н., Якименко Л. С точки зрения ученых. Кому отдать предпочтение // Удмуртская правда. 1994. 9 апреля.

¹³ Информационное сообщение Ижевской городской избирательной комиссии об итогах выборов депутатов Городской думы и Главы местного самоуправления – мэра Ижевска...

¹⁴ Удмуртия в годы реформ: 1990–2001. Екатеринбург, 2002. С. 86–87.

¹⁵ Подсчитано по: Ижевская городская избирательная комиссия. Информационное сообщение // Удмуртская правда. 1998. 17 марта.

¹⁶ Там же.

ГЛАВА 4

СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИНСТИТУТОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

4.1. Конституционные гарантии общественно-государственных отношений

Водоразделом между советским и постсоветским этапами истории РФ и ее политической системы стал 1993 год, период подготовки и принятия новой Конституции и выборов в совершенно иные органы государственной власти России. Конституция РФ явилась всенародно принятым политико-правовым документом, закрепившим победу исполнительной (президентской) власти над законодательной (советской), заложившим современные основания политической системы и определившим характер общественно-государственных отношений как в политической, так и социальной сфере. Следует указать на одну особенность, связанную с процедурой принятия Основного Закона. 12 декабря 1993 г. голосование по проекту Конституции на территории Удмуртии на состоялось из-за низкой явки избирателей. На участки пришли только около 48 % граждан, имеющих активное право (по РФ – 54,8 %). За представленный проект проголосовали 55,71 % (по РФ – 58,4 %)¹.

Спецификой нового Основного Закона стало отсутствие понятия «политическая система». Его глава I была названа «Основы конституционного строя». В статье 1 Российская Федерация (Россия) определялась как демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления². Категория «демократия» увязывалась с провозглашением высшей ценностью человека, его прав и свобод. Обязанностью государства объявлялись признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина (ст. 2). Особо подчеркивалось, что они являются непосредственно действующими. Декларированно это означало, что права и свободы определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность

законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (ст. 18)³.

Одним из основополагающих провозглашалось право граждан на власть. Статья 3 объявляла носителем суверенитета и единственным источником власти в РФ ее многонациональный народ, который осуществлял свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и местного самоуправления. Высшим непосредственным выражением власти народа должны были стать референдум и свободные выборы⁴.

Новая Конституция установила совершенно иную систему власти. Теперь она осуществлялась на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную, каждая из ветвей которой провозглашалась самостоятельной (ст. 10). Кроме того, органы местного самоуправления были выведены из общей системы государственной власти и наделены полномочиями (ст. 12)⁵.

В Основном законе декларировался принцип федеративного устройства России. Статья 5 зафиксировала, что РФ состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов и установила равноправие субъектов федерации. Особо подчеркивалось, что республика (государство) имеет свою конституцию и законодательство⁶.

Одним из основных конституционных прав граждан признавалось право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов. Гарантировалась свобода деятельности общественных формирований (ст. 30 Конституции УР⁷; ст. 30 Конституции РФ⁸). Устанавливался принцип их равенства перед законом (ст. 14 Конституции УР⁹, ст. 13 Конституции РФ¹⁰).

К достоинствам Основных Законов РФ и УР следует отнести ряд положений, гарантирующих права общественных объединений. Наиболее важными из них следует признать:

- охрану законом права собственности граждан и их объединений наравне с правом государственной, муниципальной и иной собственности (только Конституция УР);

- право граждан и их объединений на частную собственность на землю (Конституции УР и РФ), а также на пользование ею на основе аренды или (и) пожизненного наследуемого владения (только Конституция УР);

- принцип равной ответственности органов государственной власти, местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц за решения и действия (или бездействия), фактически признавший общественные формирования полноценным субъектом политической системы.

Новое законодательство определило основные принципы функционирования политических партий как политико-правового института. В соответствующих статьях Основных Законов РФ и УР закреплялось признание политического и идеологического многообразия и многопартийности.

В отличие от Конституции РФ, Основной Закон УР зафиксировал принцип обеспечения государством соблюдения прав и законных интересов общественных объединений¹¹. Он устанавливал «режим наибольшего благоприятствования» государства в виде материальной и финансовой поддержки молодежным и детским общественным объединениям, проводящим государственную политику. Такая позиция определялась особым местом и ролью данного вида формирований в политической жизни республики, выполнявших роль кадрового резерва элиты. В целом социальная политика УР со времени принятия Конституции декларированно носила более «коллективистский» характер, нежели российская. Так, Конституция УР определила целью социальной политики «создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие **каждого человека и всего общества**» (выделено нами. – С. Б.) (ст. 6)¹².

Важной особенностью Конституции УР редакции 1994 г. стало наделение «общественно-политических организаций» (термин не вполне верный с правовой точки зрения; в Конституции УР редакции 2000 г. – «общественные объединения». – С. Б.) в лице их республиканских органов правом законодательной инициативы в Государственном Совете УР.

Конституции РФ и УР послужили исходными документами для установления новых общественно-государственных отношений. Однако актуальной оставалась проблема развития правовой базы такого взаимодействия. В первом ежегодном послании Президента России Федеральному Собранию (1994 г.) на государственном уровне ставилась задача поддержки институтов гражданского общества¹³. В Послании 1995 года уже содержался самостоятельный раздел «Государственная власть и общественные институты», в котором содействие становлению и полноценному развитию гражданского общества признавалось обязанностью государства; отмечалась необходимость постоянных усилий по укреплению доверия между общественными и государственными структурами, предлагались основные, наиболее актуальные направления деятельности государства по поддержке общественных институтов, конкретные формы их взаимодействия, в частности, в области законодательной инициативы¹⁴.

Дальнейшая демократизация общественно-политической жизни выявила архаичность Закона СССР «Об общественных объединениях». Его сменил ФЗ «Об общественных объединениях» 1995 г. Его действие распространилось на все общественные объединения (в том числе и политические партии. – С. Б.), созданные по инициативе граждан, за исключением религиозных организаций, а также коммерческих организаций и создаваемых ими некоммерческих союзов (ассоциаций) (ст. 2).

Принципиальным отличием этого ФЗ от предыдущих стало снятие ограничения на создание общественных объединений. Часть 3 статьи 3 гласила, что граждане имеют право создавать по своему выбору общественные объединения без предварительного разрешения органов

государственной власти и местного самоуправления. Уменьшалось число учредителей общественного объединения с 10 до 3 физических лиц (за исключением политических партий и профсоюзов) (ст. 18, ч. 1).

Закон конкретизировал декларируемое в Конституциях право граждан на объединение: **право создавать** на добровольной основе общественные объединения для защиты общих интересов и достижения общих целей; **право вступать** в общественные объединения либо **воздерживаться** от вступления; **право беспрепятственно выходить** из объединений.

Важнейшим достоинством нового закона стало положение о том, что объединения могут приобретать права юридического лица либо функционировать без регистрации и приобретения прав юридического лица. Эта норма основывалась на принципе свободы ассоциаций, установленном международными пактами о правах человека. Как было отмечено ранее, она закрепила право граждан РФ создавать объединения без предварительного решения государственных органов. По сравнению с предшествующим законодательством в этой области данный закон носил явно либеральный характер, защищал свободы граждан и их объединений, предоставлял им дополнительные права. Среди них – право легального существования без государственной регистрации, что не снимало ответственности таких объединений за совершенные ими противоправные действия.

Статья 5 ФЗ раскрывала понятие «общественное объединение». Отныне под ним стало пониматься добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения.

Широкий спектр общественного движения нашел отражение в ФЗ, статья 7 которого зафиксировала пять организационно-правовых форм общественных объединений: основанная на членстве общественная организация, а также не имеющие членства общественное движение,

общественный фонд, общественное учреждение и орган общественной самодеятельности.

Механизм правового взаимодействия элементов политической системы, заложен, главным образом, в статье 17 «Государство и общественные объединения». Основываясь на ней, можно выделить следующие принципы такого взаимодействия:

1. Принцип взаимного невмешательства: Вмешательство органов государственной власти и их должностных лиц в деятельность общественных объединений, равно как и вмешательство общественных объединений в деятельность органов государственной власти и их должностных лиц, не допускается, за исключением случаев, предусмотренных настоящим ФЗ (ч.1. ст. 17). Данный принцип разграничения деятельности государственных и общественных органов нормативно обеспечивал правовое обособление общественных объединений от государства и закреплял самостоятельность их создания и функционирования.

Устанавливая правовой запрет на вмешательство органов государственной власти в деятельность общественных объединений, а равно и вмешательство общественных объединений в деятельность государственных органов и должностных лиц, ч. 1 ст. 17 имела в виду самостоятельное осуществление ими своих функций в пределах установленной законом компетенции, взаимное признание и уважение правового статуса друг друга в полном объеме, строгое выполнение взаимных прав и обязанностей, предусмотренных в законодательстве. Термин «вмешательство» в данном случае следует понимать, прежде всего, как выход за пределы правовых форм взаимодействия, попытку оказания давления на внутренние механизмы управления, препятствование в осуществлении законных функций и уставных задач.

Взаимно ограничивая вмешательство, ч. 1 ст. 17 ФЗ основывалась на ч. 1 ст. 30 Конституции РФ, гарантирующей свободу деятельности общественным объединениям. «Свобода деятельности» означала

самостоятельное осуществление своих функций, отсутствие давления на деятельность общественного объединения извне, прежде всего со стороны государства, недопустимость вмешательства во внутренние дела управления объединением, препятствование ему в осуществлении законных уставных задач.

Что касается многочисленных форм гражданского участия в политической жизни и государственном управлении, включая формирование органов власти и контроль за их деятельностью – от получения необходимой информации, находящейся в распоряжении государственных органов до проведения митингов и демонстраций и участия в избирательных кампаниях–, то они ни в коем случае не могут рассматриваться как «вмешательство» в дела государства. Напротив, все формы гражданского политического участия, в т.ч. через общественные объединения, являются необходимым условием реализации конституционного принципа верховенства народа над властью в соответствии с ч. 1 ст. 3 Конституции РФ, устанавливающей, что единственным источником власти в РФ является ее многонациональный народ, и ч. 1 ст. 32, предоставляющей гражданам РФ право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей, в качестве которых выступают, в том числе, и руководящие органы общественных объединений, представляющие и защищающие интересы своих членов и участников.

Вместе с тем, формы государственного вмешательства в деятельность общественных объединений представили исключения из общего запрета и в исчерпывающем виде перечислялись в тексте закона. Это касалось защиты государством прав и законных интересов других участников правоотношений от незаконных посягательств, контроля за соответствием деятельности общественных объединений их уставным целям, за уплатой налогов и т.д., т.е. необходимых со стороны государственных органов мероприятий, проводимых ими по отношению ко всем субъектам общественной жизни.

Таким образом, в законе проводился **принцип взаимной ответственности** общественных объединений и государственных органов по соблюдению законодательства при взаимодействии друг с другом.

2. Принцип гарантий деятельности общественных объединений со стороны государства: «Государство обеспечивает соблюдение прав и законных интересов общественных объединений, оказывает поддержку их деятельности, законодательно регулирует предоставление им налоговых и иных льгот» (п. 1 ч. 2 ст. 17). В первую очередь – это государственные гарантии соблюдения установленных законом прав общественных объединений всеми субъектами правоотношений, основанные на ч. 1 ст. 45 Конституции РФ, предусматривающей государственную защиту прав и свобод, а, следовательно, и права на объединение. Кроме того, – это законодательное установление особого правового статуса общественных объединений, предусматривающего возможность предоставления таковым или их отдельным категориям специальных налоговых и иных льгот и преимуществ, например, по налогу на имущество, по земельному налогу, по налогу с владельцев транспортных средств, льготы по государственной пошлине и другие.

3. Принцип прямой государственной поддержки деятельности общественных объединений, вытекающий из второго принципа: «Государственная поддержка может выражаться в виде целевого финансирования отдельных общественно полезных программ общественных объединений по их заявкам (государственные гранты); заключения любых видов договоров, в том числе на выполнение работ и предоставление услуг; социального заказа на выполнение различных государственных программ неограниченному кругу общественных объединений на конкурсной основе» (п. 2 ч. 2 ст. 17).

Со второй половины 1990-х гг. формы такой поддержки составили целое направление государственной политики. Государственная поддержка общественных объединений могла осуществляться без прямой передачи

дополнительных материальных ресурсов, например, путем информационного обеспечения и подготовки кадров для работы в этих объединениях. Так, в Послании Президента ФС РФ в 1998 г. отмечалось, что общественные организации не требуют у государства денег, но им нужны организационное содействие, избавление от бюрократических вывертов, на преодоление которых приходится тратить время, необходимое для социально полезной деятельности¹⁵.

Вместе с тем, для общественных объединений большое значение приобрела прямая материальная и финансовая поддержка, возможность использования на эти цели средств государственного бюджета. ФЗ предусмотрел принципиально новые формы государственной поддержки объединений, связанные с передачей им материальных ресурсов, которые могли осуществляться, в соответствии с положениями ст. 17, в трех самостоятельных формах: в форме государственных грантов, т.е. целевого финансирования конкретных программ общественных объединений по их заявкам; путем заключения любых видов договоров, в т.ч. на выполнение определенных работ и предоставление услуг; в форме социального заказа на выполнение различных государственных программ и поручений.

По механизму правового осуществления такой поддержки каждая из трех форм представляла собой различные виды гражданско-правовых договоров. С точки зрения содержания отношений между общественными объединениями и государством таковые различались по степени инициативы этих отношений.

Понятия «грант», «государственный грант» были заимствованы из зарубежной правовой практики. Слово «грант» английского происхождения (от английского “to grant” – предоставлять, гарантировать). Независимо от того, кто выступал в качестве грантодателя, суть гранта оказывалась универсальна и определялась как целевые средства, безвозмездно передаваемые грантодателем грантополучателю на выполнение конкретных общественно полезных программ с последующим отчетом об их

использовании. Договор о гранте был ближе всего в российском законодательстве к договору поручения, предусмотренному Гражданским Кодексом РФ. В этом случае государство, обладая бюджетными ресурсами и определяя приоритетность решения социальных задач, могло выделить часть средств на осуществление программ, разрабатываемых общественными объединениями, например, «забота об одиноких престарелых» или «борьба с беспризорностью». Получая государственный грант, они максимально реализовывали свою инициативу.

При заключении «любых видов договоров» между общественными объединениями и государством, предусмотренными ст. 17 ФЗ, инициировать таковые могли обе стороны. В данной сфере ГК РФ предоставлял самые широкие возможности, включая договор подряда, договор на выполнение научно-исследовательских работ, договор доверительного управления имуществом, договор возмездного оказания услуг и другие виды.

Социальный заказ на выполнение различных государственных программ на конкурсной основе также стал новой формой поддержки общественных объединений. Его особенностью явилась не только большая мера государственной инициативы, но и значительно большая степень определенности государственного органа как заказчика относительно результата выполнения заказа. Данная форма оказалась близка к договору подряда.

Необходимо отметить, что социальный заказ в 1990-е гг. стал широко распространенным во всем мире. В США, например, до трети всех средств, инвестируемых государством в социальную сферу, реализовывалась через неправительственные (некоммерческие) организации, в Германии - до 70 %, во Франции - до 80 %.

4) Принцип согласования интересов: «Вопросы, затрагивающие интересы общественных объединений в предусмотренных законом случаях, решаются органами государственной власти и органами местного самоуправления с участием соответствующих общественных объединений

или по согласованию с ними» (ч. 3 ст. 17). Данный принцип исключил всякую анонимность и государственный произвол в отношении общественных объединений, что было характерно для правоприменительной практики авторитарной системы.

Основным критерием эффективности системы взаимодействия представляется принцип **максимальной функциональности**. На основании ст. 17 ФЗ в практике работы государственных и муниципальных органов ряда субъектов РФ, таких, как Саратовская, Свердловская области с общественностью в рассматриваемый период реализовывались следующие принципы:

1) **принцип доступности**. Между общественными объединениями и властными структурами не должно быть бюрократических барьеров;

2) **принцип открытости и терпимости**. Органы государственной власти должны быть готовы к взаимодействию с любыми общественными и политическими силами, действующими в рамках закона. Дискриминация по идеологическому признаку недопустима;

3) **принцип активного включения** общественных организаций в процесс принятия решений. Отношения с общественностью необходимо строить только в режиме многоканального диалога. Мнение и оценки общественных организаций не просто фиксируются, но и учитываются при принятии всех социально значимых решений. Одновременно в процессе взаимодействия выявляется реакция общественного мнения на уже принятые решения с целью их корректировки.

Одним из главных принципов взаимодействия элементов политической системы следует рассматривать **договорные отношения**. В данном случае характерен пример Саратовской области, где действует Договор об общественном согласии и социальном партнерстве от 10 августа 1998 года.

Несмотря на то, что ФЗ «Об общественных объединениях» в целом стал рубежной вехой в развитии общественно-государственных отношений, он имел и ряд сдерживающих моментов. Во-первых, в ФЗ ничего или почти

ничего не говорилось о принципах взаимодействия муниципальных органов с общественностью. Автор связывает это с тем, что в то время природа, характер, сущность органов местного самоуправления понималась политиками, учеными и законодателями лишь в общих чертах. В то же время сами органы местного самоуправления по своим внешним характеристикам приближались к пятой организационно-правовой форме общественного объединения – органу общественной самодеятельности. Во-вторых, не было заказа на уточнение статуса политических партий, что создавало условия для правовых коллизий. Наглядно это проявлялось при выборах в Государственную Думу ФС РФ, особенно 3-го созыва.

Правовую базу общественно-государственных отношений в рассматриваемый период составили также Гражданский кодекс РФ¹⁶; федеральные законы «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» от 26 июня 1995 г.¹⁷; «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» от 11 августа 1995 г.¹⁸; «О профсоюзах, их правах и гарантиях деятельности» от 12 января 1996 г.¹⁹; «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г.²⁰; «О свободе совести и религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г.²¹ и др.

Рассматривая совокупность всего законодательства, необходимо учитывать, как взаимодействовали и как применялись нормы федеральных законов в отношении каждого отдельного общественного объединения: если законы о профсоюзах и молодежных объединениях полностью попадали в сферу деятельности базового закона об общественных объединениях, устанавливая особенности регулирования конкретных видов таких объединений, то законы о некоммерческих и благотворительных организациях попадали в эту сферу лишь частично.

Так, ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» предусмотрел возможность таковой без прямой передачи дополнительных материальных ресурсов, например, путем информационного обеспечения и подготовки кадров для работы в

объединениях. Согласно п. 3 ст. 6 закона такую работу в пределах бюджетных ассигнований должен был вести федеральный орган исполнительной власти по реализации государственной молодежной политики, причем по запросам самих молодежных и детских объединений. В этом же законе определялись конкретные направления содержания государственного социального заказа для молодежных и детских общественных объединений: создание социальных служб, центров досуга для детей и молодежи, разработка и реализация проектов по организации социальной работы, дополнительного образования, деятельности в сфере культуры, здравоохранения, экологии, предупреждению беспризорности и правонарушений, а также на научные исследования, являющиеся приоритетными при реализации государственной молодежной политики.

ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» предусмотрел возможность материально-технического обеспечения и субсидирования благотворительных организаций по решению соответствующих органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Субъекты РФ в соответствии с Конституцией РФ наделялись правом принимать свои законы и иные нормативные акты о деятельности общественных объединений, не противоречащие федеральным законам. Подобные акты действовали в Башкортостане, Москве, Санкт-Петербурге и других регионах. Ряд законодательных актов Удмуртии также регулировал общественно-государственные отношения. Прежде всего, это Конституция Удмуртской Республики, Законы УР «О культуре»²², «О народном образовании»²³, «О государственной молодежной политике в Удмуртской Республике»²⁴, «О постоянных комиссиях Государственного Совета Удмуртской Республики»²⁵, Постановление Государственного Совета УР «О Концепции государственной национальной политики Удмуртской Республики»²⁶, и другие правовые акты.

Рассматривая соотношение норм федеральных законов, регулирующих деятельность общественных объединений, и соответствующих законов субъекта РФ, важно отметить следующий момент: в соответствии с п. «в» ст.71 Конституции РФ в ведении РФ находились «регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина», а в совместном ведении РФ и ее субъектов, в аналогичной области, согласно п. «б» ст.72 Конституции РФ, находится лишь «защита прав и свобод человека и гражданина». Следовательно, регулирование реализации важнейших конституционных прав и свобод, к числу которых относилось и право граждан на объединение, составило исключительную компетенцию федеральных органов власти. Поэтому законы и другие нормативные акты, принимаемые субъектом РФ, не ограничивая использование гражданами права на объединение, не умаляя права и виды государственной поддержки общественных объединений, гарантированные ФЗ «Об общественных объединениях», могли устанавливать дополнительные меры защиты этих прав, расширить возможности законной деятельности общественных объединений, предоставлять им дополнительные льготы, оказать иные формы поддержки.

Таким образом, переход от авторитарной политической системы к согласительной, появление независимых от государственных органов субъектов отношений потребовал законодательного обеспечения и определенных конституционных гарантий новых общественно-государственных отношений. Несмотря на ряд пробелов, в РФ и большинстве ее субъектов к 2000 г. были созданы необходимые правовые условия для конструктивного взаимодействия элементов политической системы.

¹ Егоров И., Мацузато К. Удмуртская Республика... С. 303.

² Конституция Российской Федерации. М.: «Проспект». 2000. С. 4.

³ Там же. С. 8.

⁴ Там же. С. 4.

⁵ Там же. С. 6.

⁶ Там же. С. 4–5.

⁷ Конституция Удмуртской Республики. Ижевск, 1995. С. 12; Конституция Удмуртской Республики (текст по состоянию на 1 июля 2000 года). Ижевск, 2000. С. 11.

⁸ Конституция Российской Федерации. М.: «Проспект». 2000. С. 30.

⁹ Конституция Удмуртской Республики. Ижевск, 1995. С. 8; Конституция Удмуртской Республики (текст по состоянию на 1 июля 2000 года). Ижевск, 2000. С. 7.

-
- ¹⁰ Конституция Российской Федерации. С. 7.
- ¹¹ Конституция Удмуртской Республики (текст по состоянию на 1 июля 2000 года). Ижевск, 2000. С. 11.
- ¹² Конституция Удмуртской Республики. Ижевск, 1995. С. 5; Конституция Удмуртской Республики (текст по состоянию на 1 июля 2000 года). Ижевск, 2000. С. 5.
- ¹³ Ежегодное послание Президента России Федеральному Собранию РФ // Российская газета. 1994. 25 февраля.
- ¹⁴ Ежегодное послание Президента России Федеральному Собранию РФ // Российская газета. 1995. 17 февраля.
- ¹⁵ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию «Общими силами – к подъему России (О положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)» // Российская газета. 1998. 24 февраля.
- ¹⁶ СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
- ¹⁷ СЗ РФ. 1995. № 27. Ст. 2503.
- ¹⁸ СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3340.
- ¹⁹ СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 148.
- ²⁰ СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.
- ²¹ СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.
- ²² О культуре: Закон УР от 29 октября 1996 г. № 310-И // Известия Удмуртской Республики. 1996. 19 декабря.
- ²³ О народном образовании: Закон УР от 19 декабря 1995 г. № 130-И // Удмуртская правда. 1996. 31 января.
- ²⁴ О государственной молодежной политике в Удмуртской Республике: Закон УР от 22 октября 1997 г. № 493-И // Удмуртская правда. 1997. 26 ноября.
- ²⁵ О постоянных комиссиях Государственного Совета Удмуртской Республики: Закон УР от 30 мая 1995 г. № 50-И.
- ²⁶ О Концепции государственной национальной политики Удмуртской Республики: Постановление Государственного Совета УР от 6 февраля 1998 г. № 584-И // Известия Удмуртской Республики. 1998. 21 апреля.

4.2. Социальная политика государства и основные направления ее реализации

Социальная политика – это часть внутренней политики государства. Последняя определяется как система основных принципов, направлений и форм деятельности государства, его институтов, органов и организаций, обеспечивающая сохранение, функционирование и совершенствование сложившегося социально-политического и экономического порядка, строя внутри страны.

В начале переходного периода отечественными обществоведами была разработана концепция «социального государства». Оно характеризовалось как демократическое государство, опирающееся на широкую социальную основу и проводящее активную и сильную социальную политику, направленную на повышение или стабильное обеспечение жизненного уровня населения, защиту и реализацию прав и свобод граждан, создание современных систем здравоохранения, образования и социального обеспечения, поддержание неимущих и малоимущих слоев, на предотвращение и успешное разрешение социальных конфликтов.

Это понятие, введенное в научный оборот сравнительно недавно, активно используется в политико-правовых актах государственных органов России. Конституция РФ, равно как и Конституция УР объявили свои государства социальными. Очевидно, что это утверждение представляет собой пока лишь стремление достичь поставленную цель. Ее решение тесным образом связано с преодолением социально-политического, экономического и духовно-нравственного кризиса российского общества, с успешным становлением цивилизованной рыночной экономики и ее социальной переориентацией, утверждением гражданского общества и правового государства, иных социально-политических и нравственных ценностей.

В 2000 г. по инициативе Председателя Государственного Совета УР А. А. Волкова в соответствии со «Стратегией развития Российской Федерации», принятой Правительством, а также Планом действий Правительства в области социальной политики и модернизации экономики была разработана концепция программы «Развитие Удмуртии на 2001 – 2004 годы». Ее основные положения сформулированы группой ученых, депутатов и руководителей государственных, муниципальных и общественных органов. Главной целью концепции объявлялась выработка стратегии социально-экономического развития УР, обеспечивающей достойную жизнь населения на основе устойчивого комплексного развития экономики и социальной сферы, исходя из интересов личности, семьи и народов республики. Концепция определила основное содержание современной региональной социальной политики, включившей 13 направлений: социальная защита, здравоохранение, образование, наука, доходы населения и заработная плата, занятость населения, культура и искусство, государственная молодежная политика, физическая культура и спорт, национальная политика, природопользование и экология, правопорядок и борьба с преступностью, средства массовой информации.

Целостный, концептуальный подход к определению социальных приоритетов обусловлен двумя факторами. Во-первых, в переходный период жизнь социума усложняется. Во-вторых, общественные объединения, отражающие структуру формирующегося гражданского общества, стали неотъемлемой частью политической системы. Так, по состоянию на 1 января 2001 года Министерством юстиции УР были зарегистрированы 930 общественных объединений. В Удмуртии действовали более 80 политических и общественно-политических формований, 120 организаций социальной направленности (преимущественно организаций инвалидов), 80 общественных фондов, 70 профсоюзов, 50 детских и молодежных, 50 научно-просветительских, 50 спортивных, около 40 национально-культурных, 30 ветеранских объединений,

30 ассоциаций медицинских работников, 30 творческих, 30 любительских, 20 правозащитных, 20 предпринимательских, 10 женских организаций и ряд иных. Такой бурный рост объединений, явившийся объективным процессом, свидетельствовал и о проявлении кризиса партийно-государственной системы, ибо неспособность или нежелание депутатов решать конкретные проблемы заставляло граждан объединяться в союзы.

Динамика развития гражданского общества на региональном уровне в 1990-е гг. выглядит следующим образом. В 1991 году Министерством юстиции УР были зарегистрированы 15 объединений, в 1992 – 41, в 1993 – 29, в 1994 – 33, в 1995 – 35, в 1996 – 81, в 1997 – 99, в 1998 – 138, в 1999 – 182, в 2000 – 277. Снижение темпов прироста общественных формирований, наблюдаемое в 1992–1993 гг., объясняется нами общероссийской политической ситуацией, сложившейся после подавления путча августа 1991 г. и под воздействием начавшейся либеральной экономической реформы. В 1993–1995 гг. темпы прироста не достигли уровня 1992 г., что также вызвано преодолением последствий политических кризисов августа 1991 г. и октября 1993 г. Самые высокие темпы прироста наблюдались с 1995 г., с принятием ФЗ «Об общественных объединениях». Региональная динамика практически совпадает с общероссийскими показателями. Вместе с тем коэффициент прироста общественных объединений в Удмуртии несколько выше общероссийского. Например, за 1991–1996 гг. российский показатель равнялся 12,59, республиканский – 15,60.

Спецификой общественно-государственного взаимодействия в сфере социальной политики УР явилось то обстоятельство, что длительное время, вплоть до конца 2000 г., высшим органом государственной власти республики определялся Государственный Совет, формировавший основные направления внутренней политики, и, следовательно, регламентировавший формы участия общественных объединений в ее реализации. Так, статья 82 Конституции УР

наделила правом законодательной инициативы и общественные объединения в лице их республиканских органов¹.

Кроме того, на основании статьи 9 Закона УР «О постоянных комиссиях Государственного Совета Удмуртской Республики» на комиссии возлагалось рассмотрение предложений, замечаний и обращений общественных объединений и граждан. К своей работе комиссии были вправе привлекать специалистов общественных органов, в том числе на платной основе за счет средств государственного бюджета республики. На заседания комиссий могли приглашаться представители общественных объединений с правом совещательного голоса². Однако практика работы республиканского парламента с общественностью показала, что объединения ни разу, начиная с 1994 г., не предложили депутатам ни одного разработанного законопроекта. Причины кроются как в низкой общественной дееспособности, так и значительной пассивности парламентских структур в развитии гражданской активности.

Возможность взаимодействия органов исполнительной власти с общественными объединениями в рассматриваемый период была закреплена в соответствующих положениях о министерствах, комитетах и ведомствах, согласно которым государственный исполнительный орган осуществлял свою деятельность во взаимодействии с исполнительными органами государственной власти РФ, УР, органами местного самоуправления, общественными и иными объединениями, а также другими организациями независимо от их организационно - правовой формы³.

Общим полем работы государственных и общественных органов явилось совместное участие в бюджетной политике. Особенно со второй половины 1990-х гг. объемы финансирования стали регулярно согласовываться. Так, анализ расходной части республиканского бюджета на 2001 г. свидетельствует об усилении социальной ориентированности главного финансового документа. В частности, прямая поддержка общественных объединений должна была

составить 10 729 тыс. рублей против 6 892 тыс. рублей в 2000 г. (рост в 1,56 раза), а косвенная – 91 022 тыс. рублей против 58 712 тыс. рублей в 2000 г. (рост в 1,55 раза)⁴.

За годы действия ФЗ «Об общественных объединениях» государственное финансирование формирований граждан получило разнообразные формы. Во-первых, это расходы, связанные с выполнением федеральных законов о ветеранах, инвалидах, детях-сиротах и др., в реализации которых непосредственно участвуют объединения. Вторая форма – государственное финансирование видов организаций (предпринимательские объединения, творческие союзы и т.п.). В-третьих, сложилась устойчивая традиция финансирования отдельных формирований. Законом УР «О республиканском бюджете на 2001 г.» предусматривалась поддержка таких организаций, как Спортивное общество «Динамо», находящееся под патронажем МВД РФ; Республиканское общество «Чернобыль»; Республиканское общество ветеранов Афганистана; Республиканский совет ветеранов; Республиканский комитет солдатских матерей; Ассоциация жертв незаконных политических репрессий; Российское оборонно-спортивное техническое общество. Четвертая форма государственной поддержки – это законодательно (как правило, ежегодно) предоставляемые компенсации отдельным видам объединений (например, в 2001 г. – компенсация расходов на коммунальные услуги, услуги связи и арендную плату общественным организациям инвалидов). Последняя, пятая форма – это бюджетное финансирование отдельных государственных программ («Молодежь Удмуртии», государственная национальная политика).

В 1990-е гг. целевое финансирование зависело от многих факторов: величины доходной и расходной частей бюджета; стратегических установок государственных органов и характера государственной политики в отношении общественных объединений; важности для власти отдельных общественных структур; заинтересованности в осуществлении социальных программ или

нередко от сложившейся политической конъюнктуры. Так, после выборов Президента УР при формировании бюджета на 2001 г. возросли расходы на реализацию государственной национальной политики (3 млн. рублей против 2 млн. рублей в 2000 г.). Вместе с тем, была изъята отдельная строка на финансирование национально-культурных объединений (в 2000 г. из общей суммы в 2 млн. рублей им было выделено 900 тыс. рублей). В 2001 г. лишилась государственного финансирования Всеудмуртская ассоциация «Удмурт кенеш», получившая в 2000 г. 380 тыс. рублей, в связи с изменением статуса и превращением ее в общественно-политическую организацию⁵.

Анализ расходной части республиканского бюджета 1998–2001 гг. показал чрезвычайно узкий спектр общественных объединений, которым оказывалась прямая финансовая поддержка. В основном это давно сложившиеся формирования, многие из которых правильней было бы назвать уже не общественными, а общественно-государственными (например, объединения инвалидов или совет ветеранов войны и труда). Общие цифры финансовой поддержки оставались практически неизменными и ежегодно корректировались с поправкой на инфляционный рост.

В годы реформ в республике сохранился отраслевой принцип взаимодействия государственных и общественных органов по реализации социальной политики. Системный характер взаимодействия носила работа министерств социальной защиты населения, здравоохранения, народного образования, культуры, национальной политики, государственных комитетов по делам молодежи, предпринимательству, науке, высшему и среднему профессиональному образованию. Общими формами работы с общественностью стали включение объединений в отраслевые государственные реестры, заключение отраслевых соглашений и договоров, различные виды методической помощи (разработка концепций и программ, экспертиза социально значимых

проектов организаций, подготовка специалистов), совместное проведение мероприятий по планам государственных и общественных органов.

Революционный переход к либеральным экономическим реформам без кардинальных изменений во власти обусловил резкое ухудшение материального и морального благополучия граждан. Резко возросли объемы социальной работы. В связи с этим не случайно доминирование в общественной системе инвалидных организаций. Наряду с традиционно действовавшими республиканскими обществами инвалидов, слепых, глухих появились такие, как общество больных гемофилией и болезнью Виллебранда, Союз «Чернобыль» и другие. Их деятельность поддерживалась как федеральной, так и республиканской властью.

К ним следует отнести организации, представляющие ветеранское движение: Удмуртская республиканская организация ветеранов войны, труда, вооруженных сил и правоохранительных органов, Удмуртский республиканский штаб Российского союза офицеров запаса, Удмуртский республиканский союз ветеранов Афганистана, Ассоциация военнослужащих УР «Авантаж», Удмуртская региональная ассоциация ветеранов-интернационалистов органов внутренних дел и ряд других.

К концу 1990-х гг. сфера социальной защиты УР охватила около 40 % населения. В 2000 г. наряду с общественными объединениями действовали 59 государственных и муниципальных учреждений социального обслуживания. Одними из основных направлений социальной работы стали реализация федеральных законов о ветеранах, инвалидах, защита интересов ветеранов радиационных аварий и участников локальных войн.

В концепции программы «Развитие Удмуртии» особо подчеркивалось, что для улучшения социального обслуживания необходимо объединить усилия государственных, благотворительных, религиозных организаций, частных лиц. В 1994 г. в связи с активным ростом организаций социальной направленности был создан Совет неправительственных, общественных объединений и

государственных органов по координации деятельности в сфере благотворительности при Министерстве социальной защиты населения УР. Также в годы реформ возникли многие общественные и благотворительные фонды. Однако результаты их работы оказались скрыты от общественного, государственного и муниципального контроля. Деятельность же фондов, созданных бывшими партийными функционерами КПСС (такие, как «Республика», «Мать и дитя» и т.п.) получила неоднозначное освещение в СМИ.

Другой важнейшей сферой социальной политики стало регулирование доходов и заработной платы, обеспечение занятости населения. Государство следующим образом сформулировало задачи в этой сфере: ликвидация задолженности по выплате зарплаты во внебюджетной сфере, усиление ответственности лиц за их несвоевременную выплату; повышение размеров социальных трансфертов (пенсий, пособий, стипендий); сохранение и создание рабочих мест; адресная помощь по трудоустройству молодежи, инвалидам и женщинам; развитие временных и общественных работ, малого предпринимательства; организация самозанятости населения; согласование объемов и профилей подготовки специалистов; обучение безработных и т. д.

Этот блок проблем решался государственными органами совместно с профсоюзами. Подводя итоги деятельности Федерации профсоюзов УР на отчетной конференции (февраль 2000 г.) за 1995–1999 гг., ее Председатель Е. Н. Орлов назвал этот период временем становления социального партнерства с властью. Регулярно принимались трехсторонние соглашения между правительством, профсоюзами и работодателями. Правительство согласовывало с профсоюзами принимаемые акты, касающиеся социального положения граждан. Благодаря совместным действиям профсоюзных организаций стали своевременно выплачиваться зарплата работникам бюджетной сферы и пенсии, была ликвидирована задолженность по ним⁶.

Вместе с тем в деятельности профсоюзов проявилось немало «соглашательства». Нормативные акты, принятые в интересах «естественных монополистов» и направленные против рядовых граждан, побуждали активную часть населения образовывать новые профсоюзные организации, не входящие в Федерацию профсоюзов УР (Свободный профессиональный союз работников АО «Ижевский мотозавод «Аксион-холдинг», Ижевский независимый профсоюз работников рынков и различных форм предпринимательства, независимый профсоюз учителей и др.). Малоактивной позицией профсоюзов объяснялось и большое количество ассоциаций медицинских работников, созданных по отраслевому принципу.

Традиционным направлением социальной политики оставалась государственная молодежная политика. Принятие ФЗ «Об общественных объединениях» стимулировало развитие общественно-государственного взаимодействия в данной сфере. Так, в 1996 г. в рамках республиканской программы «Молодежь Удмуртии» была принята подпрограмма «Государственная поддержка детских и молодежных общественных объединений».

Особое место в деятельности государственных органов стало законодательное обеспечение гарантий деятельности указанного вида формирований. 22 октября 1997 г. ГС УР принял Закон УР «О государственной молодежной политике»⁷. Он определил правовые, экономические и социальные основы реализации государственной молодежной политики в УР, а также был призван гарантировать права и свободы гражданам в возрасте до 30 лет, молодым семьям, молодежным и детским общественным объединениям, обеспечить всестороннее развитие и социальное становление молодых граждан, реализацию их творческого потенциала в интересах личности и общества.

С точки зрения функционирования субъектов политической системы наибольший интерес вызывают положения, регламентирующие порядок

взаимодействия общественных и государственных органов. Согласно статье 18 закона правом государственной поддержки в УР пользовались: республиканские молодежные и детские общественные объединения, республиканские отделения международных, общероссийских и региональных молодежных и детских общественных объединений (исключая религиозные), зарегистрированные в установленном порядке, проработавшие не менее года после регистрации, насчитывающие в своих рядах не менее 1500 человек или предусматривающие предоставление социальных услуг не менее чем 1500 детям и (или) молодым гражданам. Кроме того, закон предусмотрел поддержку коммерческих объединений (хозяйственных товариществ и обществ) – субъектов малого предпринимательства, в которых не менее 75 % работников являлись молодыми гражданами, либо доля (вклады) молодых граждан и (или) молодежных и детских общественных объединений превышали 50 % от уставного (складочного) капитала. При этом органы местного самоуправления имели право определять собственные критерии такой поддержки.

Участие молодежных и детских общественных организаций в реализации государственной политики могло осуществляться в следующих формах: учет государственными и муниципальными органами предложений объединений; информирование организаций о мероприятиях в сфере государственной молодежной политики; включение представителей обществ в состав коллегиальных государственных и муниципальных органов.

В законе содержался исчерпывающий перечень льгот, которые могли быть предоставлены объединениям: безвозмездное или на льготных условиях пользование помещениями, находящимися в государственной или муниципальной собственности; льготная аренда имущества; льготы на услуги связи; освобождение от республиканских и местных налогов.

Статья 21 определила следующий порядок и формы поддержки молодежных и детских объединений. Во-первых, формировался отраслевой

реестр, куда соответствующее объединение вносилось в месячный срок по представлению необходимых документов. В соответствии с федеральным законодательством формами поддержки становились государственный заказ; частичное финансирование программ молодежных и детских общественных объединений; субсидии и дотации. При этом государственное финансирование программ молодежных объединений не должно было превышать половины планируемых расходов, а программы детских объединений могли финансироваться в полном объеме.

Глава 4 закладывала организационные основы осуществления государственной молодежной политики. Она реализовывалась Правительством УР в лице Государственного комитета УР по делам молодежи, а также органами местного самоуправления в пределах своей компетенции. В структуру местного самоуправления входили органы по делам молодежи. В сельских и поселковых администрациях определялись уполномоченные по реализации государственной молодежной политики. Наконец, в общую систему субъектов ГМП вошли так называемые учреждения, как государственные, муниципальные, так и негосударственные, ведущие работу с детьми и молодежью: детские и подростковые клубы, социальные службы, иные учреждения. Все они пользовались льготами.

Основным направлением в работе Государственного комитета по делам молодежи явилась финансовая поддержка объединений. Ее механизм определялся положениями о частичном финансировании организационной деятельности и о частичном финансировании республиканских программ молодежных и детских объединений. Приоритет в получении субсидий имели формирования, деятельность которых в наибольшей мере соответствовала приоритетным направлениям государственной молодежной политики.

Если на российском уровне во второй половине 1990-х гг. прослеживалась тенденция уменьшения количества молодежных общественных организаций,

которым федеральный бюджет оказывал помощь (в 1998 г. их было 92, в 2001 г. – 42), то в Удмуртии наблюдалась обратная картина. Количество членов молодежных и детских объединений ежегодно возрастало и в 2001 г. составило свыше 47 тыс. человек. К 2001 г. в реестр Госкомитета по делам молодежи были занесены 13 республиканских организаций, которым государство оказывало финансовую и организационную поддержку⁸.

Одной из них явилась Республиканская детская общественная организация «Родники», правопреемница региональной пионерской организации, действующая с 4 ноября 1991 г. (в 2000 г. насчитывала 25 тыс. человек, бессменный председатель – Веретенникова Н. Х.). Работа организации строилась на основе выполнения следующих программ: «Шаер» (в переводе с удм. – «Родина»), нацеленная на познание края, его истории и культуры; «Капельки», помогающая найти взаимопонимание родителей и детей; «Юнкор»; «Игра – дело серьезное», предусматривающая через игровые формы помощь в учебе, развитии творческих способностей детей; «Мир добротой спасется», приобщающая к шедеврам мирового искусства; «Детский орден милосердия», помогающая детям-инвалидам. Программа «Малые реки Удмуртии» в 1997–1998 гг. получила три гранта: российского Государственного комитета по молодежной политике, английского посольства в России и экологического фестиваля Фонда Ролана Быкова⁹. РДОО «Родники» заключались договоры о сотрудничестве с Министерством народного образования, в которых предусмотрено проведение совместных коллегий, слетов, конференций.

Другая «реестровая» молодежная организация – это Республиканское общественное объединение «Долг», зарегистрированное 27 февраля 1992 г. (в 2000 г. – 665 человек, Председатель – Ибрагимов Ф. Ф.). Основу деятельности составило увековечение памяти погибших защитников Отечества. С 1989 по 1999 г. организацией было проведено 64 экспедиции, в которых приняло участие более 1000 человек. Поисковики нашли и захоронили останки 2396 погибших

воинов. 50 найденных медальонов помогли узнать имена солдат. «Долг» награжден грамотой российского комитета ветеранов войны, благодарственным письмом Государственного комитета РФ по молодежной политике¹⁰.

В 1992 г. была зарегистрирована Удмуртская молодежная организация «Шунды» (в переводе с удм. – «Солнце»), действовавшая в 17 районах УР. Основная цель объединения – помощь удмуртской молодежи в осознании себя частью своего народа и мирового сообщества, в самореализации и саморазвитии. Объединение реализовывало следующие программы: «Лулчеберет» («Культура. Творчество. Досуг»); «Вож тулкым» («Зеленая волна»); «Шунды си» («Лучи солнца»); «Выль лыдзет» («Новая книга»); Международное финно-угорское сотрудничество. Одним из результатов деятельности было открытие в 1999 г. постоянного летнего лагеря для одаренных детей «Шундыкар» («Город солнца»), ставшего лауреатом конкурса вариативных программ в сфере отдыха, оздоровления и занятости детей и молодежи Государственного комитета РФ по молодежной политике¹¹.

Большой объем социальной работы выполняли и вновь созданные молодежные и детские организации, ставшие «реестровыми»: Молодежная авиационная лига (1994 г.), Союз татарской молодежи «Иман» (в переводе с тат. – «Возрождение») (1994 г.), Ассоциация студентов-медиков, молодых ученых и врачей Ижевска (1994 г.), Центр культуры и творчества «Солнцеворот» (1996 г.), Спортивно-технический клуб «Викинг» (1996 г.), Ассоциация учащейся молодежи УР (1997), Молодежная общественная организация марийцев «Ужара» (в переводе с мар. – «Рассвет») (1998 г.), Союз туристов и краеведов Удмуртии (1998 г.), Будо-лицей УР (1998 г.), Федерация художественной гимнастики УР «Спорт, Искусство, Интеллект» (1999 г.), региональное отделение «Организации российских юных разведчиков» (2000 г.). ГК по делам молодежи поддерживал деятельность 45 военно-патриотических клубов, в 1999 г. объединивших более 3000 человек.

Бурный рост детского и молодежного движения побудил Государственный комитет УР по делам молодежи создать в 1995 г. общественно-государственное формирование – Экспертную комиссию по проектам и программам молодежных и детских объединений, которая к 1999 г. рассмотрела более 150 таких проектов.

В 1997 году при Комитете было образовано государственное учреждение «Республиканский центр развития детского и молодежного движения», научное руководство которым осуществляли профессор Э. А. Мальцева и доцент Н. М. Костина, преподаватели кафедры педагогики и педагогической психологии Удмуртского государственного университета. Его главной задачей явилась исследовательская и научно-методическая работа по вопросам содержания деятельности детских и молодежных общественных объединений. При участии Центра вышли брошюра «Концепция развития детского движения в Удмуртии» и учебно-методическое пособие «Педагогика детского движения».

Важнейшей проблемой стала подготовка специалистов для детских и молодежных организаций. По инициативе ГК по делам молодежи на базе Можгинского педучилища была открыта специальность «Организатор молодежного и детского движения».

К 2000 г. благодаря совместным усилиям государственных, муниципальных и общественных органов в УР была создана сеть учреждений социального обслуживания подростков и молодежи, включившая 10 государственных учреждений, Центр экономического образования, 30 социальных служб помощи и 16 носителей социальных услуг¹².

Одним из стратегических направлений взаимодействия субъектов политической системы традиционно являлась национальная политика. Данное направление особенно актуализировалось с возникновением неформальных национальных движений, распадом СССР и образованием суверенных государств.

Возникшие на волне гласности и демократизации национальные общества на всем протяжении рассматриваемого периода продолжали оставаться одной из наиболее конструктивных общественных сил, несмотря на попытки их политизации. К началу 2000 г. 15 народов, проживающих на территории УР имели свои организации: удмурты (Общество удмуртской культуры «Дэмен», Всеудмуртская ассоциация «Удмурт кенеш», Республиканский совет женщин – удмурток и др.), татары (ТОЦ УР, Центр татарской культуры УР «Йолдыз»), бесермяне (Общество бесермянского народа), славяне (преимущественно русские) (Общество русской культуры УР, Ижевское отделение Международной славянской академии наук, образования и культуры, Землячество казаков УР), евреи (общинный центр еврейской культуры УР), немцы (Республиканский центр российских немцев в УР «Видергебург» («Возрождение»), марийцы (Удмуртская республиканская общественная организация марийского народа, проживающего в УР «Одо мари ушем»), азербайджанцы (Республиканское общество азербайджанско-удмуртской культуры «Туран»), башкиры (Общественное движение УР «Башкирский центр «Салават»), кряшены (Республиканский национально-культурный центр кряшен Удмуртии), чуваши (Удмуртское республиканское отделение Чувашского общественного культурного центра), корейцы (Корейское национально-культурное общество УР «Мугунхва»), белорусы («Общество белорусской культуры города Ижевска «Батьковщина»), таджики (Таджикский общественный центр Удмуртии «Ориён-Тадж») и армяне (Армянская общественная организация УР «Урарту»). Из перечисленных объединений два – Всеудмуртская ассоциация «Удмурт кенеш» и ТОЦ УР – имели статус общественных политических объединений. Конструктивный характер деятельности обнаружила межнациональная организации «Удмуртский республиканский межнациональный культурно-просветительский центр «Многоцветье».

Активное развитие НКО стимулировало создание специальных государственных органов, отвечающих за национальную политику. 3 октября 1994 г. в целях реализации единой государственной политики в области национальных отношений, сохранения стабильной общественно-политической обстановки был образован Комитет по делам национальностей при СМ (с 18 декабря 1995 г. – при Правительстве УР)¹³. Его возглавила С. К. Смирнова, один из лидеров удмуртского национального движения. После выборов в ГС УР в 1999 г. Комитет был преобразован в Министерство национальной политики УР. Первоначально его возглавил Н. Н. Мусалимов, а впоследствии – бывший глава администрации Ярского района В. Н. Завалин.

Во второй половине 1990-х гг. был разработан и принят ряд концептуальных и правовых документов, отразивших систему современных взглядов, принципов и приоритетов в деятельности органов государственной власти РФ и ее субъектов в сфере национальных отношений: Концепция государственной национальной политики РФ (1996 г.), ФЗ «О национально-культурной автономии» (1996 г.), Концепция государственной национальной политики УР (1998 г.).

Первый раздел Концепции государственной национальной политики РФ характеризовал современную ситуацию в области национальных отношений. В РФ проживало более ста народов. Большинство из них сложились как этнические общности на территории России и в этом смысле являлись коренными народами, сыгравшими историческую роль в формировании российской государственности. Особо подчеркивалась объединяющая роль русского народа, благодаря чему на территории России сохранились уникальное единство и многообразие, духовная общность и союз различных народов¹⁴.

При выработке концепции государственной национальной политики были учтены следующие тенденции, оказывающие влияние на межнациональные отношения: стремление народов к самоопределению и объективный процесс

интеграции российского общества; возрастающая самостоятельность субъектов РФ и воля граждан к упрочению российской государственности; потребность в проведении общего курса экономических и политических реформ и разные социально-экономические возможности регионов, обусловленные их хозяйственно-исторической спецификой; стремление сохранить и развивать национально-культурную самобытность и приверженность духовной общности народов России¹⁵.

Возникшие в переходный период развития российского общества проблемы получили специфическое преломление в жизни различных этносов, что потребовало, наряду с общей Концепцией государственной национальной политики РФ, разработки региональных концепций и программ. В соответствии с федеральной была сформулирована республиканская концепция, отразившая этнополитическую ситуацию в УР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. в Удмуртии проживало свыше 70 народов, в том числе: 58,9 % – русские, 30,9 % – удмурты, 6,9 % – татары, 3,3 % – представители других национальностей (в том числе: 0,8 % – украинцы, 0,5 % – марийцы, 0,3 % – башкиры, по 0,2 % – белорусы, немцы, чуваша, менее 0,2 % – евреи, представители народов Кавказа)¹⁶.

В условиях переходного этапа в жизни страны непосредственное влияние на межнациональные отношения в республике оказывали такие тенденции, как стремление народа Удмуртии к самоопределению и объективные процессы социально-экономической интеграции; возрастающая самостоятельность УР и необходимость упрочения общероссийской государственности; потребность проведения курса социально-экономических реформ и различная степень готовности и участия в них этносов Удмуртии, обусловленная их исторической и культурно-хозяйственной спецификой; стремление к сохранению и развитию этнокультурной самобытности удмуртского и других народов Удмуртии и ориентация на общероссийские и мировые духовно-нравственные ценности.

Существенное влияние на этнополитическую ситуацию оказало наследие исторического прошлого, имевшее как позитивные, так и негативные черты. С одной стороны, опыт сотрудничества и дружбы народов Удмуртии и традиции самобытного формирования удмуртской нации обеспечили, по мнению авторов Концепции, значительный прогресс в национально-государственном строительстве, экономике, культуре, науке, образовании, достигнутый Удмуртией в XX в. в составе России. Вместе с тем, народам России был нанесен серьезный ущерб тоталитарной системой, массовыми депортациями и репрессиями, разрушением и унификацией многих национально-культурных ценностей.

Для Удмуртии особенно было характерно то обстоятельство, что крупное промышленное строительство, интенсивное развитие оборонного комплекса, вызвав приток рабочей силы из других регионов страны и сельских районов республики, существенно изменили социально-демографическую и этническую ситуацию: в 1990-е гг. удмурты составили лишь третью часть населения республики. Диспропорции, заложенные прежней системой и не преодоленные к концу 1990-х гг., особенно негативно отразились на развитии сельской социально-этнической структуры и инфраструктуры, вследствие чего возможности удовлетворения национально-культурных и образовательных потребностей населения оказались ограничены. Все вышесказанное существенным образом отразилось на этнополитическом состоянии народов Удмуртии, их представительстве в органах государственной власти и системе управления экономикой УР.

В соответствии с анализом этнополитического положения государственные органы УР следующим образом формулировали национальные приоритеты: совершенствование государственности Удмуртии на основе федерализма; совершенствование правовой базы национальной политики, обеспечение политической и правовой защищенности граждан УР независимо от

их национальной и конфессиональной принадлежности, их равноправие, необходимое их представительство в органах государственной власти и управления; развитие национальных культур и языков народов УР; укрепление духовной общности народов республики и РФ; поддержка этнокультурных традиций удмуртов, проживающих за пределами Удмуртии, их взаимодействие с другими народами России; сохранение и развитие традиционной среды обитания народов Удмуртии, этноэкологической системы, улучшение социально-демографической ситуации и нейтрализация суицидогенных факторов; укрепление объективных возможностей всестороннего развития и сотрудничества национальностей, проживающих в УР, формирование высокой культуры межнационального общения; преодоление недоверия в отношениях между национальностями, шовинистических и националистических настроений.

В республиканской концепции особо подчеркивалось, что национальный вопрос не должен становиться предметом политической конъюнктуры и спекуляций в борьбе за власть. В то же время для успешной реализации национальных приоритетов требовалось единство позиций всех государственных, муниципальных и общественных органов и организаций¹⁷.

Особый научный и практический интерес в концепции представил механизм реализации государственной национальной политики, который предусматривал создание Общественной палаты (Ассамблеи народов Удмуртии) как палаты национальностей при ГС УР, а также осуществление государственной поддержки НКО, включая национальные молодежные и детские организации, содействие их развитию.

В 1990-е гг. общественно-государственное взаимодействие в области национальной политики приобрело комплексный характер. Особо ценным стало такое направление, как непосредственное участие НКО в деятельности постоянно действующих рабочих органов, создаваемых Правительством и Министерством национальной политики для выработки нормативных актов,

регламентирующих межнациональные отношения. Таковыми являлись, прежде всего, Коллегия Министерства национальной политики и созданный при Министерстве Экспертно-консультативный Совет. В конце 1990-х гг. в целях установления диалога между органами государственной власти и представителей народов, населяющих республику, учета и согласования государственных и национальных интересов был создан Координационный Совет по делам национальностей при Председателе Правительства УР. При непосредственном участии НКО в республике разрабатывались государственная программа по сохранению и развитию удмуртского языка и языков других народов УР, комплексная программа «Национальное развитие и межнациональное сотрудничество народов Удмуртии на 2000-2003 гг.», законы УР «О народном образовании», «О культуре», «О государственных языках и языках народов УР».

Традиционным направлением общественно-государственного взаимодействия в национальной сфере оставалось совместное участие в реализации культурной и образовательной политики. По инициативе НКО стали регулярно проводиться удмуртский массовый праздник «Гербер», посвященный окончанию посевной, татарский «Сабантуй», марийский «Семык», чувашский «Акатуй», бесермянский «Корбан», азербайджанский «Новруз Байрам», кряшенский «Петров день», русские праздники «Рождество», «Троица», Спасы¹⁸.

С принятием республиканской Концепции сотрудничество НКО и государственных, муниципальных органов получило новый импульс. Особенно плодотворным в этом отношении стал 2000 год – год выборов первого Президента УР. В целях более эффективного взаимодействия, развития дружбы народов был создан Республиканский центр национальных культур.

2000 г. отмечен проведением рядом мероприятий различного масштаба: Всемирного финно-угорского конгресса, Международного фольклорного фестиваля финно-угорских народов, 8-го Всеудмуртского съезда, Всероссийского молодежного форума Ассамблеи народов России. В

этнокультурном плане 2000 год прошел в республике под знаком марийской культуры, когда были проведены мероприятия, посвященные 400-летию расселения марийцев в Вятско-Камском регионе. В 2000 г. началась реализация проекта по сближению этносов Удмуртии через молодое поколение.

Результативным стало совместное осуществление информационной политики. В такой официальной газете как «Удмуртская правда» были отведены рубрики «Жизнь национальностей» и «Национальная палитра». В 2000 г. вышел первый номер газеты «Бесермянская правда», проведена презентация газеты «Татар рухы» («Татарский дух»), организован республиканский слет юнкоров газеты «Зечбур».

Ведущая роль в системе государственных органов, осуществляющих национальную политику, принадлежала Министерству национальной политики. В годы реформ сложились такие формы работы, как курирование деятельности НКО, организационная, информационная и методическая помощь в организации научно-практических конференций. Так, в конце 1990-х гг. большой общественный резонанс получило проведение конференций «Татары Удмуртии», «Традиционная культура удмуртов: сущность, проблемы сохранения». В 2000 г. по инициативе государственных органов, ученых, общественности был проведен комплексный мониторинг современной этнополитической ситуации.

Большая роль в реализации национальной политики принадлежала Министерству культуры. Так, в Республиканском училище культуры стала проводиться подготовка специалистов для отрасли «Культура». В учебные планы были включены такие дисциплины, как региональные танцы, национальный орнамент, удмуртский язык и литература, этническое музыковедение, удмуртская музыка и т.д. Регулярно проводились выставки национальных культур в государственных музеях и Центре декоративно-прикладного искусства.

Неотъемлемой характеристикой национальной культуры является система веры. В России процесс либерализации отношений государства, церкви и конфессиональных объединений начался еще в советскую эпоху, с реализацией политики перестройки. Широко отмечавшееся в стране в 1988 г. 1000-летие Крещения Руси подвигло ряд религиозных организаций обратиться к государственным органам с требованиями о передаче культовых зданий верующим. Так, 12 февраля 1990 г. после упорной борьбы прихожан и общественности республики Постановлением СМ УАССР Ижевской и Удмуртской Епархии Русской Православной Церкви был возвращен собор Александра Невского (бывший детский кинотеатр «Колосс»)¹⁹. Принятый в начале 1990-х гг. новый Закон о свободе совести и религиозных объединениях способствовал росту религиозных организаций. В 1991 г. Министерство юстиции УР зарегистрировало 55 общин разных направлений²⁰.

Количественный и качественный рост религиозных объединений, активное внедрение церковных структур в сферы политики, экономики, образования и культуры, бурная деятельность новых духовных движений и зарубежных миссионеров, характерные для постсоветского периода, стимулировали дальнейшее реформирование правовой базы в данной области. С 1 октября 1997 г. вступил в силу Федеральный Закон «О свободе совести и религиозных объединениях», призванный упорядочить работу общин и снять негативные явления, связанные с бесконтрольной практикой миссионеров.

17 августа 1998 г. в развитие Закона был сформирован Экспертно-консультативный совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Правительстве УР. Его основными функциями стали: обеспечение взаимодействия Правительства УР с религиозными объединениями; осуществление по запросу МЮ УР государственной религиоведческой экспертизы; изучение и внесение предложений по проблемам, связанным с поддержанием межконфессионального диалога, достижением взаимной

терпимости и уважения в отношениях между представителями различных вероисповеданий; рассмотрение вопросов по исполнению действующего законодательства о свободе совести и религиозных объединениях; координация деятельности должностных лиц территориальных и отраслевых органов управления, на которые возлагались обязанности по осуществлению контактов с религиозными объединениями²¹.

К началу 2000 г. в Удмуртии статус юридического лица имели 176 религиозных организаций, представлявших более 20 направлений²². Наиболее многочисленной явилась Русская Православная Церковь Московского Патриархата, которую в республике представляло Ижевское и Удмуртское епархиальное управление. Определением Священного Синода РПЦ от 30 ноября 1988 г. епископом Ижевским и Удмуртским был назначен епископ Переяслав-Хмельницкий Палладий (в миру – П. А. Шиман). На 1 января 1988 г. в Ижевской епархии числилось 18 приходов, составляющих два благочиния. Приходское служение несли 30 священников и пять дьяконов. С 25 марта 1993 г. Ижевской кафедрой руководит архиепископ Николай (в миру – Н. Я. Шкрумко). На начало 2000 г. семь благочиннических округов объединяли 100 общин верующих. Епархиальное управление было представлено 92 священниками и 12 дьяконами. Кроме того, в Удмуртии действовали 4 монашеские общины (Покровский, Успенский, Богородицкий и Мало-Дивеевский Серафимовский монастыри)²³.

Кафедральный собором явился храм Александра Невского, памятник культового зодчества первой четверти XIX в. (Ижевск), реставрированный в 1995 г. С 1997 г. велись работы по восстановлению памятника культового зодчества начала XX в. – Михайловского собора (Ижевск). Продолжилось строительство новых церквей в других городах и селах Удмуртии. Со второй половины 1990-х гг. активизировалась работа Министерства культуры с НКО и религиозными организациями по реставрации зданий культового назначения. В 1998 г. ведомство приступило к заключению охранных обязательств с

религиозными общинами, которые находились в культовых сооружениях, имеющих историко-культурное значение.

На территории Воткинского района УР в начале 2000 г. действовали четыре религиозные объединения Российской Православной Свободной Церкви. Религиозная жизнь Удмуртии конца 1990-х гг. была представлена также основными направлениями старообрядчества.

Второе место по численности верующих занял протестантизм, распространенный в Удмуртии с XIX в. В начале 2000 г. имелось 50 подобных объединений. Наиболее представительными стали Христиане веры евангельской (пятидесятники), Евангельские христиане-баптисты, Свидетели Иеговы, Адвентисты седьмого Дня, Харизматические церкви. Протестанты издавали газету «Вера и жизнь», активно сотрудничали с религиозными организациями США, Финляндии, Швеции, Канады, других государств. Ими осуществлялся широкий обмен опытом работы в религиозно-просветительской, миссионерской деятельности.

Существенной проблемой религиозной жизни Удмуртии в рассматриваемый период явилась попытка насаждения системы западных ценностей посредством протестантских объединений. В течение 1990-х гг. благодаря финансово-методическому покровительству иностранных церквей, сеть протестантских общин увеличилась в шесть раз. Так, только в 1999 г. республику по религиозным делам посетило 67 человек из государств Европы (Польши, Финляндии, Нидерландов, Швеции, Германии, Великобритании), США и Канады, а также стран арабо-мусульманского мира²⁴. Активной работе зарубежных миссионеров способствовало то обстоятельство, что Закон УР «О миссионерской деятельности на территории Удмуртской Республики», принятый 28 мая 1996 г., перестал действовать.

Мусульманские организации УР составили менее 10 % от числа всех действовавших общин. Функционировали 14 приходов под руководством

Духовного Управления мусульман Удмуртии, возглавляемого муфтием-хазратом Габдуллой Мухаметшиным. В 1995–1996 гг. были введены в действие новые мечети в Ижевске и Сарапуле. В 1990-е гг. каждая вторая община построила новое культовое здание. При соборной мечети в Ижевске работала духовная школа, проводились занятия по изучению Корана и арабского языка. Духовное управление мусульман осуществляло связи с исламскими государствами Ближнего Востока.

В 1990-е гг. в Удмуртии, как и в иных регионах РФ, возрос интерес к религиозно-философским системам других стран, возникали новые религиозные течения. Например, в Ижевске действовала Община Сознания Кришны. Устраивали свои богослужения последователи веры Бахаи, объединения других вероучений²⁵.

Языческие верования удмуртов нашли отражение в фольклоре – в мифах, легендах, сказках, которые оказались востребованы в современной религиозной жизни. В отдельных удмуртских деревнях сохранились древние строения и священные рощи, где ранее жрецы совершали свои молитвы и обряды. С 1990-х гг. в этих местах открыто стали устраиваться народные праздники. История религиозного прошлого удмуртов получила отражение в художественном кинофильме «Тень Алангасара» (1994 г.). Между тем язычество для удмуртов – не только историческое прошлое. Так, в рамках общества «Дэмен» сформировалась и в 1994 г. выделилась в самостоятельную организацию религиозная община «Удмурт возь». Основной задачей она поставила консолидацию удмуртского этноса через возрождение языческих традиций, что в современных условиях представляется анахронизмом. Как заметила, в частности, С. К. Смирнова, эта идея хотя и не нашла широкой поддержки среди удмуртов, но продолжает привлекать внимание к национальным проблемам²⁶. Следует отметить, что поборниками язычества в УР являются частично не только удмурты, но и представители других, главным образом славянских народов.

Свои религиозные организации имели и другие этносы, проживающие на территории УР. Так, достаточным авторитетом пользовались еврейские общины, регулярно отмечавшие праздники иудейского календаря. Среди еврейской общественности выделялись последователи иудео-христианства (община «Еммануил»). Компактно проживающие в Удмуртии немцы оказались связаны с различными конфессиями, не обязательно только с лютеранством. Это и Евангельская церковь Христа Спасителя (пастор – Г. В. Воган), и многочисленная Ижевская община Новоапостольской Церкви. Кроме того, немцы регулярно отмечали католическое Рождество²⁷.

В целом, религиозно-конфессиональная ситуация в Удмуртии 1990-х гг. характеризовалась достаточно сложно и специфично, что определялось как своеобразным геополитическим положением (граница Европы и Азии, регион активного взаимодействия мировых религий), так и этноисторическими обстоятельствами. Религиозный фактор в условиях многоконфессиональной России и Удмуртии оставался одним из главных направлений внутренней политики государства. В плане постановки вопроса следует отметить проблему соотношения религии и атеизма в современной государственной политике и общественной жизни.

Важнейшей сферой социальной работы явились сохранение и развитие национального просвещения. Это направление особенно активно реализовывалось Министерством народного образования УР в тесном взаимодействии с НКО. В результате к началу 2000 г. в 402 школах республики из 873 изучался удмуртский язык и литература, в 27 – татарский язык и литература, в 9 – марийский; была открыта школа по изучению чувашского языка. К концу рассматриваемого периода появились отдельные классы с изучением национальных языков, воскресные школы, организованные ТОЦ, Башкирским центром «Салават», Общинным центром еврейской культуры, Республиканским центром российских немцев в УР.

С удмуртской молодежной организацией «Шунды» и Союзом татарской молодежи УР «Иман» Министерством народного образования регулярно составлялись планы, предусматривающие активную работу по изучению национальных культур, языков и литературы. Названные организации проводили среди учащихся старших классов конкурсы на лучшее знание традиций, обычаев своего народа, совместно с Министерством организовывали лагеря отдыха для старшеклассников. Целенаправленная работа проводилась ведомством и с ТОЦ, «Одо Мари Ушем», Чувашским общественным центром.

Комплексным характером определялось взаимодействие НКО и Министерства международных связей УР. Эффективными оказались такие формы сотрудничества, как взаимная информационная поддержка, подготовка аналитических справок, содействие Министерства организации встреч удмуртской интеллигенции с зарубежными деятелями науки и культуры, подготовка программ приема ученых-этнографов других стран, занимающихся изучением культуры и языка удмуртского народа. Министерство оказывает содействие НКО в издании историко-этнографических материалов и в подготовке национальных кадров, в том числе за рубежом.

Исходя из анализа сложившейся системы общественно-государственного взаимодействия в национальной сфере, Концепция программы «Развитие Удмуртии на 2001–2004 гг.» и Закон УР «О республиканской программе социально-экономического развития Удмуртской Республики на 2001 год» подтвердили актуальность решения следующих задач: создание нормативно-правовой базы для обеспечения равноправного участия всех народов республики в политическом, социально-экономическом и национально-культурном развитии Удмуртии; организация эффективного взаимодействия министерств и ведомств, органов местного самоуправления, НКО в сфере государственной национальной политики; формирование системы мер своевременного предупреждения и регулирования межнациональных конфликтов и связанных с ними нарушений

законности; подготовка управленческих решений на основе научного анализа и прогнозирования с учетом общественного мнения, интересов народов Удмуртии; развитие сети учреждений, способствующих удовлетворению языковых, культурных, образовательных потребностей народов Удмуртии, сохранению их этнической самобытности.

Актуальной для УР сферой взаимодействия субъектов политической системы в 1990-е гг. оставалась экологическая ситуация. В республике был создан Комитет по охране окружающей среды. Во второй половине 1990-х гг. он активно сотрудничал с 17 общественными экологическими организациями, в том числе такими как Республиканская организация «Родники» и Республиканское общество охраны природы. Удмуртским отделением общественного объединения «Ученые за экологию» совместно с Государственной телерадиокомпанией «Удмуртия» были подготовлены 10 фильмов из серии «Край мой родниковый». Объединение при поддержке ученых УдГУ и ИжГТУ провело целевое обследование состояния парка им. Кирова (г. Ижевск). В 1998–1999 гг. активную совместную работу с общественными организациями «Российский зеленый крест» и «Союз научных и инженерных организаций УР» проводило Министерство международных связей УР по информированию общественности о проекте строительства завода по ликвидации и утилизации ракетных двигателей твердого топлива (РДТТ) в Воткинском районе УР.

В годы реформ сформировался относительно новый субъект политической системы, активно участвующий в осуществлении государственной политики – общественные организации предпринимателей. К 2000 г. в УР насчитывалось 7975 малых предприятий, почти половину которых представляли учреждения торговли и общественного питания (3919)²⁸. Создалась сеть предпринимательских общественных объединений. Комитетом по поддержке и развитию малого предпринимательства при Правительстве УР в число «реестровых» были внесены Удмуртское отделение Российской ассоциации

развития малого предпринимательства, Независимый профсоюз работников рынков и различных форм предпринимательства, Удмуртское отделение Международной академии информатизации, Ассоциация «Социально-реабилитационный консультативный женский центр» (работал под патронажем Удмуртского представительства Конфедерации деловых женщин России) и Союз предпринимателей-работодателей УР.

Данные объединения предпринимателей приняли активное участие в подготовке проектов законов и иных нормативных актов в целях обеспечения наиболее благоприятных условий для развития малого предпринимательства. В частности, накануне принятия Постановления о введении единого налога на вмененный доход для частных предпринимателей Комитет вел консультации со многими предпринимательскими объединениями, в результате чего государственная и общественная стороны пришли к определенному согласию. Общественные объединения предпринимателей активно участвовали в разработке программ социально-экономического развития республики, Государственной программы поддержки и развития малого предпринимательства, в работе постоянно действующего еженедельного совещания с предприятиями инфраструктуры, в подготовке и проведении ежегодного конкурса «Предприниматель года», выставок-ярмарок «Малый бизнес в Удмуртии». Кроме того, представители предпринимательских объединений входили в состав Совета по поддержке и развитию малого предпринимательства при Правительстве УР и в Попечительский Совет Удмуртского государственного фонда поддержки малого предпринимательства.

С конца 1990-х гг. взаимодействие государственных органов и предпринимательских структур приобрело договорные отношения. В феврале 1999 г. между Правительством и общественными объединениями предпринимателей было подписано соглашение о сотрудничестве на 1999 г. В соответствии с ним Правительство УР обязалась обеспечивать: разработку

основных направлений государственной политики в области предпринимательства; координацию международного и межрегионального сотрудничества в области поддержки и развития предпринимательства; реализацию мероприятий, направленных на устранение административных барьеров при осуществлении предпринимательской деятельности; разработку и финансирование за счет республиканского бюджета республиканских целевых программ, направленных на поддержку и развитие малого предпринимательства; учет предложений общественных объединений предпринимателей при подготовке законодательных и иных нормативных правовых актов в области поддержки и развития предпринимательства.

В свою очередь, общественные объединения предпринимателей, в рамках своей компетенции обязались осуществлять: защиту законных прав предприятий и граждан, работающих в сфере предпринимательства; мероприятия, направленные на формирование цивилизованных рыночных отношений в Удмуртской Республике; координацию усилий общественных объединений предпринимателей, направленных на стабилизацию экономики Удмуртской Республики; сбор предложений и замечаний при разработке и совершенствовании законодательных и иных нормативных правовых актов в области поддержки и развития предпринимательства; пропаганду передового опыта, способствующего развитию предпринимательства и созданию новых рабочих мест.

Целенаправленное взаимодействие с общественностью в рассматриваемый период осуществляли государственные средства массовой информации. Положительный опыт в этой сфере был наработан Государственной телевизионной и радиовещательной компанией «Удмуртия». Деятельность всех общественных объединений находила отражение в передачах республиканского радио. Плановая, систематическая работа велась с творческими объединениями: союзами писателей, художников, композиторов, театральных деятелей,

журналистов, архитекторов, а также с Республиканским советом ветеранов войны, Союзом женщин, обществом охраны природы, Советом оборонно-спортивной технической организации.

Таким образом, материалы диссертации подтверждают мнение, что отношения общественных объединений с органами исполнительной власти оказались выстроены гораздо более эффективнее, нежели с законодательными, что вполне объяснимо. Реальную помощь общественности, особенно на этапе ее становления, могли предоставить только исполнительные структуры, обладавшие ресурсами. Работа же с органами законодательной власти предполагает для общественных объединений видение перспективы своей деятельности, наличие положительных результатов работы и определенной правовой культуры. С 2000 г., с включением института президента в систему органов государственной власти республики взаимозависимость субъектов политической системы объективно усилилась. Выделяя позитивные результаты взаимодействия в социальной сфере, следует обратить внимание на ряд неоднозначно оцениваемых положений. Так, весьма спорным представляются практика огосударствления общественных функций, создание дополнительных громоздких бюрократических структур в виде так называемых государственных и муниципальных учреждений и т. п. Деление объединений на «свои», «реестровые» и «чужие», «нереестровые» создает конфликтогенные зоны, что ведет к воспроизводству социальной напряженности, сохранению объективных условий для коррупции и подчинению структур гражданского общества интересам противоборствующих властных элитных групп.

¹ Конституция Удмуртской Республики (текст по состоянию на 1 июля 2000 года). Ижевск, 2000. С. 28.

² О постоянных комиссиях Государственного Совета Удмуртской Республики: Закон УР от 30 мая 1995 г. N 50-І.

³ Напр.: О государственном комитете Удмуртской Республики по труду: Постановление Правительства УР от 26 июля 1999 г. N 710 // Известия Удмуртской Республики. 1999. 9 сентября; О министерстве международных связей Удмуртской Республики: Постановление Правительства УР от 11 августа 1999 г. N 760 // Известия Удмуртской Республики 1999. 17 сентября.

⁴ Бехтерев С., Крылова А. Этнополитическая ситуация // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 6. Приволжское отделение. М., 2001. 16–31 января. С. 24–27.

⁵ Там же.

- ⁶ Бехтерев С., Крылова А. Этнополитическая ситуация // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 8. Приволжское отделение. М., 2001. 1–15 марта. С. 44.
- ⁷ О государственной молодежной политике в Удмуртской Республике. Закон Удмуртской Республики. 22 октября 1997 г. // Удмуртская правда. 1997. 26 ноября.
- ⁸ Александрова Т. Молодежь – главный инвестиционный проект государства // Известия Удмуртской Республики. 2001. 20 февраля.
- ⁹ Республиканский центр развития молодежного и детского движения. Ижевск, 2000. С. 5.
- ¹⁰ Там же. С. 7.
- ¹¹ Там же. С. 4.
- ¹² Государственный комитет Удмуртской Республики по делам молодежи. Б. м., 1999.
- ¹³ Комитет по делам национальностей при Правительстве Удмуртской Республики. Информационный бюллетень № 1. Ижевск, 1996. С. 9, 10.
- ¹⁴ Там же. С. 17.
- ¹⁵ Там же. С. 18.
- ¹⁶ Концепция государственной национальной политики Удмуртской Республики. Приложение к постановлению Государственного Совета Удмуртской Республики от 6 февраля 1998 года № 584-І. Б. м., б. г. С. 1–2.
- ¹⁷ Там же. С. 4.
- ¹⁸ Хузин Ф. З. О взаимодействии Министерства национальной политики Удмуртской Республики с республиканскими национально-культурными объединениями в реализации Концепции государственной национальной политики // Государственный Совет Удмуртской республики. Правительство Удмуртской Республики. Информационно-методический сборник. Ижевск: Госкомстат УР, б. г. Вып. 20. С. 17–24.
- ¹⁹ Загуляева Н. Дорога к храму // Огни Прикамья. 1991. № 6. С. 14.
- ²⁰ Конфессии и религиозные объединения Удмуртской Республики. Православие. Справочник. Ижевск, 1999. С. 4.
- ²¹ Крылова А., Бехтерев С., Бехтерева Л. Удмуртская Республика... С. 91.
- ²² Конфессии и религиозные объединения Удмуртской Республики. Православие... С. 4.
- ²³ Там же. С. 13, 14, 33, 34.
- ²⁴ Этнополитическая и этносоциальная ситуация в Удмуртской Республике (сборник информационно-аналитических материалов). Ижевск, 2000. С. 29–30.
- ²⁵ Религия // Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск, 2000. С. 103.
- ²⁶ Смирнова С. К. Феномен Удмуртии... С. 196–197.
- ²⁷ Этнополитическая и этносоциальная ситуация в Удмуртской Республике... С. 31.
- ²⁸ Бехтерев С., Крылова А. От выживания – к развитию // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 6. Приволжское отделение. М., 2001. 1–15 февраля. С. 23.

4.3. Общественно-государственные структуры как институт политической системы РФ

В процессе демократизации советской политической системы и в последующий период становления Российского правового государства на федеральном и региональном уровнях неоднократно предпринимались попытки выработки механизма согласования общественных и государственных интересов. С 1995 г. правовой статус общественно-государственных систем стал определяться статьей 51 Федерального Закона «Об общественных объединениях», которая гласила, что «впредь до принятия федеральных законов о государственно-общественных и общественно-государственных объединениях указанные объединения создаются и осуществляют свою деятельность в соответствии с нормативными правовыми актами органов государственной власти»¹. Иными словами, федеральное законодательство оставляло регионам значительную свободу нормотворческой деятельности в данной сфере.

Важным инструментом достижения общественного согласия, одной из эффективных форм обсуждения и выработки согласованных позиций органов государственной власти и общественных объединений по политическим, социальным и экономическим вопросам должен был стать институт общественных палат (ОП), действовавших как при органах государственной власти, так и самостоятельно. На уровне РФ первый такой опыт появился вскоре после принятия новой Конституции, когда на базе существовавшей ОП Конституционного совещания Распоряжением Президента РФ № 78-рп от 16 февраля 1994 г. была создана ОП при Президенте РФ². Она учреждалась для обеспечения взаимодействия между федеральными органами исполнительной власти РФ и общественными объединениями, подготовки решений Президента и Правительства по важнейшим социальным и политическим вопросам с учетом общественного мнения, создания механизма обратной связи между гражданами, общественными объединениями и органами государственной власти. В рамках

ОП планировалось осуществлять консультации по широкому кругу вопросов. В нее могли входить до 250 зарегистрированных объединений. Устанавливалась ежемесячная периодичность ее заседаний.

Развитие политической ситуации показало, что реальных подвижек в реформировании общества и государства можно было достичь только в режиме конструктивного диалога исполнительной и законодательной ветвей власти. Исходя из этого, а также в соответствии с предложением ряда партий и движений Указом Президента РФ № 989 от 25 июня 1996 г. ОП была преобразована в Политический консультативный совет (ПКС) при Президенте РФ³. К числу основных задач ПКС были отнесены: обсуждение концепций проектов наиболее важных федеральных законов; выработка предложений Президенту и Правительству РФ по вопросам осуществления экономических и политических реформ; обсуждение принятых Президентом и Правительством РФ решений в целях обеспечения их разъяснения среди социальных групп и общественных объединений; информирование Президента РФ о происходящих в обществе процессах, принятие соответствующих рекомендаций.

Принципиально новым стал подход к формированию ПКС. В первоочередном порядке войти в его состав предлагалось партиям и движениям, имеющим фракции в Государственной Думе РФ, а также не представленным в ней избирательным объединениям. В структуре ПКС образовывался Президиум из 15 человек, включая Председателя и двух заместителей, секретаря. Председателем ПКС был избран И. П. Рыбкин. Функции секретаря осуществлял Начальник Главного управления Президента РФ по вопросам конституционных гарантий прав граждан. В составе ПКС формировались 12 палат: по правам человека; внешнеполитической деятельности государства; вопросам экономической деятельности государства; вопросам социальной защищенности населения; проблемам науки, образования, культуры; проблемам обороны и безопасности государства; информатизации; правовой политике и

федеративному устройству; делам национальностей; проблемам экологии; местному самоуправлению; делам общественных объединений и религиозных организаций.

В силу ряда моментов, в частности, сложившегося в то время противостояния между Президентом РФ и основными политическими объединениями, деятельность ПКС была «заморожена». Вновь избранный Президент РФ В. В. Путин Указом от 8 августа 2000 г. упразднил его.

Во многих субъектах РФ при высших органах государственной власти были созданы общественные структуры. К 1999 г. они существовали в 24 регионах⁴. Наиболее многочисленную группу составили ОП (при Президенте Республики Марий Эл, Главе Республики Мордовия, Правительстве УР, Общественная палата УР, при администрации Белгородской области, Новгородской областной думе и администрации области, Губернаторе Саратовской области, Общественные палаты Кемеровской, Ленинградской, Нижегородской, Свердловской, Омской, Томской областей).

Следующую группу представили ПКС (при Президенте Республики Бурятия, главе администрации Владимирской области); общественно-политические консультативные советы (ОПКС) (при главе администрации Астраханской области, губернаторах Вологодской и Самарской областей, Законодательном Собрании Ивановской области); общественный консультативный совет при Законодательном Собрании Тверской области. Также действовали Мурманское областное общественное собрание при администрации области, Совещание представителей политических партий и движений при губернаторе Пермской области, Губернское общественное собрание при губернаторе Ярославской области.

Кроме ОП, ПКС, ОПКС и т.п. в ряде субъектов РФ сложились иные формы взаимодействия общественных и государственных органов, преимущественно

круглые столы, активно действовавшие в Московской, Ростовской областях, иных регионах.

Разнообразной оказалась структура этих органов. Почти все они имели рабочие органы: секретариаты, советы, постоянные комиссии, группы. В ряде регионов сопредседателями стали по должности губернатор или председатель законодательного органа.

Обычно палаты создавались в целях реализации указов Президента РФ. Однако существовала и договорная основа между государственными и общественными органами. В этом случае показателен пример Саратовской области. Здесь в 1996 г. был подписан Договор об общественном согласии. Его целью явилось достижение общественного согласия, складывающегося на основе признания общих ценностей, для вывода области из экономического кризиса. Для реализации Договора в январе 1997 г. была создана ОП при губернаторе области⁵.

Довольно широким стал спектр направлений общественно-государственного взаимодействия в данных структурах. Принципиальное значение имело представительство общественных объединений в ОП, ПКС и т.п. Оно было обеспечено в подавляющем большинстве систем.

Вторым направлением явилась работа по совершенствованию механизма государственного управления. Так, на заседаниях ОП при администрации Белгородской области неоднократно рассматривались вопросы изменения схемы управления областью, структуры и штатное расписание администрации.

Третьим направлением стала совместная законотворческая деятельность. Общественными палатами, политическими консультативными советами рассматривались такие вопросы, как программы законодательной работы республик и областей (Белгородская обл.); проекты Уставов областей (Кемеровская обл.); проекты законов о выборах губернатора (Кемеровская, Новгородская обл.); о прожиточном минимуме; молодежи и молодежной

политике; государственной поддержке средств массовой информации и организаций, обеспечивающих их функционирование; порядке квотирования рабочих мест для лиц, особо нуждающихся в социальной защите; социальном партнерстве; местном самоуправлении; выборах депутатов областных дум (Новгородская обл.) и др.; осуществлялась проработка федеральных законопроектов «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», «О политических партиях».

Весьма значительной оказалась совместная работа по реализации государственных программ, таких как: концепция развития областных органов ГИБДД (Белгородская обл.); программа «Качество жизни» (Кемеровская обл.); «Средства массовой информации»; «Первоочередные меры по улучшению условий и охраны труда»; «Борьба с преступностью»; «Основные направления бюджетной политики администрации Кемеровской области»; «Свой дом»; «Лекарственное обеспечение» и т.д.

Пятое направление сотрудничества государственных и общественных органов – это рассмотрение конкретных социальных вопросов, например, об исполнении областных бюджетов (Белгородская, Новгородская обл.); о становлении и развитии малого бизнеса; поддержке народного образования, здравоохранения; деятельности агропромышленного комплекса; занятости населения; выплате пенсий и пособий; работе «Телекома»; реформе жилищно-коммунального хозяйства и т.д.

Важной сферой общественно-государственного взаимодействия стало совершенствование избирательного процесса. В частности, ОПКС Астраханской области разработал проект соглашения о принципах взаимоотношений кандидатов в депутаты и избирательных объединений на период выборов в Государственную Думу РФ в 1999 г. В документе нашла отражение общая точка зрения, что депутаты-астраханцы должны выражать интересы всех жителей

области. Избирательная кампания, в свою очередь, базировалась на принципах общего блага, законности, равенства, сдержанности и взаимоуважения.

Седьмым направлением явилось содействие общественно-государственных систем развитию и укреплению некоммерческих объединений (НКО). Показателен в данном отношении пример Омской области. По инициативе ОП был создан Сибирский Центр поддержки общественных инициатив (ОП координировал его деятельность). Ежегодно, начиная с 1996 г., стала проводиться ярмарка – презентация общественных объединений и проектов НКО, на которой в качестве одного из грантодателей или заказчиков выступила администрация области. Также при содействии ОП был создан Совет общественных организаций, который проводил обучающие семинары по налогообложению и бухгалтерскому учету, стратегическому планированию, привлечению финансовых средств.

Последнее, восьмое направление общественно-государственного взаимодействия, – это информационное сопровождение работы таких структур. В Кемеровской области, например, заседания ОП регулярно освещались в областных и городских газетах, на радио и телевидении. ОП при Новгородской областной думе и администрации Новгородской области публиковала свой бюллетень. ОП Омской области совместно с Советом общественных организаций издавали информационно-методическую литературу, выпускали специальную газету с оперативной информацией о деятельности НКО региона.

Общественно-государственные структуры в УР особо динамично стали развиваться с середины 1990-х гг. Так, в 1994 г. одним из первых был создан Совет неправительственных, общественных объединений (организаций) и государственных органов по координации деятельности в сфере благотворительности и социальной защиты населения при Министерстве социальной защиты населения УР. В 2000 г. в его состав входили 21 чел., из них восемь – государственные служащие, один – муниципальный служащий и 12 –

представители общественных объединений (региональные отделения и республиканские организации Российского детского фонда, Российского фонда милосердия и здоровья, Фонда мира, Всероссийских обществ инвалидов, глухих, слепых, а также Удмуртский республиканский Совет ветеранов, Общественная организация ветеранов подразделений особого риска, Союз «Чернобыль», Союз ветеранов Афганистана, Ассоциация жертв незаконных политических репрессий, Объединение родителей, воспитывающих детей – инвалидов). Возглавила Совет С. И. Андреева, министр социальной защиты населения УР.

Основным направлением деятельности данного Совета явилось ежегодное решение вопросов, связанных с проведением Международных дней пожилых (1 октября) и инвалидов (3 декабря), обсуждение реализации целевых программ поддержки малообеспеченных нетрудоспособных граждан.

26 сентября 1994 г. во исполнение Указа Президента РФ Постановлением СМ УР была образована ОП при СМ УР⁶. Она учреждалась в целях обеспечения взаимодействия между республиканскими органами исполнительной власти и общественными объединениями, подготовки решений СМ УР по важнейшим социальным, экономическим, политическим и иным вопросам с учетом общественного мнения, создания механизма обратной связи между гражданами, общественными объединениями и органами государственной власти. Первоначально в ОП могли войти не более 75 чел.

13 марта 1995 г. ОП при СМ УР была преобразована в Общественную палату при Правительстве УР⁷. Основными направлениями ее деятельности провозглашались: доведение до исполнительных органов мнения общественных объединений по решаемым Правительством вопросам; выработка рекомендаций по общественно значимым проблемам. В функции ОП входила подготовка ежегодных докладов и представление их Правительству УР. Для координации работы избирался Совет ОП в количестве семи чел. Председателем ОП стал Г. П. Овчинников, Президент Союза интеллигенции УР, директор Удмуртского

института государственной и муниципальной службы. В ее состав вошли около 30 общественных, в том числе политических, объединений.

В конце 1996 г. Председатель ПКС при Президенте РФ И. П. Рыбкин разослал письма в адрес глав субъектов РФ с предложением образовать подобные органы при высших должностных лицах республик и областей. 23 сентября 1996 г. такое обращение поступило Председателю Государственного Совета УР А. А. Волкову. В нем, в частности, отмечалась важность налаживания «постоянной связи между ПКС при Президенте Российской Федерации и ПКС при Главе Республики». С этой целью предусматривалось включение представителя республиканского ПКС (в случае его формирования) в состав ПКС при Президенте РФ в качестве члена-корреспондента. Ответ предлагалось дать в срок до 15 октября 1996 г.⁸

Однако в связи с тем, что Удмуртскую Республику в то время возглавлял руководитель представительной власти, реализация этого предложения оказалась невозможной, и ОП осталась при Правительстве УР, практически никак не зарекомендовав себя в общественно-политической жизни республики.

В 1995 г. был образован Координационный Совет детских и молодежных общественных объединений, который активно взаимодействовал с Государственным комитетом УР по делам молодежи. Председателем КС стал Р. М. Гатаулин, руководитель ряда молодежных организаций.

Постановлением Президиума ГС УР от 9 октября 1997 г.⁹ образовывалась Комиссия по правам человека при Председателе Государственного Совета – высшем должностном лице УР. Она стала совещательным и консультативным органом при спикере республиканского парламента и была призвана содействовать реализации им защиты прав и свобод человека и гражданина. Одной из ее задач являлось составление ежегодных и специальных докладов о соблюдении прав человека и гражданина в УР. В состав Комиссии вошли 13 чел., из них четыре – государственные служащие, один – муниципальный служащий,

четыре представителя общественных объединений, три – науки, один – юридического учреждения. По должности возглавлял этот орган Председатель Постоянной комиссии ГС УР по законности, общественной безопасности, правам граждан. Как показала практика, деятельность этой комиссии носила чисто декларативный характер.

К концу 1990-х гг. в республике наметился кризис во взаимоотношениях общественных и государственных органов, обусловленный узковедомственным, отраслевым подходом к решению социальных проблем. Одним из выходов из создавшейся ситуации стала инициатива семи общественных объединений УР (Союз интеллигенции УР, Удмуртская республиканская организация ветеранов войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов, Союз женщин УР, Академия наук УР, Удмуртская молодежная общественно-политическая организация «Шунды», Удмуртские отделения движения «Наш дом – Россия» и Конституционно-демократической партии (Партии Народной Свободы)) по созданию Общественной палаты УР¹⁰. 24 ноября 1998 г. прошел I Конгресс общественных объединений УР. В его работе с правом решающего голоса участвовали представители 104 организаций из 450 зарегистрированных на то время в Удмуртии, а также работники государственных и муниципальных органов, журналисты.

Как отмечалось на Конгрессе, создание палаты обуславливалось утратой доверия и авторитета общества к официальным органам по причине раздробленности ветвей власти и их явной политизированности. Общественным организациям предлагалось внести в их взаимодействие созидательную активность и партнерство, ориентированное на подъем экономики¹¹. В ходе работы форума Председателем ГС – высшим должностным лицом УР было подписано Соглашение о сотрудничестве между органами государственной власти и управления, общественными объединениями и средствами массовой информации «Партнерство во имя прогресса» (Ижевское Соглашение). Конгресс

образовал Общественную палату УР как единый консультативный общественно-государственный орган. Председателем палаты был избран В. П. Ковриго, Президент общественной организации «Академия наук УР». Значение I Конгресса состояло в том, что впервые в истории республики общественно-государственные отношения стали строиться на договорной основе.

Поскольку ОП УР объединила различные общественные организации (от социальных до политических), то для упорядочения ее работы было создано 13 относительно самостоятельных отраслевых общественных советов: социальных, женских, ветеранских, молодежных и детских, оздоровительных и лечебных, спортивных, национально-культурных, научно-просветительских, предпринимательских, правозащитных, общественно-политических объединений, общественных фондов, профессиональных союзов. Руководящими органами ОП УР и ее советов стали секретариаты. В Секретариат палаты с правом решающего голоса вошли представители отраслевых советов и полномочный представитель ГС УР.

С самого начала существования Общественной палаты УР появились реальные общие дела, которые сплачивали организации, создавали атмосферу дружественных отношений и добросовестного партнерства. Одним из них стал «Благотворительный марафон длиной в один год».

С 3 декабря 1998 г. по 3 декабря 1999 г. было проведено 29 заседаний рабочих органов ОП УР; рассмотрено 139 вопросов, из них: 78 организационно-правовых, 19 информационно-методических (организация учебы актива палаты, ознакомление с деятельностью органов государственной власти и управления УР), представлено 42 общественные и государственные инициативы, в том числе о Союзе России и Белоруссии.

Работа ОП УР осуществлялась в двух основных направлениях: реализации обязательств, предусмотренных Ижевским Соглашением, и решений I Конгресса общественных объединений УР.

В соответствии с Соглашением, ГС УР брал на себя обязательство учитывать мнение общественных объединений, СМИ при принятии решений органами государственной власти и управления республики по актуальным вопросам социальной, экономической, политической и культурной жизни Удмуртии. Государственные органы УР учли ряд рекомендаций и предложений, выдвинутых общественными объединениями, входящими в ОП УР. Так, в январе 1999 г. на имя Председателя ГС УР А. А. Волкова поступило обращение Секретариата ОП УР о целесообразности преобразования Комитета по делам национальностей при Правительстве УР в Министерство. Предложение было учтено: Комитет преобразован в Министерство национальной политики УР. В апреле 1999 г. и.о. заместителя Председателя ОП УР А. С. Кудрин был включен в качестве наблюдателя в рабочую группу по согласованию кандидатур на должности председателей постоянных комиссий ГС и министров УР. ГС учел рекомендацию Секретариата ОП УР от 23 апреля 1999 г. о назначении С. И. Андреевой министром социальной защиты населения УР.

Кроме того, на заседании Секретариата ОП УР 6 марта 1999 г. с участием Председателя ГС УР был рассмотрен и одобрен ряд общественных инициатив, в частности, об антикризисной программе развития УР, о правопорядке и экологической ситуации, о попечительском Совете детских организаций, о состоянии работы научных, творческих организаций, профессиональных театров.

В определенной мере нашел реализацию второй пункт обязательств о развитии системы общественного представительства при органах государственной власти и управления. Так, 28 июня 1999 г. на имя Председателя ОП УР В. П. Ковриго поступило предложение от Председателя Постоянной комиссии ГС УР по бюджету, налогам и финансам С. Э. Широковой о готовности сотрудничать с общественными объединениями. Однако оно не было реализовано по причине пассивности общественности.

Третий пункт обязательств предусматривал обеспечение соблюдения и реализацию законных интересов и прав общественных объединений, в том числе на законодательную инициативу. За время активной деятельности ОП УР таких инициатив от объединений не поступало.

Четвертый пункт обязательств относился, прежде всего, к общественным организациям, СМИ и предусматривал их участие в реализации решений, принятых государственными органами в интересах населения УР.

ГС УР проявил активную позицию в отношении второго раздела обязательств Соглашения, предполагавшего совместное участие государственных и общественных органов в создании и работе ОП УР и оказании ей информационной, организационной и иной помощи в соответствии с действующим законодательством. Государственные и другие СМИ освещали подготовку и проведение I Конгресса общественных объединений УР. В государственных изданиях опубликованы основные материалы Конгресса. Пресс-служба ГС УР оказывала помощь в организации и проведении пресс-конференций Секретариата ОП УР. 16 декабря 1998 г. было удовлетворено ходатайство Секретариата ОП УР об аккредитации в ГС УР ее пресс-секретаря.

ГС УР принимал непосредственное участие в информационном, методическом, организационно-техническом, правовом обеспечении деятельности ОП УР.

Согласованное взаимодействие сторон, подписавших Ижевское Соглашение, оптимальное сочетание общественной и государственной инициативы в работе ОП УР позволили ей за короткий срок существования повысить интерес к общественной деятельности в целом. ОП стала одним из мощных инструментов формирования общественного мнения, важным фактором сохранения гражданского мира и межнационального согласия. Она проявила себя как наиболее эффективная форма взаимодействия власти и общественности в УР. Не случайно, что деятельность ОП УР в 1999 г. получила высокую оценку

Аппарата Государственной Думы РФ. В 2000 г. в ее работе принимали участие 147 общественных объединений¹².

Однако становление и развитие общественно-государственных систем стало сложным и противоречивым процессом. В конце рассматриваемого периода какая-либо структура на уровне федерального центра отсутствовала, и данные органы функционировали с большим или меньшим успехом только в некоторых субъектах РФ.

В УР сложилась отраслевая структура общественно-государственного взаимодействия (на уровне министерств и ведомств). Осознание необходимости консолидации основных политических и социальных сил республики, наиболее ярко проявившееся в ходе I Конгресса общественных объединений УР, оказалось недолговременным и непрочным, что подтвердилось на II (и последнем в рассматриваемый период) Конгрессе 3 декабря 1999 г. Все попытки вывести диалог власти и общества на качественно более высокий, комплексный уровень, оказались, в конечном счете, непродуктивными в силу их невостребованности политической элитой, с одной стороны, и низкой дееспособностью, невысоким уровнем толерантности общественных объединений, с другой. Однако создание структур, подобных, например, ОП УР, вполне возможно в будущем для решения политических интересов ограниченного круга лиц. Очевидно, с изменением статуса УР и включением в систему органов государственной власти института президентства подвергнутся организационно-правовым изменениям такие структуры, как Комиссия по правам человека, ОП при Правительстве УР и т.д.

¹ В 2000 г. в УР существовало лишь одно такое объединение – Удмуртская республиканская организация общественно-государственного объединения Всероссийского физкультурно-спортивного общества «Динамо».

² Из опыта работы законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Вып. № 7. О практике работы общественных палат при органах государственной власти субъектов Российской Федерации. М., 1999. С. 2.

³ Там же. С. 3.

⁴ Там же. С. 4.

-
- ⁵ Региональное согласие // Власть. Общенациональный политический журнал. 1998. № 7. С. 48 – 52.
- ⁶ Об Общественной палате при Совете министров Удмуртской Республики. Постановление Совета Министров Удмуртской Республики от 26 сентября 1994 г. № 508 // Текущий архив Правительства Удмуртской Республики.
- ⁷ Об Общественной палате при Правительстве Удмуртской Республики. Постановление Совета Министров Удмуртской Республики от 13 марта 1995 г. № 112 // Текущий архив Правительства Удмуртской Республики.
- ⁸ Обращение Председателя Политического консультативного Совета при Президенте Российской Федерации И. П. Рыбкина к Председателю Государственного Совета Удмуртской Республики А. А. Волкову от 23 сентября 1996 А7-2-50/03 // Текущий архив Аппарата Государственного Совета УР, вх. № 4814, 26.09.96.
- ⁹ О Комиссии по правам человека при Председателе Государственного Совета Удмуртской Республики. Постановление Президиума Государственного Совета Удмуртской Республики от 9 октября 1997 г. № 400-I // Известия Удмуртской Республики. 1997. 13 ноября.
- ¹⁰ Обращение к общественным объединениям, органам государственной власти Удмуртской Республики // Известия Удмуртской Республики. 1998. 14 мая.
- ¹¹ Удмуртская правда. 1998. 27 ноября.
- ¹² 19 февраля 2001 г. ОП УР, изменив свой статус, была зарегистрирована Управлением МЮ РФ по УР как Союз общественных объединений «Общественная палата Удмуртской Республики».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Любое явление общественной жизни многомерно. Оно имеет свои, строго ограниченные историко-культурные и временные рамки и в силу этого становится объектом исторического исследования. Одним из таких явлений можно считать политическую систему постсоветской России, сложившуюся к началу XXI века.

Как показывает исследовательская практика, в научной литературе отсутствует единство взглядов в определении природы посткоммунистических перемен в РФ. Ряд ученых полагают, что Россия стала свидетельницей Великой Революции в классическом виде. Другие рассматривают эволюцию политической организации российского общества как завершение антисоциалистического захвата власти, начатого И. В. Сталиным в 1920-е годы и доведенного до логического завершения к концу 1990-х гг. Согласно третьей точке зрения, высказанной, в частности, Т. И. Заславской и разделяемой автором, в конце 1980-х гг. имелся потенциал демократической революции. Однако его перехватила номенклатура, использовав для проведения ряда реформ «сверху» в своих собственных интересах¹.

Более того, ставится под сомнение само переходное (transition) состояние систем посткоммунистических регионов. В ряде научных работ речь ведется о ряде моделей перемен, включая движение от демократии западного толка и отсутствие всякого движения².

Вместе с тем, материалы диссертационного исследования позволяют говорить о том, что новейшая политическая система России явилась результатом эволюции советской организации жизнедеятельности социума и в силу данного обстоятельства носит переходный (транзитный) характер, во многом сохранив в себе черты «старой» системы. В процессе своего становления она прошла три стадии. Рамки первой определяются пределами внутрисистемной реформации периода перестройки (апрель 1995 г. – 1991 г.),

главные направления которой были заложены конституциями СССР, союзных и автономных республик, принятыми в конце 1970-х гг. и развитыми в законодательных актах рубежа 1980-х–1990-х гг. Учеными достаточно полно изучены причины, вызвавшие необходимость структурных изменений. Они определяются двумя основными факторами: внешним и внутренним.

К внешней группе причин отнесены: реакция руководства СССР на обозначившиеся к 1980-м гг. новые тенденции развития мирового сообщества, главным образом, вступление стран рыночной демократии в «постиндустриальную» стадию; сохранявшееся военно-политическое и экономическое противостояние стран Варшавского Договора и НАТО, оказавшее стимулирующее воздействие на усиление кризисных явлений в советской экономике, порожденных «гонкой вооружений». Последнее особенно справедливо для Удмуртии, характер промышленности которой до сих пор во многом остается милитаризованным.

Внутреннюю группу причин составили изменения в социально-экономическом положении страны, вызванные исчерпанием экстенсивных методов, формировавшие условия для перехода от мобилизационного к инновационному типу развития, предполагавшему децентрализацию принятия управленческих решений. Они повлекли за собой значительные трансформации советской идеологии и партийно-хозяйственной номенклатуры. При определении влияния внутреннего фактора на эволюцию региональной модели советской политической системы следует учесть особенности экономико-географического, политического, социального, промышленного, этнокультурного развития УАССР: наиболее типичный регион бывшего Советского Союза с гипертрофированным военно-промышленным комплексом, неразвитостью местных отраслей промышленности и сельского хозяйства; почти полная зависимость республиканской правящей номенклатуры от политики центральных и межрегиональных властных структур; консерватизм мышления основной части населения.

В годы перестройки подверглись изменениям основные элементы советской политической системы: Советы народных депутатов, КПСС, общественные объединения граждан и трудовые коллективы. Осознавая необходимость принципиальных перемен, ее «прорабы» первоначально мыслили демократизацию только производственной сферы в рамках социалистической системы и марксистской идеологии. Целевая установка: выход из надвигающегося кризиса, стремление сократить увеличивающийся разрыв между Советским Союзом и постиндустриальным миром. Осуществление: проведение ускорения социально-экономического развития путем насаждения полного хозрасчета предприятий, методов материального стимулирования, поворота к социальным проблемам, преодоления «остаточного принципа» их решения, конверсии военно-промышленного комплекса, борьба с нетрудовыми доходами, кампания против алкоголизма и т.п.

Попытки руководства страны привлечь к решению задач первого этапа органы производственной демократии, предоставив им законодательно оформленные дополнительные права (Закон СССР о трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями; Закон о государственном предприятии (объединении)), закончились неудачей, что объяснялось патерналистско-социалистическими стереотипами сознания руководителей и рабочих. Особенно трудно поддавались демократизации производственные отношения на оборонных предприятиях и в добывающих отраслях промышленности Удмуртии, главенствующее положение в которых занимал директорский корпус, а роль производственных общественных органов во многом традиционно сводилась к поддержке управленческих решений. По этой причине новые формы организации общественности оказались невостребованными ни администрацией, ни работниками. Некоторыми из результатов реформирования производственной сферы явились снижение качества управления, сохранение административно-хозяйственной власти

руководителей отраслей, предприятий и т.п., что в последующий период либеральных рыночных реформ облегчило проведение приватизации. Все вышеперечисленные факторы вкупе с ухудшением общей социально-экономической ситуации в СССР и РСФСР оказали негативное влияние на материальное положение основной массы населения республики.

Уже в 1987 г. отсутствие позитивных результатов демократизации производственной сферы социалистических отношений выявило необходимость перехода руководства страны к новой стратегии, широкомасштабной политической реформе. Серьезные изменения произошли в системе государственного управления. Была предпринята попытка расширить демократические формы советского народовластия. Введение альтернативных выборов, активное участие в них новых, нетипичных для страны общественных движений существенным образом изменили облик органов государственной власти всех уровней. Специфика государственных преобразований в республике заключалась в отказе от формирования Съезда народных депутатов. Как и прежде, в 1990 г. был избран Верховный Совет УАССР. Его политический состав характеризовался увеличением доли коммунистов, хотя аппаратные работники не смогли стать депутатами. Региональные выборы подтвердили общесоюзную тенденцию на первых свободных демократических выборах. В условиях формирования новых государственных структур России, для Удмуртии стал важен процент депутатов, поддерживавших промосковских демократов, в значительной степени определявших направление внутренней и внешней политики. Эта доля, по мнению ряда исследователей, находилась в пределах от 20 до 32 из 200 депутатов. Ее можно считать умеренно демократичной в сравнении с краями и областями РСФСР и значительной по меркам национальных республик.

Ослабление влияния республиканского партийного руководства на политическое развитие сделало невозможным осуществление горбачевской политики совмещения должностей первого секретаря и главы высшего

представительного органа власти в Удмуртии. Это обстоятельство облегчило и ускорило переход реальной власти к парламенту. Впервые за многие годы республику вновь возглавил представитель титульной (удмуртской) нации В. К. Тубылов.

Для последующего периода в политическом развитии страны (1989–1991 гг.) характерно нарастание антикоммунизма. Принятие идей частной собственности, многопартийности, полиидеологии формировало надежды на выход из кризиса. Стремление части руководства страны в августе 1991 г. приостановить данный процесс окончилось неудачей. Августовский путч был отчаянной попыткой вернуть стране стабильность и управляемость, что при отсутствии позитивного программного потенциала могло означать лишь возврат к старой, изжившей себя системе. Во многом крах путчистов стал возможным из-за отсутствия поддержки на местах. Хотя политическое руководство Удмуртии и выявило неоднозначное отношение к деятельности ГКЧП, в целом обстановка в республике осталась стабильной и не вышла за правовые рамки.

Поражение консерваторов и крушение СССР активизировали процесс суверенизации национальных республик, входящих в состав РФ. Единая советская система организации государственной власти прекратила свое существование, что привело к негативным последствиям в управлении страной, разрушению прежних народнохозяйственных связей. Особенно отрицательно это сказалось на экономическом развитии Удмуртии, промышленность которой во многом была ориентирована на исполнение союзного и союзно-республиканского государственных заказов. Декларированный осенью 1990 г. суверенитет республики, неоднозначно воспринятый населением, в отличие от некоторых других национально-государственных образований (Татарстан, Башкортостан), оказался неподкрепленным экономически, что в значительной степени определило специфику договорных отношений Удмуртии с федеральным центром.

Заметные изменения произошли в партийно-политической деятельности КПСС. Развитие гласности, критический анализ прошлого, стремление очиститься от сталинизма, преодоление психологии и методологии «застойного периода», распространение альтернативности выборов на партийные органы, начавшееся освобождение от хозяйственных функций стали характерными чертами и в работе Удмуртской организации КПСС, а затем КПрФ. Вместе с тем, как свидетельствуют документы, новации, предлагавшиеся партийным центром, осваивались в республике крайне медленно, непоследовательно. Особенно тяжело местные партийные органы расставались с производственными функциями. Ввиду длительного отсутствия оппозиции, неумело республиканские партийные органы КПСС определяли свое взаимодействие с появившимися демократическими образованиями. По мере усиления распада КПСС, нарастания антикоммунистических настроений в обществе, в деятельности Удмуртской организации КПСС наблюдается усиление критики вышестоящих партийных органов, вплоть до ЦК и Политбюро. Демократизация внутрипартийной жизни, сопровождавшаяся ослаблением партийного влияния на государственное устройство, повышением роли и самостоятельности исполнительных структур власти, привела к утрате КПСС ведущей и направляющей силы общества, что повлекло ее распад и исчезновение с политической сцены как партии «авангардного типа».

В работах ряда авторов³ одной из главных причин кризиса КПСС называется незавершенность реорганизации партии. Однако данное исследование не подтверждает этот тезис. Наоборот, именно в соответствии с решениями XXVIII съезда КПСС на первое место выдвигалась задача обновления партии. Значительное внимание уделялось внутрипартийным вопросам и в деятельности Удмуртского рескома КПрФ. Важнейшими направлениями работы провозглашалась парламентская деятельность, работа по месту жительства. Это не подтверждает мнение части исследователей о

том, что переход к политическим методам работы не предусматривал вывод парткомов за территорию предприятий и учреждений⁴.

В перестроечный период значительный динамизм был придан общественному движению. Однако в Удмуртии наблюдалось запаздывание в дифференциации субъектов политического процесса. Претерпели кардинальные изменения прежние «огосударствленные» организации: ВЛКСМ, профсоюзы, советы ветеранов, женские советы и т.п. Освободившись от партийного влияния, они вынуждены были самостоятельно определять свои цели и задачи, что объективно повышало интерес граждан к этим структурам, расширяло их социальный состав.

Либерализация советского законодательства способствовала усилению влияния «неформальных» объединений, партий и движений, национальных формирований. Особенностью их деятельности явилось активное участие в конституировании новых институтов представительной власти, в результате чего в них были созданы демократические фракции и группы.

Рамки второй стадии в становлении современной политической системы определяются начальным периодом либеральных рыночных реформ (1992–1993 гг.), осуществлявшихся формально в условиях прежних, социалистических общественных отношений. К 1992 г. выявилась утопичность внесения демократических элементов в авторитарную по своей сути советскую систему. Эти попытки фактически разрушали ее. Быстро осознав невозможность своего дальнейшего существования на основе социалистического выбора, партийно-советская номенклатура довольно легко восприняла идеи рыночной демократии, озвученные оппозицией, и на волне гражданской активности сама начала воплощать их в жизнедеятельности заново формирующегося общества. В ряде промышленно развитых центров страны, в том числе и в Удмуртии, определяющее место в реформах занял директорат оборонных заводов и топливно-энергетических предприятий. Помимо этого, при сохранившейся тенденции монополизации власти в исполнительных структурах, партийные чиновники, освободившись от

тяготивших их идеологических функций, оперативно перешли в государственные органы («на хозяйственную работу»), оставив представителям демократически ориентированных объединений граждан поле парламентской деятельности.

На формирование облика постперестроечной элиты Удмуртии существенное влияние оказал достаточно широкий спектр общественно-политических объединений, выступивших базисом различных властных групп. Это обстоятельство вкупе с традиционным методом решения производственных вопросов директором не с республиканским, а с центральным руководством, с выявившимися разногласиями в среде политической элиты по поводу осуществления конституционной реформы повлияло на сохранение парламентской традиции в государственном устройстве республики.

Все вышеперечисленные факторы наряду с ликвидацией представительных органов советской власти в октябре 1993 г. предопределили изменение облика «старой системы». Были созданы условия для ее превращения в «согласительную», перехода к формально демократически организованной политической системе, новым общественным отношениям, либеральным базовым социальным ценностям, на долгие годы определившим вектор развития РФ и ее регионов, в том числе УР.

Рамки третьей стадии становления постсоветской политической системы (1994–2000 гг.) определяются, на наш взгляд, либерально-демократическими основами государственного строя России и субъектов РФ, а также политической организации общества, заложенными в конституциях 1993–1994 гг., развитыми в законодательных актах второй половины 1990-х гг. и действующими в современных правоотношениях субъектов политического рынка.

Рассматривая в качестве предмета исследования региональную модель новейшей политической системы России, сложившуюся к 2001 г., следует выделить основные ее черты, характерные для УР.

Позитивными моментами являются:

- наличие рамочных федеральных законов, концептуальных положений Конституции УР для функционирования современной политической организации регионального сообщества;
- наличие субъектов политических отношений в лице государственных и муниципальных органов, объединений граждан, СМИ;
- особый менталитет значительного большинства граждан УР, характеризующийся относительным консерватизмом мышления, способствующий сохранению преемственности в социально-экономическом и политическом развитии и позволяющий избегать революционных методов реформирования общества и государственного управления;
- позитивное отношение избирателей к необходимости включения института Президента в систему органов государственной власти УР;
- попытки привлечения государственными и муниципальными органами объединений граждан к осуществлению социальной политики в ряде ее сфер.

Вместе с тем, выделяется группа характеристик, которые могут восприниматься неоднозначно. Они суть следующие:

- несовершенство российского и недостаточность республиканского законодательства, регулирующего взаимодействие субъектов политического рынка, препятствующее использованию интеллектуального потенциала партий и движений в выработке общенациональной идеи;
- ограниченный (до принятия в 2000 г. новой редакции Конституции УР) объем полномочий высшего должностного лица УР как руководителя представительной власти, создавший традицию относительной независимости исполнительной власти, превращения Председателя Правительства республики в самостоятельную политическую фигуру и использования им партий и движений для повышения своего статуса. С включением института президентства в систему органов государственной власти эта традиция во многом исчерпана;

- мажоритарная система выборов в ГС УР, ограничивающая участие политических объединений в избирательном процессе;
- «огосударствление» функций общественных объединений при их количественном росте, ведущее к сокращению сфер общественной деятельности, конфликтным ситуациям между государственными и (или) муниципальными и общественными органами;
- ликвидация государственной системы политического просвещения и как результат – специфическая политическая культура лидеров объединений, ограничивающая развитие конструктивного диалога;
- незавершенность формирования российской многоукладной экономики как основы демократической системы и как следствие этого – организационная слабость и малочисленность подавляющего большинства формальных политических объединений;
- недостаточная государственная и муниципальная поддержка малого и среднего бизнеса как фундамента гражданского общества, основы политических партий и движений демократической ориентации;
- слияние политических и экономических структур, способствующее появлению олигархических групп;
- осуществление политических функций рядом национально-культурных объединений, препятствующее этнической консолидации и создающее условия для воспроизводства этнополитической напряженности. С принятием в 2001 г. Федерального Закона «О политических партиях», исключившего возможность создания политических организаций по национальному признаку, эта проблема в значительной степени решена.

Исходя из этих характеристик, основополагающей целью развития регионального сообщества может являться формирование политической системы, гарантирующей реальное участие граждан и их объединений в управлении обществом и государством.

Обозначенная цель может быть решена через осуществление следующих задач:

- законодательное определение принципов взаимодействия республиканских государственных и муниципальных органов с общественными и политическими объединениями;

- содействие государственных и муниципальных органов консолидации различных общественно-политических сил и выработке ими единых подходов к основным проблемам социального, экономического и политического развития региона;

- восстановление государственной и муниципальной системы политического просвещения, содействие созданию и развитию негосударственных политико-просветительных учреждений и организаций;

- более действенная поддержка государственными и муниципальными органами деятельности общественных и политических объединений во избежание использования последних олигархическими группами, преследующими собственные интересы.

Приоритетными направлениями развития региональной политической системы могут стать:

- совершенствование основ конституционного строя УР в соответствии с российским законодательством;

- совершенствование законодательного обеспечения реализации интересов и прав граждан и их объединений;

- стимулирование нормотворческой деятельности общественных объединений;

- повышение эффективности государственного контроля и надзора за деятельностью общественных объединений и политических партий;

- профилактика правонарушений в сфере общественно-государственных отношений;

- пропаганда общественных объединений;

- содействие развитию региональных общественных объединений;

- содействие объединению партий и движений со сходными программными положениями в политические блоки с целью повышения

эффективности их работы с государственными и муниципальными органами и населением;

- привлечение общественных объединений к пропаганде и совершенствованию основ конституционного строя УР, деятельности органов государственной власти и управления и местного самоуправления;
- содействие исключению национально-культурных объединений из непосредственного участия в политическом процессе.

Последовательное решение предлагаемых цели, задач и направлений эволюции региональной политической системы может привести к следующим результатам:

- наличие национально-республиканской идеологии, определяющей ориентиры развития УР, понятной населению и используемой в деятельности государственных и муниципальных органов;
- смешанная система выборов в ГС УР;
- принятие законов УР, регулирующих общественно-государственные отношения;
- повышение эффективности деятельности общественно-государственных и государственно-общественных институтов УР;
- создание системы государственных, муниципальных и негосударственных учреждений и организаций политического просвещения;
- создание в структуре государственных и муниципальных органов подразделений в целях оперативного взаимодействия с общественными объединениями и политическими партиями;
- развитие кооперации в работе общественных объединений;
- увеличение количества региональных структур международных, федеральных и межрегиональных объединений;
- дальнейшее развитие республиканских общественных объединений.

Думается, что вышеобозначенные характеристики региональной модели новейшей политической системы, ее основные возможные направления и результаты эволюции могут быть в известной мере применимы к стране в

целом. Подводя итоги развития России за последнее десятилетие XX века, глава государства В. В. Путин отметил, что «в стране произошли принципиальные перемены – Конституцией гарантированы права и свободы личности, сформирована демократическая политическая система, стала реальностью многопартийность... Однако... построен лишь каркас гражданского общества. Сейчас требуется совместная терпеливая работа, чтобы оно стало полноценным партнером государства»⁵.

Вместе с тем очевидно, что более чем 15-летний опыт новых общественно-государственных отношений в нашей стране драматичен и противоречив. Проведенное диссертационное исследование подтверждает выдвинутую автором гипотезу об относительно автономном развитии государственного и общественного секторов политической системы, что объясняется разным уровнем их самоорганизации. Оригинальная методика анализа современного российского и регионального «политического рынка» позволяет говорить о конформизме как характерной черте взаимоотношений власти и общества, что значительно сужает выбор возможных путей дальнейшего развития России и ее регионов. Монополизация полномочий и ресурсов в исполнительных органах, осуществление политических функций на основе «управляемой демократии» в немалой степени ограничивают легитимность современной российской власти (что выражается в увеличивающемся абсентеизме и протестном голосовании) и препятствуют свободному развитию институтов гражданского общества. В силу вышеизложенного новейшая политическая система все больше приобретает авторитарный характер, во многом утрачивая приобретенные ранее демократические традиции. На эти характерные тенденции современного политического процесса указывают и лидеры страны. Как разъяснял, в частности В. В. Путин, Россия «не станет вторым изданием, скажем, США или Британии, где либеральные ценности имеют глубокие исторические традиции», являясь страной, где «государство, его институты и структуры всегда играли исключительно важную роль»⁶.

Независимо от возобладания авторитарных или демократических тенденций, главным результатом эволюции новейшей политической системы, как представляется, должно стать преодоление кризисных явлений политического развития, сокращение сроков пребывания системы в переходном («транзитном») состоянии, формирование ее облика, соответствующего историческому статусу России как великой державы и равноправного актора современного мирового сообщества.

В силу того, что современная политическая система России носит транзитный характер, сохраняется значительное пространство для дальнейшего изучения исследуемой темы. Неоднозначны оценки результатов политико-экономических преобразований, характера установившегося режима. По замечанию В. В. Согрина, одни представители отечественной политологии квалифицируют современный строй России как сугубо авторитарный, вторые – как «гибридный», авторитарно-демократический, третьи – как олигархический, четвертые – как «конкурентную олигархию» или номенклатурно-олигархическую полиархию⁷. Аналогичные характеристики высказывают зарубежные исследователи⁸. Автор определяет современный режим России как постсоветский режим, осуществляемый на основе моногосподства исполнительной власти и «управляемой демократии».

Большое исследовательское поле обнаруживается в сфере политической организации общества. Пристальное внимание ученых и общественности обращается, в частности, на процесс становления «партий власти». Так, в выступлении В. В. Путина при представлении Послания Федеральному Собранию РФ от 8 июля 2000 г. говорилось о том, что «не нужны очередные чиновничьи партии, прислоняющиеся к власти, тем более – подменяющие ее»⁹. Вместе с тем, современный опыт партийного строительства диссонирует с данным взглядом на проблему.

Дискуссионным является вопрос степени влияния структур гражданского общества на принимаемые государственные решения. Действительно, результаты или отсутствие таковых в деятельности

общественных объединений могут вызвать негативную оценку и в среде ученых, и государственных деятелей, и населения. Однако недооценка или переоценка этого влияния неправомерны в равной степени. С одной стороны, большинство общественных организаций, особенно «неформальных», пока остаются на периферии интересов власти. С другой стороны, практика общественно-государственного взаимодействия, в том числе и личный опыт автора показывают, что роль общественных объединений становится более значимой в ряде сфер социальной политики (социальная защита населения, молодежная, национальная политика, охрана окружающей среды). Наименьшая степень общественного влияния, по нашему мнению, проявляется в сфере экономической, кадровой политики и избирательного процесса.

Современная политическая ситуация предъявляет особые требования и к профсоюзному движению. По словам В. В. Путина, «гражданам России нужны не очередные посредники в распределении социальных благ, а профессиональный контроль за справедливостью трудовых контрактов и соблюдением их условий»¹⁰.

Актуален всесторонний анализ места и роли коммерческих объединений, бизнес-элиты в современных политических процессах.

Проблематичными остаются обеспечение представительства титульных наций в государственных и муниципальных органах власти национальных республик, разграничение полномочий федеральных и региональных органов государственной власти.

В любом случае, научное решение этих проблем должно осуществляться строго на документальной основе, с использованием таких методов и методик, которые обеспечили бы достоверность предполагаемых результатов.

¹ См., напр.: Заславская Т. И. О социальном механизме посткоммунистических преобразований в России // Социс. 2002. № 8. С. 3–4; Уайт С. Еще раз о посткоммунистической трансформации // Социс. 2003. № 11. С. 23.

² См., напр.: Уайт С. Указ. соч. С. 29.

³ Бутенко А. П. Советская многопартийность: проблема формирования. М., 1991; Лущикова С. Л. Удмуртский обком КПСС в 1987–1990 гг.... С. 3–8.

⁴ Иванов В. Н. КПСС и власть: департизация органов государственной власти и управления на Южном Урале. Челябинск, 1999; Лущикова С. Л. Удмуртский обком КПСС в 1987–1990 гг...С. 4.

⁵ Какую Россию мы строим. Выступление В. В. Путина при представлении ежегодного послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 8 июля 2000 года, г. Москва // Российская газета. 2000. 11 июля. С. 3.

⁶ Российская газета. 1999. 31 декабря. С. 5.

⁷ Согрин В. В. Политическая история современной России. 1985–2001... С. 11.

⁸ См., напр.: Уайт С. Указ. соч. С. 24–25.

⁹ Какую Россию мы строим. Выступление В. В. Путина при представлении ежегодного послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации... С. 3.

¹⁰ Там же.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Официальные документы

1. Возвращаясь к истокам. Интервью с председателем Общества удмуртской культуры К. А. Пономаревым. Программа и устав Общества // Вестник обкома КПСС. 1990. № 10, май.
2. В трудный час (Пленум Удмуртского рескома КП РСФСР 22 апреля 1991 г.) // Огни Прикамья. 1991. № 1.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации // Собрание Законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стеногр. отчет. М., 1991. Т. 1, 2.
5. XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза: Стеногр. отчет. М., 1986. Т. 1–3.
6. XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня – 1 июля 1988 г.: Стеногр. отчет. В 2 т. М., 1988.
7. Декларация о государственном суверенитете Удмуртской Республики. Постановление ВС УАССР от 20 сентября 1990 г. № 83-XII // Вестник обкома КПСС. 1990. № 19.
8. Ежегодное послание Президента России Федеральному Собранию РФ // Российская газета. 1994. 25 февраля.
9. Ежегодное послание Президента России Федеральному Собранию РФ // Российская газета. 1995. 17 февраля.
10. Заявление о задачах советов ветеранов Удмуртской Республики в связи с переходом экономики на рыночные отношения // Вестник. 1991. № 3, февраль.
11. Заявление о намерениях руководителей политических партий и общественно-политических организаций Удмуртской Республики // Демократическая Удмуртия, еженедельная газета демократических сил Удмуртии. 1991. 14 ноября.
12. Ижевская городская избирательная комиссия. Информационное сообщение // Удмуртская правда. 1998. 17 марта.
13. Информационное сообщение. Сведения о зарегистрированных кандидатах на должность главы местного самоуправления – мэра г. Ижевска. Список кандидатов в депутаты Городской Думы г. Ижевска // Удмуртская правда. 1994. 18 марта.
14. Информационное сообщение Ижевской городской избирательной комиссии об итогах выборов депутатов Городской думы и Главы местного самоуправления – мэра Ижевска // Известия Удмуртской Республики. 1994. 19 апреля.
15. Какую Россию мы строим. Выступление В. В. Путина при представлении ежегодного послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 8 июля 2000 года, г. Москва // Российская газета. 2000. 11 июля.

16. Конституция Российской Федерации. М., 2000.
17. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977.
18. Конституция (Основной Закон) Удмуртской Автономной Советской Социалистической Республики. Ижевск, 1990.
19. Конституция Удмуртской Республики. Проект // Удмуртская правда. 1994. 24 июня.
20. Конституция Удмуртской Республики. Ижевск, 1995.
21. Конституция Удмуртской Республики (текст по состоянию на 1 июля 2000 года). Ижевск, 2000.
22. Концепция государственной национальной политики Удмуртской Республики. Приложение к постановлению Государственного Совета Удмуртской Республики от 6 февраля 1998 года № 584-І. Б.м., б. г.
23. Материалы Первого Всесоюзного съезда удмуртов. 22–23 ноября 1991 г. Ижевск, 1992.
24. Об итогах выборов депутатов Государственного Совета Удмуртской Республики и всенародного опроса о введении поста Президента (Главы) Удмуртской Республики: Постановление Центральной избирательной комиссии Удмуртской Республики // Удмуртская правда. 1995. 4 апреля.
25. О благотворительной деятельности и благотворительных организациях: Федеральный Закон от 11 августа 1995 г. // Собрание Законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3340.
26. Об общественных объединениях: Закон СССР от 9 октября 1990 г. № 1708-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР от 17 октября 1990 г., № 42, ст. 839.
27. Об общественных объединениях: Федеральный Закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ, Ст.5 // Российская газета. 1995. 25 мая.
28. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный Закон от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ // Удмуртская правда. 1995. 28 сентября.
29. Об опросе населения Удмуртской Республики: Закон Удмуртской Республики от 16 ноября 1999 г. № 118-ІІ // Сборник законов и постановлений, принятых на шестой (внеочередной) сессии Государственного Совета Удмуртской Республики второго созыва (16 ноября 1999 года). Ижевск, б.г.
30. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный Закон. М., 1999.
31. Обращение к общественным объединениям, органам государственной власти Удмуртской Республики // Известия Удмуртской Республики. 1998. 14 мая.
32. Обращение председателя оргкомитета движения «Новая сила» Сергея Витальевича Чикурова к гражданам Удмуртской Республики // Известия Удмуртской Республики. 1999. 1 апреля.

33. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Федеральный Закон. М., 1999.
34. О выборах народных депутатов Верховного Совета Удмуртской АССР: Закон Удмуртской Автономной Советской Социалистической Республики // Удмуртская правда. 1989. 11 ноября.
35. О государственной молодежной политике в Удмуртской Республике: Закон Удмуртской Республики от 22 октября 1997 г. № 493-І // Удмуртская правда. 1997. 26 ноября.
36. О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений: Федеральный Закон от 26 июня 1995 г. // Собрание Законодательства РФ. 1995. № 27. Ст. 2503.
37. О государственном комитете Удмуртской Республики по труду: Постановление Правительства Удмуртской Республики от 26 июля 1999 г. № 710 // Известия Удмуртской Республики. 1999. 9 сентября.
38. О деятельности бюро и секретариата обкома КПСС в апреле – июне 1990 года // Вестник обкома КПСС. 1990. № 15, август.
39. О деятельности бюро и секретариата рескома КП РСФСР за IV квартал 1990 года // Вестник. 1991. № 3, февраль.
40. О Комиссии по правам человека при Председателе Государственного Совета Удмуртской Республики: Постановление Президиума Государственного Совета Удмуртской Республики от 9 октября 1997 г. № 400-І // Известия Удмуртской Республики. 1997. 13 ноября.
41. О Концепции государственной национальной политики Удмуртской Республики: Постановление Государственного Совета Удмуртской Республики от 6 февраля 1998 г. № 584-І // Известия Удмуртской Республики. 1998. 21 апреля.
42. О культуре: Закон Удмуртской Республики от 29 октября 1996 г. № 310-І // Известия Удмуртской Республики. 1996. 19 декабря.
43. О министерстве международных связей Удмуртской Республики: Постановление Правительства Удмуртской Республики от 11 августа 1999 г. № 760 // Известия Удмуртской Республики 1999. 17 сентября.
44. О назначении Председателя Правительства Удмуртской Республики: Постановление Государственного Совета Удмуртской Республики от 25 апреля 1999 г. № 5-ІІ // Сборник законов и постановлений, принятых на первой сессии Государственного Совета Удмуртской Республики второго созыва (20, 22 апреля, 12, 13, 14, 25, 28 мая 1999 г.). Ижевск, б. г.
45. О народном образовании: Закон Удмуртской Республики от 19 декабря 1995 г. № 130-І // Удмуртская правда. 1996. 31 января.
46. О некоммерческих организациях: Федеральный Закон от 12 января 1996 г. // Собрание Законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 145.
47. О постоянных комиссиях Государственного Совета Удмуртской Республики: Закон Удмуртской Республики от 30 мая 1995 г. № 50-І.
48. О профсоюзах, их правах и гарантиях деятельности: Федеральный Закон от 12 января 1996 г. // Собрание Законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 148.

49. О работе бюро и секретариата обкома КПСС в июле–сентябре 1990 г. // Вестник обкома КПСС. 1990. № 21.
50. О работе бюро и секретариата обкома КПСС за январь – март 1990 года // Вестник обкома КПСС. 1990. № 9, май.
51. О регистрации депутатских фракций в Государственном Совете Удмуртской Республики: Постановление Государственного Совета Удмуртской Республики от 14 мая 1999 г. № 26-II // Сборник законов и постановлений, принятых на первой сессии Государственного Совета Удмуртской Республики второго созыва (20, 22 апреля, 12, 13, 14, 25, 28 мая 1999 г.). Ижевск, б. г.
52. О свободе совести и религиозных объединениях: Федеральный Закон от 26 сентября 1997 г. // Собрание Законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.
53. О создании Конституционной комиссии: Постановление Государственного Совета Удмуртской Республики. 16 ноября 1999 г. № 117-II // Сборник законов и постановлений, принятых на шестой (внеочередной) сессии Государственного Совета Удмуртской Республики второго созыва (16 ноября 1999 года). Ижевск, б.г.
54. Политическое заявление XXXIX Удмуртской партийной конференции (основные направления деятельности коммунистов республики) // Вестник обкома КПСС. 1990. № 22, ноябрь.
55. Порядок во власти – порядок в стране. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию // Российская газета. 1997. 7 марта.
56. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. М., 1997.
57. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию «Общими силами – к подъему России (О положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)» // Российская газета. 1998. 24 февраля.
58. Программа Коммунистической партии Советского Союза: Новая редакция. М., 1986.
59. Протокол II конференции «Республиканского центра поддержки самоуправления Удмуртской Республики» по выдвижению кандидатов в депутаты Государственного Совета Удмуртской Республики от 1 февраля 1995 г. // Удмуртская правда. 1995. 14 февраля.
60. Развитие. Стабильность. Ответственность. Платформа избирательного объединения «Республиканский центр поддержки самоуправления Удмуртской Республики» // Удмуртская правда. 1995. 14 февраля.
61. Резолюция 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН «Всеобщая Декларация прав человека» 10 декабря 1948 г. // СССР и международное сотрудничество в области прав человека. Документы и материалы. С.413–419.
62. Секретно. Информация о деятельности неформальной организации «Движение за демократию» // Бюллетень. Движение за демократию. 1990, июль.

63. Систематическое собрание законов РСФСР, указов Президиума Верховного Совета РСФСР и решений правительства РСФСР. Т.12. М., 1969.
64. Сообщение Избирательной комиссии по выборам народных депутатов СССР от КПСС «О результатах выборов народных депутатов СССР от Коммунистической партии Советского Союза» // Удмуртская правда. 1989. 21 марта.
65. Устав Союза женщин Удмуртской АССР // Вестник. 1991. № 4, февраль.
66. Федеральный список кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации третьего созыва, выдвинутый избирательным блоком «Межрегиональное движение «Единство» («Медведь») // Российская газета. Специальный выпуск. Часть первая. 1999. 20 ноября.
67. Центральная избирательная комиссия УР сообщает предварительные данные о результатах выборов в Государственный Совет Удмуртской Республики // Удмуртская правда. 1995. 28 марта.

Сериальные издания

68. АиФ Удмуртии. 2000. 12 октября.
69. Бюллетень Высшей Аттестационной Комиссии Министерства образования РФ. М., 2001. № 5. 2003. № 4.
70. Бюллетень Государственного Высшего Аттестационного Комитета РФ. М., 1998. № 2. 1999. № 2. 2000. № 1. 2001. № 1.
71. Герд. 2000. 20 апреля, 19 июля.
72. Ижевск-экспресс. 2000. 14 апреля.
73. Известия Удмуртской Республики. 1996. 19 октября, 22 октября. 1999. 13 марта. 2000. 5 октября, 24 октября.
74. Инфо-Панорама. 2000. 18 мая, 20 октября.
75. Карьера. 2000. 19 мая.
76. Комитет по делам национальностей при Правительстве Удмуртской Республики. Информационный бюллетень № 1. Ижевск, 1996.
77. Независимая газета. 1999. 30 декабря.
78. Российская газета. 1999. 31 декабря.
79. Удмуртская правда. 1990. 20 марта, 15 апреля. 1998. 27 ноября. 2000. 24 марта, 4 апреля, 18 мая, 20 октября, 25 октября.

Справочные издания

80. Государственный комитет Удмуртской Республики по делам молодежи. Б. м., 1999.
81. Конфессии и религиозные объединения Удмуртской Республики. Православие. Справочник. Ижевск, 1999.

82. Общероссийские избирательные объединения накануне выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации третьего созыва: Справочник. М., 1999.
83. Политические партии и движения в Удмуртии. 1990-е годы (по документам и материалам ЦДНИ УР). Ижевск, 2001.
84. Республиканский центр развития молодежного и детского движения. Ижевск, 2000.
85. Словарь-справочник по социологии и политологии. М., 1996.
86. Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики: справочник-указатель. Ижевск, 2001.

Архивные материалы

87. Ведомственный архив Государственного Совета Удмуртской Республики, оп. 5.
88. Текущий архив Аппарата Государственного Совета Удмуртской Республики:

Обращение Председателя Политического консультативного Совета при Президенте Российской Федерации И. П. Рыбкина к Председателю Государственного Совета Удмуртской Республики А. А. Волкову от 23 сентября 1996 А7-2-50/03 // вх. № 4814, 26.09.96.

Ответ В. М. Походина, государственного советника юстиции 2 класса, Прокурора УР А. И. Салтыкову, Главе администрации г. Ижевска от 17 мая 1996 г. № 7-14-96.

Ответ Н. И. Морозовой, старшего советника юстиции, начальника отдела по надзору за законностью правовых актов Генеральной прокуратуры РФ А. И. Салтыкову, Мэру г. Ижевска от 14 мая 1996 г. № 7/5-1-803-96.

Протокол Избирательной комиссии Удмуртской Республики № 18 «Опрос населения Удмуртской Республики».

Решение Совета Ассоциации экономического взаимодействия областей и республик Уральского региона «О внесении изменений и дополнений в законодательство Российской Федерации по вопросам местного самоуправления» от 16 октября 1996 г.

89. Текущий архив Аппарата Правительства Удмуртской Республики:

Об Общественной палате при Правительстве Удмуртской Республики. Постановление Совета Министров Удмуртской Республики от 13 марта 1995 г. № 112.

Об Общественной палате при Совете Министров Удмуртской Республики. Постановление Совета Министров Удмуртской Республики от 26 сентября 1994 г. № 508.

Ответ М. А. Григорьева, Руководителя Аппарата Правительства Удмуртской Республики на письмо б/н от 20.01.1999 Председателя заседания Секретариата Общественной Палаты Удмуртской Республики Кудрина А. С. от 4 февраля 1999 г. № 7-154-242.

90. Центральный государственный архив Удмуртской Республики, ф. Р-620.

91. Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики:

- Ф. 16 – Удмуртский республиканский комитет КП РСФСР, г. Ижевск.
- Ф. 26 – Удмуртская общественная республиканская организация ветеранов (пенсионеров) войны и труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов, г. Ижевск.
- Ф. 34 – Всеудмуртская ассоциация «Удмурт кенеш» и Всероссийская ассоциация финно-угорских народов, г. Ижевск.
- Ф. 42 – Татарский общественный центр Удмуртии, г. Ижевск.
- Ф. 47 – Союз женщин Удмуртской Республики, г. Ижевск.
- Ф. 70 – Удмуртская молодежная общественно-политическая организация «Шунды» («Солнце») и Молодежная ассоциация финно-угорских народов, г. Ижевск.
- Ф. 74 – Агитационно-пропагандистские документы кампаний по выборам Президента Российской Федерации, депутатов федеральных и республиканских органов государственной власти и местного самоуправления, о проведении всенародных референдумов (коллекция).
- Ф. 92 – Удмуртский республиканский комитет ВЛКСМ и Удмуртская Федерация молодежных организаций Российского Союза Молодежи, г. Ижевск.
- Ф. 134 – Общественная организация «Общество русской культуры Удмуртской Республики».

Диссертации и авторефераты диссертаций

92. Березовский В. Н. Российская многопартийность в конце 20 века: процесс возникновения (1987–1991 гг.). Автореф. дис. (научного доклада)... канд. ист. наук. М., 1993.
93. Зазнаев О. И. Типология политических режимов. Дис. ... канд. полит. наук. Казань, 1993.
94. Красильникова О. В. Избирательные кампании в Республике Татарстан (1990–2000 гг.): историко-политический анализ. Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2002.
95. Магомедов А. К. Региональные элиты и региональная идеология в современной России: сравнительный анализ (на примере республик и областей Поволжья): Дис. ... д-ра полит. наук. Казань, 1999.
96. Нестерова Н. А. Формирование государственной национальной политики в Республике Коми в конце 1980-х – 1990-е гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2000.
97. Носаненко Г. Ю. Трансформация местного самоуправления в российском обществе. Дис. ... канд. полит. наук. Казань, 2001.
98. Смирнова С. К. Этнополитическое развитие Удмуртии в контексте современных трансформационных процессов в Российской Федерации. Дис. ... д-ра полит. наук. Москва, 2003.
99. Спирин И. А. Место и роль региональных элит в российском политическом процессе: Дис. ... канд. полит. наук. Казань, 1999.

100. Уваров С. Н. Исторический опыт политического реформирования в Удмуртии в 90-е гг. XX века: Дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2003.

Монографии

101. Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 1997.
102. Афанасьев М. Н. Клиентализм и российская государственность. М., 1997.
103. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М., 2002.
104. Барсенков А. С. Введение в современную российскую историю 1985–1991 гг. М., 2002.
105. Басов Б. П. Трудное время перемен (Россия в 1991 – 1994 гг.). Ижевск, 1995.
106. Бехтерев С. Л. Политическое развитие Удмуртии на завершающем этапе советской истории. Монография. Ижевск, 2004.
107. Буртин Ю. Новый строй: о номенклатурном капитализме. Статьи, диалоги, интервью. Харьков, 1995.
108. Бутенко А. П. Советская многопартийность: проблема формирования. М., 1991.
109. Ветераны Удмуртии (Выпуск второй). Сборник материалов, посвященных истории и опыту работы ветеранских организаций республики. Ижевск, 1997.
110. Власть и общество: XX век // Научные труды НИИГН при Правительстве РМ. Т. 1 (112) / Отв. ред., сост. В. А. Юрченков. Саранск, 2002.
111. Войтович В. Ю. Государственность Удмуртии. История и современность. Ижевск, 2003.
112. Войтович В. Ю. Развитие правового статуса Удмуртии в составе России. 1920–2000. Ижевск, 2003.
113. Гельман В. Я. Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция. М., 1999.
114. Громов А. В., Кузин О. С. Неформалы: кто есть кто? М., 1990.
115. Губогло М. Н., Смирнова С. К. Феномен Удмуртии. Парадоксы этнополитической трансформации на исходе XX века. М., 2001.
116. Дискин И. Е. Россия: трансформационные элиты. М., 1995.
117. Иванов В. Н. КПСС и власть: департизация органов государственной власти и управления на Южном Урале. Челябинск, 1999.
118. История Коми с древнейших времен до конца XX века. Т. 2. Сыктывкар, 2004.
119. Калинин И. К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. М., 2000.
120. КПСС: взлет и крушение. Компартия России: начало биографии. Современный этап коммунистического движения в России. М., 1999.

121. Коргунюк Ю. Г., Заславский С. Е. Российская многопартийность (становление, функционирование, развитие). М., 1996.
122. Краснов В. Н. Система многопартийности в современной России. М., 1995.
123. Крылова А., Бехтерев С., Бехтерева Л. Удмуртская Республика. Модель этнологического мониторинга. М., 2000.
124. Куликов К. И. Удмуртия – субъект России (1990-е годы). Ижевск, 1999.
125. Лукьянова Е. А. Российская государственность и конституционное законодательство в России (1917–1993). М., 2000.
126. Марийский мир: Проблемы национального, социально-экономического и культурного развития марийского народа. Йошкар-Ола, 2000.
127. Марийцы: проблемы социального и национально-культурного развития / отв. ред. Н. С. Попов. Йошкар-Ола, 2000.
128. Мацузато К., Шатилов А. Регионы России: хроника и руководители. Саппоро. 1996. Т. 6. № 1.
129. Мацузато К., Шатилов А. Регионы России: хроника и руководители. Саппоро. 1997. Т. 2. № 34.
130. Методические материалы учебных курсов по программе «Международная политэкономия и политические науки». Ижевск, 2003.
131. Михайловская И. Б., Кузьминский Е. Ф. Право избирать и факторы, влияющие на его реализацию. М., 1996.
132. Напалков А. Д. От Верховного Совета к Государственному Совету Республики Коми. Сыктывкар, 2001.
133. Напалков А. Д. Представительные органы государственной власти Республики Коми: опыт конкретно-исторического анализа. Сыктывкар, 1998.
134. На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе. М., 1990.
135. Неформальная Россия: О «неформальных» политизированных движениях и группах в РСФСР (опыт справочника) / Сост., авт. вступ. ст. и науч. ред. В. Березовский, Н. Кротов. М., 1990.
136. Оников Л. А. КПСС: анатомия распада. Взгляд изнутри аппарата ЦК. М., 1996.
137. Охотский Г. Политическая элита. М., 1993.
138. Партийная система в 1989–1993 годах: опыт становления. М., 1994.
139. Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация: В 2 т. Т. 2. М., 1996.
140. Политический альманах России. 1997. Т. 1–2. Кн. 1–2. М., 1998.
141. Понеделков А. Элита. Ростов-на-Дону, 1995.
142. Пономарев Л. Н., Шинкаренко В. В. В чьих руках колесо истории?: Историко-социологические очерки. М., 1989.
143. Попов А. А., Нестерова Н. А. Национальный вопрос в Республике Коми в конце XX века (историческое исследование). Сыктывкар, 2000.
144. Попов А. М. Становление многопартийности: история и идеология. Ярославль, 1997.

145. Пугачев В. Субъекты политики: личность, элита, лидерство. М., 1993.
146. Регионы России. Хроника и руководители. Т. 7. Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Республика Мордовия. Саппоро, 2000.
147. Румянцев О. Г. Основы конституционного строя России. М., 1994.
148. Смирнова С. К. Феномен Удмуртии. Этнополитическое развитие в контексте постсоветских трансформаций. М.–Ижевск, 2002.
149. Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: В 2 т. Т. 2. Апогей и крах сталинизма // Под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1997.
150. Согрин В. В. Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачева до Путина. М., 2001.
151. Татарский Общественный Центр Удмуртии: этапы становления (из дневника президиума ТОЦ-Удм.). Ижевск, 1998.
152. Удмуртия в годы реформ: 1990–2001 / Учебно-методическое пособие. Екатеринбург, 2002.
153. Удмуртия в зеркале двадцатого столетия. 1901–2000 гг. Историческая хроника. Ижевск, 2002.
154. Фроянов И. Я. Погружение в бездну. Россия на исходе XX века. СПб., 1999.
155. Швейцер П. Победа. Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря. Минск, 1995.
156. Шишкин М. И. Два года в «Кенеше». Ижевск, 1995.
157. Шубин А. В. От «застоя» к реформам. СССР в 1978–1985 гг. М., 2001.
158. Шумилов Е. Ф. Православная Удмуртия. История Ижевской и Удмуртской епархии. XX век. Ижевск, 1996.
159. Щукин С. Власть в законе. Б.м., б. г.
160. Экономика Удмуртии. Ижевск, 1997.
161. Эндрейн Чарльз Ф. Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования. Пер. с англ. М., 2000.
162. Этнополитическая и этносоциальная ситуация в Удмуртской Республике (сборник информационно-аналитических материалов). Ижевск, 2000.
163. Юрченков В. А. Мордовский народ: прошлое и настоящее. Саранск, 1999.
164. Barber James David, Presidential Character, 3rd ed. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1985.
165. Rourke John T., International Politics on the World Stage, 7th ed., Guilford (CT): The Dushkin Publishing Group, 1999.
166. Waltz Kenneth, Man, the State, and War, New York: Colombia University Press, 1959.

Статьи

167. Авторитет партии укреплять делами. (Из материалов зональных совещаний секретарей первичных парторганизаций) // Вестник. 1991. № 1, январь.

168. Александров В. Краснодарский край: экономика, партии, лидеры // Власть. 1993. № 7.
169. Александрова Т. Молодежь – главный инвестиционный проект государства // Известия Удмуртской Республики. 2001. 20 февраля.
170. Антонов В. Реском: новая структура, новые функции // Вестник. 1991. № 3, февраль.
171. Артамонов А. Эксперимент, или первые «ласточки» // Пропагандист и агитатор. 1989. № 13, июль.
172. Афанасьев М. Н. Правящая элита России: образ деятельности // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 4.
173. Ахметов Г. Дальнейшее совершенствование советской избирательной системы // Пропагандист и агитатор. 1987. № 8, апрель.
174. Ахметов Г. Демократия и законность // Вестник. 1991. № 8.
175. Ахметов Г. На основе широкой демократии // Пропагандист и агитатор. 1989. № 2, январь.
176. Ашин Г. К. Правящая элита и общество // Свободная мысль. 1993. № 7.
177. Ашин Г. К. Смена элит // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 40–51.
178. Бадовский Д. В. Политический процесс в Орловской области (Набросок с натуры) // Кентавр. 1995. № 2.
179. Баженов Г. Наш общий дом. К 66-й годовщине образования СССР // Пропагандист и агитатор. 1988. № 23, декабрь.
180. Бехтерев С. Л. Избирательные кампании как механизм толерантности политических элит // Современные социально-политические технологии в сфере формирования толерантного общественного сознания: Материалы VII научно-практической конференции. Ижевск, 2002.
181. Бехтерев С. Л. Институты политической системы в процессе суверенизации субъектов Российской Федерации (на примере Удмуртской Республики) // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 6.
182. Бехтерев С. Л. К вопросу о формировании политической системы современной России (региональный аспект) // Международная политэкономия и политические науки в аспекте глобализации (Российский и американский подходы): Материалы международной научно-практической конференции 13–14 мая 2003 года. Ижевск, 2003.
183. Бехтерев С. Л. Конституционная реформа в Удмуртской Республике (1990–2000 гг.) // Российское государство: прошлое, настоящее, будущее. Ижевск, 2001.
184. Бехтерев С. Л. Общественно-государственные структуры как институт политической системы РФ // Актуальные проблемы современной России. Ижевск, 2003.
185. Бехтерев С. Л. Общество и государство: теория и практика взаимодействия в субъектах Российской Федерации // Гражданское общество и государственные институты в России: взгляд из провинции. Саранск, 2004. С. 53–63.

186. Бехтерев С. Л. Особенности менталитета населения Удмуртской Республики и его влияние на развитие современных политических процессов // Актуальные проблемы политического и социально-экономического развития страны. Казань, 1993.
187. Бехтерев С. Л. Становление гражданского общества в Удмуртской Республике // Российское государство: прошлое, настоящее, будущее. Ижевск, 1998.
188. Бехтерев С. Л. Становление института президентства в Удмуртской Республике // Регионология. 2003. № 4 – 2004. № 1.
189. Бехтерев С. Л. Толерантность как механизм взаимодействия политических элит // Социальная толерантность и межкультурные коммуникации. Ижевск, 2003.
190. Бехтерев С. Л., Крылова А. С. Итоги президентских выборов // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. М., 2000. Сентябрь–октябрь.
191. Бехтерев С. Л., Крылова А. С. На пути к президентству // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. М., 2000. Май–июнь.
192. Бехтерев С., Крылова А. От выживания – к развитию // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 6. Приволжское отделение. М., 2001. 1–15 февраля.
193. Бехтерев С., Крылова А. Этнополитическая ситуация // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 6. Приволжское отделение. М., 2001. 16–31 января.
194. Бехтерев С., Крылова А. Этнополитическая ситуация // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 7. Приволжское отделение. М., 2001. 16–28 февраля.
195. Бехтерев С., Крылова А. Этнополитическая ситуация // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 8. Приволжское отделение. М., 2001. 1–15 марта.
196. Бехтерев С. Л., Овчинников Г. П. Выборы первого Президента Удмуртской Республики // ЧиновникЪ. 2001. № 5(11).
197. Бехтерев С. Л., Сергеев В. И., Трофимченко В. Н., Храмцов А. А. Современные политические процессы в Удмуртской Республике // Политические партии: теория и практика. Чебоксары. 1993. Вып. 3.
198. Бородулина Н. Белгородская область: экономика, партии, лидеры // Власть. 1995. № 12.
199. Боткин О. И. Бюджетный федерализм в интересах региона // Федерализм в фокусе отношений между центром и регионами. Ижевск, 2001.
200. Боткин О. И., Сапожников Н. И., Загуменнов В. Г., Осипов А. К. Развитие ведущих отраслей экономики Удмуртской республики // Удмуртская Республика: проблемы и перспективы. Ижевск, 1995.
201. В ваш блокнот // Пропагандист и агитатор. 1985. № 20, октябрь.

202. Войтович В. В семье советских республик // Пропагандист и агитатор. 1986. № 23.
203. Войтович В. Выражая волю народа. Об изменениях в Конституции СССР и Законе о выборах народных депутатов // Пропагандист и агитатор. 1989. № 1, январь.
204. Воронцов Н. Трудовой коллектив. Что он может // Пропагандист и агитатор. 1986. № 1, январь.
205. Время требует коренных перемен // Пропагандист и агитатор, 1987. № 7, апрель.
206. Гаман О. В. Региональные элиты современной России как субъекты политического процесса // Вестник МГУ. Серия 18. 1995. № 4.
207. «Гвоздь» программы отозван // Удмуртская правда. 1993. 30 января.
208. Главатских Д. Энергию и инициативу молодежи – перестройке // Пропагандист и агитатор. 1988. № 15, август.
209. Гоголев Л. Нужна консолидация // Вестник обкома КПСС. 1990. № 14, июль.
210. Гоголев Л. Что показали отчеты и выборы? // Вестник. 1991. № 3, февраль.
211. Горбушина Р. За обновление идеологической работы // Пропагандист и агитатор. 1988. № 12.
212. Государственный недоворот // Власть. 2001. № 33.
213. Грачев В. Конкретная программа действий // Пропагандист и агитатор. 1988. № 7, апрель.
214. Даешь... полмиллиона? (интервью с О. Ю. Поповым, первым секретарем Удмуртского республиканского комитета ВЛКСМ) // Огни Прикамья. 1991. № 3, июль.
215. Дерябин В. С. Коми-пермяки сегодня: особенности этнокультурного развития // Российская академия наук. Институт этнологии и антропологии. Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» с 1990 г. Документ № 102. М., 1997.
216. Дилигенский Г. Г. Что мы знаем о демократии и гражданском обществе? // Pro et Contra. Осень 1997.
217. Егоров И., Мацузато К. Удмуртская Республика. Хроника политического процесса (1988–1999 гг.) // Регионы России. Хроника и руководители. Т. 7. Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Республика Мордовия. Саппоро, 2000.
218. Ерохина Л. Н. Политическое лидерство и региональная пресса в Удмуртии. 1991–1999 гг. // Актуальные проблемы современной России. Ижевск, 2003.
219. Ерохина Л. Н. Формирование облика государственной власти в Удмуртской Республике в 1995–пер. пол. 1998 г. (По материалам местной печати) // Российская государственность: уровни власти. Теория и практика современного государственного строительства. Ижевск. 2001.

220. Ефремова Т. Н., Замостьянова Т. В. Некоторые аспекты теорий местного самоуправления // Тезисы докладов 5-й Российской университетско-академической научно-практической конференции. Ч. 2. Ижевск, 2001.
221. Ешкеев А. Голосуйте активно! // Удмуртская правда. 1994. 8 апреля.
222. Жириновский В. Демократия тоже предусматривает насилие // Известия. 1993. 30 ноября.
223. Журавлев А. Н. Псковская область: экономика, партии, лидеры // Власть. 1996. № 4.
224. Загуляева Н. Без возврата к прошлому // Пропагандист и агитатор. 1989. № 7, апрель.
225. Загуляева Н. Вопросов больше, чем ответов // Вестник обкома КПСС. 1990. № 14, июль.
226. Загуляева Н. Дорога к храму // Огни Прикамья, 1991. № 6, октябрь.
227. Заславская Т. И. О социальном механизме посткоммунистических преобразований в России // Социс. 2002. № 8. С. 3–4.
228. Избраны в Верховный Совет // Пропагандист и агитатор. 1989. № 13, июль.
229. Измайлова А. Удмуртия – Суоми // Огни Прикамья. 1991. № 3, июль.
230. Из опыта работы законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Вып. № 7. О практике работы общественных палат при органах государственной власти субъектов Российской Федерации. М., 1999.
231. Ильиных Е. Закон нашей жизни // Пропагандист и агитатор. Журнал отдела пропаганды и агитации Удмуртского обкома КПСС. 1986. № 17, сентябрь.
232. Ильиных Е. Учимся демократии // Пропагандист и агитатор. 1989. № 13, июль.
233. И право, и ответственность. (К дню советской милиции. Интервью с заместителем министра внутренних дел УАССР В. Н. Бурцевым) // Пропагандист и агитатор. 1988. № 20, октябрь.
234. Как реализуем намеченное? // Вестник обкома КПСС. 1990. № 5, март.
235. Климантова Г. Союз женщин Удмуртии // Вестник. 1991. № 4, февраль.
236. Козлов Г. Что может Совет ветеранов // Пропагандист и агитатор. 1987. № 17, сентябрь.
237. Козлова А. Мнение о Декларации // Вестник. 1991. № 3, февраль.
238. Козловская А., Скуковская И. Если честно признаться // Вестник обкома КПСС. 1990. № 21, ноябрь.
239. Колеватова В. Основа перестройки в экономике // Пропагандист и агитатор. 1987. № 15, август.
240. Колосов В. А. Курганская область: экономика, партии, лидеры // Власть. 1996. № 2.
241. Колосов В. А., Стрелецкий В. Н. Калмыкия – Хальмг Тангч: экономика, партии, лидеры // Власть. 1996. № 1.

242. Королев С. В. Социальная помощь и поддержка населения в России в 90-х годах // Тезисы докладов 5-й Российской университетско-академической научно-практической конференции. Ч. 2. Ижевск, 2001.
243. Кошкин А. Приморский край: экономика, партии, лидеры // Власть. 1996. № 7.
244. К полномочию Советов. (Беседа с председателем Президиума Верховного Совета Удмуртской АССР А. И. Тубыловым) // Пропагандист и агитатор. 1989. № 23, декабрь.
245. Крыштановская О. В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1.
246. Крыштановская О. В. Формирование региональной элиты: принципы и механизмы // Социс. 2003. № 11.
247. Куколев И. Трансформация политических элит в России // Общественные науки и современность. 1997. № 4.
248. Куликов К. И. ...А принимать должен Верховный Совет // Известия Удмуртской Республики. 1994. 3 сентября.
249. Куликов К. И. Объективная и субъективная обусловленность конституционной реформы в России // Российское государство: прошлое, настоящее, будущее. Ижевск, 2001.
250. Куликов К. И., Христюкова Л. С. Этнополитическая ситуация в Удмуртской Республике в 1993 г. // Российская академия наук. Институт этнологии и антропологии. Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» с 1990 г. Документ № 73. М., 1994.
251. Лапина Г.П. О роли общественных организаций в процессах саморазвития и саморегулирования социальных систем современного мира // Российский социально-политический вестник. 1998. № 3.
252. Лебедев Ю. Новые общественно-политические организации и движения Удмуртии (Информационно-справочный материал в помощь партийному активу) // Вестник обкома КПСС. 1990. № 21, ноябрь.
253. Лещинский А. С. Некоторые аспекты деятельности Госкомитета Удмуртской Республики по делам молодежи по реализации международного молодежного сотрудничества // Международная политэкономия и политические науки в аспекте глобализации (Российский и американский подходы). Ижевск, 2003.
254. Лещинский А. С. Правовые основы реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации и Удмуртской Республике // Актуальные проблемы современной России. Ижевск, 2003. С. 198–206.
255. Луцкова С. Л. Из истории становления многопартийности в Удмуртии // Современные социально-политические технологии в сфере развития межрегиональных связей: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции 2 февраля 2001 года. Ижевск, 2002.
256. Луцкова С. Л. Основные особенности становления региональной многопартийной системы (на примере Урало-Поволжского региона) // Современные социально-политические технологии: сущность,

- многообразие форм и внедрение. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции 4–5 февраля 1999 года. Ижевск, 1999.
257. Лущикова С. Л. Особенности становления многопартийной системы в Удмуртии // Тезисы докладов 5-й Российской университетско-академической научно-практической конференции. Ч. 2. Ижевск, 2001.
 258. Лущикова С. Л. Удмуртский обком КПСС в 1987–1990 гг. // Актуальные проблемы современной России. Ижевск, 2003.
 259. Магомедов А. К. Политические элиты российской провинции // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 4.
 260. Малютин М. «Новая» элита в новой России // Общественные науки и современность. 1992. № 2.
 261. Медушевский А. Н. Обзор «Становление политической социологии в России» // Общественные науки в России. Реферативный журнал. «История». Серия 5. № 2. М., 1993.
 262. Мерзлякова Г. В. Женские общественные движения: история и опыт // Социально-политическое развитие России: проблемы, поиски, решения. Ижевск, 1999.
 263. Мерзлякова Г. В. Женские советы: опыт их работы, проблемы // Пропагандист и агитатор. 1986. № 10.
 264. Мерзлякова Г. В. Состояние женского вопроса на современном этапе // Современные социально-политические технологии: сущность, многообразие форм и внедрение. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции 4–5 февраля 1999 года. Ижевск, 1999.
 265. Мошкин Н. Власть, открытая для всех // Пропагандист и агитатор. 1986. № 11.
 266. Мусская И. Сокращение... с увеличением // Пропагандист и агитатор. 1989. № 19, октябрь.
 267. Наша республика – наши кандидаты // Трибуна. 1999. 10 февраля.
 268. Независимость профсоюзов – в консолидации. Интервью с председателем облсовпрофа А. М. Фоминовым // Вестник обкома КПСС. 1990. № 9.
 269. Нестеренко Н. Торжество социалистической демократии // Пропагандист и агитатор. 1987. № 17, сентябрь.
 270. Новичков В. Инициативе новаторов – «зеленую улицу»! // Пропагандист и агитатор. 1986. № 11, июнь.
 271. Осипов А., Загуменнов В., Кочкуров Н. Местное самоуправление: варианты и возможности // Огни Прикамья. 1991. № 4, август.
 272. Пахомова И. Кадровая политика в условиях перестройки // Пропагандист и агитатор. 1987. № 5, март.
 273. Пахомова И. Новому обществу – обновленную партию // Пропагандист и агитатор. 1989. № 18.
 274. Перевощиков Н. Обеспечить защиту прав и интересов граждан // Пропагандист и агитатор. 1989. № 21, ноябрь.
 275. Петров Н. В. Нижегородская область: экономика, партии, лидеры // Власть. 1996. № 3.

276. Пляйс Я. А. Основные направления исследований политической науки в современной России // Бюллетень Государственного Высшего Аттестационного Комитета РФ. М., 2001. № 1.
277. Пономарев К. А. За бортом. Почему «Удмурт кенеш» проиграл выборы // Удмуртская правда. 1995. 8 апреля.
278. Пономарев К. А. Трансформация Удмуртии из парламентской республики в президентскую // Российское государство: прошлое, настоящее, будущее. Ижевск, 2001.
279. Попов Н.Н. О мелкобуржуазных партиях. Доклад, прочитанный секретарем Харьковского губкома РКП(б) тов. Н. Н. Поповым 19 октября 1921 г. на собрании ответственных работников Харьковской организации. Харьков, 1921.
280. Попонин В. Совет трудового коллектива // Пропагандист и агитатор. 1988. № 9, май. С. 9–10.
281. Прозоров Г. Время действовать. По материалам совместного пленума республиканского комитета и контрольной комиссии Удмуртской партийной организации // Вестник. 1991. № 5, март.
282. Пузанова Н. За кого голосовали удмурты? // Удмуртская правда. 1999. 16 апреля.
283. Пузанова Н. Не забывать о национальном аспекте // Удмуртская правда. 1999. 30 апреля.
284. Пырегов О. Точки зрения различны // Вестник обкома КПСС. 1990. № 14, июль.
285. Работяжев Н. К вопросу о генезисе и сущности номенклатурного капитализма в России // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 2.
286. Ревенко Н., Якименко Л. С точки зрения ученых. Кому отдать предпочтение // Удмуртская правда. 1994. 9 апреля.
287. Региональное согласие // Власть. Общенациональный политический журнал. 1998. № 7.
288. Религия // Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск, 2000.
289. Розенберг А. Политическая культура в зеркале общественного мнения // Пропагандист и агитатор. 1988. № 9, май.
290. Рывкина Р. В. Влияние новой правящей элиты на ход и результаты экономических реформ // Социс. 1995. № 11.
291. Рылов В. Разобщенно, на низком уровне ведется борьба за укрепление правопорядка в республике // Пропагандист и агитатор. 1988. № 14.
292. Самсонова Т. Н. Концепция правящего класса Г. Моски // Социс. 1994. № 10.
293. Сатаров Г. Гражданское общество – универсальный стабилизатор // Россия, 1997, № 5.
294. Свиридов В. Профсоюзы на новом этапе // Пропагандист и агитатор. 1989. № 24.
295. Смирнова С. К. Права народов в мультиэтничном государстве: путь России // Российская академия наук. Институт этнологии и антропологии.

- Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» с 1990 г. Документ № 151. М., 2002.
296. Смирнова С. К. Современные социально-экономические проблемы в Удмуртии // Российская академия наук. Институт этнологии и антропологии. Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» с 1990 г. Документ № 154. М., 2002.
 297. Смирнова С. К. Современные этносоциальные процессы в Удмуртии // Российская академия наук. Институт этнологии и антропологии. Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» с 1990 г. Документ № 156. М., 2002.
 298. Смирнова С. К. Современные этнополитические процессы в Удмуртии // Российская академия наук. Институт этнологии и антропологии. Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» с 1990 г. Документ № 157. М., 2002.
 299. Соколов В. Сумеем ли укрепить свои ряды? О некоторых вопросах, связанных с членством в КПСС // Вестник обкома КПСС. 1990. № 21, ноябрь.
 300. С сессии Верховного Совета Удмуртской Республики. Выступление Председателя Верховного Совета Удмуртской Республики В. К. Тубылова // Удмуртская правда. 1993. 30 января.
 301. Сыресин В. О неформальных объединениях молодежи // Пропагандист и агитатор. 1988. № 13, июль.
 302. Тани соос, асьмелэньёс! // Герд. 1999. 16 марта.
 303. Тарасов Ю. С. Правящая элита Якутии: штрихи к портрету // Полис. 1993. № 2.
 304. Таскаев М. Коми национальные политические объединения в XX веке // Congressus nonus internationalis Fenno-Ugristarum 7. – 13.8 2000 Tartu. Pars III. Tartu, 2000. S. 208–209.
 305. Толчин В. О структуре аппарата Совета Министров УАССР // Пропагандист и агитатор. 1989. № 12, июнь.
 306. Томшич В. Г. Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи // Удмуртская Республика. Энциклопедия. Ижевск, 2000.
 307. Томшич В. Г. Второй этап перестройки: задачи и проблемы // Пропагандист и агитатор. 1988. № 6.
 308. Томшич В. Г. Кредит доверия // Пропагандист и агитатор. 1989. № 9, май.
 309. Томшич В. Г. Партия коммунистов: политическое обеспечение перестройки // Пропагандист и агитатор. 1988. № 7, апрель.
 310. Томшич В. Г. Устав – организационное оружие партии // Пропагандист и агитатор. 1985. № 22, ноябрь.
 311. Томшич Т. С. Духовные основы перестройки // Пропагандист и агитатор. 1987. № 12, июнь.
 312. Трезвость – норма нашей жизни // Пропагандист и агитатор. 1985. № 22, ноябрь.

313. Тубылов А. Демократия – в действии // Пропагандист и агитатор. 1989. № 14, июль.
314. Туровский Р. Республика Коми: экономика, партии, лидеры // Власть. 1995. № 10.
315. Уайт С. Еще раз о посткоммунистической транзиции // Социс. 2003. № 11. С. 23.
316. Уваров С. Н. Направления углубления демократизации российского общества // Перспективы развития регионов России в XXI веке: Материалы межрегиональной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов / ИжГСХА. Т. I. Ижевск, 2002.
317. Уваров С. Н. Нарастание негативных явлений в Удмуртской областной организации КПСС накануне радикальных политических реформ // Перспективы развития регионов России в XXI веке: Материалы межрегиональной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов / ИжГСХА. Т. I. Ижевск, 2002.
318. Уваров С. Н. Основные причины уменьшения численности Удмуртской партийной организации в конце 80-х – начале 90-х гг. XX века // Аграрная наука – состояние и проблемы: Труды региональной научно-практической конференции. Т. II. Ижевск, 2002.
319. Уваров С.Н. Результаты политических реформ 90-х гг. XX века в Удмуртии // Перспективы развития регионов России в XXI веке: Материалы межрегиональной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов / ИжГСХА. Т. I. Ижевск, 2002.
320. Утверждение трезвости – долг каждого // Пропагандист и агитатор. 1987. № 14, июль.
321. Фарукшин М. Х. Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации // Полис. 1994. № 6.
322. Фирулева Л. Д. Некоторые показательные тенденции развития региональных политических элит // Международная политэкономия и политические науки в аспекте глобализации (Российский и американский подходы). Ижевск, 2003.
323. Фирулева Л. Д., Бучкин А. Б. Постсоветская политическая элита (формирование, облик, эволюция) // Социально-политическое развитие России: проблемы, поиски, решения. Ижевск, 1999.
324. Фоминов А. Добиться крутого перелома // Пропагандист и агитатор. 1988. № 4, февраль.
325. Фоминов А. О новой структуре партийного аппарата // Пропагандист и агитатор. 1989. № 3, февраль.
326. Хузин Ф. З. О взаимодействии Министерства национальной политики Удмуртской Республики с республиканскими национально-культурными объединениями в реализации Концепции государственной национальной политики // Государственный Совет Удмуртской республики. Правительство Удмуртской Республики. Информационно-методический сборник. Ижевск, б. г. Вып. 20.

327. Чешков М. А. «Вечно живая» номенклатура? // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 6.
328. Шаимов В. Наскоком не преодолеть // Пропагандист и агитатор. 1988. № 24, декабрь.
329. Шамшурина Г. Никто не должен стоять в стороне // Пропагандист и агитатор. 1988. № 3, февраль.
330. Шибанов К. Кенеш – орган самоуправления удмуртской деревни // Пропагандист и агитатор. 1988. № 12, июнь.
331. Шиляев Б. Условия для творчества // Вестник обкома КПСС. 1990. № 17, сентябрь.
332. Шульга П. Не ради смены вывески // Пропагандист и агитатор. 1989. № 1.
333. Щипакин Ю. Изучая мнение общественности // Пропагандист и агитатор. 1989. № 11, июнь.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИТОГИ ВЫБОРОВ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ ФС РФ (1993–1999 гг.)¹

Избирательное объединение (блок)	1993 г. (РФ)	1993 г. (УР)	1995 г. (РФ)	1995 г. (УР)	1999 г. (РФ)	1999 г. (УР)
1993 г.						
Аграрная партия России (и.о.)	7,99 % 4 292 518	11,07 % 51 713	3,78 % 2 613 127	7,50 % 49 547	13,13 % 8 886 697	8,16 % 58 292
	Аграрная партия России (и.о.)		Аграрная партия России (и.о.)		Отечество – Вся Россия (и.б.): 1. ООО– ПП АПР;	
	нет		0,28 % 191 446 ПП Христианско- Демократический Союз– Христиане России (и.о.)	0,60 % 3 986	2. ООО–ПП «Союз христианских демократов России»	
	нет		нет		3. ОПОД «За равноправие и справедливость»;	
	нет		нет 1,11 % 769 259 Блок И. Рыбкина (и.б.): 1. Общественное объединение «Регионы России»;	1,17 % 7 757	4. ОПОО Отечество, в том числе: Общественное объединение «Регионы России»;	
	нет		2. Общественно- политическое объединение			

	нет		«Народное движение– Россия» («Союз»);		нет	
	нет		3. Российский Союз Молодежи;		нет	
	нет		4. ОПД «Согласие»;		0,09 % 61 776 Социалистическая партия России (и.о.)	0,08 % 574
	нет		5. ОПД «Союз реалистов»		0,56 % 371 959 Блок генерала Андрея Николаева, академика Святослава Федорова (и.б.): ОПД «Союз реалистов»; Движение «Союз народовластия и труда»;	0,52 % 3 700
	нет		3,98 % 2 756 954 Партия самоуправления трудящихся (и.о.)	2,91 % 19 127	Партия самоуправления трудящихся; Социалистическая партия трудящихся; Движение «Инженерный прогресс России»; Организация «Надежда России»; Ассоциация женщин- предпринимателей России; Российский профсоюз работников	
	нет		нет			
	нет		нет			
	нет		нет			
	нет		нет			

	5,52 % 2 969 533 Демократическая партия России (и.о.)	5,34 % 24 926	нет		Российский детский фонд; ООПД «Развитие предпринимательства»; Международный женский центр «Будущее женщины»; Фонд развития парламентаризма в России; ООПД «Женщины России (частично); ООПД «Образование–будущее России»; Межрегиональная общественная организация «Ратники Отечества»; ОПОО «Российское Морское Собрание»; ООО «Российский Союз молодежи»; ОПОД «Общественное согласие»; СПД «Держава» (частично). В составе «Вся Россия» – Демократическая партия России	
Блок:	7,86 %	8,18 %	6,89 %	4,36 %	5,93 %	2,77 %

	3. Российский Христианско-демократический союз–Новая демократия нет нет нет нет нет нет нет		2. Российская христианско-демократическая партия (РХДС–НД); 3. Ассоциация корейцев России. нет нет нет нет 0,28 % 194 254 «За Родину!» (и.б.): 1. Российский Союз ветеранов Афганистана; 2. Народно-патриотическая партия; 3. ОПД «Новая Россия».	0,32 % 2 129	23,32 % 15 548 707 Межрегиональное движение «Единство» («Медведь») (и.б.): Российская христианско-демократическая партия (РХДС–НД); нет ООПД «Моя семья»; ООД «Всероссийский Союз Народных Домов»; РД «Поколение Свободы»; Российский Союз ветеранов Афганистана; Народно-патриотическая партия нет Российский просветительский центр «Аль Фуркан»; Российская общественная организация инвалидов войн и военных конфликтов; Всероссийское общество спасения на водах; Санкт-Петербургское ОПД	37,40 % 267 295
--	--	--	---	-------------------------	--	----------------------------

	нет		4,31 % 2 980 137 Конгресс русских общин (и.о.)	5,89 % 38 753	«Движение транспортников»; Российский фонд милосердия и здоровья; Торгово-промышленная палата; СПД «Держава» (частично); Объединение профсоюзов «СОЦПРОФ»; ООО «Ассоциация частных инвесторов»; Исламский культурный центр России; ООД «Реформы–новый курс»; ОПОД «Леса России»; ОПОД «В поддержку независимых депутатов»; Регионы России (частично). 0,61 % 405 295 Конгресс русских общин и Движение Ю. Болдырева (и.б.): КРО; Международный конгресс промышленников и предпринимателей; ОПОО «Партия научно-технической интеллигенции»; Ставропольское казачье войско; КПРФ (частично); Общество купцов и промышленников; Межрегиональная общественная	0,42 % 3 016
--	-----	--	---	------------------	--	-----------------

					организация «Комитет социально-правовой защиты военнослужащих»; ООО «Всероссийский союз правозащитников».	
Будущее России– новые имена (и.о.)	1,25 % 672 283 Будущее России– новые имена (и.о.)	1,92 % 8 970	нет		нет	
Выбор России (и.о.)	15,51 % 8 339 345 Выбор России (и.о.): 1. ПД «Выбор России»; нет 2. Движение «Демократическая Россия»; 3. Партия «Демократическая инициатива»;	16,19 % 75 658	0,06 % 40 840 89 (89 регионов России) (и.б.): 1. ОПД «Выбор России»; 2. ВОПД «Ассоциация независимых профессионалов» нет нет 3,86 % 2 674 084	0,07 % 479 нет нет 8,52 % 5 676 982 Союз правых сил (и.б.): Движение «Демократическая Россия» нет	7,11 % 50 794	

	4. Крестьянская партия России; нет нет нет 5. Ассоциация крестьянских хозяйств и кооперативов России;		ДВР–объединенные демократы (и.б.): 1. Крестьянская партия России; 2. Партия ДВР; 3. Российская партия социальной демократии; 4. Конгресс национальных объединений России.		нет 1. Партия ДВР Российская партия социальной демократии Нет	
			нет		нет	
			0,68 % 472 615 Внепартийное политическое движение избирателей «Общее дело» (и.б.): 1. Союз «Живое кольцо»; 2. Объединение «Общее дело».	1,63 % 10 754		
	6. Союз «Живое кольцо»; нет 7. Ассоциация приватизируемых и частных предприятий; 8. Союз социальной		нет		Союз «Живое кольцо»; ОПОО «Общее дело»; Всероссийская ассоциация приватизируемых и частных предприятий;	

	защиты военнослужащих, военнообязанных и членов их семей.		нет		нет	
	нет		0,13 % 88 416 ПЭС (и.о.)	0,18 % 1 178	нет ПЭС	
	нет		0,49 % 339 654 Преображение Отечества (и.б.): ООО «Преображение Отечества»;	0,20 % 1 334	нет	
	нет		Всероссийская партия безопасности человека;		нет	
	нет		Свободная демократическая партия России (Свободные демократы России).		Свободные демократы России	
					2. ООПД «Консервативное движение «Новая сила»; 3. ОПОД «Россия молодая»; 4. ООПО «Юристы за права и достойную жизнь человека». Партия «Демократическая Россия»; Социально-федералистская партия России; ОПОО Российские налогоплательщики».	

Гражданский Союз (и.о.)	1,93 % 1 038 193 Гражданский Союз (и.о.)	1,88 % 8 765	нет		нет	
Достоинство и милосердие (и.о.)	0,70 % 375 431	1,11 % 5 198	нет		нет	
КПРФ (и.о.)	12,40 % 6 666 402 КПРФ (и.о.)	11,14 % 52 031	22,30 % 15 432 963 КПРФ (и.о.)	14,85 % 98 078	24,29 % 16 195 569 КПРФ (и.о.): Аграрно-промышленный союз России; Народно-патриотический союз России; АПР (частично); Российская медицинская ассоциация; Профсоюз работников агропромышленного комплекса РФ	19,52 % 136 896
КЕДР Конструктивное экологическое движение России «Кедр» (и.о.)	0,76 % 406 789 КЕДР Конструктивное экологическое движение России «Кедр» (и.о.)	1,01 % 4 708	1,39 % 962 195 Экологическая партия России «Кедр» (и.о.)	1,40 % 9 199	нет	
ЛДПР (и.о.)	22,92 % 12 318 562 ЛДПР (и.о.)	17,59 % 82 163	11,18 % 7 737 431 ЛДПР (и.о.)	9,47 % 62 541	5,98 % 3 989 932 Блок Жириновского (и.б.): ЛДПР; Партия духовного возрождения России;	8,74 % 62 469

					Российский союз свободной молодежи; Независимая ассоциация в поддержку развития гражданского общества	
ПРЕС (и.о.)	6,73 % 3 620 935	7,00 % 32 724	0,36 % 245 977	0,41 % 2 722	нет	нет
Женщины России (и.о.)	8,13 % 4 369 918 Женщины России (и.о.)	14,70 % 68 679	4,61 % 3 188 813 Женщины России (и.о.)	8,42 % 55 604	2,04 % 1 359 042 Женщины России (и.о.): ООО «Союз женщин России»; Всероссийский общественный политический союз «Движение женщин за здоровье нации»; Конфедерация деловых женщин России	3,20 % 22 869
Российское движение демократических реформ (и.о.)	4,08 % 2 191 505 РДДР (и.о.) нет нет	2,87 % 13 398	0,13 % 88 642 Социал-демократы (и.б.): 1. РДДР; 2. Социал-демократический Союз; 3. ПД «Молодые социал-демократы России»	0,15 % 964	 нет нет нет	
1995 г.						
Держава (и.о.)	нет		2,57 % 1 781 233	1,85 % 12 236	нет	
Дума–96 (и.о.)	нет		0,08 % 55 897	0,08 % 556	нет	
Тихонов–Туполев–Тихонов (и.б.)	нет		0,15 % 102 039 Тихонов–Туполев–	0,13 % 825	нет	

			Тихонов (и.б.): 1. Партия консолидации; 2. Лига кооператоров и предпринимателей			
Российское общенародное движение (и.о.)	нет нет нет нет		0,12 % 86 422 РОД (и.о.)	0,15 % 969	0,17 % 112 330 Движение патриотических сил – Русское Дело (и.б.): РОД; Союз «Христианское Возрождение»; Союз соотечественников «Отчизна»; Партия мира и единства	0,13 % 938
Общероссийское мусульманское общественное движение «НУР» (Свет) (и.о.)	нет		0,57 % 393 513	0,99 % 6 498	нет	
Федерально-демократическое движение (и.о.)	нет		0,12 % 82 948	0,13 % 847	нет	
Дело Петра I (и.б.)²	нет		0,21 % 145 704 Дело Петра I (и.б.): 1. Туристско-спортивный Союз России; 2. Российский профсоюз работников телевидения и радиовещания; 3. Общество потребителей автотехники России	0,41 % 2 699	нет	

Стабильная Россия (и.о.)	нет		0,12 % 81 285	0,16 % 1 030	нет	
Поколение рубежа (и.б.)	нет		0,06 % 44 202 Поколение рубежа (и.б.): 1. Общественно-политическое движение молодежи (Союз); 2. Союз эмжековцев России (Союз МЖК России) ³	0,08 % 532	нет	
Блок независимых (и.б.)	нет		0,12 % 83 742 Блок независимых (и.б.): 1. Общественное объединение «Объединенный демократический центр»; 2. Общественное объединение «Всероссийский татарский культурно-просветительский центр»	0,09 % 585	нет	
НДР (и.о.)	нет		10,13 % 7 009 291 НДР (и.о.) 1,94 % 1 343 428 Вперед, Россия! (и.о.)	6,37 % 41 863 1,88 % 12 359	1,19 % 791 160 НДР (и.о.): ВОПД «НДР»; ООПД «Вперед, Россия!»; Общероссийский союз общественных объединений	0,69 % 4 919

					«Меджлис»; Торгово-промышленная палата; Российское сообщество антикризисных управляющих и независимых экспертов	
Ассоциация адвокатов России (и.о.)	нет		0,35 % 242 966	0,54 % 3 524	нет	
Национально- республиканская партия России (и.о.)	нет		0,48 % 331 700	0,42 % 2 790	нет	
Российский общенародный союз	нет		1,61 % 1 112 873 Власть – народу! (и.б.): 1. Российский общенародный союз (политическая партия); 2. Движение матерей «За социальную справедливость»	1,84 % 12 127	0,37 % 245 266 Российский общенародный союз (и.о.): РОС; нет Союз писателей РФ; Русский общенациональный союз; КРО (частично); Терское казачье войско	0,17 % 1 192
Блок Джуны (и.б.)⁴	нет		0,47 % 323 232 Блок Джуны (и.б.):	0,96 % 6 303	нет	

			1. Ассоциация военных журналистов; 2. Ассоциация формирования здоровья подрастающего поколения; 3. Ассоциация духовного возрождения науки; 4. Российская Конфедерация Свободных профсоюзов			
Коммунисты–Трудовая Россия–За Советский Союз (и.б.)	нет		4,53 % 3 137 406 Коммунисты–Трудовая Россия–За Советский Союз (и.б.): 1. Российская коммунистическая рабочая партия; 2. Российская партия коммунистов	8,42 % 55 382	2,22 % 1 482 018 Коммунисты, трудящиеся России–за Советский Союз (и.б.): 1. РКРП; РПК; 2. Общероссийское политическое общественное движение «Коммунисты, Трудовая Россия–за Советский Союз»; 3. Общероссийское политическое общественное движение «Советская Родина»; Российская коммунистическая партия–КПСС; Российский профсоюз локомотивных бригад железнодорожников	2,36 % 16 837

ПЛП (и.о.)	нет		0,62 % 428 727	0,61 % 4 016	нет	
Народный союз (и.о.)	нет		0,19 % 130 728	0,29 % 1 917	нет	
Союз работников ЖКХ России (и.о.)	нет		0,14 % 97 274	0,41 % 2 693	нет	
1999 г.						
Консервативное движение России (и.о.)	нет		нет		0,13 % 87 658 Консервативное движение России (и.о.): ОПОД «КДР»; ОПОО «Консервативная партия России»; Профсоюз писателей России; Международная академия информатизации; Профсоюз военнослужащих России; Всероссийское общество инвалидов; ОПОО «Ассоциация социальной защиты граждан «ЗАГРАДА»	0,12 % 870
Сталинский блок–за СССР (и.б.)	нет		нет		0,61 % 404 259 «Сталинский блок: Трудовая Россия, офицеры–за СССР» («Сталинский блок–за СССР»): 1. Общероссийское общественное политическое движение «Трудовая Россия»; 2. Общероссийская политическая	0,53 % 3 762

					организация «Союз офицеров»; 3. Общероссийское общественно-политическое движение «Народно-патриотический союз молодежи»; 4. Общероссийское общественно-политическое движение «Союз»; ООО «Российский Коммунистический Союз Молодежи»; Всероссийское патриотическое политическое общественное движение по изучению наследия И. В. Сталина	
Мир. Труд. Май (и.б.)	нет		нет		0,58 % 383 351 Мир. Труд. Май (и.б.): Свердловское региональное общественное движение «Промышленный парламент»; ОПОД «Славянский Собор России»; Движение «Родное Отечество»	1,37 % 9 788
ВОПД «Духовное наследие» (и.о.)	нет		нет		0,10 % 67 417 ВОПД «Духовное наследие» (и.о.): ВОПД «Духовное наследие»; Общероссийская общественная организация инвалидов «Союз «Чернобыль» России	0,12 % 867
Партия Мира и	нет		нет		0,37 %	0,46 %

единства (и.о.)					247 039	3 323
Российская партия защиты женщин (и.о.)	нет		нет		0,80 % 536 015	0,88 % 6 273
Социал- демократы (и.о.)	нет		нет		0,09 % 51 434 Социал-демократы (и.о.): Российский профсоюз маклеров «СОЦПРОФ»	0,08 %
ОПД «В поддержку армии» (и.о.)	нет		нет		0,58 % 384 392 ОПД «В поддержку армии»; Межрегиональная общественная организация «Женская ассамблея»; Межрегиональное казачье братство; Межрегиональное общественное движение «Исламский комитет»; Фонд социальных гарантий военнослужащим (фонд «Гарантия»); Всевеликое Войско Донское; Союз мусульман России (частично); Великое Братство Казачьих Войск; Межрегиональная общественная организация «4 октября»; Общенациональное движение «Русский союз»; КПРФ (частично)	0,25 % 1 782
Всероссийская	нет		нет		0,10 %	0,09 %

политическая партия народа (и.о.)					69 694 Всероссийская политическая партия народа (и.о.): Общественная организация «ВППН»; ООПО «Ассоциация работников правоохранительных органов РФ»; Общественная организация «Российский спортивный союз глухих»; ОПОО «Отечество» (частично); ООПО «Мое Отечество» (частично); ООО «Ассоциация офицеров Российского Флота»	636
Партия пенсионеров (и.о.)	нет		нет		1,95 % 1 298 948 Сателлит НДР Партия пенсионеров (и.о.): ООПО «ПП»; Союз общественных объединений «Российский фонд поддержки военной реформы»; ОПД (правозащитное) «Женский Форум—новая Политика»; Союз «Чернобыль» России (частично)	1,71 % 12 209
Русская социалистическая партия (и.о.)	нет		нет		0,24 % 156 735 Русская социалистическая партия (и.о.): ОПОО «РСП»;	0,16 % 1 108

					Конгресс Российских Деловых Кругов; Международная ассоциация союзов архитекторов; Международная ассоциация по борьбе с наркоманией и наркобизнесом	
--	--	--	--	--	--	--

¹ Таблица составлена на основе авторских подсчетов по материалам официальных органов.

² Предвыборный блок, включающий руководителей Партии защиты детей (Мира, Добра и Счастья), Партии православных (Веры, Надежды, Любви), Народной христианско-монархической партии, Партии за союз славянских народов, Партии сельских тружеников «Земля-Матушка», Партии защиты инвалидов, Партии пострадавших от властей и обездоленных.

³ Общественное объединение «Союз эмжековцев России (Союз молодежных жилищных комплексов России)».

⁴ Предвыборный блок, включающий руководителей Партии защиты пенсионеров и ветеранов, Партии искоренения преступности–законности и порядка, Партии защиты здравоохранения, образования, науки и культуры, Партии защиты молодежи, Объединения свободных профсоюзов, Партии справедливости, Партии охраны природы (Предвыборный блок «Джуна») (Давиташвили Евгения Ювашевна) («Джуна»).